**МЕЖПАРЛАМЕНТСКАЯ АССАМБЛЕЯ
ГОСУДАРСТВ — УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА
НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ**

ЦЕНТР ИСТОРИИ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Таврические чтения 2019

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Санкт-Петербург
2020

УДК 328; 94(4)
ББК 67.400.6
Т13

Научное издание

Печатается по решению оргкомитета международной научной конференции

Под редакцией доктора исторических наук,
профессора РГПУ им. А.И. Герцена,
заместителя председателя научно-методического совета
Центра истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ
А.Б. Николаева

Рецензенты: В.С. Измозик, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. профессора М.А. Бонч-Бруевича; А.В. Соколов, доктор исторических наук, заместитель заведующего Отделом обеспечения выставочной деятельности ФГБУК «Государственный Эрмитаж».

Т13 Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г. : Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. — СПб.: Астерион, 2020. — Ч. 1. — 308 с.

ISBN 978-5-00045-928-7
ISBN 978-5-00045-929-4 (Часть 1)

ББК 67.400.6

© Центр истории парламентаризма
Межпарламентской Ассамблеи
Государств — участников СНГ, 2020

ISBN 978-5-00045-928-7
ISBN 978-5-00045-929-4 (Часть 1)

СОДЕРЖАНИЕ

НИКОЛАЕВ А.Б. Предисловие 6
КОБИЦКИЙ Д.А. Приветственное слово участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2019» от Совета МПА СНГ 14

230 ЛЕТ ПОД СЕНЬЮ ТАВРИЧЕСКОГО ДВОРЦА

КАШАВЕРСКАЯ Ю.И. В гербе Г.А. Потемкина его деяния 16
КЛИМЕНКО Ю.Г. Космополитизм в архитектурной программе Ивана Старова 22
БОГДАНОВА Е.И. «Пальмовая оранжерея (Зимний сад)» в Таврическом саду 30
ЛАНДЕР И.Г. Поэма В.П. Мещерского «Тавриада» (О зимних развлечениях в Таврическом саду) 42
ЛУКОЯНОВ И.В. Таврический дворец перед Государственной думой: встреча общества и двора 54

ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НАКАНУНЕ

ДЁМИН В.А. Государственная дума vs. Земский собор (сравнительный анализ проектов С.Е. Крыжановского и В.И. Гурко) 58
НОВОСЕЛЬСКИЙ С.С. Проекты реформы Государственного совета в российской политической мысли 1905 г. 66
КАРПЕНКО К.В. Реформы 1905–1906 гг. и обновленное самодержавие 73

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ОМЕЛЬЯНЧУК И.В. Владимирские монархисты в первой думской избирательной кампании 82
ДМИТРИЕВА Н.В. Оценка национальной программы кадетов региональными властями и сообществами (по результатам выборов в I Государственную думу) 90
ПЛЕНКИН О.И. Почему побеждал К.К. Черносвитов? (Формула успеха на выборах единственного многократного представителя Владимирской губернии в Государственной думе) 97

ЮРКОВСКИЙ Р.Я. Как польские землевладельцы из Киевской губернии избрали в 1909 году графа Андрея Бобринского депутатом в Государственный совет Российской империи 106
ЕГОРОВ А.Н. Вологодские правые на выборах в IV Государственную думу 117
СОРОКИН А.А. Выборы в IV Государственную думу Российской империи в оценках современников..... 124

ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ХОЛЯЕВ С.В. Возможно ли было сотрудничество кадетов с социалистами во II Государственной думе? 133
МАРОВ М.Н. Тактика действий фракции народной свободы III Государственной думы по вопросу исключения депутата А.М. Колюбакина..... 139
ТУМАНОВА А.С. Парламентский контроль над осуществлением гражданских свобод: на примере запросов III Государственной думы по поводу свобод союзов и собраний..... 148
МОТОРОВА Н.С. Обсуждение законопроектов о страховании рабочих в III Государственной думе 157
ОРЧАКОВА Л.Г. Вопросы женского образования в деятельности III Государственной думы (1907–1912 гг.) 165
МИЧУРИН А.Н. Выборы в комиссии Государственного совета как отражение политического кризиса в Российской империи в 1915 году 170
АКУЛЬШИН П.В. IV Государственная дума в воспоминаниях Б.А. Энгельгардта 178
ТАРАСОВ К.А. Создание Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы по воспоминаниям..... 190
НИКОЛАЕВ А.Б. Временный комитет Государственной думы 11–20 апреля 1917 года: хроника заседаний..... 200

ПАРЛАМЕНТ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО (1906–1917 гг.)

АРОНОВ Д.В. Парламентаризм как способ реализации константы мирного социального конструирования в российской национальной модели либерализма..... 213
ПАТРИКЕЕВА О.А. Система выборов в Государственную думу по Указу от 11 декабря 1905 г. в оценках российской общественности 220

СОЛОВЬЕВ К.А. Выборгское воззвание. Теория пассивного сопротивления 224
БОГОМОЛОВ А.Б. Православная церковь и проблема законодательства об охране древностей в России в 1906–1917 гг. 236
ПОРТНЯГИНА Н.А. «Здесь из спора должен родиться договор»: «Русское богатство» о становлении парламента в России (1906–1907 гг.) 242
ГАЛЕПА М.А. Средства языковой выразительности в текстах парламентской журналистики на страницах «Донских областных ведомостей» 1906–1907 гг. 249
ИВАНОВ А.А. Экономическая эмиграция из Российской империи в оценках депутатов Государственной думы 253
СТОГОВ Д.И. Борьба правых против принятого Государственной думой законопроекта о старообрядческих общинах (1909 г.) 264
КИРЬЯНОВ И.К. Ресурсы социального капитала и возобновление парламентского статуса в позднеимперской России 271
ГАЙДА Ф.А. Предыстория «Священного единения»: отношения правительства и Государственной думы накануне Первой мировой войны (лето 1913 — лето 1914 гг.) 277
ГАВРОЕВА Е.С. «Ваш первейший долг немедленно, не теряя минуты, проявить, наконец, всю полноту забот об устранении препятствий...»: М.В. Родзянко и И.Л. Горемыкин в 1914–1916 гг. 285
ЗЛАТИНА М.А. К вопросу об участии членов Госдумы и Госсовета в обсуждении в Особом совещании по устройству беженцев проекта «Руководящих положений по устройству беженцев» (январь 1916 г.) 291
БОКАРЕВА Л.С. Участие профессоров как экспертов в области церковного права на заседаниях комиссии IV Государственной думы по делам Православной церкви (март 1916 г.) 301

ПРЕДИСЛОВИЕ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории
Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: В статье рассказывается о подготовке и ходе международной научной конференции «Таврические чтения», прошедшей 5–6 декабря 2019 г., а также дана краткая характеристика сборника «Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность».

Ключевые слова: Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ, «Таврические чтения».

5–6 декабря 2019 года в Таврическом дворце в Санкт-Петербурге прошла тринадцатая международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» («Таврические чтения 2019»). По итогам каждой из них выходят сборники научных статей, которые высоко оцениваются специалистами[1].

Организатором «Таврических чтений 2017» выступил Центр истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ. В состав оргкомитета вошли директор Центра истории парламентаризма Секретариата Совета МПА СНГ Л.А. Крохина (председатель), доктор исторических наук, профессор, начальник отдела обеспечения модельного законотворчества в социально-гуманитарной сфере экспертно-аналитического управления Секретариата Совета МПА СНГ К.А. Пшенко (заместитель председателя), доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена А.Б. Николаев (заместитель председателя), кандидат исторических наук, старший научный сотрудник СПб ИИ РАН С.В. Куликов, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник СПб ИИ РАН И.В. Лукоянов, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета О.А. Патрикеева.

Оргкомитет конференции провел ряд заседаний и встреч, связанных с ее подготовкой. 10 июня 2019 оргкомитет на своем заседании принял решение провести конференцию 5 и 6 декабря 2019 года, выработал план ее подготовки. Кроме этого, был составлен и утвержден проект инфор-

[1] *Стогов Д.И.* Рецензия на сборник: Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 7–8 декабря 2017 г.: Сборник научных статей. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2018 // Петербургский исторический журнал: исследования по российской и всеобщей истории. 2019. № 4 (24). С. 353–357.

мационного письма. 5 сентября 2019 г. члены оргкомитета встречались с Генеральным секретарем Совета МПА СНГ Д.А. Кобицким по вопросу о проведении международной научной конференции «Таврические чтения 2019». 6 сентября 2019 г. было разослано информационное письмо о проведении конференции. 17 сентября 2019 г. члены оргкомитета вновь встречались с Генеральным секретарем Совета МПА СНГ Д.А. Кобицким. На этой встрече речь шла об издании сборника по итогам конференции. Информация о международной научной конференции «Таврические чтения 2019» была опубликована на различных сайтах в Интернете[1].

5 ноября 2019 г. оргкомитет рассмотрел заявки на конференцию и утвердил их, назначил руководителей секций и дискуссий, а также утвердил список книг для презентаций. Оргкомитет также создал рабочую группу, в которую вошли специалист-эксперт Центра истории парламетаризма Секретариата Совета МПА СНГ Е.Ю. Никитина и консультанты Центра Т.В. Болдышева и Е.В. Пуминова. Рабочая группа занималась организационно-техническими вопросами подготовки конференции. В частности, она составила программу конференции, в которую были включены 84 доклада, 2 дискусии и 2 презентации трех изданий. Программа «Таврических чтений» была выложена на сайте Центра истории парламентаризма[2].

Конференция открылась в Таврическом дворце 5 декабря 2019 года пленарным заседанием, в ходе которого ее участники выслушали приветствие Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого и пять научных докладов. Студенты СЗИУ РАНХиГС поделились своими впечатлениями от пленарных докладов. Так, Полина Семенова говорила: «... Безусловно, выступления всех докладчиков на пленарном заседании были интересными. Но наиболее сильно у меня в памяти запечатлелся доклад Исакова Владимира Борисовича. Я думаю, его трагические, наполненные яркими событиями жизненные воспоминания, тесно связанные с переломными моментами в истории нашей страны, не оставили в зрительном зале никого равнодушным...». Максим Петров отметил доклад Э. А.-А. Кочкаровой: «Сама структура и принципы парламентаризма Кыргызской Республики оказались очень интересными для рассмотрения и изучения. Подобные практики изучения парламентаризма с позиции истории или со-

[1] «Таврические чтения 2019» / Центр истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/таврические-чтения-2019/; XIII Международная научная конференция «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» (Таврические чтения 2019) / Конференции. ru [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://konferencii.ru/info/130824

[2] Таврические чтения 2019. Программа международной научной конференции «Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность» 5–6 декабря 2019 года Санкт-Петербург Таврический дворец / Центр истории парламентаризма // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://parlament-history.ru/wp-content/uploads/2019/12/Программа-конференции-2.pdf

временного международного подхода необходимы, потому что в конечном итоге помогают совершенствовать нашу парламентарную систему»[1].

После пленарного заседания прошли презентация монографии Д.В. Аронова о Сергее Андреевиче Муромцеве[2] и дискуссия на тему «Что такое парламентаризм?»[3]. Студентка СЗИУ РАНХиГС Диана Джикия вспоминала: «... Я присутствовала на дискуссии „Что такое парламентаризм?“ и осталась в полном восторге. С докладом на тему „Парламентаризм в условиях глобализации: сохранит ли жизнеспособность классическая модель?“ выступил Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук. По окончании его выступления развернулась животрепещущая дискуссия, и появилось искреннее желание серьезнее углубиться в данную проблематику». Она также заявила: «На мой взгляд, „Таврические чтения“ — это действительно здорово! У нас появилась возможность присоединиться к серьезным дискуссиям и погрузиться в научную атмосферу»[4].

В дальнейшем работа «Таврических чтений» проходила по семи секциям. Первая из них — «230 лет под сенью Таврического дворца» — была предназначена для всех участников «Таврических чтений»[5], а оставшиеся шесть проходили параллельно. Вторая секция изучала деятельность Государственной думы Российской империи[6], третья — занималась парламентской биографикой[7], четвертая — парламентаризмом в России (1906–1917 гг.)[8], в ходе пятой секции были заслушаны доклады о деятельности IV Государственной думы в годы Первой мировой войны и революции 1917 года[9], шестая секция была посвящена Всероссийскому Учредительному собранию[10], а седьмая рассматривала различные вопросы истории представительных органов в СССР и Российской Федерации в конце XX века[11].

Второй день конференции, 6 декабря 2019 г., открылся презентацией монографии В.И. Козодоя[12] и книги воспоминаний В.Ф. Романова, изданных под редакцией С.В. Куликова[13]. Вслед за этим состоялась дискуссия

[1] 27 декабря 2019 // Центр истории парламентаризма/Таврический дворец [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://vk.com/wall-49021071?own=1&offset=100

[2] *Аронов Д.В.* Сергей Андреевич Муромцев — жизнь, отданная борьбе за право. Орел, 2019. Презентация проходила в Думском зале.

[3] Модератор: К.А. Соловьев. Докладчик: А.Н. Медушевский. Зал 1.

[4] 27 декабря 2019 // Центр истории парламентаризма / Таврический дворец [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://vk.com/wall-49021071?own=1&offset=100

[5] Руководители: А.Л. Рейман, И.Г. Ландер. Зал 9.

[6] Руководители: А.А. Иванов, А.С. Туманова. Зал 10.

[7] Руководители: Ф.А. Селезнев, Р.А. Циунчук. Зал 1.

[8] Руководители: И.К. Кирьянов, Д.М. Усманова. Зал 16.

[9] Руководители: Ф.А. Гайда, А.Б. Николаев. Зал 6.

[10] Руководители: В.В. Калашников. Помещение 134.

[11] Руководители: Ф.В. Малхозова, И.В. Узлова. Помещение 135.

[12] *Козодой В.И.* Белый реванш в стране алых роз. Александр Гучков и государственный переворот 9 июня 1923 года в Болгарии. Новосибирск, 2019.

[13] *Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник (из личных воспоминаний от школы до эмиграции, 1874–1920 гг.) / Отв. ред. С.В. Куликов. СПб., 2019.

на тему «История думской монархии (1906–1907): проблема переосмысления и уточнения терминологической базы научных исследований»[1].

После дискуссии прошли заседания восьми секций — три из них начали свою работу еще в первый день работы конференции. Первая из «новых» секций рассматривала актуальные проблемы развития парламентаризма в странах СНГ[2], вторая — была посвящена зарубежному парламентаризму[3], третья — изучала различные проекты создания Государственной думы и реформы Государственного совета[4]; четвертая — занималась рассмотрением вопросов, связанных с выборами в парламент Российской империи[5], в ходе пятой секции ее участники заслушали и обсудили доклады по истории парламентской журналистики в России[6].

Итоги конференции были подведены на заключительном заседании. Модераторы дискуссий и руководители секций дали высокую оценку прошедшей конференции и высказали слова благодарности в адрес ее организаторов.

Информация о прошедшей конференции была размещена на Интернет-сайтах МПА СНГ[7] и Государственной Думы ФС РФ[8], а также вузов, преподаватели которых участвовали в ней[9]. Студенты факультета истории и социальных наук РГПУ им. А.И. Герцена опубликовали в своей газете «Двадцатый корпус» статью, посвященную «Таврическим чтениям 2019»[10].

---

[1] Модератор: И.К. Кирьянов. Докладчик: Д.А. Коцюбинский. Зал 1.

[2] Руководители: И.А. Дмитриенко, К.А. Пшенко. Зал 16.

[3] Руководители: С.И. Бугашев, Д.И. Портнягин. Зал 9.

[4] Руководители: В.А. Демин, С.В. Куликов. Помещение 134.

[5] Руководители: И.В. Омельянчук, Р.Я. Юрковский. Зал 20.

[6] Руководители: О.А. Патрикеева, А.А. Чемакин. Зал 125.

[7] Международная научная конференция «Таврические чтения — 2019» // Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. https://iacis.ru/meropriyatiya/meropriyatiya_mpa_sng/mezhdunarodnaya_nauchnaya_konferentsiya_tavricheskie_chteniya_2019

[8] В Таврическом дворце открылась XIII научная конференция «Таврические чтения» / Комитет Государственной Думы по делам Содружества Независимых Государств, евразийской интеграции и связям с соотечественниками // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://komitet.info/parliamentary-institutions/cis/20847/

[9] Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность // ИСТИНА [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://istina.msu.ru/conferences/260249563/; Таврические чтения-2019 / Кафедра истории культуры, государства и права // СПбГЭТУ «ЛЭТИ» [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://etu.ru/ru/fakultety/gumanitarnyy-fakultet/sostav-fakulteta/kafedra-istorii-kultury-gosudarstva-i-prava/novosti/tavricheskie-chteniya-2019; Таврические чтения // Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://oreluniver.ru/media/news/show/282/8632

[10] *Смыслова Е., Шведова В.* И вспыхнет пламя // Двадцатый корпус. 2019. Декабрь. № 156. С. 5.

Всего в конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы и 12 других городов России, а также исследователи из Белоруссии, Кыргызстана и Польши. Авторы докладов, прочитанных на конференции, переработали их в статьи, которые и публикуются в сборнике «Таврические чтения 2019», выходящем в двух частях.

Первая часть сборника открывается приветствием Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2019».

В первом разделе — «230 лет под сенью Таврического дворца» — опубликованы статьи Е.И. Богдановой, Ю.И. Кашаверской, Ю.Г. Клименко, И.Г. Ландер и И.В. Лукоянова. Заметим, что большинство из этих авторов уже публиковались на страницах «Таврических чтений» в сборнике и разделе, посвященных 220-летию[1] и 225-летию[2] Таврического дворца. И 230-летие не осталось без внимания исследователей. Обратим внимание на статью И.В. Лукоянова, в которой он доказывает, что «в первые годы XX века» здание Таврического дворца «готовили для интенсивной эксплуатации, но оно так и не стало публичным культурным центром общероссийского значения». Автор прав, заявляя, что судьбу Таврического дворца «на многие десятилетия определило размещение в нем Государственной думы в 1906 г.».

Во втором разделе — «Парламент Российской империи: накануне» — опубликованы статьи В.А. Демина, С.С. Новосельского и К.В. Карпенко. Так, К.В. Карпенко, рассуждая о конституционных реформах 1905–1906 гг., приходит к выводу о том, что они «превратили Россию в дуалистическую монархию, где наряду с главой государства появились иные органы, разделившие с ним власть».

Третий раздел — «Парламентские выборы в Российской империи» — включает в себя шесть статей. Любопытно исследование О.И. Пленкина о депутате Государственной думы К.К. Черносвитове. Автор выводит формулу успеха Черносвитова «на выборах единственного многократного представителя Владимирской губернии в Государственной думе». Не приводя ее полностью, укажем лишь один фактор, на который обра-

[1] *Лукоянов И.В.* Таврический дворец в воспоминаниях современников: от «сада Эдема» к народному представительству // Таврические чтения 2009 (Часть II). Три века под сенью Таврического дворца: политика, дипломатия, литература, искусство. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 4 декабря 2009 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева (отв. ред.) и А.Л. Реймана. СПб., 2011. С. 71–77; *Ландер И.Г.* Редкие графические портреты Г.А. Потемкина // Там же. С. 85–97; *Кашаверская Ю.И.* Росписи Таврического дворца и их реставрация // Там же. С. 120–132.

[2] *Клименко Ю.Г.* Французский классицизм и дворцовое строительство И. Старова / 225 лет под сенью Таврического дворца: история, архитектура, живопись, литература // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2015. Ч. 1. С. 27–32; *Ландер И.Г.* Английские архитектурные книги из собрания Г.А. Потемкина (К истории формирования ансамбля Таврического дворца) // Там же. С. 49–58.

щает внимание Пленкин: «От одной избирательной кампании к другой К.К. Черносвитов укреплял свое положение на политическом пространстве Владимирской губернии». А.Н. Егоров, активно публикующийся на страницах «Таврических чтений»[1], в этот раз пишет о вологодских правых на выборах в IV Государственную думу. Он, ссылаясь на итоги выборов, показывает, что, «несмотря на всю поддержку властей, правые силы постепенно теряли свое влияние».

В четвертом разделе — «Парламент Российской империи: состав и деятельность» — помещено 9 статей. Обратимся к исследованию К.А. Тарасова, в котором он предпринял попытку показать создание Военной комиссии Временного комитета Государственной думы, опираясь на воспоминания современников. В аннотации к статье Тарасов пишет: «На основе воспоминаний основных участников событий сделан вывод о том, что первая инициативная группа по руководству восставшим Петроградским гарнизоном во главе с А.Ф. Керенским не подчинялась ни Временному комитету Государственной думы, ни Исполнительному комитету Петроградского Совета». Подчеркнем, что «штаб Керенского» начал действовать тогда, когда ни ВКГД, ни Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов еще не были созданы. Но не будем забывать, что Керенский был депутатом IV Государственной думы и 27 февраля 1917 г. в вопросе о переводе воинских частей на сторону революции следовал думским установкам. Когда же ВКГД был создан, то «штаб Керенского» уже находился в руках члена ВКГД Керенского. В выводах к статье Тарасов несколько смягчил свое утверждение, говоря уже о во многом независимом «штабе Керенского». Иначе говоря, «штаб Керенского» в полной мере независимым все-таки не был. К его деятельности, например, имел отношение председатель Государственной думы М.В. Родзянко, о чем вспоминал и сам А.Ф. Керенский. Правда, его слова были подвергнуты Тарасовым сомнению: «Можно предположить, что все-таки спустя почти пятьдесят лет после революции в этом вопросе память подвела мемуариста». Но есть и другие воспоминания, согласно которым, например, 27 февраля А.Ф. Керенский, М.В. Родзянко и М.А. Караулов направляли отряды солдат и вооруженных рабочих «в разные части города для вызова еще не восставших воинских частей»[2]. Иначе говоря, Керенский и Родзянко действовали в одном направлении в вопросе о переводе на сторону революции воинских частей. В статье

[1] См., напр.: *Егоров А.Н.* Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 11–12 декабря 2014 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. СПб., 2015. Ч. 1. С. 254–264; *Его же.* Административное воздействие на выборы депутатов во II Государственную думу (по материалам Новогородской губернии) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. В 2 ч. СПб., 2019. Ч. 1. С. 39–46.

[2] РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 2. Л. 25.

Тарасова есть и другие дискуссионные утверждения, разбор которых требует иного места, чем предисловие к сборнику.

Тема «Парламент, власть и общество (1906–1917 гг.)» вызвала наибольший интерес исследователей, которые передали для публикации в этом разделе (шестом) 13 статей. Определенный интерес представляет статья И.К. Кирьянова, который изучает ресурсы социального капитала и возобновление парламентского статуса в позднеимперской России[1]. Автор справедливо замечает: «Ресурсы социального капитала — репутация и доверие — конвертировались в политический капитал не только через возобновление парламентского статуса, но и посредством приобретения статусных позиций в Государственной думе — выборных должностей в президиуме и / или комиссиях».

Вторая часть сборника включает в себя материалы двух дискуссий и шесть тематических разделов.

В первом из них — «Думская биографика» — опубликовано 8 статей. Обратим внимание на исследование ученого из США С.М. Ляндреса, в котором автор предпринял попытку подвергнуть сомнению «традиционные представления о последнем председателе Государственной думы М.В. Родзянко как о бездарном и нерешительном политике». Ляндрес впервые в историографии занялся изучением окружения М.В. Родзянко, в которое включил советников и сотрудников «из числа политических единомышленников и чинов Канцелярии Государственной думы», к мнению которых председатель нижней палаты «прислушивался и на чей совет и содействие полагался». По мнению Ляндреса, М.В. Родзянко подбирал себе сотрудников исходя из их деловых качеств и личных симпатий, которые считал более важными, нежели сходство политических взглядов. Кроме того, председатель Думы обладал бесспорным личным обаянием, умел ценить и поощрять подчиненных даже тогда, когда с ними не соглашался. Эти и другие качества незаслуженно дискредитированного мемуаристами и историками председателя нижней палаты автор статьи считает необходимым учитывать при изучении его личности и деятельности в последние годы старого порядка.

Во втором разделе — «Всероссийское Учредительное собрание» — помещена статья О.Г. Малышевой, уже публиковавшейся на страницах предыдущих «Таврических чтений»[2]. В этот раз она пишет об участии военнослужащих действующей Российской армии в выборах в Учредительное

[1] Заметим, что И.К. Кирьянов уже писал на страницах «Таврических чтений» о возобновлении парламентского статуса в Российской империи (см., напр.: *Кирьянов И.К., Корниенко С.И., Сенина А.В.* Парламентская активность когорты депутатов Государственной думы с повторяющимся статусом, 1907–1917 // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. В 2 ч. СПб., 2019. Ч. 1. С. 119–125.

[2] *Малышева О.Г.* Проект Думы, которой не было: чиновники о V Государственной думе // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. В 2 ч. СПб., 2019. Ч. 1. С. 263–269.

собрание. Автор, ссылаясь на работу Л.Г. Протасова, отмечает, что избиратели в военной форме избрали 80 депутатов все — по социалистическим спискам: 44 эсера, 34 большевика, 2 меньшевика. Малышева объясняет успех большевиков на выборах тем, что они «сумели предложить этой особой категории избирателей, в большинстве своем состоявшей из крестьян в солдатских шинелях, те лозунги и обещания, которые от них ждали: мир, землю». Но этим автор не ограничивается и подчеркивает: «Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов результаты той внушительной пропагандистской работы, которую вели большевики в солдатско-матросской среде».

Третий раздел — «Представительные органы власти в СССР и Российской Федерации в конце XX века» — содержит пять статей. Среди них работа Р.А. Ялышева, в которой изучаются «процесс обсуждения межнациональных отношений и пути реформирования федеративного государства на Первом съезде народных депутатов СССР в 1989 г.», а также предпринята «попытка проанализировать, откуда возникла идея разработки и подписания нового Союзного договора, который впоследствии фактически превратился в механизм демонтажа СССР». Насколько можно понять, среди виновников демонтажа СССР был М.С. Горбачев, который «явно упустил время для совершенствования федеративных отношений в рамках „плавной“ модернизации».

В четвертом разделе — «Становление и развитие парламентаризма в странах СНГ» — опубликованы исследования К.С. Волнистой, А.А. Гурьянова, Н.В. Ереминой, Э. А-А. Кочкаровой и М.С. Хасановой. Остановимся на статье Кочкаровой. В ней она, говоря о правительстве Кыргызской Республики, утверждает, что оно, «сформированное на базе парламентского большинства, позволяет решить сразу ряд проблем — связывая напрямую избирателей с властью, повысить, таким образом, ответственность правительства перед народом, способствовать укреплению партийной системы и усилению роли парламента».

Пятый раздел — «Из истории зарубежного парламентаризма» — включает в себя восемь статей, четыре из которых посвящены английскому парламентаризму (М.В. Жолудов, Е.О. Науменкова, С.И. Бугашев, Д.И. Портнягин) и по одной статье — различным вопросам из истории парламентаризма во Франции (С.В. Бочкарев), ФРГ (Н.А. Власов), Польше (А.А. Курганский) и Косово (Е.П. Каткова).

Закрывает вторую часть сборника раздел «Средства массовой информации и парламент на современном этапе», в котором опубликованы статья О.В. Теплякова о роли и месте пресс-службы в процессе формирования положительного образа парламента и совместное исследование А.А. Стерликовой и К.П. Галай, в котором анализируется видеореклама избирательной кампании в Государственную Думу в 2016 году.

Надеемся, что и этот сборник «Таврических чтений» будет востребован специалистами, занимающимися изучением парламентаризма.

6 сентября 2020 г.

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ТАВРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ 2019» ОТ СОВЕТА МПА СНГ

КОБИЦКИЙ ДМИТРИЙ АРКАДЬЕВИЧ,
Генеральный секретарь Совета
Межпарламентской Ассамблеи государств —
участников Содружества Независимых Государств,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kanz@iacis.ru

Аннотация: Приветственное слово Генерального секретаря Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкого к участникам международной научной конференции «Таврические чтения 2019».

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, Таврический дворец, МПА СНГ, Центр истории парламентаризма, «Таврические чтения».

Добрый день, уважаемые участники конференции!

От имени Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ приветствую вас в Думском зале Таврического дворца, где работал первый российский парламент, а сейчас находится штаб-квартира МПА СНГ.

Уроки прошлого и использование опыта первых государственных Дум могут быть полезными в решении задач, которые ставятся перед парламентариями. В законотворческой работе, конечно, должно учитываться и мнение научного сообщества.

Проведение ежегодных «Таврических чтений», ставшее хорошей традицией, имеет особое значение для понимания становления и развития парламентаризма на постсоветском пространстве.

Неслучайно конференция проводится в Таврическом дворце, который является символом нескольких эпох, хранит в себе величайшую историю и служит достоянием нашего времени. Во дворце и сейчас продолжается активная деятельность.

За годы своей работы наша организация стала авторитетной Международной структурой. Задуманная изначально как объединение парламентов новых независимых государств, Межпарламентская Ассамблея СНГ ставит своей целью организацию взаимодействия парламентариев, помощь в формировании национального законодательства этих стран, развития демократических процессов, в том числе становления национального парламентаризма в государствах Содружества.

Основной задачей Межпарламентской Ассамблеи является подготовка модельных законодательных актов, направленных на сближение национальных законодательств стран Содружества. Принимаемые МПА СНГ модельные законодательные акты — это международные правовые демократические стандарты, адаптированные к специфике Содружества. Используя их, страны СНГ не только взаимно гармонизируют национальные законодательства, но и приводят их в соответствие с международными стандартами. В этом историческом зале Межпарламентской Ассамблеей рассмотрено и принято более 560 законодательных актов, которые сегодня составляют основу национальных законодательств государств Содружества.

Уверен, что «Таврические чтения 2019» пройдут успешно, будут содействовать сохранению и развитию лучших традиций парламентаризма стран СНГ и обогатят наши знания о противоречивом процессе его становления. Материалы конференции будут востребованы депутатами, историками, политиками, специалистами, преподавателями и студентами вузов, всеми, кого интересует история.

В рамках Межпарламентской Ассамблеи СНГ уже 13 лет действует Центр истории парламентаризма. При Центре создан научно-методический совет, в состав которого входят ведущие ученые в области истории парламентаризма. Особенно приятно, что высокую оценку в научной среде получают ежегодные сборники статей «Таврические чтения». Они широко известны в России и за ее пределами, с ними можно ознакомиться в парламентских и университетских библиотеках России, а также других стран Содружества.

Благодарю всех, кто приехал к нам на конференцию. Особо хотел бы отметить присутствие здесь большого количества студентов Петербургских вузов. Мне очень приятно видеть умные молодые лица и горящие глаза. Уверен, что полученные сегодня знания помогут молодым участникам «Таврических чтений» лучше понять историю становления и развития парламентаризма. Ведь именно им предстоит строить и развивать будущую Россию и Содружество Независимых Государств, используя опыт предшественников и исторические уроки.

Дорогие участники конференции, искренне желаю вам успехов, плодотворных дискуссий, интересных встреч и творческих достижений! Спасибо за внимание!

В ГЕРБЕ Г.А. ПОТЕМКИНА ЕГО ДЕЯНИЯ

КАШАВЕРСКАЯ ЮЛИЯ ИВАНОВНА,
член Ассоциации искусствоведов
Петербургского союза художников,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия.
e-mail: asd123ert@rambler.ru

Аннотация: Род Потемкиных имеет польские корни. Предок Григория Александровича Потемкина Ганс Александрович приехал на службу к великому князю Василию Ивановичу. Один из представителей Потемкиных — Петр Иванович — был крупным дипломатом и военачальником, получившим подтверждение старинного происхождения рода. Его потомка Григория Александровича, как дворянина, с детства определили в Конную гвардию. После учебы Г.А. Потемкин выбирает военную службу в Петербурге. Во время войны с Турцией проявил храбрость, доблесть и полководческий талант. Получив назначение генерал-губернатором Новороссийского края, занимается его благоустройством. За свои труды возводится в графское Российской империи достоинство с получением герба. Его усилиями строятся новые города, закладываются корабельные верфи, создается Черноморский военный флот. Проявленные государственные заслуги позволяют присвоить княжеское Римской империи достоинство. Описание (блазонирование) герба с обозначением новых символов. За проявленную деятельность получает прибавление к фамилии «Таврический». Светлейший князь дает знаменитый бал в своем Конногвардейском доме. Умер в 1791 году вблизи города Яссы, похоронен в Херсоне, увековечен различными почестями.

Ключевые слова: род Потемкиных, государственная служба, гербы и их блазонирование.

Род светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического происходит от польского шляхтича Ганса Потемпского. Из Общего гербовника дворянских родов следует: «Фамилия Потемкин происходит от выехавшего к великому князю Василию Ивановичу из Польши Ганса Александровича, а по крещении названного Тарасий Потемкин, который от великого князя пожалован вотчинами. Потомки сего Тарасия, Потемкины, многие служили Российскому престолу дворянские службы, и жалованы были от Государей поместьями, а некоторые знатными чинами и другими знаками монарших милостей»[1]. Так, например, в XVII веке один

[1] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1992. Ч. 2. С. 66.

из предков — Петр Иванович Потемкин — был крупным дипломатом и военачальником в царствование Алексея Михайловича и Федора Михайловича. Петр Иванович стал первым русским послом в Испании, Франции, Австрии и других странах. После возвращения из-за границы он получил в Палате родословных дел юридический документ, подтверждающий старинное происхождение рода. И уже с начала XVII века у Потемкиных был родовой герб со следующим описанием: «рука с мечом вооруженная изо облака в щите, а на щите коруна и из коруны три пера страусовы»[1].

В средние века эмблема руки применялась для выражения понятий «защита», «оборона», «клятва» и «верность». Рука с мечом обозначала символ верности воинскому долгу. Облако обычно использовалось как вспомогательный элемент. Страусовое перо символизировало истину и справедливость. Исторически перо являлось символом образования, ума, стремления к познанию.

К концу XI — началу XII веков герб стал атрибутом рыцарства. Средневековый рыцарь на щите должен был иметь свой герб, по которому он мог быть распознаваемым[2].

Представители рода Потемкины, перейдя на службу Русскому государству в середине XVII века, числились в полку Смоленской шляхты. Один из потомков — Александр Васильевич — получил в наследство земли в Смоленской губернии, в том числе село Чижово, где 13 (24) сентября 1739 года родился сын Григорий. Младенца крестили в деревянной церкви Святого Духа, впоследствии перестроенной в каменный храм, уничтоженный в советские годы[3]. После смерти отца мать, Дарья Васильевна, переехала с детьми в Москву. Григорий с детства проявил любознательность и честолюбие. Поступив в гимназию при Московском университете, оканчивает ее с золотой медалью.

С 1755 года он уже студент Московского университета. Несмотря на блестящие успехи в первые годы учебы, в дальнейшем был отчислен за «леность и нехождение в классы». Потемкин, как дворянин, еще в детстве был определен в Конную гвардию и вскоре переезжает в Петербург, где начинается военная служба.

Участвуя во дворцовом перевороте, в результате которого Екатерина II взошла на престол, обращает на себя ее внимание своим красноречием и умом.

В начале войны с Турцией Потемкин подает прошение императрице о переводе его в действующую армию, где проявил храбрость и полководческий талант, что было оценено Екатериной II. Он быстро продвигается по службе. Становится фаворитом императрицы и занимает высокие должности. Получив назначение генерал-губернатором Новороссийского края, Григорий Александрович занимается его благоустройством[4].

---

[1] *Елисеева О.И.* Григорий Потемкин. М., 2016. С. 20.

[2] *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2007. С. 343, 373; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 25–28.

[3] *Лопатин В.С.* Потемкин и его легенда. М., 2012. С. 407.

[4] *Елисеева О.И.* Григорий Потемкин. С. 97.

В 1775 году высочайшим указом Григорий Александрович Потемкин возводится в графское Российской империи достоинство[1]. В Общем гербовнике дворянских родов Всероссийской империи приводится следующее описание графского герба: «В щите изображена из облака выходящая Рука с Мечом, вверх подъятым. Щит увенчан дворянским шлемом, на нем Корона, на поверхности которой видна Рука с Мечом, имеющаяся в щите. Щит покрыт наметом»[2]. В новом графском гербе страусовые перья заменяются рукой с мечом, а на гербовом щите появляется намет, представляющий собой покрывало рыцарского шлема, и изображается в виде причудливых листьев, соединенных между собой и выходящих из шлема вправо и влево[3].

Будучи генерал-губернатором Новороссийского края, Потемкин в 1776 году основывает город Екатеринослав (современный Днепропетровск), двумя годами позже закладывает Херсон с корабельной верфью, а в 1789 году Николаев также с корабельной верфью. Под его руководством начинается строительство города-крепости Севастополя. Его усилиями создается Черноморский военный флот[4].

По желанию Екатерины II грамотой императора Иосифа II «от 16 (27) февраля 1776 года генерал-аншеф наместник Астраханской, Азовской и Новороссийской губерний, л.-гв. Преображенского полка подполковник, действительный камергер граф Григорий Александрович Потемкин возведен, нисходящим его потомством, в княжеское Римской империи достоинство с титулом светлости и дозволением пользоваться им в России»[5].

Из Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи следует описание княжеского герба: «Щит разделен на четыре части. В середине малый щиток, разделенный на две части. В правой его стороне изображена шахматная доска, а в левой родовой фамильный герб Потемкиных (рука с мечом). В первом и четвертом поле двуглавый орел с коронами, над ними по пятиугольной звезде. Во втором и третьем поле — графская корона. На щите помещена графская корона на которой поставлены три шлема. На среднем графская корона, с выходящим двуглавым орлом, на главах которого и между ними короны. С правой стороны шлем украшен фамильной дворянской короной с тремя исходящими страусовыми перьями, а третий — украшен дворянским бурелетом, на котором рука с мечом из прежнего герба. Щитодержатели — два казака, имеющие в руках значки с изображенными на них с правой стороны гербом родовым, а с левой градскою короною. Щит покрыт княжескою мантией Римской империи. Сверх щита Римской империи княжеская шапка»[6].

[1] *А.М.Л.* Потемкин // Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1992. Т. 48. С. 728–729.

[2] Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. Ч. 2. С. 66.

[3] *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. С. 48.

[4] *Лопатин В.С.* Потемкин и его легенда. С. 343.

[5] *А.М.Л.* Потемкин. С. 728.

[6] Дворянские роды Российской империи. Т. 1. Князья. СПб., 1993. С. 26.

В блазонировании (толковании) герба орел имеет символику власти, господства, силы, независимости, а также великодушия и прозорливости.

Пятиконечная звезда — один из древнейших символов человечества — восточного происхождения. Употреблялся как военная эмблема.

Корона в переводе с латинского означает «венок». В Европе короны в основном произошли от античных венков. В геральдике этот главный атрибут власти указывает на степень власти, от императорской до простой рыцарской (дворянской).

Шлем — гербовый элемент, отражающий достоинство рода, в связи с чем выделяются шлемы княжеские, графские, дворянские.

Бурелет — фигура в виде жгута с чередующимися цветами, повторяющими цвета гербового поля. Помещается поверх шлема.

Щитодержатели традиционно представляют фигуры людей, зверей или вымышленных существ.

Мантия — накидка в виде плаща или палатки, прикрывающая герб. Обычно присутствует в гербах государей, принцев, князей[1].

В княжеском гербе Потемкина сохранился старый родовой герб польско-литовского происхождения — рука с мечом и перья над шлемом. Дворянская корона приобрела необычный облик, подобающий скорее царскому сану. В Древнем Риме корона с крепостными зубцами служила наградой воину, первому оказавшемуся на стене вражеского города. Но в геральдике эпохи классицизма ее основное значение было иным: «градская корона» чаще всего обозначала мирные труды, статское поприще. Для Потемкина-военачальника и строителя новых городов башенный венец отражал его государственные деяния.

Еще в 1772 году Григорий Александрович был причислен к запорожским казакам. Несмотря на это он способствовал упразднению Запорожской сечи, а из части ее создал Черноморское войско. Поэтому в княжеском гербе щит поддерживают два казака[2].

В России дворянские гербы появляются в XVII веке и получают широкое распространение в XVIII столетии. К этому времени уже была создана герольдмейстерская контора для ведения дел, связанных с сословными правилами и обязанностями дворянства, а также составления дворянского гербовника.

Герб — это символ происхождения рода, его доблести, трудов, знатности, успехов. Отличительный знак, закрепленный за определенным лицом, должен быть утвержден высшей властью, как постоянный и неизменный.

Гербы использовались не только в печатях, ими украшались дворцы, особняки, дома Петербурга[3].

---

[1] *Похлебкин В.В.* Словарь международной символики и эмблематики. М., 2007; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990.

[2] *Медведев М.* Герб Потемкина // Общий Гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 году. СПб., 1992. Ч. 1. С. 26.

[3] *Кашаверская Ю.И.* Гербы как символы Петербурга // Петербургские искусствоведческие тетради. 2019. Вып. 56. С. 177.

В 1787 году по инициативе генерал-губернатора южных земель России князя Потемкина было предпринято путешествие императрицы Екатерины II в сопровождении австрийского императора Иосифа II по землям Малороссии, Новороссии и Крыма. Император Иосиф II, осматривая города и посещая корабли в Севастополе, убедился в достижениях и силе своей союзницы, при которой в короткий срок были обжиты пустынные земли и созданы армия и флот[1]. Екатерина оценила заслуги князя и в «1787-м июля 8-го дня в память подвига его в присоединении области Таврической к Российской империи и трудов в населении и устройстве сея области, по именному блаженныя памяти государыни императрицы Екатерины Вторыя Указу повелено прибавить к его фамилии именование, Таврический»[2].

Военные успехи русской армии позволили Потемкину находиться в Петербурге, где он в 1783 году начинает строительство Конногвардейского дома. Григорий Александрович приглашает архитектора И.Е. Старова, знакомого по учебе в московской гимназии[3]. К этому времени уже существовали дворец Шереметева с родовым гербом над парадным входом, дворцы с гербами во фронтонах Воронцова, Строгановых, Разумовского и другие сооружения[4]. Однако Конногвардейский дом, позже переименованный Екатериной II в Таврический дворец, ни во фронтоне здания, ни в интерьерах герба Потемкина не имел.

После знаменитого бала во дворце, данного светлейшим князем в апреле 1791 года в честь взятия Измаила, Григорию Александровичу пришлось вернуться в Яссы для дальнейших переговоров с турецкой стороной.

Многолетняя напряженная государственная служба подорвала здоровье князя. 5 (16) октября, направляясь из Ясс в Николаев, по дороге он скончался. Тело перевезли в церковь Вознесения Господня в монастыре Галия в Яссах. Литургию совершил преосвященный Амвросий, архиепископ Екатеринославский и Херсонеса Таврического. Амвросий был духовником Потемкина и сопровождал князя в походах во время войны с Турцией[5].

Прах светлейшего князя забальзамировали, по распоряжению императрицы перевезли в Херсон и погребли в Свято-Екатерининском соборе со всеми полагающимися почестями. Собор этот был возведен еще при жизни Потемкина, в 1786 году, под его наблюдением. Здание построили по проекту архитектора И.Е. Старова в стиле классицизма. Статуи св. ап. Петра с ключами от рая и св. ап. Павла с мечом перед главным входом в церковь, поставленные по распоряжению светлейшего князя,

---

[1] *Лопатин В.С.* Потемкин и его легенда. М., 2012. С. 343.

[2] *Медведев Мих.* Герб Потемкина С. 26.

[3] *Елисеева О.И.* Григорий Потемкин. С. 576.

[4] *Кашаверская Ю.И.* Геральдические символы Петербурга // Художественный вестник. 2007. № 2. С. 14, 15.

[5] *Лопатин В.С.* Потемкин и его легенда. М., 2012. С. 87, 88.

имели символическое значение. Григорий Александрович — основатель Херсона, завоеватель Тавриды, хотел напомнить, что ключи от Юга (то есть земного рая) достались после тяжелых боев, добытых мечом. Сердце Г.А. Потемкина, помещенное в золотую урну, по желанию родственников погребли на его родине, в Покровской церкви села Чижово Смоленской губернии[1].

Современное свидетельство гербового прославления светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического сохранилось в его надгробии в Свято-Екатерининском соборе. Княжеский герб помещен на пьедестале восстановленного в 2003 году памятника Потемкину, установленного в Херсоне по проекту скульптора И.П. Мартоса[2]. Его память можно увековечить в Москве мемориальной доской на храме Большого Вознесения у Никитских ворот. В 1781 году Григорий Александрович писал своему другу, московскому архиепископу Платону, что вместо нынешней церкви необходимо воздвигнуть «храм новый, великолепный, служащий монументом имени моему». В старом храме были похоронены сестры князя: Мария Александровна Самойлова, Пелагея Александровна Высоцкая и девица Надежда Александровна Потемкина. В нем же отпевали мать князя Дарью Васильевну. Усилиями племянников светлейшего князя А.Н. Самойлова, Н.В. Высоцкого и В.В. Энгельгардта новый каменный храм был возведен по проекту архитектора М.Ф. Казакова в 1798 году[3].

Отдавая дань гербу Г.А. Потемкина, С. Маршак посвятил ему поэтические строки:

«Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.
Таков обычай был старинный, –
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.
То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв свое,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копье.
Где львов от века не бывало,
С гербов свирепо смотрят львы
Или орлы, которым мало
Одной орлиной головы...»[4]

[1] Там же. С. 20.

[2] *Курукин И.В.* Потемкин. Некоронованный монарх. М., 2014. С. 32.

[3] *Лопатин В.С.* Потемкин и его легенда. С. 302, 401.

[4] *Маршак С.* Наш герб // Маршак С. Сочинения в четырех томах. М., 1958. Т. 2. С. 239.

КОСМОПОЛИТИЗМ В АРХИТЕКТУРНОЙ ПРОГРАММЕ ИВАНА СТАРОВА

КЛИМЕНКО ЮЛИЯ ГАВРИИЛОВНА,
кандидат архитектуры,
профессор кафедры История архитектуры и градостроительства,
Московский архитектурный институт
(Государственная академия),
Москва, Россия;
e-mail: y-klim@yandex.ru

Аннотация: Одним из наиболее представительных проводников европейского неоклассицизма в России является архитектор И.Е. Старов (1745–1808), творчество которого сочетает в себе приемы нескольких строительных школ. Воспитанник Ж.-Б.М. Валлен-Деламота и Ш. Де Вайи, он способствовал переносу передовых профессиональных архитектурных знаний в рамках французского неоклассицизма. Однако парижские учителя привили российскому пенсионеру не только глубокий интерес к освоению богатого опыта своей школы, но и умение ценить достижения А. Палладио и других мастеров итальянского Ренессанса, особо прославленных английскими строителями в век Просвещения. Сочетание лучших художественных и инженерных приемов из западноевропейской архитектурной лексики предопределило интернациональный успех русского классицизма. Изучение этого наследия остается актуальным и в наши дни.

Ключевые слова: Таврический дворец, Пелла, научная реконструкция, архитектурная атрибуция, Екатерининский классицизм, французский неоклассицизм.

Среди проводников европейского неоклассицизма в Петербурге имена двух архитекторов занимают особое место. Речь идет об И.Е. Старове (1745–1808) и Ф.И. Волкове (1754–1803). Их произведения сочетают в себе приемы нескольких строительных школ. Воспитанники Ж.-Б.М. Валлен-Деламота в российской столице, они и позднее пребывали в парижской мастерской Ш. Де Вайи (1730–1798) — талантливого зодчего, опытного практика, члена Королевской Академии архитектуры Парижа, который неоднократно бывал в Италии, посещал Англию, проектировал и строил для заказчиков из многих западноевропейских государств. Открытый для изучения достижений обширного архитектурного мирового пространства, Ш. Де Вайи аккумулировал этот практический и теоретический опыт в своих постройках. Космополитизм в профессиональных взглядах мастера оказывал существенное влияние на учеников, которые копировали его систему синтетического обращения к опыту общеевропейской строительной школы, что явствует в их градостроительных, партикулярных, общественных, храмовых и дворцовых проектах.

Ф.И. Волков прибыл во Францию из Италии в 1776 г., где с 1773 г. обучался у Т. Теманца. Оказавшись через три года в парижской мастер-

ской, он оставался в ней до 1782 г., около шести лет, что значительно превышало срок стажировки И.Е. Старова (1762–1766), В. Баженова (1760–1762, 1764–1765 гг.) и других российских пенсионеров по архитектурному классу. В своих отчетах на родину Ф.И. Волков писал: «Особливо теперь под смотрением нахожусь у господина Дювальи и надеюсь быть отчасти упражненным в практике, которую он ныне производит, в протчем же в назначенные дни хожу на публичный курс архитектуры к г. ле Руа и конкурируюсь по данным здесь задачам в здешней Королевской академии»[1]. От парижской академии Ф.И. Волков получил золотую медаль, а в России он был высоко оценен за полученный практический опыт в Париже, где «находился при разных строениях короля французского инспектором»[2]. Примечательно, что этот молодой архитектор мог быть свидетелем процесса создания многих проектов и парижских сооружений своего учителя: дома мадам Дени на ул. Ришелье, театрального ансамбля (совместная работа с М.Ж. Пейром), реконструкции часовни в церкви Сан-Сюльпис, градостроительного проекта благоустройства квартала Люксембург и комплекса собственных домов на ул. Пепньер.

В доме-мастерской парижского архитектора русский ученик наблюдал за рождением лучших произведений Ш. Де Вайи — от замысла до реализации, изучая работу строителей всех специальностей: от каменщиков до орнаменталистов. Математические расчеты и подбор конструкций, резка камня и возведение сводов, устройство плоской кровли, инженерные системы дымоходов, вентиляции, водоснабжения и канализации — эти и другие производственные секреты мастерства французской архитектурной школы эпохи неоклассицизма Ф. Волков изучал значительно дольше других российских пенсионеров[3].

Слава ателье Ш. Де Вайи была столь велика, что не всем желающим удавалось здесь поработать. В 1783 г. юный А. Захаров писал из Парижа в Петербург, что «желал попасть к господину Дуаи, архитектору. Я был ему представлен, но он меня взять своим учеником не мог, для того,

---

[1] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. 1777 г. Д. 749. Л. 3.

[2] Там же. 1796 г. Д. 1251. ЛЛ. 23–26.

[3] Впервые узнав о творчестве Ф.И. Волкова, И.Э. Грабарь в марте 1955 г. писал А.Н. Петрову: «Это сплошной восторг, и я от всего сердца поздравляю Вас с огромной просто потрясающей находкой! ... Браво!» (*Грабарь Игорь*. Письма. 1941–1960 гг. / Под ред. Т.П. Каждан и Н.А. Евсиной. М., 1983. С. 172). Позднее он сообщал С.С. Бронштейну: «Это очень важный новый вклад в историю архитектуры конца XVIII века, доказывающий при помощи найденных чертежей Волкова, что Андриан Захаров его прямой ученик и последователь ... Я считаю это большим событием! Чертежи просто потрясающие, а один проект целиком повторен во всю длину Захаровым в Адмиралтействе» (Там же. С. 173). В других своих письмах И.Э. Грабарь предлагал писать «не только не смягчая, а напротив того, еще увереннее и прямее, что Волков подлинный отец Захарова и зачинатель движения нового классицизма начала XIX века» (Там же. С. 194). Исследователь настаивал: «Надо <...> как в „Волкове“, так и в „Захарове“ подчеркнуть французские истоки, ибо это факт» (Там же. С. 172).

что у него места не было, а позволил приносить свои работы — в чем никогда никому не отказывал»[1].

Дважды получая приглашение из России, Ш. Де Вайи сожалел о невозможности переезда в Санкт-Петербург. После первого отказа в одном из писем У. Чемберсу от 13 октября 1763 г. архитектор сообщал: «... Мои дела нисколько не продвинулись после того, как я вернулся из Рима; не то, чтобы я был завален работой, но как Вы знаете, только труда у нас недостаточно, надо также вести светскую жизнь, что не в моем характере. Пять лет тому назад я отказался от очень хорошего места профессора архитектуры в России, которое могло бы приносить мне по 12 000 ливров в год плюс оплату моих издержек; человек, которого я послал вместо себя, нажил там состояние...»[2]. Лучшие ученики профессора, о котором идет речь в письме, оказались вскоре в Париже.

В мастерской Де Вайи В. Баженов, И. Старов, Ф. Волков, А. Воронихин, А. Захаров и другие российские воспитанники имели возможность не только встречаться с ведущими европейскими архитекторами, но и способствовать активному трансферу культур. Этот канал культурных трансляций играл существенную роль в рождении архитектурного направления «à la russe» в Западной Европе. От первых примеров Russerie в работах Р. Морриса и Ж.-Б. Лепренса тема «московского стиля» переживала существенную эволюцию в последней трети XVIII в. Первоначальное любопытство к своеобразной экзотике, фольклору и этнографии постепенно сменялось более глубоким интересом к изучению архитектурного потенциала далекой страны.

Благодаря своим ученикам Ш. Де Вайи был информирован о строительных традициях в России и корректировал свои проекты для заказчиков из далекой северной страны. Об этом свидетельствует характер изменений, внесенных им в собственный проект загородного дворца Монмюзар (1764–1769 гг.), при выполнении проекта «Античного дома» для Екатерины II. Здесь были решены основные проблемы трансформации модели французского неоклассицизма при переносе ее на российскую почву (илл. 1).

В объемно-пространственном решении проекта «Павильона Наук и Искусств» архитектор отказался от плоской классицистической кровли, устроив традиционную для России высокую скатную крышу[3], и поднял парадный первый этаж до уровня второго, согласуясь с северными нормами, для чего организовал плавный подъем по открытой широкой лестнице, что было позднее с успехом реализовано Ч. Камероном в Царском Селе. Идя на указанные уступки, французский архитектор в двух

[1] *Гримм Г.Г.* Архитектор Андреян Захаров. Жизнь и творчество. М., 1940. С. 60.

[2] Archives RIBA / CHA: 2/20. Londres. Цит. по: Готика Просвещения. Юбилейный год Василия Баженова. Каталог выставки. М., 2017. С. 74.

[3] См. о значении формы кровли в формировании новой архитектурной эстетики: *Клименко Ю.Г.* Роль плоской «итальянской» кровли в архитектуре французского классицизма // Вопросы всеобщей истории архитектуры. 2019. Вып. 12. С. 204–235.

проектных вариантах[1] Павильона настаивал на использовании ротондальных объемов[2] с надежными сводчатыми каменными конструкциями, на требованиях максимального комфорта как результата связи функционального зонирования с передовыми инженерными решениями и значительного театрального подтекста, вложенного в богатое декоративное оформление проекта. Говорящая архитектура декларировала триумф идеи всеобщего Просвещения через уважение к культуре и опыту разных народов. В этом архитектурном космополитизме сформулирован призыв к изучению и преклонению перед строительными достижениями многих школ: существующих, ушедших и еще только развивающихся. Такие взгляды Ш. Де Вайи заметны и в работах российских учеников.

Две крупнейшие резиденции в пригородах Петербурга, возникшие благодаря И. Старову и Ф. Волкову, свидетельствуют о попытках внедрения идей парижского учителя. Размах строительства Пеллы и Конногвардейского дома (Таврического дворца) превосходил габариты даже Античного дома по проекту Ш.-Л. Клериссо, который Екатерина Великая критиковала за чрезмерные размеры. Тем не менее, этот греческий проект послужил катализатором при строительстве на берегах Невы[3], когда инфильтрация строительных традиций лучших европейских школ Нового времени приводила к образованию нового архитектурных языка, основу которого составляла грамматика утонченного французского неоклассицизма (илл. 2).

Получив от Екатерины II имена Пелла и Таврида, эти две наиболее крупные архитектурные «победы» в области дворцового строительства отвечали строгим программам императрицы. В этих резиденциях соединились слава греческих имен и военных побед российского государства, комфорт и блеск французских архитектурных моделей на живописном фоне английских пейзажей. Эти и другие слагаемые интернационального успеха русского классицизма вызывали и продолжают вызывать интерес со стороны исследователей этой эпохи.

Апробации этого синтетического архитектурного языка в указанных объектах признавали не только российские зрители, но и представители других культур. На фоне восторженных отзывов британских посетителей о благородстве архитектуры Таврического дворца особое внимание уделялось описанию грамотных ландшафтных работ соотечественника

[1] Присланный Екатерине Великой парадный альбом содержал два проектных варианта. Не имея точной программы заказчицы, архитектор продемонстрировал в предложенных двух планировочных вариантах способность к комбинаторике внутреннего пространства и готовность легко переработать свой проект согласно ее пожеланиям.

[2] Этой теме посвящена серия работ автора. См.: *Клименко Ю.Г.* Андреа Палладио и генезис ротонды в партикулярном строительстве французского неоклассицизма // Актуальные проблемы теории и истории искусства. СПб., 2016. Вып. 6. С. 474–483, 899–900.

[3] Невозможно не отметить сходство античного дома Ш.-Л. Клериссо и центральной части Конногвардейского дома в проектном плане его перестройки Ф. Волковым.

У. Гульда, дважды превратившего ядовитое болото в райский уголок[1]. Крайне ценны высказывания о великолепии и величии Петербурга, где «особенно поражает... необычайное преобладание греческой архитектуры, вплоть до того, что может показаться, что находишься под теплым небом Афин, а не на северной широте»[2]. Однако примечательны критические заметки о низком качестве строительной культуры и материалов в городе[3], исключением из чего назван одноэтажный «прекрасный конструктив стен дома князя Потемкина»[4].

Об архитектурном признании Таврического дворца представителями французской школы свидетельствует мнение ее ведущих мастеров в эпоху Империи. Ш. Персье и П.-Ф.-Л. Фонтен причислили прежнее владение Г. Потемкина к числу самых «интересных и приятных» королевских резиденций Европы. При масштабной реконструкции Парижа Наполеон желал повторить лучшие приемы из этой дворцовой постройки И. Старова и Ф. Волкова[5].

О градостроительном размахе французских неоклассицистических резиденций писали многие французские исследователи XX столетия. Л. Откер, М. Моссэр, Д. Рабро отмечали, что «Баженов, Старов, Волков смогли, насколько позволяли условия новостроящегося города и средства, которыми они располагали, реализовать в России свои представления о той архитектуре, о которой могли только мечтать множество французов между 1770–1800»[6].

С учетом всей совокупности подобных высоких оценок современников дворцовые ансамбли Пеллы и Тавриды являются программными произведениями екатерининской эпохи. Включение их в компендиум архитектуры русского классицизма объясняет внимание со стороны отечественной историко-архитектурной науки. По этой причине учащиеся Московского

---

[1] *Кросс Э.Г.* Таврический дворец глазами британских посетителей, 1789–1807 гг. // Таврические чтения 2009. СПб., 2011. Ч. II. С. 28.

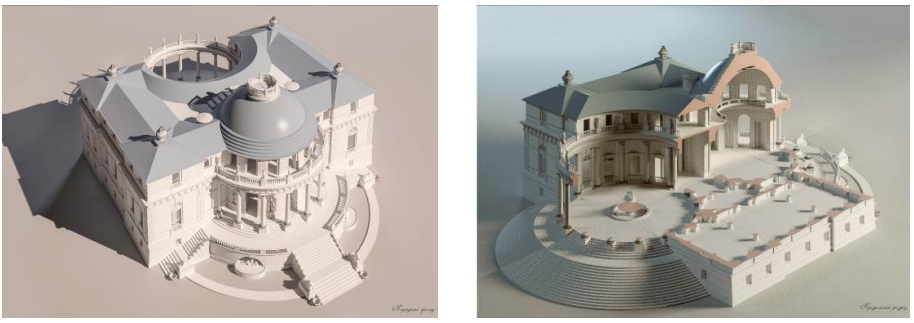
[2] Там же. С. 29.

[3] Среди отзывов об архитектуре Петербурга следует отметить деликатное высказывание Ф. Ройстона, назвавшего внешний вид города «несомненно великолепным и наглядно демонстрирующим, что можно сделать с помощью кирпича и штукатурки» (*Кросс Э.Г.* Таврический дворец глазами британских посетителей. С. 30–31). В России игнорирование строительства из камня, вызванное экономическими причинами, не позволяло приблизиться к высокому качеству строительства во Франции, где эволюция стереотомической кладки отражена во многих увражах. См.: *Клименко Ю.Г.* «Секрет архитектуры»: от готики к французскому классицизму // Искусствознание. 2019. № 1. С. 56–79.

[4] [*Colmor L.*] Letters from the Continent: Describing the Manners and Customs of Germany, Poland, Russia and Switzerland, in the Years 1790, 1791, 1792: to a Friend Residing in England. London. 1812. P. 15.

[5] *Клименко Ю.Г.* Французский классицизм и дворцовое строительство И. Старова // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. СПб., 2015. Ч. 1. С. 32.

[6] *Mosser M., Rabreau D.* Charles de Wailly (1730–1798), peintre architecte dans l'Europe des Lumières / Catalogue de l'exposition. Paris, [1979]. P. 99.



Илл. 1. Проект Ш. Де Вайи «Павильона Наук и Искусств». 1773 г. Гипотетическая реконструкция нереализованного проекта выполнена студентами МАРХИ С.Е. Елицей, И.С. Максимовым, А.И. Мотуновым. Науч. рук. Ю.Г. Клименко. 2016 г.

архитектурного института (МАРХИ) в рамках курса «Истории русской архитектуры» с глубоким вниманием исследуют эти замыслы. Среди разнообразия аналитических методик в последние годы особенно часто используется прием визуализации при помощи макетирования и воссоздания исторического ансамбля в цифровых программах[1]. Работа по таким научно-графическим реконструкциям на стадии обучения позволяет глубже понять особенности архитектурно-планировочных и конструктивных приемов, используемых мастерами эпохи классицизма[2]. Учитывая уничтожение екатерининского дворца в Пелле[3], возрастает значение его изучения в подобной форме, и возникает необходимость привлечения архитектурных аналогов, среди которых Таврический дворец занимает особое место[4]. Инфильтрация идей интернациональных архитектурных школ на русской почве на рубеже XVIII–XIX столетия — тема значительная, все более очевидная и актуальная для будущих исследований.

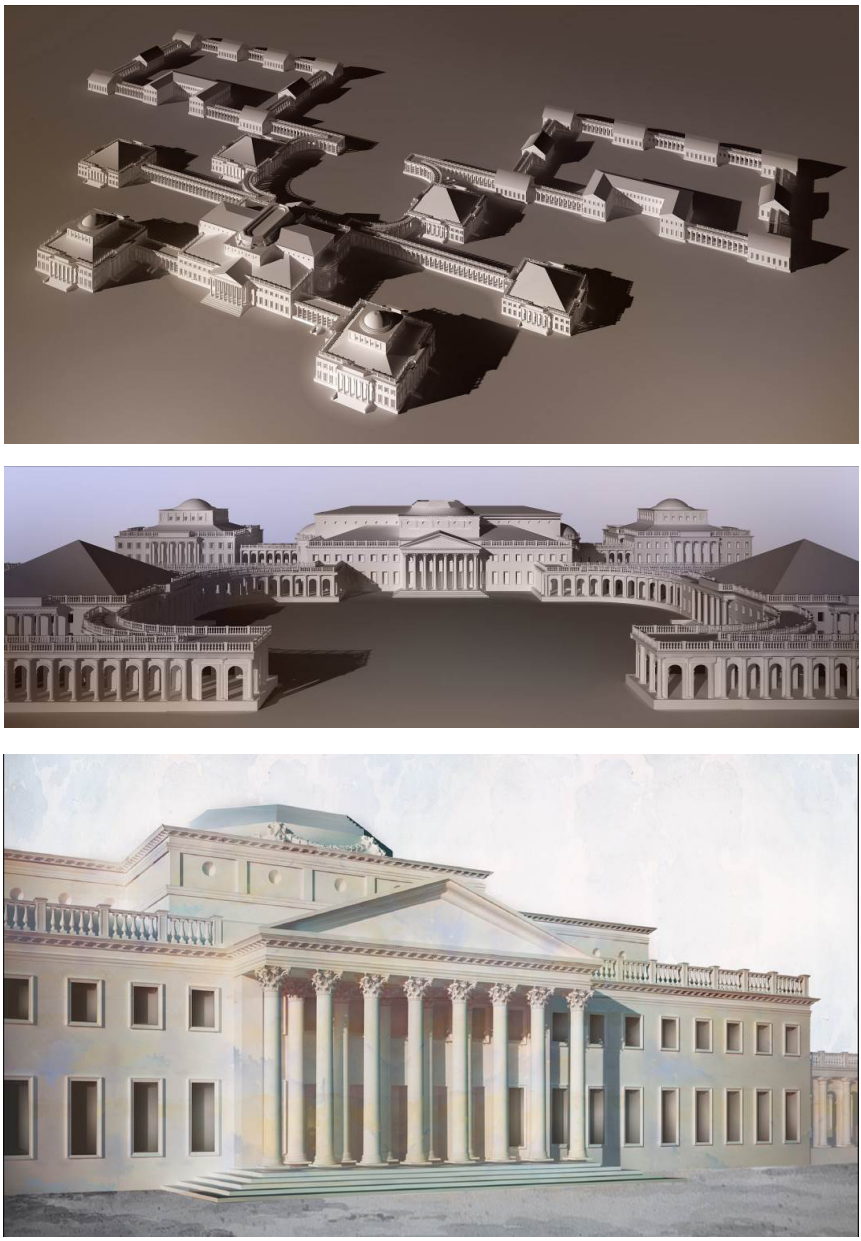
В ходе выполнения гипотетической реконструкции было проведено сравнение екатерининского ансамбля с целым рядом западноевропейских резиденций и проектных замыслов, оставшихся нереализованными. На фоне многочисленных академических конкурсных проектов на Римскую

[1] *Клименко С.В., Клименко Ю.Г.* Воображаемая архитектура. Исторические научные реконструкции памятников русской архитектуры. М., 2019.

[2] В ходе историко-архитектурного анализа произведений И.Е. Старова будущие архитекторы стремятся определить объем заимствованной и источники западноевропейской архитектурной лексики. Исследуется система выбора русского архитектора из широкой палитры атрибутов французского неоклассицизма приемов, среди которых: стереотомический тип белокаменной кладки, примечательная система сводов, особый тип планировки с разнообразием геометрии форм помещений, «плоские» итальянские кровли, галереи и инженерные достижения для создания комфорта нового уровня.

[3] *Клименко С.В., Клименко Ю.Г.* Указ. соч. С. 334–343, 440–444.

[4] Там же. С. 260–264, 414–415.



Илл. 2. Пелла. Дворец Екатерины Великой. Реконструкция генплана, общего вида со стороны курдонёра и фрагмента главного фасада. Графическая реконструкция резиденции выполнена студентами МАРХИ А.В. Осиповой и А.П. Тихоновой под науч. руководством Ю.Г. Клименко. 2016 г.

премию в Париже особенно примечательно сходство планировочной композиции Пеллы с проектными вариантами Э. Булле по перестройке Версаля 1780-х гг.[1]. По сторонам от симметричной развитой схемы генплана с системой внутренних дворов французский мастер предлагал организовать несколько квадратных в плане отдельных павильонов, соединенных с основным объемом переходами, обрамленными колоннадами. Вероятно, они должны были напоминать парадные улицы — аллеи столицы Македонии и других античных городов Декаполиса, известные по многочисленным уврагам и ведутам второй половины XVIII в. Они активно использовались в крупном дворцовом строительстве[2], как и вытянутые колонные залы — галереи, генезис которых подробно освещен в специальной литературе[3]. Процесс трехмерного моделирования позволяет не только лучше продемонстрировать достоинства архитектурного проекта, но и дает возможность гипотетического воссоздания утраченных произведений или нереализованных замыслов. По этой причине предполагается исполнить реконструкцию Таврического дворца по проекту Ф. Волкова, с преобразованием пространства зимнего сада и колонного зала[4].

Включение этой модели в лекционные курсы по истории русской архитектуры позволяет избежать забвения этих крупнейших памятников, размах которых передает будущим архитекторам весь богатый арсенал вечного классицистического лексикона, представляющего органичный синтез наследия греко-римской классики, Готики, Ренессанса и барокко с учетом инженерных открытий века Просвещения. Попытки повторения этого архитектурного успеха после открытия новых строительных материалов в начале и середине XX столетия подтвердили выводы архитекторов прошлого о вечности классического языка. Изучение этого наследия остается актуальным и в наши дни.

---

[1] План и описание нереализованного проекта опубликованы: *Pérouse de Montclos J.-M.* Étienne Louis Boullée 1728–1799. Paris, 1969. P. 102–105.

[2] И. Старов также ориентировался на знаменитые парижские дворцовые ансамбли и загородные резиденции с аналогичными колоннадами — переходами. В наши дни можно прогуляться по переходам и аллеям Королевского дворца в центре столицы (Palais Royal), к образу которого часто обращались российские заказчики.

[3] В своей монографии о французской архитектуре и ее итальянских заимствованиях Ж.-М. Перуз де Монкло подробно разбирает историю происхождения «галерей по-французски и лоджий по-итальянски». *Pérouse de Montclos J.-M.* L'architecture à la française du milieu du XVe siècle à la fin du VIIIe siècle. Paris, 1982. P. 68–69.

[4] Проектный план реконструкции опубликован: *Малыгин В.В.* Роль архитектора Ф.И. Волкова в истории создания ансамбля Таврического дворца // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1, (вклейка между с. 48 и 49).

«ПАЛЬМОВАЯ ОРАНЖЕРЕЯ (ЗИМНИЙ САД)» В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ

БОГДАНОВА ЕЛЕНА ИВАНОВНА,
кандидат искусствоведения,
экскурсовод,
Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: Eliva79@mail.ru

Аннотация: На материалах архивов (РАН, ЦГИА, РГИА, КГИОП и др.) рассматривается история памятника культуры регионального значения «Пальмовая оранжерея (Зимний сад)». Эта оранжерея, созданная в преддверии XX столетия для оранжерейного комплекса Царского Села, в Таврическом саду была смонтирована в 1930-е годы. Ее история тесно связана не только с историей оранжерейного комплекса Таврического сада, но и с изменениями, которые происходили в стране на протяжении XX–XXI вв., в связи со сменой прав собственности как на землю, так и на здания. Включение оранжереи в 2014 году в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации способствовало не только сохранению памятника, но и дало возможность превратить ее в одно из новых современных общественных пространств Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: Таврический сад, Царское Село, оранжереи и теплицы, оранжерейный комплекс, «Пальмовая оранжерея», «Лечебная оранжерея», А.Р. Бах, завод Сан-Галли, объединение «Цветы», общественные пространства.

Исследуемый объект «Пальмовая оранжерея (Зимний сад)» находится по адресу: г. Санкт-Петербург, Потемкинская ул., д. 2, лит. Г, расположен в границах территории объекта культурного наследия федерального значения «Дворец Таврический»[1]. Первоначальная история этой оранжереи связана с Царским Селом (Детское Село, современный город Пушкин), а дальнейшая — с Таврическим садом.

Таврический сад находится в районе, исторически носившем название Пески, благодаря песчаной гряде, протянувшейся вдоль современных Лиговского и Суворовского проспектов до Невы и далее по Охте. На основании анализа планов и карт Санкт-Петербурга[2] можно проследить, как изменялась на протяжении трех столетий застройка территории,

[1] Распоряжение Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга от 13 января 2017 г. № 7-р «Об утверждении границ и режима использования территории объекта культурного наследия федерального значения «Дворец Таврический».

[2] *Семенцов С.В., Красникова О.А., Мазур Т.П.* Санкт-Петербург на картах и планах первой половиным XVIII в. СПб., 2004; Печатные планы Петербурга — Петрограда, 1703–1917: свод. каталог: в 2 ч. / Сост. Н.К. Шаблаева; ред. Т.А. Быкова. Л., 1966; Санкт-Петербург в планах и картах. XX век / [текст и аннот. С. Семенцова; гл. ред. Е. Мальская]. СПб., 2012.

на которой был создан Таврический сад. В этой части города с начала XVIII столетия находились дворы Я.В. Брюса, цариц Прасковьи Федоровны и Марфы Матвеевны, царевича Алексея Петровича и царевны Натальи Алексеевны. На Шпалерной улице[1] (на месте комплекса главной станции Санкт-Петербургских городских водопроводов) — двор царевны Екатерины Алексеевны. После смерти царевны ее двор по указу Петра I отдается под оружейный двор. Здесь хранилось «новое и старое тульское ружье» и стояли деревянные светлицы артиллерийских служителей[2]. С 1733 года участок северо-восточной части территории нынешнего Таврического сада находился в собственности петербургского генерал-полицмейстера В.Ф. Салтыкова, а затем командира лейб-гвардии Конного полка князя П.Б. Черкасского. Восточнее двора Черкасского начинает строиться слобода лейб-гвардии Конного полка. Весь район с того времени начал называться «конной гвардией»[3]. Активное заселение района началось в середине XVIII века рабочими и мастеровыми. Постепенно его заселяют чиновники Канцелярии строения домов и садов и придворной Канцелярии, придворные служители, офицеры и солдаты близ стоявших полков, купцы, мещане и дворовые крестьяне[4]. Дворцовым ведомством в 1752 году для жителей этой городской части строится деревянная приходская Рождественская церковь, располагавшаяся на пересечении нынешних 6-й Советской улицы и Красноборского переулка (снесена в 1934 году, воссоздана в 2019 году). По названию этой церкви весь прилегающий к ней район был назван Рождественской частью[5]. С середины 1770-х годов участок, на котором будет построен Таврический дворец, принадлежал князю Г.А. Потемкину[6]. В этом районе Санкт-Петербурга в сло-

[1] С 1716 до 1727 года улица многократно меняла наименование: 1-я от Невы реки линия, Набережная линия, 1-я Береговая улица, Литейная набережная, Невская набережная. В 1776 году появилось название Воскресенская улица, так как она вела в направлении Смольного Воскресенского собора. В 1730 году сюда из Екатерингофа были переведены мастерские Императорской шпалерной мануфактуры, по которым в 1859–1918 годах улица носила название Шпалерная. С 1870 по 1880 год название Воскресенская сохранилось только за участком вдоль Таврического сада. В октябре 1918 года улицу переименовали в улицу Воинова в честь И.А. Воинова (1884–1917), убитого на этой улице в июне 1917 года при распространении «Листка Правды». Название Шпалерная вернули улице 4 октября 1991 года.

[2] *Комелова Г.Н.* «Панорама Петербурга» — гравюра работы Зубова // Культура и искусство Петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 117; Петров А. Оранжерея и дом садового мастера. (Историческая справка.) 1955 г. // КГИОП. П. 157. Н-898. С. 6 (рукопись).

[3] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. (Историческая справка.) 1955 г. (рукопись) // КГИОП. П. 157. Н-898. С. 6–7.

[4] *Варлыго О.* Рождественская часть // Муниципальный округ Смольнинский. 2012. 18 октября. С. 1.

[5] Там же. С. 8.

[6] *Бахарева Н.Ю.* «Это сам Потемкин!» К 280-летию Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического. СПб., 2019.

боде Конногвардейского полка Г.А. Потемкин начинал свою военную карьеру. Первоначально для него был построен небольшой усадебный дом со службами. В 1783 году императрица Екатерина II передает Г.А. Потемкину несколько участков рядом с его усадьбой. В период с 1783 по 1789 годы строится дворец по проекту архитектора И.Е. Старова[1]. До 1792 года дворец назывался «Конногвардейским домом» или «домом его светлости в Конной гвардии», затем Таврическим — по титулу князя Потемкина-Таврического, который был пожалован ему в 1787 году, после присоединения к Российской империи Крыма (Тавриды). Одновременно с началом строительства дворца начались работы по устройству при нем Таврического сада, руководимые английским садовым мастером Вильямом Гульдом[2], приехавшим в Россию в 1776 году. Сад был разбит в пейзажном (английском) стиле. На месте небольшой речки Саморойки была устроена сложная гидротехническая система из двух прудов, соединенных протоками, и двух каскадов. Большой пруд и протоки выкопали к ноябрю 1790 года. Берега выстлали булыжным камнем на мху, выпустили стерлядь. Вода поступала в сад из специальных прудов-накопителей, куда попадала из реки Дудергофки, пройдя более 20 километров по Лиговскому каналу, сооруженному в 1718–1721 годах по проекту Г.Г. Скорнякова-Писарева для снабжения водой фонтанов Летнего сада[3]. Посадочный материал для сада частично выписывали из Англии[4]. По проекту В. Гульда сад первоначально занимал только восточную часть современной территории Таврического сада. Через несколько лет его территория была расширена в западном направлении, где создается оранжерейный комплекс, предназначавшийся для выращивания плодовых, овощных культур, а также теплолюбивых декоративно-лиственных и цветущих растений. В 1786 году в юго-западном углу сада на выгороженном прямоугольном дворе строятся теплицы и деревянный дом садовника[5].

После смерти князя Г.А. Потемкина-Таврического его усадьба (дворец и сад) принята в казну и с этого времени именуется «Таврический дворец» и «Таврический сад». Строительство оранжерей и теплиц в юго-западной части Таврического сада продолжается, так как теперь они должны были обслуживать Дворцовое ведомство. В июне 1791 года архитектор Ф.И. Волков[6] выполняет проект перестройки Таврического

[1] *Воронов В.* Иван Старов — главный архитектор эпохи Екатерины Великой. СПб., 2008. С. 221–242.

[2] *Каменский В.А.* Таврический дворец. Л.; М., 1948. С. 22–24; *Воронцов А.В.* Вильям Гульд, садовник князя Потемкина-Таврического // Невский архив. СПб., 1999. Вып. 4. С. 143–166.

[3] *Каменский В.А.* Таврический дворец. С. 24.

[4] *Рейман А.Л.* Двести двадцать лет спустя // Ардис. 2004. № 2 (23) [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.d-c.spb.ru/archiv/23/10/index.htm

[5] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. С. 19.

[6] *Мурашова Н.В.* Федор Волков // Зодчие Санкт-Петербурга, XVIII век. СПб., 1997. С. 901–928. Архитектор Волков Федор Иванович (1754–1803) в 1780-х гг. ра-

дворца, включающий пристройку с западной его стороны оранжереи, связанной с дворцом переходом, и каменной теплицы по красной линии нынешней Шпалерной улицы[1]. В 1791–1792 годах были построены Большая (апельсинная) оранжерея и несколько теплиц. В 1792–1793 гг. продолжилось формирование ансамбля Таврического сада. Перед дворцом на берегу Невы устраивается шлюпочная гавань в виде канала, защищенного дамбами, и ковша овальной формы. К тому времени сад расширился практически вдвое. Устраиваются новые пруды, для крепления берегов заготовляется булыжный камень. Большой луг для выпаса дворцового стада засеивают белым голландским клевером и тимофеевой травой. Композиция сада строилась только на сочетании открытых пространств воды и лугов с мягким рельефом и ландшафтными группами деревьев и кустарников. Никаких сооружений, кроме небольшого павильона Адмиралтейства для хранения лодок, здесь не было[2]. После смерти императрицы Екатерины II в 1796 году указом 1799 г. императора Павла I Таврический дворец был передан лейб-гвардии Конному полку под казармы[3], в связи с этим садовник В. Гульд получил отставку и уехал на родину, а на его место был принят садовник Иоганн Шуман. К 1799 году на участке насчитывалось 5 оранжерей, парники, теплицы[4].

В июне 1801 года военный губернатор Санкт-Петербурга М.И. Кутузов принимает решение о выводе полка Конной гвардии из помещений Таврического дворца[5]. 29 октября 1802 года следует указ императора Александра I «о приведении Таврического дворца в прежнее состояние и об отпуске на восстановление дворца 150 тысяч рублей»[6]. Восстановительными работами руководит архитектор Л. Руска, в 1803 году разработавший проект комплекса казарм Кавалергардского полка. При этом в территорию комплекса включается торцевая часть квартала, обращенная к Таврическому саду[7]. К 1806 году оранжерейному комплексу Таврического сада переданы земли, прилегающие к Большой оранжерее и Дому садового мастера. А в 1809 году на этой территории строятся 3 новые каменные оранжереи: Ананасная, Персиковая, Абрикосовая. К 1818 году большая часть оранжерей, существовавших на территории Таврического сада с XVIII века, «пришли в ветхость»[8], поэтому с мая

ботал для Г.А. Потемкина. С 1792 причислен к Кабинету е. и. в. Сооружал ограду Таврического сада, оранжереи и дом садового мастера В. Гульда (1793–1794).

[1] В документах Российского государственного исторического архива (РГИА) Ф. 485. Оп. 2. Д. 830, 832–836 хранятся проектные чертежи конца XVIII — середины XIX вв. большой каменной, цветочной, каменной абрикосовой, персиковой, огуречной, паровой оранжерей.

[2] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. С. 9–10.

[3] *Дьяченко Л.И.* Таврический дворец. СПб., 1997. С. 74.

[4] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. С. 10.

[5] Там же. С. 79.

[6] Там же. С. 80.

[7] *Александрова Л.Б.* Луиджи Руска. Л., 1990. С. 51–59.

[8] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. С. 25.

1818 года проводятся ремонтные работы под наблюдением архитектора Г.И. Пильникова. В 1824 году по проекту архитектора П.И. Висконти[1] устанавливаются металлические ограды, проходящие от Большой каменной до Абрикосовой оранжереи[2] и от Цветочной оранжереи до Дома садового мастера, отделившие территорию Дома садового мастера от оранжерейного комплекса[3].

В 1880–1890-е годы дополняется комплекс оранжерей, которому к тому времени уже принадлежат участки между рекой Саморойкой[4] и аллеей, идущей вдоль Потемкинской улицы. В 1888–1889 годах по проекту архитектора В.П. Самохвалова и инженера Н.В. Смирнова строится «Лечебная оранжерея»[5] из металла и стекла вдоль Потемкинской улицы. Первоначально ее предполагалось пристроить к зданию Большой оранжереи, позади центрального корпуса. Однако окончательно место было выбрано в угловой части сада, по Потемкинской улице, между каменной теплицей по Шпалерной улице и Домом садового мастера. Оранжерея была предназначена для выращивания пальм, олеандров и лавров[6]. Так как в 1900-х годах в оранжерее находились лавровые деревья, в документах этого времени она иногда называется «Лавровой»[7]. В 1890-е годы почти ежегодно ведутся работы по перестройке существовавших оранжерей. В 1899 году по проекту архитектора А. А. Бруни производится капитальная перестройки ряда оранжерей с заменой деревянных конструкций металлическими[8].

К 1911 году конструкции Большой каменной оранжереи, пришедшие в аварийное состояние, были временно укреплены. В 1913 году завод «Гентш и Ко» составил проект замены деревянных перекрытий этой оранжереи металлическими с остеклением кровли толстым прессованным стеклом. Аналогичный проект Санкт-Петербургскому дворцовому управлению представила фирма А. Вейгель. Проекты не были осуществлены из-за начавшейся в 1914 году войны, но ремонтные работы велись и в 1914–1917 годы[9]. К 1925 году здание Большой оранжереи обветшало и находилось в полуразрушенном состоянии[10]. В 1930-е годы западное

[1] Пьетро Висконти 2-й (Петр Иванович) (1777–1843). В 1823–1836 годах занимал архитекторскую должность в Гоф-Интендантской конторе, она касалась главным образом ремонта построек Придворного ведомства. Архитектор в 1836 году наблюдал за починкой ограды Таврического дворца, домика садовника при нем, придворного запасного дома.

[2] РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 831, 802.

[3] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. С. 29.

[4] Река Саморойка соединяла бассейн Лиговского канала с прудами Таврического сада, использовалась для подпитки прудов Таврического сада. Взята в трубу во второй половине XIX века.

[5] РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 837–838.

[6] Архив РАН. Ф. 15. Оп. 1. Д. 605. Л. 44 об.

[7] *Петров А.* Оранжерея и дом садового мастера. С. 36.

[8] Там же. С. 33.

[9] Там же. С. 35.

[10] Там же. С. 47–48.

крыло Большой оранжереи перестраивалось под жилье, со сносом пониженной одноэтажной его части, выходящей на улицу Воинова[1]. В 1930-е годы здание «Лечебной оранжереи» переносится на территорию Ботанического сада. В книге «Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX вв.» 1996 года указана дата переноса «Лечебной оранжереи» — 1936 год[2]. В паспорте на комплекс построек Ботанического сада, составленном 10 октября 2006 года сотрудниками КГИОП А.А. Спиридоновым и Т.Л. Долгой, указана дата переноса «Лечебной оранжереи» (под названием «большая металлическая оранжерея») — 1926 год[3]. В статье А.Л. Реймана и Т.И. Николаевой «Пальмовые оранжереи» 2006 года дата переноса — 1927 год[4]. Однако, ни с одной из этих дат согласиться нельзя, так как на топосъемке Ленинграда 1932 года Треста ГРИИ здание «Лечебной оранжереи» все еще располагается в Таврическом саду. Следовательно, можно утверждать, что здание было перенесено в период с 1932 по 1936 гг., то есть, в первой половине 1930-х годов. Одновременно на территорию Таврического сада на место «Лечебной оранжереи» переносится Пальмовая оранжерея из Детского Села[5] (арх. А.Р. Бах[6], 1901 г.). Первые Дворцовые теплицы отмечены на планах Царского Села еще в 1770-х годах. В 1780-е годы участок, ограниченный улицами: Садовая, Средняя, Оранжерейная и Конюшенная, был полностью застроен Дворцовыми теплицами[7]. Тепличное хозяйство быстро расширялось, с 1890-х годов состарившиеся конструкции теплиц постепенно заменя-

[1] Там же. С. 50.

[2] *Кириков Б.М.* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX вв. СПб., 1996. С. 36.

[3] Паспорт памятника. КГИОП. П. 94. № 1227п.

[4] *Рейман А.Л., Николаева Т.И.* Пальмовые оранжереи // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. СПб., 2006. Т. 2. Кн. 5. С. 53–55.

[5] *Кириков Б.М.* Архитекторы-строители Санкт-Петербурга середины XIX — начала XX вв. С. 36.

[6] Александр (Петр Александр) Романович (Робертович) Бах (1853–1937). Родился в Петербурге в 1853 году в семье художника и скульптора Романа Ивановича Баха. Учился в Главном немецком училище Св. Петра (Петришуле) с 1864 по 1872 годы. В 1875 году он поступил в Петербургскую академию художеств сначала вольнослушателем, а через три года стал учеником. Дважды награждался серебряными медалями, в 1883 году — золотой. В 1884 году по окончании Академии художеств получил звание классного художника первой степени. С 1886 года А. Бах был назначен помощником архитектора Царскосельского дворцового управления. Спустя десять лет он получил должность архитектора, которую занимал до 1917 года. В ноябре 1902 года архитекторам С.А. Данини и А.Р. Баху президентом Франции было присвоено звание «Officier de Г Instruction publique» и пожалован соответствующий знак. В 1901 году архитектор построил Пальмовую оранжерею в Царском Селе. После установления Советской власти Царскосельское дворцовое управление было упразднено. По июнь 1920 года А.Р. Бах — архитектор Управления художественных имуществ Республики. С июня 1920 года — архитектор при Детскосельском управлении отдела музеев и охраны памятников искусства старины. Похоронен на Казанском кладбище в городе Пушкине.

[7] *Семенова Г.* Царское Село знакомое и незнакомое. М.; СПб., 2009. С. 250.

лись новыми, металлическими. 28 марта 1899 года архитектор А.Р. Бах получил заказ с указаниями от чиновника особых поручений при МИД фон Кноринга на составление проекта постройки на территории теплиц Пальмовой оранжереи или «Зимнего сада» по примеру английских и германских оранжерей. 22 июня 1899 года А.Р. Бах представил начальнику Царскосельского дворцового правления генерал-майору В.Е. Ионову проект и смету на постройку Пальмовой оранжереи на сумму 86 518 руб. 88 коп.[1]. Здание предполагалось строить по Садовой улице, в глубине участка, напротив Эрмитажной кухни. Устройство железной конструкции и отопления здания оранжереи было поручено заводу Сан-Галли[2]. Металлические конструкции были изготовлены заводом в сентябре 1900 года, за что ему было выплачено 20 тыс. руб., согласно договору и представленной смете от 16 июня 1899 года[3]. В мае 1900 года для постройки оранжереи было доставлено 3 куб. саж. песка и 5 куб. саж. мелкого мостового щебня. К августу были произведены распланировка земельного участка и вывоз мусора. В сентябре для Пальмовой оранжереи был закуплен красный кирпич. Было заготовлено 19 куб. саж. песка, еще 7 куб. саж. песка для устройства площадки у оранжерей. В ноябре был заготовлен романский цемент[4]. Остекление Пальмовой оранжереи было выполнено Северным Стекольно-Промышленным обществом[5] осенью 1900 года. В октябре 1900 года А.Р. Бах испрашивает в Центральном дворцовом управлении разрешение на изготовление и установку для оранжереи колонны из красного песчаника, картуши с короной и гирляндами, акротерии и барельефы мастерской Ботта[6] за 1000 р. 15 ноября в мастерской Ботта скульптурную работу выполнили и установили на предназначенное место[7]. 15 февраля 1901 года скульптор В. Ботта[8] закончил выстилку в парадном подъезде Пальмовой оранжереи пола метлахскими плитами на растворе из портландцемента[9]. Весной 1901 года были выполнены печные и малярные работы, заготовлены материалы для устройства площадки перед Пальмовой оранжереей, оформленной 27 марта 1901 года[10].

[1] КГИОП. П. 226-Г043; Н-13308. С. 29.

[2] *Смышляев В.* Сан-Галли — человек и завод. СПб., 2007.

[3] Далее приведены сведения, взятые из вышеприведенного Акта, со ссылками на документы РГИА. Ф. 487. Оп. 6.

[4] РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2367. Л. 81.

[5] Северное стекольно-промышленное общество учреждено 4 июля 1894 г. петербургскими купцами 1-й гильдии М.Л. Франком и Э.Ф. Штуцманом. В состав предприятий вошли зеркальные и стекольные заводы, принадлежавшие основателям общества, а также мастерские в С.-Петербурге и в местечке Роккало-коксис Выборгской губернии Финляндии. Правление общества находилось в СПб.

[6] Основателем скульптурной мастерской Ботта, одной из крупнейших в СПб. в середине-конце XIX века, был скульптор и камнерез Грациозо Иосифович Ботто (1836–1898).

[7] РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2367. ЛЛ. 40–41.

[8] Валентино Ботто (1845–1901).

[9] КГИОП. П. 226-Г043; Н-13308. С. 31.

[10] РГИА. Ф. 487. Оп. 6. Д. 2367. Л. 219.

В конце 1901 года завод Сан-Галли произвел в Пальмовой оранжерее водопроводные работы, а Российско-Бельгийское общество керамики выполнило работы по канализации и дренажу. В 1902 году завершена отделка оранжереи[1]. После ее постройки в оранжерею собирали растения из других оранжерей, в 1907 году пальмы и другие растения были куплены в Таврической и Елагиноостровской оранжереях. К 1910 году Пальмовая оранжерея превратилась в центральный композиционный элемент комплекса Царскосельских оранжерей, состоящего из 12 сооружений на участке. Южный ее фасад формировал парадный фасад оранжерейного комплекса по Садовой улице.

Пальмовая оранжерея была построена по типу зимнего сада и представляла собой металлическую остекленную конструкцию. Развитие производства металлических конструкций и листового стекла способствовало появлению Зимних садов и оранжерей. Они, как и керамическое производство, получили широкое распространение в эпоху модерна. Создаются оранжереи с большими, выполненными из стекол многопролетными галереями для субтропических и тропических растений. Каркас обычно выполнялся из металлических конструкций, внутри — паровое отопление и электрическое освещение.

Здание Пальмовой оранжереи арочной конструкции, прямоугольное в плане, главный фасад был обращен в сторону Садовой улицы и встроен в ограду комплекса по Садовой улице. Перед лицевым фасадом по проекту А.Р. Баха был разбит палисадник регулярной планировки. Главный фасад здания был выполнен в виде глухой стены, декорированной филенками с лепниной растительного орнамента. Центральная часть фасада акцентирована порталом, фланкированным колоннами дорического ордера. Основной объем здания состоял из остекленных, полуциркульного абриса, металлических конструкций. В щелыге створа арок были расположены световой фонарь, вентиляционные форточки для проветривания и ходовой мостик. Северо-западная часть здания была занята технологическими помещениями, в которых размещались отопительные приборы для поддержания оптимального температурно-влажностного режима для экзотических растений, находившихся в оранжерее. В счете на исполненную в 1901 году по оранжерее работу указано: «оранжерея длиной 20 сажен, шириной 7 сажен и высотой 4,75 сажен (без фонаря), передняя фасадная стена железная двойная, с двойным переплетом, задняя стена каменная, для соединения железной конструкции оранжереи»[2]. До 1917 года участок дворцовых теплиц в Царском Селе, на котором располагалось здание Пальмовой оранжереи, принадлежал Дворцовому ведомству. После 1917 года комплекс теплиц пришел в упадок, тепличное хозяйство было заброшено[3]. В 1935 году значительная часть здания Пальмовой оранжереи (металлические конструкции основ-

[1] Там же. Л. 25.
[2] КГИОП. П. 226-Г043; Н-13308. С. 38.
[3] Там же. Н-13308. С. 37.

ного объема) была демонтирована, а в 1936 году конструкции перенесены в Таврический сад. Южный фасад Большой Пальмовой оранжереи (каменная часть), оставшийся на историческом месте в Царском Селе, является с 2013 года частью объекта культурного наследия регионального значения «Дворцовые теплицы»[1] и в настоящее время исполняет роль ворот оранжерейного комплекса на Садовой улице города Пушкина. Он представляет собой 2 прясла кирпичной стены-ограды, фланкирующей портал главного входа, декорированных резными панно и каннелированными колоннами из туфа, вписанный в более низкую кирпичную ограду оранжерейного комплекса[2].

Конструкции Царскосельской Пальмовой оранжереи были установлены в Таврическом саду на месте «Лечебной оранжереи» 1889 года постройки, к этому моменту демонтированной и перевезенной в Ботанический сад. При монтаже металлических конструкций Царскосельской оранжереи в Таврическом саду к зданию пристроили кирпичную торцевую часть на три оконных оси и воссоздали в исторических габаритах портал главного входа. Внутри объекта был распланирован зимний сад, в соответствии с его первоначальным предназначением для пальмовой оранжереи с зимним садом.

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Таврический сад неоднократно подвергался налетам вражеской авиации (более 20 раз) и артиллерийским обстрелам. Сотрудники, работавшие в оранжереях и теплицах, пытались спасти и сохранить растения, но фонд вечнозеленых растений в Пальмовой оранжерее сохранить не удалось, так как остекление оранжереи было разбито[3]. После 1944 года начались реставрационные работы в Таврическом саду. В 1954 году была выполнена реконструкция Пальмовой оранжереи, а затем и полная реконструкция всего оранжерейного комплекса на территории Таврического сада. В 1969 году была проведена техническая экспертиза здания Пальмовой оранжереи. Экспертизой установлено: «здание оранжереи собрано в 1936 году из металлоконструкций, демонтированных в городе Пушкине, изготовленных до 1917 года. Основные несущие конструкции оранжереи состоят из 19 клепаных стальных арок пролетом в свету 14,00 м, установленных на двух продольных кирпичных стенах строения толщиной 1,00 м, при длине их 42,00 м, и высоте 1,2 м. Решетчатые арки клепаной конструкции собраны каждая из 4 уголков 65 на 65 на 13, при высоте сечений 48–50 см. Уголки склепаны раскосной решеткой из полосовой стали. Арки имеют полуциркульное очертание с вертикальными опорными участками, заделанными в кирпичную кладку стен здания. Высота помещения от уровня пола до нижней отметки щелыги составляет 15,00 м. Арки соединены горизонтальными решетчатыми связями, установлен-

[1] Распоряжение КГИОП № 10–61 от 26.02.2013.

[2] *Семенова Г.* Царское Село знакомое и незнакомое. М.; СПб., 2009. С. 250.

[3] *Аржелас О.А., Богданова Е.А., Вихарев Г.В., Логинова И.Н.* Петербургские сады. История и современность. СПб., 2011. С. 225.

ными через 3,5–4,0 м, между которыми установлены через 1,75–2,0 м второстепенные горизонтальные связи из двух уголков, которые служат основой для крепления гнутых деревянных горбылей остекления. Горбыли установлены вертикально через 35 см, параллельно очертанию основных несущих стоек. По продольной оси оранжереи смонтирован световой фонарь шириной 3,5 м, основанный на двух продольных стальных клепаных балках, опертых на конструкции основных арок. С двух сторон фонарь имеет вертикальное заполнение из остекленных металлических переплетов. Покрытие верхней части фонаря имеет криволинейное очертание и выполнено из остекленных деревянных горбылей. Оранжерея имеет сплошное одиночное остекление на клямерах, закрепленных гнутыми горбылями»[1].

С 1969 года оранжерея была закрыта в связи с ветхим состоянием металлоконструкций и деревянных горбылей для остекления. В конце 1970-х — 1980-х годах, после того, как оранжерейный комплекс отошел объединению «Цветы»[2], была произведена его реконструкция. В результате были демонтированы старые оранжереи, кроме Пальмовой, и возведен современный тепличный комплекс. Кирпичная пристройка к зданию Пальмовой оранжереи со стороны Шпалерной улицы, выполненная в 1930-е годы, вместе со зданием оранжереи была превращена в торгово-выставочный зал, претерпела изменения. Проект полной реконструкции территории объединения «Цветы» со строительством нового оранжерейно-производственного и торгово-выставочного комплекса и оснащением автоматическими системами регулирования был выполнен организацией ЛенНИИпроект в декабре 1980 года[3]. Проект разрабатывала группа архитекторов и инженеров-конструкторов мастерской № 5, руководимой Д.С. Гольдгором. Проектом реконструкции Пальмовой оранжереи предусматривалось устройство зимнего сада, что отвечало историческому назначению оранжереи. По проекту зимний сад имел регулярное планировочное решение и представлял собой сочетание открытых локальных пространств, дорожек и бассейна с куртинами оранжерейных растений.

К 1981 году рядом с Пальмовой оранжереей был построен комплекс теплиц, который использовался для производства цветочной продукции. В помещении отреставрированной Пальмовой оранжереи был открыт

[1] Архив ОАО «Институт „Ленпроект“. № 4900/2. Пояснительная записка к техническому проекту цветочного магазина по Потемкинской ул., д. 2. Л., 1970.

[2] Производственное цветочно-питомническое объединение «Цветы» было организовано в 1972 году на базе небольших хозяйств в разных районах Ленинграда. Производственная база объединения «Цветы», являющегося одним из старейших в стране производителей цветочно-питомнической продукции, составляла 22 га оранжерейной площади, 300 га питомника древесно-кустарниковых пород, 500 га семеноводства газонных трав. В ее состав входило 7 отделений, каждое из которых специализировалось на выращивании определенных видов растений. Основная ее площадка располагалась на Потемкинской улице и включала Пальмовую оранжерею, комплекс теплиц рядом с ней и Дом садовника.

[3] Архив ЛенНИИпроект. Ед. хр. № 11075 (инв. № 6585).

выставочный зал с целью показа постоянно действующей выставки экзотических тропических и субтропических растений, временных флористических выставок, а также выставок различных направлений. В здании оранжереи был оборудован бассейн. Проект Зимнего сада и фонтана в Пальмовой оранжерее, а также четырех выставочных витрин со стороны улицы Воинова был разработан в 1976–1978 гг. архитектором Е.К. Ушаковой (1918–1980). В 1983 году по техническому проекту, разработанному А/О «Хортус», согласованному с мастерской № 5 института ЛЕНПРОЕКТ, была проведена реконструкция системы остекления Пальмовой оранжереи. В 1996 году производственное цветочно-питомническое объединение «Цветы» было реорганизовано в сельскохозяйственный производственный кооператив (СХПК) «Цветы». Весь участок комплекса теплиц был предоставлен кооперативу в бессрочное пользование, затем приватизирован. В 2003 г. участки СХПК «Цветы» были выставлены на продажу. В сентябре 2004 г. СХПК «Цветы» был ликвидирован путем преобразования в Открытое Акционерное Общество (ОАО) «Цветы». В 2004 году здание Пальмовой оранжереи было рекомендовано КГИОП к принятию под государственную охрану как объект культурного наследия регионального значения[1]. В 2005 году здание оранжереи переходит к новому собственнику[2]. В связи со сменой владельца в 2005–2006 годах в здании оранжереи был произведен капитальный ремонт, в частности, замена стекол, системы отопления, освещения и осветительных приборов, системы водоснабжения и канализации, произведено переоформление интерьера, изменен состав растений. 8 ноября 2013 г. деятельность прекращена в связи с ликвидацией (юридическое лицо). Основная деятельность: декоративное садоводство и производство продукции питомников, различная торговля цветами и другими растениями, семенами и удобрениями.

На 2014 год более 90 % представленных в оранжерее растений были горшечные, количество и состав которых постоянно обновлялся. Оранжерея была открыта для посетителей как выставочный зал. В пристройке к зданию работал цветочный магазин, на антресолях располагалось кафе. В 2014 году оранжерея Таврического сада по адресу: Санкт-Петербург, Потемкинская ул., дом 2, литера Г с названием «Пальмовая оранжерея (Зимний сад)» была включена в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации как региональный памятник, разработан и утвержден Предмет охраны[3]. Статус памятника накладывает на собственников объекта культурного наследия обязанность согласовывать все реставра-

[1] План границ территории объекта культурного наследия федерального значения «Дворец Таврический» от 02.06.2004.

[2] Свидетельство о государственной регистрации права от 22.08.2005.

[3] Распоряжение Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга № 10–347 от 26 июня 2014 года.

ционные работы с КГИОП, не нарушать предмет охраны. К концу 2019 года Пальмовая оранжерея была в очередной раз выставлена на продажу. В настоящее время, несмотря на неопределенность ситуации, арендаторы продолжают заниматься благоустройством оранжереи, сохранением и расширением ассортимента растений. С 2013 по 2019 г. (после смены очередного владельца и арендаторов) акцент стал смещаться с продажи горшечных растений на пополнение коллекции оранжереи, в том числе пальм. Оранжерея становится все более привлекательным местом для отдыха, своеобразным общественным пространством, в котором кроме наслаждения красотой тропических растений можно принять участие в творческих вечерах, послушать выступления музыкантов, лекции или провести мастер-класс. Находясь внутри этой оранжереи, можно любоваться красотой ее исторической металлической конструкции (клепаным металлическим каркасом).

В 2019 году правительством города было принято решение о реконструкции прилегающей к Пальмовой оранжерее исторической территории Таврического сада, на которой с 2000-х гг. в заброшенном состоянии находится комплекс теплиц, созданный в 1980-е гг., и создании здесь нового многофункционального общественного пространства «Оранжереи».

К 2020 году в Таврическом саду из всех многочисленных исторических теплиц и оранжерей осталась только одна оранжерея, не менявшая свою функцию на протяжении 120 лет, — это «Пальмовая оранжерея (Зимний сад)», перенесенная на территорию Таврического сада в 1936 году с участка дворцовых теплиц в Царском Селе. Она является региональным памятником, и находится под охраной государства в соответствии с Федеральным законом «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ.

ПОЭМА В.П. МЕЩЕРСКОГО «ТАВРИАДА» (О ЗИМНИХ РАЗВЛЕЧЕНИЯХ В ТАВРИЧЕСКОМ САДУ)

ЛАНДЕР ИНГА ГЕОРГИЕВНА,
кандидат искусствоведения,
независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: Lander_Inga@mail.ru

Аннотация: «Тавриада» — поэма-шутка князя Владимира Петровича Мещерского (1839–1914) о зимних развлечениях в Таврическом саду Петербурга в 1861 году. В ней завуалированно описываются события, происходившие в близком кругу молодых Великих князей Александра, Николая, Владимира. Анализ текста поэмы дополняют сведения об устройстве ледяных гор и катков, способах катания в 1860-х гг.

Ключевые слова: поэзия В.П. Мещерского, зимние катания в Таврическом саду, придворные нравы и зимние развлечения середины XIX века, устройство катков и ледяных гор.

В Отчете Императорской Публичной библиотеки за 1864 год читаем: «Тавриада, современная поэма. Санкт-Петербург. 1863. В 12 д.л. Автор этой шутливой поэмы — князь Владимир Мещерский. Она имеет предметом катание на коньках по прудам Таврического сада и с гор, там устроенных, и напечатана в незначительном числе экземпляров (от князя К.А. Горчакова)»[1].

Действительно, с разрешения министра внутренних дел в Петербурге за счет автора была издана небольшая брошюрка тиражом 30 экземпляров по «непомерно дорогой цене» в 12 рублей серебром, которую автор и издатель объясняет: «сюжет поэмы со всеми героями поднимает значительно ценность труда»[2].

История написания и издания этой поэмы отражает подробности биографии ее автора.

Владимир Петрович Мещерский (1839–1914) родился в семье князей Мещерских. Его матери Екатерине Николаевне (1806–1867), дочери Николая Карамзина, посвящали стихи В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, она входила в круг друзей Пушкина. В доме царил культ Карамзина: «С раннего детства я стал расти в духе Карамзина, под гипнозом его дочери, моей матери», — писал Мещерский[3]. Известно, что в 1826 году по приглашению императрицы Марии Федоровны Н.М. Карамзин жил в Таврическом дворце, где его не стало. Екатерина стала женой подполковника князя Петра Ивановича Мещерского (1802–1876), человека слабого характера, про-

[1] Отчет Императорской Публичной библиотеки. 1864. СПб., 1865. С. 28–29.

[2] [*Мещерский В.П.*] Предисловие // Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. Без пагинации

[3] *Мещерский В.П.* Дневник, 30 мая // Гражданин. 1914. 1 июня. С. 16.

стака и «подкаблучника». В салоне княгини Мещерской собирались представители консервативной дворянской оппозиции. По словам фрейлины и талантливой мемуаристки Анны Федоровны Тютчевой (1829–1889): «Ум княгини Екатерины Николаевны был необычайно язвительный, характер цельный и страстный, столь же абсолютный в своих симпатиях, как и антипатиях, в утверждениях, как и в отрицаниях. Для нее не существовало переходных оттенков между любовью и ненавистью, на ее палитре были только эти две явные краски»[1]. С конца 1850-х годов Мещерские подолгу жили за границей, чего требовало слабое здоровье Екатерины Николаевны. В 1857 году в Швейцарии их часто навещал Л.Н. Толстой.

Двенадцатилетнего Владимира Мещерского отдали в Училище правоведения. Обучение было платным, но семья получала государственный пенсион за Николая Карамзина, имевшего звание историографа.

Училище правоведения, открытое по инициативе Петра Ольденбургского в 1835 году, сначала хотели разместить близ Таврического сада. Был начертан план и эскиз роскошного здания на берегу Невы. Но это отодвигало сроки открытия учебного заведения, которое разместили на Фонтанке, дом 6 (трехэтажный дом И.И. Неплюева).

Владимир Мещерский получил хорошую домашнюю подготовку, поэтому учился только 7 лет (без подготовительного класса). Он окончил гимназический курс (VII, VI, V и IV классы) и старший — университетский (III, II и I классы). Я не буду подробно останавливаться на системе обучения правоведов, но хочу сказать о важных для нас обстоятельствах. Зимой два раза в день разрешалось кататься на коньках по льду Фонтанки, на санях и лыжах. В саду строили ледяные крепости и разыгрывали их штурм и защиту[2]. В 1838 году француз Густав Маур де Паули (ум. 1839), преподаватель анатомии и гимнастики, выпустил иллюстрированный учебник «Зимние забавы и искусство бега на коньках». До приезда в Россию он преподавал в Парижском центральном военно-гимнастическом институте. Он писал: «Из всех зимних удовольствий нет приличнее и полезнее бега на коньках. Это укрепляет здоровье, грацию движения тела, силу, ловкость, должно составлять забаву юношей и одушевлять людей взрослых». Густав Густавович Маур де Паули писал: «Число катающихся на коньках по Неве увеличилось. Среди них даже кадеты и воспитанники прочих учебных заведений»[3].

В мае 1857 г. Мещерский поступает на службу, начиная с младшего помощника секретаря в пятом департаменте Сената, занимавшегося уголовными и межевыми делами. В 1859 г. он — стряпчий по полицейским делам в Рождественской части С.-Петербурга, а с конца 1859 г. — судья по гражданским делам С.-Петербургского уездного суда. Перемена службы объ-

[1] *Тютчева А.Ф.* Воспоминания при дворе двух императоров: Дневник. СПб., 2017.

[2] *Анненкова Э.А.* Императорское училище правоведения // Пространство и время. 1 (11). 2013. С. 219.

[3] *Паули Г.М.* Предисловие // Зимние забавы и искусство бега на коньках с фигурами. СПб., 1838. Без пагинации.

яснялась также и более высоким материальным содержанием, что для Мещерского имело немаловажное значение, поскольку, несмотря на знатную фамилию, семья его располагала весьма ограниченными средствами.

С 1861 года он — чиновник по особым поручениям Министерства внутренних дел и камер-юнкер. В том же 1861 начинается долгий период, очень точно названный исследователем И.Е. Дроновым: «Князь В.П. Мещерский и власть: История безответной любви»[1].

Два обстоятельства — фамильные связи и своеобразное братство выпускников Училища правоведения — оказали влияние на его дальнейшую жизнь. Девизом этого правоведческого братства была строка из стихотворения Горация: «Что бы ты ни делал, делай это разумно и не упуская из виду цель» («Quidquid agis prudenter agas etrespice finem»). Позднее к этому девизу добавили еще один: «Честно жить, никого не обижать, каждому воздавать свое» («Honeste vivere, neminem ledere, suum cuique tribuere»).

С 1861 г. Владимир Мещерский — чиновник у министра внутренних дел Петра Александровича Валуева (1815–1890), разработчика земской и цензурной реформ. Половинчатость реформ, колебания ее создателя отражены на карикатуре в «Искре», 1862, № 21. Кроме того, Валуев занимался литературной деятельностью, с 1880-х гг. публиковал романы из светской жизни: «Художественный талант Валуева крайне незначителен, но у него есть некоторая наблюдательность и некоторая сатирическая жилка». Документальную, историческую ценность имеют его опубликованные дневники 1847–1884 гг. Именно Валуев дал разрешение на печатание поэмы Мещерского, на обороте титульного листа стоит: «Печатано с разрешения господина министра внутренних дел». Мы увидим, что в дальнейшем Мещерский повторит некоторые из этапов творчества своего первого покровителя — половинчатось, отказ от либеральных идей, наконец, литературные занятия, из которых дневники останутся наиболее важными.

Благодаря родству с Вяземскими, Голицыными, Чернышевыми, Клейнмихелями и др., князь Мещерский с молодых лет был своим в аристократическом Петербурге. Пропуском к царскому двору послужило имя Карамзина.

Юный камер-юнкер был обходителен, любезен, общителен, что сделало князя желанным гостем при дворе (по отзыву С.Ю. Витте, «приемы Мещерского были всегда удивительно сладки и подобострастны»). Летом 1861 г. он сопровождал царскую семью во время поездки в Крым, с этого времени он сам себя полагает «Ментором у трона»[2]. Он занимается с детьми Александра II — цесаревичем Николаем Александровичем и его братом Александром Александровичем, пишет для них программы

[1] Князь В.П. Мещерский и власть: История безответной любви // Князь В.П. Мещерский и Российский императорский дом: Документы и материалы / сост., ком. и вст. ст. И.Е. Дронова. М., 2018. С. 9–24.

[2] «Ментор у трона» — название рукописи В.К. Коростовца, которая хранится в архиве Колумбийского университета. См.: Князь В.П. Мещерский и власть: История безответной любви // Князь В.П. Мещерский и Российский Императорский дом: Документы и материалы / сост., ком. и вст. ст. И.Е. Дронова. М., 2018. С. 9–24.

занятий, обсуждает те лекции, которые им читают придворные учителя, наконец, пишет пространные письма своим юным подопечным.

В придворной среде князь получил прозвище «Вово» Мещерский. Особенно близко «Вово» сошелся с наследником престола Николаем Александровичем (1843–1865). Как говорил преподававший право Николаю Александровичу Борис Николаевич Чичерин (1828–1904), «его старались сблизить с великим князем вследствие того, что из всех петербургских молодых людей высшего общества он один имел некоторые умственные и литературные интересы»[1]. Внук Карамзина, по примеру прославленного деда, вообразил себя призванным воспитывать и наставлять августейших персон.

Он очень много ездил по России и из этих поездок писал пространные письма наследнику Николаю Александровичу, делясь с ним своими впечатлениями от непосредственного соприкосновения с жизнью российской провинции.

В 1863 году и сам Николай Александрович отправляется в Grand Tour по России[2]. С.Д. Шереметев писал о наследнике: «Он вообще был вежлив, приветлив и благовоспитан, наблюдателен и осторожен в словах и действиях»[3], «цесаревич развивался не по дням — на радость и утешение всех благомыслящих людей»[4].

С 1861 по 1867 гг. Мещерский, по его собственным словам, «скитался по России чиновником особых поручений министерства внутренних дел», пока министр А.Е. Тимашев не отчислил его «за несогласные со взглядами министерства политические убеждения». Позже, в 1876 г. в «Речах консерватора» Мещерский писал: «Я вынес в то время два убеждения: первое, что жизнь в России идет вперед, и второе, что во многом Петербургский либерализм тормозит это движение вперед Русской жизни... Россия взяла жизнь напрокат из разных либеральных газет и журналов. Либеральная и именно ложнолиберальная печать овладела обществом так же вполне, как кабак овладел народом»[5].

В 1867 году Владимир Мещерский неожиданно оставляет службу для того, чтобы заняться журналистикой. С 1872 года при поддержке Вел. Князя Александра Александровича он начинает издавать одиозный журнал «Гражданин».

Вернемся к поэме «Тавриада», написанной в апреле 1861 года и изданной в 1863 году, которую «Его императорскому высочеству великому князю Александру Александровичу. С глубокою душевною преданностью посвящает автор, князь Владимир Мещерский».

[1] *Чичерин Б.Н.* Воспоминания. Московский университет. М., 1929. С. 135.

[2] *Мелентьев Ф.И.* О.Б. Рихтер — летописец путешествий по России цесаревича Николая Александровича // Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу: Сб. статей / Отв. ред. М. В. Лескинен, О. В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 192–203.

[3] *Шереметев С.Д.* Мемуары графа С.Д. Шереметева / Сост., подг. текста и прим. Л.И. Шохина. М., 2001. С.193.

[4] Там же. С. 197–198

[5] *Мещерский В.П.* Речи консерватора. СПб., 1876. Вып. 1. С. 37.

Известно, что 24 июля 1861 года Таврический сад был открыт для общественного гулянья, он мгновенно становится необычайно модным[1]. В предисловии к поэме Мещерский пишет: «в 1861 году, когда двери старого Таврического дворца широко растворились и стали открытыми для многочисленной публики любителей езды на коньках и санных катаний с гор. <...> стариками, старухами, зрелыми и незрелыми овладела лихорадочная страсть покупать коньки, надевать их, скакать в Таврический сад, падать раз двадцать в минуту и т.п. Нашлись люди, которые по утрам после чая или кофе вместо чтения газет или служебных занятий, надевали на себя коньки и летали по всем комнатам. <...> В гостиных и на балах разговаривали только о катании на коньках ...»[2].

Мещерский датирует свою поэму апрелем 1861 года, когда сад еще принадлежал императорской фамилии, а во дворцовых комнатах жили бывшие придворные дамы:[3]

«Вдали от шумныя столицы
У мирных Невских берегов
Живут отцветшия девицы
Боярских, Княжеских родов!
Среди покинутого зданья
Времен Таврических побед
Их там мечты, воспоминанья
Схоронены во цвете лет...»[4]

Мещерский пишет о себе: «Вот в это-то время среди толпы, посещавшей ежедневно Таврические горы, нашелся один их тех избранников судьбы <...> Большого росту, скорее дурной, чем недурной собою, с необъятною головою и едва заметными глазами <...> сидел иногда в уединении»[5], присматриваясь и прислушиваясь. Мещерскому 22 года, он служит уездным судьею:

«Пробьют часы четвертый час,
Судья, прощаяся с законом,
Спешит в Тавриду на Парнас.
<...>
О том, как я медведем сонным
Пускался с гор и на коньках,
Рассказ мой будет монотонным»[6].

В первую очередь Мещерский рассказывает нам о братьях — великих князьях Александре, Николае и Владимире, которые почти ежедневно

[1] Северная пчела. 1861. 26 июля. С. 672.

[2] [*Мещерский В.П.*] Введение // Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. [II–III].

[3] Таврический дворец в Петербурге // *Тимм В.* Русский художественный листок. 1861. № 31. 1 ноября С. 128.

[4] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 2

[5] [*Мещерский В.П.*] Введение // Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. [IV].

[6] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 2, 4–5.

бывали на катке Таврического сада. Они катались с гор, на коньках, играли в мяч (хоккей). Катание проходило с двух до четырех дня, молодых людей сопровождали их друзья и адъютанты. В ГА РФ, в фонде Александра III хранится альбом рисунков графа Алексея Борисовича Перовского (1842–1887), сына воспитателя великих князей[1]. Первая изображенная в альбоме сцена относится к 9 декабря 1862 г. и названа автором как «Замечательное, скажу более, достопамятное сражение на славном пруду Тавриды». На рисунке изображены на коньках за игрой в мяч великие князья, принцы Ольденбургские, герцоги Лейхтенбергские, А.Б. Перовский, В.П. Мещерский, адъютанты Г.Г. Берг, П.А. Козлов, В.А. Барятинский и др. Многие строки «Тавриады» полностью соответствуют сцене, изображенной на рисунке А.Б. Перовского[2].

Мощный 16-летний Александр Александрович (1845–1894) любил играть на льду с мячом:

«Явились Вы, кому стихи я,
Состряпав, скромно посвятил:
Как ветра буйная стихия,
Что хватит ног, что хватит сил,
Летите Вы, в руках дубина,
Слегка согнувшись под углом,
Коньки трещат, трещит и льдина,
А руки ходят колесом»[3].

О наследнике престола, любимце и надежде семьи Николае Александровиче (1843–1865) говорится далее:

«Другой не гонится за Вами,
Ведь добредет когда-нибудь:
Как стоик мерными шагами
Скользя он мерит скользкий путь»[4].

«Красивый, хорошо сложенный, хотя ростом немного ниже своих братьев...», — вспоминал о Владимире Александровиче (1847–1909) начальник канцелярии Министерства императорского двора А.А. Мосолов[5].

«Другой хоть ростом поскромней,
Зато велик он шириною,
Парит орлом среди людей,
Всегда один с самим собою»[6].

Упоминает Мещерский и адъютантов Великих князей — флигель-адъютанта, графа Георга Густавовича Берга (1849–?), князя Владимира Анатольевича Барятинского (1843–1914) — поручика л.-гв. Преображенского полка, адъютанта цесаревича Александра Александровича.

[1] ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1318.

[2] *Сидорова М.В.* Два альбома с рисунками А.Б. Перовского (1863–1866) // Хранители: Материалы XI Царскосельской научной конференции. СПб., 2005. С. 43.

[3] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 6–7.

[4] Там же. С. 7.

[5] *Мосолов А.А.* При дворе последнего императора. Записки начальника канцелярии министра двора. СПб., 1992. С. 125.

[6] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 7.

«И вскоре все, что здесь дремало,
Объято мирной тишиной,
Волшебно вдруг затрепетало.
Толпой героев удалой
Покрылись горы снеговыя –
Покрылся ледяной каток;
Вожди явились боевые»[1].

Далее речь идет о Павле Александровиче Козлове ([Павлике], 1842–1891), ротмистре л.-гв. Кирасирского полка, адъютанте цесаревича Николая Александровича. Мещерский был с ним в ссоре:

«В главе толпы лихой ездок,
Владетель множества саней
С гербом козлиной головою»[2].

Не совсем почтенно пишет Мещерский о 42-летнем Фрэнсисе Нэйпире (Francis Napier, 1819–1898), после Великобритании в России:

«Вот сам посол, седой вельможа,
Забыв Сен-Жемский кабинет,
Летит с горы, на брюхе лежа,
Как будто лорду двадцать лет»[3].

Мещерский упоминает князя Михаила Михайловича Голицына (1840–1918), служившего в лейб-гвардии Конном полку.

«Вот князь М.М., всех друг на свете
С улыбкой доброю в привете»[4].

Зимняя «Таврида», как называли петербуржцы Таврический сад в XIX веке, стала местом развлечения, знакомства, флирта придворной молодежи.

«Вот неприступная графиня
В костюме леди молодой:
За ней, как люди за богиней,
Толпа из знати столбовой!
Один ей падать помогает,
Другой, грациозно наклоняясь,
Коньки к ботинке прикрепляет,
Пока другой смешит смеясь»[5].

После катания делали перерыв на чай, который пили, не снимая коньков, в залах Таврического дворца.

«Люблю я час отдохновенья
В античной зале чайный стол!»
«Но вдруг все встали,
Коньки по полу застучали»[6].

[1] Там же. С. 8.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 15.
[4] Там же. С. 14.
[5] Там же. С. 18–19.
[6] Там же. С. 23.

Конечно же автор поэмы не мог оставить без внимания и глубокое чувство, которое проявляет его главный герой великий князь Александр Александрович. Он был влюблен во фрейлину императорского двора Марию Элимовну Мещерскую (1844–1868), кузину В.П. Мещерского.

«Гляжу ... в задумчивом волненьи
Сидит она...
<...>
Внезапно вся она вздрогнула,
Глаза ее зажглись огнем
<...>
С улыбкой счастия герою
Дрожащу ручку подала
<...>
Взобравшись на гору друзьями,
Расстались к ночи женихами!»[1]

Мария Мещерская отличалась приятными манерами, добротой и остроумием[2]. Она прекрасно владела французским и английским языками, писала стихи, рисовала, хорошо держалась в седле. Девушка еще очень молодая, с красивыми грустными глазами и необыкновенно правильным профилем. ... Почти сразу она была принята в компанию «золотой молодежи», в которую входили цесаревич Николай, его братья Александр и Владимир, фрейлина Александра Жуковская и др. Молодые люди весело проводили время: катались верхом, гуляли, играли в лото и карты... Особенно сильное впечатление Мария произвела на Александра Александровича, который с первой встречи почувствовал к ней глубокую симпатию. Он часто упоминал Марию в своих письмах. Возможно, что молодые люди поженились бы. Но тут в императорской семье случилась трагедия, изменившая судьбы и Александра с Марией, и всей страны. 24 апреля 1865 года умер наследник престола Николай Александрович, и Александр Александрович стал наследником. Осенью 1865 года, когда выпал снег, императорская семья все еще оставалась в Царском Селе. Александр и Мария много времени проводили вместе. Вечером они встречались на катке, где цесаревич катал свою избранницу в кресле.

Печальные итоги

Мещерский в 1864 году называет свои отношения к Николаю Александровичу «чувством или отношениями несчастной любви к женщине, которая отвечает на них равнодушием» (письмо от 11/12 августа 1864). Через три года Мещерский разочаруется во Владимире Александровиче и напишет ему: «Ум Ваш Вы покорили плоти и устроили себе какой-то мир чувств, наслаждений и ощущений» и «Вы присвоили себе в качестве великого князя права насмешки, постоянных шуток, презрения к личности, ... а я должен был взять на себя роль шута, платящего за великокня-

[1] Там же. С. 23–25.

[2] *Дронов И.Е.* Император Александр III и его эпоха. М., 2017. С. 99–125.

жеские ласки безмолвным согласием навсегда сжиться с этой постыдной ролью» (письмо от 31 марта 1865). Александру Александровичу, который весной 1866 года стал думать о женитьбе на Марии Мещерской, что давало возможность отказаться от престола, Владимир Петрович Мещерский написал: «ведь она вас не любит, она неспособна любить. Это мелкая эгоистическая натура, испытывающая удовольствие от того, что кружит голову престолонаследнику!»

Излишняя экзальтированность, навязчивость, которую плохо воспринимали взрослевшие великие князья, стали причиной отторжения Мещерского[1]. Кроме того, ходили слухи о том, что Мещерский «употребляет молодых людей, актеров и юнкеров и за это им протежирует...». Так называемых воспитанников он называл своими «духовными детьми». Николая Федоровича Бурдукова он сделал камер-юнкером и «членом тарифного комитета» в министерстве внутренних дел. Он помог чиновнику по особым поручениям Иосифу Иосифовичу Колышко, замешанному в вымогательстве. Самой одиозной привязанностью Мещерского был авантюрист Иван Федорович Манасевич-Мануйлов. Через будуар князя Мещерского Манасевич вошел в журналистские сферы, сделавшись плодовитым светским хроникером и модным драматургом. Об этом с нескрываемой брезгливостью вспоминал С.Ю. Витте[2].

Экземпляр поэмы «Тавриада» был подарен в Императорскую Публичную библиотеку князем Константином Александровичем Горчаковым (1841–1926). Он учился на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, с 1863 года вступил в службу, был причислен к Министерству внутренних дел. С.Ю. Витте писал о том, что князь Горчаков «был замечательно красив... Но он был <...> человеком в высокой степени антипатичным ... Они [Половцев и Горчаков — *И.Л.*] имеют и положение, и громадное состояние, вполне независимы, а между тем прямо в натуре у них подлизываться к сильным, власть имущим людям...»[3].

Зная эти обстоятельства, довольно сложно комментировать завуалированные образы поэмы «Тавриада».

Поэма Мещерского заканчивается естественным образом:

«Но вдруг! Увы! Весна настала,
И с юга дунул ветерок!»

Необходимо процитировать провидческие слова Мещерского:

«Скажите ей вы до свиданья
До той зимы, до тех снегов,
Когда опять пора катанья
Прийдет для санных ездоков!»[4]

---

[1] *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: Патриот и посредничество в России рубежа XIX–XX вв. Самара, 2009. С. 73–74.

[2] *Витте С.Ю.* Князь В.П. Мещерский // Витте С.Ю. Воспоминания: Полное издание в одном томе. Т. 3. Приложение. М., 2010. С. 1193–1208.

[3] *Витте С.Ю.* Воспоминания: Полное издание в одном томе. С. 142.

[4] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 26–27.

В дневниковых записках воспитателей великих князей встречается множество упоминаний о визитах великих князей на каток Таврического сада: «Поехали в Таврический сад. Там, на катке, было много посетителей...»; «отправились в Таврический сад. Туда приезжал государь с великой княжной Марией Александровной, великий князь Константин Николаевич, и было много других посетителей. Великие князья очень весело провели время и с сожалением расстались с горами в четыре часа»[1].

Как уже говорилось, парк стал общедоступным с 1861 года, но еще более десяти лет на один сезон на каток выдавались специальные билеты Канцелярией Министерства Императорского двора. «Мало-помалу туда же стали ездить и двоюродные братья великих князей, дети великого князя Константина Николаевича и великого князя Николая Николаевича, а также великая княжна Мария Александровна и некоторые ее другие подруги, с детства приглашавшиеся к ней для игр, а затем также и товарищи игр великих князей. Таким образом, на катке Таврического сада собиралось целое общество, в первый год не очень многолюдное, но потом все более и более многочисленное. Зимою 1868 г. там уже бывал целый раут молодежи, близкой к великим князьям, которые эти поездки очень любили»[2].

Каток Таврического сада сохранял свою популярность, и в 1870–1880-х гг., там довольно часто катались на коньках цесаревич Александр Александрович с молодой женой Марией Федоровной. Она охотно каталась и на горках Таврического сада. Причем каталась так, что периодически «расшибалась» и потом ходила с «порядочным синяком на лице»[3]. Вероятнее всего, Мария Федоровна «заработала» синяк на одной из снежных гор Таврического сада, с которых золотая молодежь каталась и на специальных креслах, и просто на коньках: «Были в „Тавриде“. Катался с гор на коньках с наслаждением! Чудо как хорошо»[4].

Устройство гор и катков Таврического сада

Ледяные горы и катки берут свое начало с Петровских времен. С Елизаветинских времен славились ледяные горы Охты, на которые ездил весь Петербург[5]. Строились горы и на Неве перед Зимним дворцом, на островах, на Адмиралтейском лугу. В XIX веке ледяные горы строили на Исаакиевской площади, на Неве около нового Николаевского дворца, на льду Фонтанки и Мойки, у Тучкова моста. Делали горы и во дворах частных домов, например, на Английском проспекте в Коломне[6]. «В не-

[1] Из дневника Н.П. Литвинова. 1861–1862 // Великий князь Александр Александрович. Сборник документов. М., 2002. С. 522.

[2] Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. 1857–1877. М., 2006. С. 117.

[3] Александр III // Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 476.

[4] Великий князь Сергей Александрович: Биографические материалы. Кн. 1. С. 259.

[5] *Столпянский П.Н.* Вверх по Неве от Санкт-Питер-Бурха до Шлюшина: Путеводитель. СПб., 1922. С. 24–25.

[6] Ледяные горы в Таврическом саду // Воскресный досуг. 1865. Т. 6. № 149. С. 381.

которых кварталах сооружают снежные горы и по ним с бешеной скоростью скатываются вниз, впрочем без малейшей опасности, поелику нарочито приставленные люди сталкивают вас сверху и принимают внизу», — вспоминала художница Виже-Лебрен[1].

Если гора строилась с одним скатом, то с противоположной стороны пристраивалась лестница[2]. Дощатому настилу придавали несколько волнистую форму. Настил ската (или форс) покрывали утрамбованным снегом, который поливали водой до образования гладкой ледяной корки (иногда укладывали ледяные напиленные плиты, плотно их пригоняли и поливали водой). У ската были деревянные бортики, украшенные небольшими елочками. Продолжением ската становилась длинная ледяная дорожка (улица, раскат, хвост). В Таврическом это был лед расчищенного пруда. Не только вся длина пробега, но и верхняя площадка и ледяной раскат были украшены вкопанными елками. В темное время горы освещали фонариками и плошками, разноцветными бенгальскими огнями, факелами. Позднее стали украшать электрическими фонарями, в том числе и разноцветными.

Мещерский писал:

«Люблю вечерние катанья,
Снегов пылающих привет
И вас, прелестные созданья,
Когда волшебный белый свет
Вас озарит одно мгновенье..»[3].

Вода в пруды Тавриды поступала из Прудковского садика, в который в свою очередь приходила из Лиговского канала. В Петербурге, в среднем, Нева замерзала к 25 ноября, а вскрывалась 21 апреля.

На чем катались с гор в Таврическом? Судя по поэме Мещерского и иллюстрации 1865 года из журнала «Воскресный досуг»[4], спускались разным способом: стоя на ногах, на коньках, на низких саночках-«американках» и на санях с высокими сидением и спинкой (похожими на финские санки), которыми управлял стоящий на полозьях человек. Для этого надо было быть достаточно ловким и сильным, чтобы не вывалить свою «поклажу» на лед или в снег. Вот что пишет Мещерский в прозаическом примечании к своей поэме: «Любители сильных ощущений и ценители головоломных упражнений нашли возможность вальсировать на горах. <...> двое саней становятся одне за другими: на передних с подобострастною улыбкою садится жертва, которой предстоит вальсировать во время полета сверху вниз; на задних ложится палач; жертва все улыбается до той минуты, пока сани не тронулись с места; тогда улыбка заменяется сжиманием губ, как будто для того, чтобы не дать выскочить

[1] *Выскочков Л.* Будни и праздники Императорского двора. СПб., 2012. С. 51–52.

[2] Мороз веселью не помеха. Зимние развлечения старого Петербурга // Энциклопедия зимних праздников. СПб., 1997. С. 330–336.

[3] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 22.

[4] Воскресный досуг. 1865. Т. 6. № 149. С. 381.

душе, от страха не знающей, куда деваться; начинается мечта о вечности, о переходе к ней посредством столкновения головы с оградою горы, думы прерываются на каждом повороте саней кругом оси, производимом палачом сзади во время спускания по горе: улыбка возобновляется, когда сани благополучно спустились»[1].

А вот что писал в 1865 году журнал «Воскресный досуг» в заметке о Ледяных горах в Таврическом саду: «В гигиеническом отношении врачи осуждают народные забавы гор и качелей. Замирание сердца, ощущаемое при этом и считающееся особенным удовольствием, производит часто аневризмы»[2]. Это в корне расходилось с мнением упоминавшегося Густава Маур де Паули: «Из всех удовольствий, которое юношество севера может пользовать зимою, нет, без сомнения, приятнее и полезнее бега на коньках»[3].

В 1860-е годы, как уже упоминалось, катание на коньках стало необычайно модным развлечением людей всех сословий. В «Русском художественном листке» В. Тимма за 1862 г. были опубликованы юмористические заметки: «<...> важные особы, подвязав себе под ноги быстрокрылые коньки и вооружившись здоровой палкой с закорючкой, то выписывают всевозможные вензеля, то лягаются, как кони, почуявшие близость брани, то машут, как танцоры, своими ногами ... Здесь, на Неве, и дамы — да и дамы тоже иногда доказывают <...> эта способна к смелым, быстрым и резким движениям <...> что эти ноги, хотя и укутанные теплой обувью, еще привлекательнее тех, что на картинках»[4].

Об увлечении коньками в царской семье подробно написано у И.В. Зимина[5]. Были и очень запоминающиеся события, например, праздник с электрической иллюминацией на Английском катке на Неве 13 января 1867 г., в котором участвовала и императорская семья[6]. Тогда впервые были показаны выступления танцоров и конькобежцев.

Постепенно к 1880-м годам более популярными, нежели Таврический, становятся каток Юсуповского сада и Прудков[7]. Но при этом каток Таврического сада по-прежнему работал, о чем свидетельствует объявление «Таврический сад. Тлф.1642. С 1 мая по 1 октября. Зимою каток и горы»[8].

---

[1] [*Мещерский В.П.*] Тавриада. Современная поэма. СПб., 1863. С. 9–10.

[2] Ледяные горы в Таврическом саду // Воскресный досуг. 1865. Т. 6. № 149. С. 381.

[3] *Паули Г.М.* Зимние забавы и искусство бега на коньках с фигурами. СПб., 1838. С. [I].

[4] *Тимм В.* Русский художественный листок. 1862. № 6. 20 февраля. С. 23.

[5] *Зимин И.В.* Зимние катки // *Зимин И.В.* Детский мир императорских резиденций. Быт монархов и их окружение: Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.; СПб., 2013. С. 187–191.

[6] *Столпянский П.* Старый Петербург. Дворец Труда: Исторический очерк. СПб., 1923. С. 22–23.

[7] *Домбровский Ф.В.* Полный путеводитель по Петербургу и всем его окрестностям. СПб., 1896. С. 80.

[8] Весь Петербург: Адресная и справочная книга г. Санкт-Петербурга на 1908 год. СПб., [1908]. Стб. 1029.

ТАВРИЧЕСКИЙ ДВОРЕЦ ПЕРЕД ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ: ВСТРЕЧА ОБЩЕСТВА И ДВОРА

ЛУКОЯНОВ ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
член НМС Центра истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: lukoianov@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена состоянию и использованию Таврического дворца на рубеже XIX–XX века. Министерство двора превратило здание в общественное пространство для проведения различных мероприятий, которые патронировались членами императорской фамилии, — исключительный случай для царских резиденций.

Ключевые слова: Таврический дворец, Министерство императорского двора, реконструкция, выставки, благотворительность.

С начала XIX в. Таврический дворец, формально сохраняя статус императорского, использовался не как резиденция (таких дворцов было всего два — Таврический и Елагин), а как большое второсортное помещение, где могли находиться на постое гвардейские части и доживали свой век дворцовые пенсионеры (ими являлись бывшие служащие Министерства двора с семьями и члены Придворного штата). В 1870–1880-е гг. время от времени некоторые его залы использовались, например, для проведения танцевальных вечеров, для свадебных торжеств. Зимой активно «эксплуатировался» Таврический сад: с эпохи Николая I там устраивались ледяные горки для великосветской молодежи, а также каток. Молодые люди играли в «городки на коньках» — игру, подсмотренную у иностранцев и напоминающую современный хоккей с мячом. В руках у них были клюшки — палки, обитые железом, которыми они наносили удары. В.М. Вонлярлярский позднее вспоминал: «Мало кто занимался тогда этим спортом: мы с братьями научились ему на катке у Синего моста, играя с немцами, а позднее у Николаевского моста, играя с англичанами». Александр III бывал в Таврическом дворце как наследник престола и принимал активное участие в развлечениях, но после 1 марта 1881 г. он перестал посещать его. В его царствование игроков постепенно вытеснили катающиеся на коньках девушки, в парке окончательно утвердился великосветский каток, на который вызывались полковые трубачи и офицеры Кавалергардского полка[1].

[1] *Вонлярлярский В.М.* Мои воспоминания 1852–1939 гг. Берлин, [1939]. С. 40–42.

Анфилады помещений первого этажа не отапливались, вообще дворец сложно было обогревать из-за громадных объемов его помещений (расходовали ежегодно до 200 пудов коксующегося угля). Они хранили мебель екатерининского времени. В начале XX века, во время подготовки дворца для Думы, она была продана старьевщикам на Апраксин рынок, составив предмет вожделения многих любителей старины и коллекционеров. Часть мебели позднее была вывезена за границу. В крыльях дворца имелось около 80 квартир, занимаемых преимущественно престарелыми фрейлинами (В.В. Неклюдова, Е.Ф. Крюденер, светлейшая княгиня Н.Г. Грузинская и ее родственница графиня В.Л. Грузинская, княжна С.И. Шаховская, баронесса О.П. Фитингоф-Шель и др.). Всех их расселили в 1905 г., причем дворцовое ведомство выделило приличную субсидию (32,8 тыс. руб.) для переезда[1].

В полукруглой ротонде, где впоследствии находился кабинет председателя Государственной думы, хранились зимние санки и коньки[2]. Зимний сад, на месте которого был создан зал заседаний Государственной думы, использовался как склад старых театральных декораций, рядом с ним была оборудована мастерская для их изготовления. Отсутствие электричества, захламленность горючими материалами вкупе с использованием газового освещения делали эти помещения в высшей степени пожароопасными. Но, к счастью, обошлось.

Фактически дворец потерял статус императорского, превратившись в место проведения некоторых великосветских мероприятий. На его содержание тратили в год около 25 тыс. руб. — более чем скромная сумма для такого здания[3]. Тем не менее, здание хорошо охранялось. Его караулила полурота из более чем 100 военнослужащих (80 рядовых, 15 унтер-офицеров и 3 обер-офицеров)[4].

Таврический дворец постепенно ветшал, содержание такого значительного здания требовало немалых средств. Из-за отсутствия отопления во многих помещениях постоянно существовала влажная атмосфера, это сильно влияло на состояние штукатурки. В 1897 г. проведенное обследование показало, что в Екатерининском зале «вследствие неремонтирования в течение многих лет штукатурка потолка большей частью промокла и теперь постоянно лупится и отваливается, карнизы и канители колонн потрескались, и большие куски часто падают»[5]. Еще хуже дело

---

[1] Список квартир, которые освобождались в октябре 1905 г. для Государственной думы, и их квартиранток // РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 217. ЛЛ. 5–5 об.

[2] *Вонлярлярский В.М.* Мои воспоминания. С. 42–43.

[3] Например, в 1904 г. 24 577 руб. (РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 217. Л. 10 об.). Интересно сравнить с расходами на содержание здания в 1907 г.: они составили 188 295 руб., т.е. увеличились почти в 8 раз, в основном за счет обслуги (65 тыс.) и электричества, которое, наконец, провели (47 тыс.) (Расчет содержания Таврического дворца на 1907 г. (черновик) // Там же. ЛЛ. 274–275).

[4] РГИА. Ф. 475. Оп. 2. Д. 217. ЛЛ. 103, 118.

[5] Рапорт полковника Буткевича, 26 апреля 1897 г. // РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 361. ЛЛ. 1–1 об.

обстояло в находившемся рядом зимнем саду — будущем зале заседаний Думы: «штукатурка во многих местах отстала, и лепные украшения отваливаются»[1]. Вообще состояние Зимнего сада вызывало большую тревогу. Его обследовала специальная комиссия и пришла к выводу, что «штукатурка на стенах, колоннах и на потолке частью отвалилась, частью отбита в предупреждение падения, причем деревянная обшивка потолка и деревянная конструкция колонн совершенно обнажены, оставшаяся же местами на потолке и каменных стенах штукатурка настолько слаба, что грозит обрушением»[2]. Первоначальной рекомендацией комиссии было предложение отбить всю ее вместе с лепниной, но обнаружив, что она в значительной части хорошо держится, от этого намерения отказались. Проведя в 1898 г. реставрацию, дворцовое ведомство этим сохранило роспись второй половины XVIII в. Зимний сад также, наконец, очистили от театральных декораций, что существенно повысило пожарную безопасность.

В 1902 г. был переделан вход во дворец: вместо одной двери рядом с ней прорубили еще две для увеличения пропускной способности, после чего он приобрел современный вид. Переустройство внутренних помещений запрещалось: так, в здании не разрешалось ставить, к примеру, постоянные павильоны.

На рубеже XIX–XX в. роль Таврического дворца еще раз изменилась. Несмотря на то, что здание по-прежнему находилось в ведении Министерства императорского двора, Таврический дворец все более превращался в публичное место для размещения учреждений и проведения различных мероприятий: выставок, праздников, балов, не имевших отношения к придворной жизни. Многие из этих мероприятий находились под покровительством членов дома Романовых. Симптоматично появление во дворце Музея трудовой помощи. Он занимал помещения справа от Екатерининского зала, по-видимому, постепенно его присутствие расширилось бы. Название музея отражало новую ориентацию культурного учреждения на нужды и повседневные заботы беднейшей части столичного населения.

Для начала XX века образ царского дворца оказался тесно связан с проведением масштабных выставок, некоторые из них получили большую известность, например, всероссийская кустарно-промышленная выставка (1902), проведенная под патронажем императрицы Александры Федоровны. Министерство земледелия и государственных имуществ организовало доставку экспонатов из 50 с лишним губерний, от лаптя и игрушек до сельскохозяйственных машин[3]. Современники, принадлежавшие к разным политическим лагерям, единодушно отметили, что Петербург получил возможность увидеть грандиозную палитру народного

[1] Рапорт архитектора Бруни, 16 мая 1897 г. // РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 361. Л. 2.
[2] Акт ремонтной комиссии, 23 мая 1897 г. // РГИА. Ф. 475. Оп. 1. Д. 361. Л. 7.
[3] Указатель Всероссийской кустарно-промышленной выставки 1902 г. СПб., 1902.

труда. Выставка имела важное значение в контексте тогдашней экономической политики, когда многие общественные деятели пытались привлечь внимание правительства к этому сектору экономики, добившись благосклонного отношения к кустарной промышленности царской семьи. А были еще нашумевший яркий «Детский мир», выставка костюмов (1903 г.) и т.д.

Событием для всей России стала выставка предметов искусства (1904 г.) под патронажем великого князя Николая Михайловича, организацию которой осуществил С.П. Дягилев. Он и привлеченные к проекту специалисты обследовали несколько десятков старых помещичьих имений, где выявили свыше 2,5 тыс. произведений искусства. 2286 портретов выставили для обозрения в Таврическом дворце, 1087 из них были воспроизведены в известном пятитомном издании, ставшем своеобразной энциклопедией культуры и быта помещичьих усадеб[1]. Но реальное историческое значение этого мероприятия стало ясно позднее, когда во время революции и Гражданской войны многие выставлявшиеся экспонаты были утрачены навсегда, многие — рассеялись по миру.

Выставки были не только демонстрацией предметов, многие мероприятия носили благотворительный характер. Министерство двора по сути участвовало в этой деятельности: ведомство не брало с пользователей арендной платы, они только возмещали прямые расходы на содержание выставки. Таким образом, царская резиденция превратилась в некий аналог современного бизнес-центра, что было исключительным явлением для столичных дворцов. В первые годы XX века здание быстро готовили для интенсивной эксплуатации, но оно так и не стало публичным культурным центром общероссийского значения. Судьбу Таврического дворца на многие десятилетия определило размещение в нем Государственной думы в 1906 г.

[1] *Николай Михайлович, вел. кн.* Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 1–5. СПб., 1905–1908.

ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: НАКАНУНЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА VS. ЗЕМСКИЙ СОБОР (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЕКТОВ С.Е. КРЫЖАНОВСКОГО И В.И. ГУРКО)

ДЁМИН ВАДИМ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
e-mail.ru: vadime_demine@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена сравнению двух проектов законосовещательного представительства. Первый из них был написан в Министерстве внутренних дел С.Е. Крыжановским. Он был положен в основу законов 6 августа 1905 г. Второй проект был написан В.И. Гурко по поручению Отечественного союза. Он предусматривал избрание Земского собора, решающего самые важные вопросы. Собор должен был избирать Земскую думу, участвующую в издании законов и принятии бюджета. Большая часть членов Земской думы должна была избираться помещиками. Проект Гурко явно не соответствовал политическим условиям 1905 г.

Ключевые слова: Государственная дума, Земская дума, «Булыгинская дума», Отечественный союз.

При подготовке законов о «Булыгинской думе» в правительственных кругах было составлено 2 конкурирующих проекта. В основу законов 6 августа 1905 г. был положен официальный проект МВД, одобренный с поправками Советом министров. Этот документ хорошо изучен в литературе[1].

Проект был составлен помощником начальника главного управления местного хозяйства С.Е. Крыжановским (1862–1935). Он происходил из средних слоев (был внуком священника и сыном преподавателя духовной академии, впоследствии директора гимназии и члена

[1] *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962; Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. СПб., 1991; *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917). М., 1997; *Малышева О.Г.* Думская монархия: рождение, становление, крах. М., 2001. Ч. 1; и др.

Учебного комитета Синода), после окончания юридического факультета С.-Петербургского университета служил в провинции судебным следователем и прокурором, в 1896 был приглашен в МВД министром И.Л. Горемыкиным (знакомым своего отца). В Министерстве Крыжановский довольно случайно оказался главным специалистом по представительным учреждениям и в итоге стал автором всех законов о Государственной думе.

В апреле 1906 г. он был назначен товарищем министра внутренних дел и стал ближайшим сотрудником П.А. Столыпина в проведении реформ (кроме крестьянской). В частности, Крыжановский разработал указ о расширении прав старообрядцев и проект реформы местного управления, предусматривавший увеличение влияния бюрократии за счет поместного дворянства и проваленный его представителями. После убийства Столыпина Крыжановский 2,5 недели управлял МВД, после чего стал последним государственным секретарем Российской империи. В 1915–1916 гг. его кандидатура неоднократно выдвигалась (председателем Совета министров И.Г. Горемыкиным и другими) в министры внутренних дел и председатели Совета министров, но не была одобрена императором. В 1918 г. Крыжановский эмигрировал и с 1920 г. обосновался в Париже.

Другой проект был составлен в кружке консервативно настроенных представителей высшей бюрократии и поместного дворянства, принявшем название «Отечественный союз». Автором документа стал управляющий земским отделом (ведал управлением крестьянами) МВД Вл. И. Гурко (1862–1927). Он был старшим сыном героя Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. фельдмаршала И.В. Гурко и братом генерала от кавалерии Вас. И. Гурко, который на рубеже 1916–1917 гг. 3 месяца исправлял должность начальника штаба верховного главнокомандующего Николая II, а весной 1917 служил главнокомандующим Западным фронтом.

Владимир Гурко был крупным помещиком Тверской и (по жене) Воронежской губ. Он после окончания юридического факультета Московского университета служил в Польше, генерал-губернатором которой был его отец, в 1895 г. перешел в Государственную канцелярию, а в 1902 г. возглавил земский отдел МВД, стремясь, по собственному утверждению, «приблизиться так или иначе... к пересмотру крестьянского законодательства, с тем, чтобы по возможности двинуть этот пересмотр в направлении скорейшего упразднения общины»[1]. В 1906 г. Гурко одновременно с Крыжановским был назначен товарищем министра внутренних дел и стал фактическим автором крестьянской реформы, вошедшей в историю как столыпинская. До этого товарищ министра выступил в I Государственной думе с хорошо обоснованной и одновременно резкой речью против передачи крестьянам помещичьих земель. Он заявил: «дополнительное наделение землей есть мера юридически незаконная, экономически пагубная, социально нелепая. Это уравнение вниз, а не вверх».

[1] *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 160.

В конце того же года бюрократическая карьера Гурко неожиданно закончилась. Он руководил организацией помощи пострадавшим от неурожая и заключил контракт на поставку продовольствия с не имевшим необходимого опыта и капитала предпринимателем Э. Лидвалем, выдав ему значительный аванс. По отзывам экспертов, в случае сохранения тайны операции Лидваль мог выполнить свои обязательства, однако оппозиционная пресса узнала о деле и раздула скандал, добившись судебного расследования действий Гурко. Его материальная заинтересованность в сделке не была обнаружена, но тем не менее в 1907 г. он был приговорен к отрешению от должности с поражением в правах за превышение власти и «нерадение по службе».

В 1908 г. бывший сановник был помилован императором и стал управляющим делами постоянного совета Объединенных дворянских обществ, но вскоре оставил этот пост из-за политических разногласий со своими бывшими единомышленниками по Отечественному союзу, ставшими руководителями Совета и перешедшими на крайне консервативные позиции. В 1909 г. Гурко особым императорским повелением был восстановлен в избирательных правах и в 1912 был избран в Государственный совет от Тверского губернского земского собрания, а в 1915 был переизбран на второй срок. В верхней палате бывший товарищ министра со временем примкнул к оппозиции и стал одним из руководителей Прогрессивного блока. В годы Гражданской войны Гурко участвовал в Белом движении, с 1920 находился в эмиграции.

Благодаря высокому служебному положению членов Отечественного союза составленный Гурко проект был доведен до сведения императора. В связи с этим в Петергофское особое совещание, окончательно рассматривавшее законопроекты о «булыгинской» Думе, было приглашено два представителя союза (его председатель гр. А.А. Бобринский и член совета Н.А. Павлов, но не сам Гурко)[1].

В самом совещании проект Отечественного союза был упомянут членом Государственного совета А.С. Стишинским (также членом союза), отдавшим ему предпочтение перед проектом МВД[2]. После этого во вступительной речи к заседанию 25 июля 1905 г. Николай II признал предположения Гурко «иными, нежели в проекте Совета министров, началами, и которые представляют в ясном и наглядном виде новую систему с ее достоинствами и недостатками». В заключение монарх заявил: «Я хотел бы иметь ясный и определенный ответ на вопрос, какая система может обеспечить участие в Думе выборных от всех слоев населения»[3]. В дальнейшем дискуссия развернулась вокруг официального проекта, который был поддержан значительным большинством сановников. Аргументы сторонников сословного представительства не оказались убедительными для императора.

[1] Там же. С. 452.

[2] Петергофское совещание о проекте Государственной думы под личным его императорского величества председательством. Berlin, б.г. С. 106.

[3] Там же. С. 136.

Таким образом, проект Гурко вызывает значительный интерес как выражение политической позиции крайне консервативного крыла высшей бюрократии и связанной с ней части поместного дворянства. Между тем его содержание и причины отклонения не исследовались. Цель предлагаемой статьи — восполнить этот пробел.

Основные положения проекта Гурко можно свести к следующим:

1. Население империи избирает на 5 лет Земский собор.

2. Он собирается на кратковременные сессии и обсуждает «главнейшие вопросы государственной жизни в их коренных основаниях». На основе утвержденных императором предложений Собора должны разрабатываться законопроекты.

3. Земский собор избирает на 5 лет совещательную Земскую думу, являвшуюся нижней палатой при Государственном совете[1].

Участники Земского собора должны были делиться на 2 части: выборные от сословий и корпораций (всего 548) и представители общегосударственных интересов (64). Первую часть должны были избирать строго из своей среды крестьянские общества, частные землевладельцы, владельцы городских недвижимостей, владельцы торговых и промышленных предприятий, плательщики квартирного налога с образованием не ниже среднего. «Каждая объединенная общими интересами группа населения должна быть представлена в Земском соборе в соответствующем ее относительному значению в народном хозяйстве количестве избранных ею лиц».

Крестьяне должны были избирать 1 депутата от 0,5 млн человек, всего 183 от Европейской России и Кавказского края (Ставропольской губ. и Кубанской обл.). Выборы (отбор) предполагались 4-степенные: сельские общества избирали волостные сходы, те — уполномоченных, их уездный съезд — выборщиков, из состава которых по губерниям по жребию должны были отбираться участники Собора. Необходимость жеребьевки обосновывалась неспособностью выборщиков сделать сознательный выбор из-за незнакомства крестьян разных уездов.

Голосовать по землевладельческой и городским куриям должны были достигшие 25 лет, имеющие российское подданство не менее года и необходимый имущественный или налоговый ценз. Допускалось голосование не достигших 25 лет и женщин через уполномоченных. Вводить подобные ограничения для дворянских и сельских обществ признавалось неудобным из-за наличия у них собственных правил.

В выборах от частных землевладельцев должны были участвовать владевшие полным земским цензом (непосредственно) и не менее чем 1/10 его (через уполномоченных). Для полноцензовых владельцев выборы предполагались двухстепенными (через избираемых по уездам выборщиков), для мелких — трехстепенными. Землевладельцы должны были избирать 161 депутата от Европейской России и Кавказского края (в соответствии с соотношением частных и надельных земель). Эти ме-

[1] Гурко В.И. Земский собор и Земская дума. На правах рукописи. СПб., 1905.

ста предлагалось распределить по губерниям пропорционально числу полноценовых землевладельцев.

Представительство владельцев городских недвижимостей и торгово-промышленников предлагалось определить в соответствии с соотношением стоимости (по земской оценке) их имущества и земли. По этому расчету от первых предлагалось избрать по Европейской России 53 члена, от вторых — 81. В выборах должны были участвовать владельцы не менее чем 1/10 полного ценза (недвижимостей и заведений, оцененных не ниже 1500 руб.).

Для определения представительства плательщиков квартирного налога (лиц свободных профессий) предлагалось установить их совокупный заработок путем умножения облагаемой налогом квартирной платы на 5 (т.к. плата за квартиру составляла около 1/5 заработка), полученный результат ввиду отсутствия за ним реального имущества уменьшить вдвое, после чего сопоставить с оценочной стоимостью земли. В результате такого расчета от этой курии предлагалось избрать 43 депутата.

Городские выборы также должны были быть косвенными (через уполномоченных от уездных городов и губернских выборщиков) и проводиться по округам, включающим несколько относительно однородных губерний (11 в Европейской России), а также 6 крупнейшим городам (С.-Петербургу, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе и Риге). В Сибири с Дальним Востоком предлагалось объединить городские курии и выбирать от них 5 депутатов.

Совет Отечественного союза предложил не вводить представительство плательщиков квартирного налога, установив взамен выборы участников Земского собора от Академии наук и вузов или состоящих определенное время на государственной и общественной (сословной, земской и городской) службе. Также Совет предложил избирать представителей остальных городских корпораций по губерниям (1 член от каждой)[1]. Очевидно, что эти поправки подрывали все сложные расчеты Гурко по определению соотношения курий.

Общегосударственные интересы должны были выражать выборные от христианского духовенства, представляющего духовные интересы народа, и от губернских дворянских обществ как «представителей политического разума страны».

Православное духовенство должно избирать 14 членов (11 по Европейской России, 2 от Сибири с Дальним Востоком и 1 от Закавказья). Выборы должны были проводиться по округам, включающим несколько губерний каждый. Представительство католического духовенства предлагалось ограничить 2 депутатами, по одному от Польши и Северо-Западного края, лютеранского и армяно-григорианского — одним соответственно от Прибалтики и Закавказья. Каждое губернское дворянское общество должно было избирать 1 депутата. Их число должно было составить 46, в т.ч. 9 от западных губерний и 2 от Грузии.

[1] Там же. С. III–VIII.

Всего Земский собор должен был включать 612 членов, представлявших все регионы империи, кроме Финляндии (имевшей собственный Сейм), Средней Азии и Якутии. Предполагалось созывать его в Московском кремле для рассмотрения «главнейших вопросов государственной жизни в их коренных основаниях». На основе утвержденных императором предложений Собора должны были разрабатываться законопроекты. Сессии Собора предполагались кратковременными, чтобы его члены могли сохранять свои занятия и не превращаться в профессиональных депутатов.

Проектом предполагалось постоянное участие относительно небольшого числа выборных в обсуждении законопроектов на постоянной основе. Включение выборных в Государственный совет объявлялось неудобным из-за нежелательности воздействия на решения выборных представителей высшей бюрократии.

Постоянно действующим выборным законосовещательным органом должна была стать Земская дума, действующая в С.-Петербурге. Она должна была фактически стать нижней палатой, в то время как Государственный совет — верхней. Предполагалось, что Дума наряду с законопроектами будет рассматривать бюджет, а также иметь право запросов министрам.

Земская дума должна была состоять из 128 членов, избранных Земским собором из своей среды. Для выборов он должен был разделиться на 2 отделения: представителей сельских курий (включая дворянские общества) и выборных от городских курий. Оба отделения должны были выбрать 1/5 своего состава, т.е. 80 депутатов от сельского и 41 от городского. Также в Думу должны были войти 7 представителей духовенства: 4 от православного и по одному от католического, лютеранского и армяно-григорианского.

Таким образом, значительное большинство членов Думы (80 из 128) должно было избираться примерно 207 представителями помещиков (161 выборным в качестве землевладельцев и 46 — в качестве представителей поместного дворянства) и примерно 183 крестьянами[1]. При этом обязательного представительства курий в Земской думе или пропорционального голосования не предусматривалось.

Таким образом, оба проекта имели целый ряд сходных черт. И Крыжановский, и Гурко предлагали положить в основу избирательной системы сочетание различных цензов: сословных, имущественных и налоговых, а также многостепенное голосование. В обоих документах предполагалось разделить места между куриями в соответствии с их экономическим весом. В проекте МВД это положение реализовано более последовательно, чем в предположениях Отечественного союза (особенно по сравнению с поправками его совета). И Гурко, и Крыжановский не предполагали предоставлять право голоса промышленным рабочим.

[1] Числа должны быть несколько большими за счет представителей Азиатской России при сохранении соотношения.

И Государственная дума в проекте МВД, и Земская Дума в проекте Крыжановского должны были получить примерно одинаковые полномочия.

В то же время рассматриваемые документы имеют весьма серьезные отличия. В первую очередь можно отметить их исторические основы. Крыжановский, по собственным словам, «взял за образец проект учреждения Государственной думы, составленный в свое время М.М. Сперанским»[1], в то время как Гурко пытался апеллировать к традициям российской сословно-представительной монархии. Крыжановский проектировал простую структуру представительства — избранную населением Государственную думу, в то время как Гурко предлагал ввести сложную в составе Земского собора и Земской думы.

Наибольшее число отличий касалось избирательного права и организации выборов. В частности, в проекте Отечественного союза на заключительной стадии выборов от крестьян предлагалось использовать жеребьевку, в то время как проект МВД предусматривал подачу голосов на всех этапах. Крыжановский предложил лишить права голоса иудеев[2] и основную часть плательщиков квартирного налога (кроме арендаторов самых дорогих квартир), в то время как в проекте Гурко эти слои могли участвовать в выборах. Таким образом, Гурко, в отличие от Крыжановского и совета Отечественного союза, предполагал допустить к выборам политически активные средние городские слои. Крыжановский предлагал проводить выборы от единой городской курии по городам и губерниям, Гурко проектировал разделение горожан на 3 курии и голосование по искусственным округам. Последнее положение, как указывалось, вызвало возражения даже его единомышленников по Отечественному союзу.

Более существенными были следующие отличия. Проект МВД предусматривал разделение курий только на местном уровне и объединение их на уровне уезда (Совет министров продлил разделение на уездный уровень, установив объединение лишь при выборах от губерний), в то время как предположения Гурко предусматривали раздельное голосование до конца выборов. Крыжановский предложил распределить места выборщиков между куриями в соответствии с их имущественным положением[3], допуская в то же время труднообъяснимые отступления от этого принципа[4]. Гурко же настаивал на двойном представительстве поместного дворянства: и в соответствии с пространством его земельных владений, и дополнительном на основе его политического влияния.

Из этого отличия вытекает наиболее существенное. Проект МВД предусматривал баланс между куриями с наибольшим влиянием кре-

[1] *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. СПб., 2009. С. 22.

[2] Эта идея не была одобрена Советом министров, и по Положению о выборах 6 августа 1905 г. иудеи могли голосовать на общих основаниях.

[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 38. Продолжение 3. Л. 372; Правительственный вестник. 1905. 2 (15) сентября. № 188.

[4] *Кузнецов А.А.* Институт и состав выборщиков по избирательному законодательству в Государственную думу // Таврические чтения 2016. СПб., 2017. Ч. 1. С. 99.

стьянства, предположения Отечественного союза давали решающее влияние на выборы почти 2/3 депутатов Земской думы помещикам.

В заключение можно отметить, что проект Гурко предусматривал сложную структуру представительства. Она, с одной стороны, ослабляет выборный законодательный орган, получающий полномочия не от избирателей. С другой — расширенный представительный орган, непосредственно не участвующий в законодательстве и контроле над управлением, будет склонен жестко настаивать на своих мнениях и стремиться к неограниченной власти. Совет министров летом 1905 г. отклонил предложения о созыве Земского собора из опасения его превращения в Учредительное собрание[1].

Другим неприемлемым для 1905 г. положением проекта Гурко было преобладающее влияние дворянства при выборах значительного большинства членов Земской Думы. Проект Крыжановского также, мягко говоря, далеко не полностью удовлетворял оппозицию, однако он был более логичным и более подходящим в качестве отправной точки для дальнейших уступок.

Также можно отметить, что проект Отечественного союза предвосхитил некоторые постановления составленных Крыжановским более поздних избирательных законов. Однако соответствующие идеи были реализованы в них иначе и едва ли под влиянием текста Гурко. Указ 11 декабря 1905 г. об изменении Положения о выборах в Государственную думу предоставил право голоса средним городским слоям в значительно большем объеме, чем предлагал Гурко. Избирателями стали не только все плательщики квартирного налога без образовательного ценза, но и арендаторы небольших квартир, освобожденные от налога. В Положении о выборах 3 июня 1907 г. городская курия была разделена на две (но по размеру, а не роду ценза, как у Гурко), а частные землевладельцы получили решающее влияние на выборы. Это решение было обосновано в глазах консервативной части общественного мнения неудачным опытом относительно демократических Дум 1906–1907 гг., отсутствовавшим в 1905 г.

[1] *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 143–146.

ПРОЕКТЫ РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 1905 г.

НОВОСЕЛЬСКИЙ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
преподаватель кафедры истории и теории исторической науки
факультета истории, политологии и права
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия;
e-mail: novoselsky.rggu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена проблеме трансформации проектов реформы Государственного совета в условиях революционного кризиса 1905 г. в России. Особое внимание уделяется как содержанию проектов, так и мотивам их разработчиков — представителей высшей бюрократии и видных общественных деятелей. На основании проведенного исследования делается вывод о том, что к концу 1905 г. власть сознательно отказалась от преобразовательной стратегии эпохи Великих реформ, которой авторы проектов реформы Государственного совета руководствовались на начальном этапе революционного кризиса.

Ключевые слова: Первая русская революция, 1905 год, общественно-политическая мысль, Государственный совет, реформы.

Проблема разработки правительственных проектов народного представительства традиционно рассматривалась в советской историографии в качестве следствия революционного кризиса конца 1904 — начала 1905 гг.[1] Эта тенденция, за редкими исключениями[2], преобладает и в историографии современной. Однако еще во второй половине XIX в. многие современники связывали надежды на предотвращение революции с созданием в России представительных учреждений. Одним из ключевых в российской общественно-политической мысли второй половины XIX — начала XX в. стал проект реформы Государственного совета.

Примечательно, что уходящая корнями в проект трансформации системы государственного управления Российской империи М.М. Сперанского идея преобразования Государственного совета была вновь актуализирована в начале 1860-х гг. представителями русской эмиграции. Прототип реформированного Государственного совета угадывался в записке князя П.В. Долгорукова «О перемене образа правления в России», напечатанной в 1862 г. в Лейпциге. П.В. Долгоруков призывал, наряду с «Думой

[1] См., напр.: *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в Первой русской революции. Изд. 2-е, переработ. и доп. М., 1970; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991.

[2] См.: *Куликов С.В.* Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 45–60.

земской», наделить «Думу боярскую» правом законодательной инициативы. В то же время государь «не должен иметь права издать ни одного закона, который бы не был предварительно принят большинством голосов в каждой из обеих»[1] Дум. Политическая конструкция, предлагаемая автором записки, оказалась очень близка к той, которая фактически установилась в Российской империи после обнародования 23 апреля 1906 г. обновленного Свода основных государственных законов.

Значительный вклад в развитие идеи народного представительства внесла либеральная бюрократия, которая, начиная со второй половины XIX в., являлась основной движущей силой реформ в России[2]. Несмотря на то, что записки П.А. Валуева и М.Т. Лорис-Меликова разделяли почти 20 лет, оба проекта были проникнуты единой логикой. Их главная идея состояла в том, что в России отсутствовала необходимость создания автономного (хотя бы формально) органа народного представительства. Напротив, предполагалось включить выборных в уже существовавшую систему государственного управления, пусть и не на постоянной основе. Руководствовались реформаторы и общим мотивом. Свою задачу они видели в разработке «позитивной» повестки дня, способной мобилизовать и консолидировать вокруг правительства те социальные группы, которые сочувствовали идее реформ.

Убийство Александра II и проводившаяся в годы правления его преемника политика «консервативной стабилизации» не благоприятствовали дискуссиям о народном представительстве. Однако на рубеже XIX–XX вв. российская общественная мысль заметно оживилась. Первыми свою позицию вновь обозначили сторонники реформы Государственного совета. В 1899 г. за границей была издана записка С.Ф. Шарапова «Самодержавие и самоуправление», в которой идея привлечь земский элемент к работе Государственного совета являлась венцом предлагавшейся публицистом полномасштабной реформы административно-территориального деления Российской империи[3]. В начале 1901 г. с предложением привлечь выборных, а не назначенных бюрократией представителей общественности к предварительному обсуждению законопроектов в комиссиях Государственного совета выступил Д.Н. Шипов[4].

Записку Д.Н. Шипова раскритиковали за «либерализм» многие его сподвижники. В частности, Д.Ф. Самарин полагал, что даже такие реформы в итоге неизбежно привели бы страну к конституционному строю.

---

[1] *Долгоруков П.В.* О перемене образа правления в России. М., 2016. С. 90.

[2] См.: *Медушевский А.Н.* Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. / Отв. ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 126.

[3] См.: *Шарапов С.Ф.* Самодержавие и самоуправление // Теория государства у славянофилов: (сборник статей) / Сост. и предисл. С.Ф. Шарапова. М., 2016. С. 88–94.

[4] См.: *Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г.* Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 376.

Любопытно, что в 1905 г. его сын Ф.Д. Самарин предлагал власти учредить нечто похожее, но, на этот раз, во избежание торжества парламентаризма[1]. Однако в 1901 г. атмосфера в обществе была принципиально иной, чем три-четыре года спустя, и от идеи подачи записки императору Д.Н. Шипову пришлось отказаться[2].

Созыв выборных считали необходимым условием дальнейшего развития страны и многие сановники. Но они трезво оценивали политическую реальность. А она была такова: чтобы уговорить императора на представительство, делать это нужно было крайне осторожно, не разрушая прочно укоренившегося в сознании Николая II образа самодержавия. Принципиальное условие, которое бы непременно выдвинул монарх, угадывалось без труда: представители общественности должны были быть привлечены к работе органов государственного управления наравне с бюрократией, а не автономно от нее. Поэтому вполне естественно, что проект министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского, подготовленный С.Е. Крыжановским, был отголоском правительственных проектов эпохи Великих реформ. Как ни странно, исчезновение из указа «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» пункта о выборных было встречено некоторыми представителями либеральных кругов едва ли не с облегчением. «Слава Богу, что в указе ничего не было о представительстве, а то хотели было припустить несколько выборных от городов, от земства и дворянства в Государственный совет. Во всяком случае, это не может остановить движения, а только поддаст воды на мельницу», — такими соображениями поделился 15 декабря 1904 г. С.Н. Трубецкой со своим братом Евгением[3].

Все чаще звучавшая как в «высших сферах», так и среди общественности мысль о том, что Россия нуждалась в полноценном представительном учреждении, в корне изменила значение проектов преобразования Государственного совета. Теперь их авторами были не сторонники, а противники народного представительства. Такая метаморфоза объяснялась просто: в привлечении выборных к работе Государственного совета они видели наиболее мягкий, щадящий вариант реформы, которую они не одобряли, но все же предчувствовали, что ее было невозможно избежать.

Подобная точка зрения нашла отражение, в частности, во всеподданнейшей записке бывшего Тверского губернатора А.А. Ширинского-Шихматова, поданной императору в начале января 1905 г. По мнению автора, созыв парламента западноевропейского типа или Земского собора с со-

[1] См. подробн.: *Новосельский С.С.* Проекты народного представительства в 1905 г.: неославянофильская альтернатива // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 6–7 декабря 2018 г.: Сб. науч. ст. В 2 ч. / Под. ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 199–207.

[2] См.: *Гросул В.Я.* и др. Указ. соч. С. 377.

[3] Цит. по: *Трубецкая О.Н.* Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 259.

вещательными функциями не только таил в себе опасность легализации «крамолы», но и не смог бы выявить истинных нужд русского народа, и в первую очередь — крестьянства, еще отнюдь не разделявшего тех революционных настроений, которые были присущи в январе 1905 г. фабричным рабочим. С предполагаемыми функциями органа народного представительства, по мнению А.А. Ширинского-Шихматова, вполне могли справиться существующие правительственные учреждения. Нужно было лишь обновить их состав «свежею струею талантливых, снабженных доверием людей, которые явились бы вместе с тем и истинным элементом для единения власти с ее народом»[1].

Модернизация Государственного совета, согласно проекту А.А. Ширинского-Шихматова, должна была быть осуществлена путем введения новой выборной должности — «земских старшин». В каждой губернии[2] и в каждом крупном городе империи в ходе работы специальных всесословных губернских собраний[3] раз в три года должны были избираться по два «старшины», один из которых вошел бы в состав Государственного совета, а другой — Сената. По подсчетам автора записки, в результате выборов к работе двух правительственных учреждений подключались бы по 87 человек, что в гораздо меньшей степени увеличило бы государственный аппарат империи, нежели создание отдельного представительного учреждения. К тому же при подобной конфигурации системы управления представители высшей бюрократии сохраняли бы за собой большинство во властных структурах перед общественными деятелями, влияя на их умонастроения в ходе ежедневной совместной работы. По той же причине А.А. Ширинский-Шихматов не видел оснований опасаться роста пропаганды либеральных идей в правительственных кругах: поставленные в рамки уже существующих учреждений и ведомств «земские старшины» не образовали бы единого центра противодействия власти, каким вполне мог стать даже Земский собор[4].

Противники Государственной думы не сдавались и после того, как 18 февраля 1905 г. было высочайше объявлено о ее создании. Шесть дней спустя Тульский вице-губернатор Н.А. Хвостов призывал организовать представительство в форме законосовещательного органа при Государственном совете. В задачу этого «Государственного Земского Собрания (или Совещания)» должно было войти предварительное обсуждение законопроектов, разработанных в министерствах. Причем мнение о законопроектах в Государственный совет могло бы представлять не только большинство, но и меньшинство собрания[5]. А чтобы оно получилось не слишком многочисленным и в целом готовым к законотворческой дея-

[1] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.

[2] За исключением Великого княжества Финляндского и «областей Сибири с чисто инородческим населением».

[3] При отборе кандидатов для участия в собраниях следовало руководствоваться образовательным и имущественным цензом.

[4] ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 14. ЛЛ. 4–6.

[5] ОР РГБ. Ф. 265. К. 134. Д. 2. ЛЛ. 1–2.

тельности, Н.А. Хвостов предлагал, не мудрствуя лукаво, проводить выборы по принципу проекта М.Т. Лорис-Меликова: двое гласных должны были избираться губернским земским собранием, а еще один представлял бы интересы нескольких крупных городов. Из губерний, где не было земств, гласные должны были назначаться правительством. Перспектива избрания наиболее радикально настроенных по отношению к власти земских деятелей Н.А. Хвостова не пугала, поскольку, по его собственным словам, «за кем в собрании будет большинство голосов — это при совещательном его характере совершенно безразлично»[1].

Некоторые правые, напротив, призывали власть ни в коем случае не полагаться на земства. Утверждая, что правительство должно было ограничиться только привлечением выборных в состав Государственного совета, историк Н.М. Павлов полагал, что отбор народных представителей должен был осуществляться строго по сословному принципу. Причем термин «сословие» в данном случае следовало трактовать не в юридическом, а в «бытовом» смысле, когда главными критериями сословности выступали связь с землей и «преданность дедине и прадедине своей»[2]. Следовательно, в качестве сословий, по мнению Н.М. Павлова, могли выступать лишь дворянство, крестьянство, духовенство (притом исключительно православное) и казачество[3]. Причем от выборных по земледельческой курии отнюдь не требовалось деятельное участие в законотворчестве. По замыслу Н.М. Павлова, прикоснувшись к «той степенности, с которою в верху верхов ведется государево-земское дело», крестьяне должны были, «по возвращении домой», «утвердить» в ней «сельчан, земляков своих», навсегда отвадив последних от какого бы то ни было желания бунтовать против самодержавия[4].

При всех расхождениях авторы проектов реформы Государственного совета преследовали одну цель — не допустить созыва Государственной думы. Б.В. Никольский прямо заявлял министру внутренних дел А.Г. Булыгину, что включение выборных в состав Государственного совета помогло бы власти «обезвредить рескрипт 18-го февраля»[5].

Сотрудники Особого совещания, занятого разработкой проекта «булыгинской думы», к подобным предложениям не прислушивались. А.Г. Булыгин приводил целый ряд аргументов против расширения состава Государственного совета за счет выборных. По утверждению министра, несколько десятков выборных не стали бы выразителями мнений и нужд народа. В случае же избрания 500 народных представителей (по одному человеку на каждые 125 000 населения империи) их оказалось бы невозможно должным образом «встроить» в работу Государственного со-

[1] Там же. Л. 3 об.

[2] *Павлов Н.М.* О значении «выборных» по русскому народному воззванию. Харьков, 1905. С. 20.

[3] Там же. С. 22–23.

[4] Там же. С. 25.

[5] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 2. С. 33.

вета[1]. С одной стороны, был велик риск того, что немногочисленные представители бюрократии — члены Государственного совета по назначению, просто-напросто «растворятся» в огромной массе выборных. С другой стороны, распределив народных избранников по различным департаментам Совета, деятельность которых была никак не связана между собой, правительство уничтожило бы саму идею народного представительства[2].

Преобразование Государственного совета, по мнению А.Г. Булыгина, не отвечало и стратегическим интересам государства, т.к. «политическое разномыслие» в рамках одного учреждения доставляло бы власти значительно больше хлопот, чем противодействие одному оппозиционному центру, в возможной «революционности» которого у А.Г. Булыгина возникали большие сомнения[3]. Наконец, привлечение выборных в Государственный совет означало бы, что народного представительства в чистом виде в России так и не возникнет (при этом Государственный совет как «мозговой центр» высшей бюрократии также перестанет существовать). Подобный исход, по утверждению министра, свел бы на нет главную идею реформы — «поставить верховную власть в непосредственные отношения к народу»[4].

Однако идея реформы Государственного совета не канула в Лету. После того, как созыв законодательной Государственной думы стал неизбежен, сановники вновь заговорили о необходимости реформировать Государственный совет, но уже не вместо создания Думы, а в дополнение к ней. Правительство не желало уступать народным избранникам политическую инициативу, стремясь «сбалансировать» потенциально оппозиционную Думу включением в состав Государственного совета выборных от дворянства, земства, университетов и, возможно, духовенства. «Резко разорвать с таким советом Думе будет труднее, чем с нынешним», — утверждал С.Ю. Витте[5].

В поданной 9 октября 1905 г. на рассмотрение Николаю II записке С.Е. Крыжановского доказывалась казалось бы парадоксальная для верховной власти мысль о том, что присутствие выборных не только в Думе, но и в Государственном совете на деле не ослабит авторитет монарха, а, напротив, будет способствовать его укреплению. Обновленный Государственный совет, по мысли автора записки, возьмет на себя противоборство чрезмерно революционным «покушениям» Думы, тем самым предоставив царю выбор: либо принимать наиболее умеренную сторону, либо, оставаясь «над схваткой», проводить собственную политическую линию. А это, в свою очередь, позволило бы не только найти «выход

---

[1] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 8 об.–9.

[2] См.: *Таганцев Н.С.* Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. Вып. 1. С. 25.

[3] РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 9 об.–10 об.

[4] Там же. Л. 11.

[5] Манифест 17 октября // Красный Архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 60.

из многих затруднительных положений», но и «взять в руку общественное движение» и «уложить это движение в определенные рамки»[1].

В буквальном смысле тектонические изменения в представлении сановников о том, каким должно было стать народное представительство, заразили реформаторскими настроениями самых записных консерваторов. К началу октября 1905 г. даже выступавший ранее категорически против представительства в любой форме В.А. Грингмут допускал возможность приступить к изменению порядка привлечения императором доверенных лиц к работе Государственного совета, правда, только после окончательного преодоления внутриполитического кризиса[2].

Революционный кризис конца 1904–1905 гг. оказал огромное влияние на идею дарования российскому обществу народного представительства путем преобразования Государственного совета. На фоне революционных событий в корне изменилось содержание проектов его реформирования. Из единственной формы представительства, на которую представлялось возможным уговорить императора, Государственный совет стал восприниматься сановниками как один из ключевых элементов обновленной системы государственного управления.

Однако перемены затронули не только содержание проектов. Разительные изменения претерпел контекст высказывания — обстоятельства и мотивы тех государственных и общественных деятелей, которые в 1905 г. предлагали реформировать Государственный совет. Пример трансформации проектов его преобразования в российской политической мысли 1905 г. показывает, что ключевую роль в сознании общества стала играть идея реформы. Для многих реформы по-прежнему являлись обязательным условием развития. Их принципиальные противники тоже верили в реформы, но видели в их проведении возможность избежать подлинных изменений государственного строя.

[1] Цит. по: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 215.

[2] См.: *Грингмут В.А.* Русская Монархическая партия // [Грингмут В.А.] Собрание статей В.А. Грингмута. Политические статьи. М., 1910. Вып. III. С. 272–273.

РЕФОРМЫ 1905–1906 гг. И ОБНОВЛЕННОЕ САМОДЕРЖАВИЕ

КАРПЕНКО КОНСТАНТИН ВИКТОРОВИЧ,
кандидат юридических наук,
доцент Московского государственного института
международных отношений (МГИМО) МИД России,
Москва, Россия;
e-mail: kvk_1973@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о полномочиях императора после реформ 1905–1906 гг. Автор показывает, что новое законодательство, лишив его некоторых прав, предоставило ему новые, связанные с появлением отдельных органов законодательной и исполнительной властей. Это означает, что ограничение власти не всегда заключается в уменьшении количества ее полномочий. По мнению автора, ограничение власти имеет смысл видеть в установлении для этих полномочий определенного порядка их осуществления. Такой порядок представляет собой процедуру, закрепленную в законе и направленную на соблюдение равновесия органов власти в дуалистической монархии.

Ключевые слова: император всероссийский, конституция, парламент, дуалистическая монархия, юридическая процедура.

Русский XX век, по всей видимости, останется в памяти потомков уникальным явлением, без аналогов в прошлом и без повторения в будущем. Действительно, количество произошедших событий и, главное, их качественная неоднозначность заслуживают всестороннего изучения, глубокого анализа и методологически верного осмысления. За 100 лет Россия прошла путь от патриархальной монархии начала XX в. с царем-отцом во главе до симулякров представительной демократии на рубеже XXI в. А между этими полюсами мы обнаруживаем попытки установления конституции, приведшие, однако, не только к отрицанию всяческого конституционализма, но и к полному забвению ценностей свободы и прав человека. В этой связи особенно интересным представляется исторически первый русский опыт урегулирования отношений верховной власти с обществом на началах признания политической субъектности последнего.

Конституционные реформы 1905–1906 гг. были предприняты на фоне уже состоявшихся аналогичных преобразований в прочих ведущих тогда государствах[1]. У русских конституционалистов как представителей гражданского общества, так и власти было перед глазами наглядное пособие с множеством оттенков. Как отмечают исследователи, С.Ю. Витте, например, советовал опереться на японский опыт, учитывая широту пол-

[1] *Бочкарев С.В.* Развитие конституционализма во Франции в последней трети XIX в. СПб., 2018.

номочий «микадо»[1]. Вместе с тем нет оснований отрицать национальный, во многом самобытный путь России в деле создания у себя представительного правления.

Конституционализм как учение о властных отношениях между обществом и государством предполагает, как известно, взаимное ограничение их прав. В известной степени нам кажется допустимым утверждать, что и конституция, как высший закон, нужна главным образом для обеспечения индивидуальных прав путем их перечисления[2]. Однако же и власть заметно трансформируется под воздействием конституционных принципов. Ее полномочия последовательно закрепляются в законе, утрачивая характер обычая. При этом количество властных полномочий совсем необязательно будет уменьшаться. Не нарушая принципов конституционализма, объем власти может даже расти, т.к. расширяется предусмотренная законом область применения властного воздействия. Нам кажется допустимым высказать предположение, что конституционные ограничения состоят не в лишении органов государства возможностей действовать, а в определении подробного порядка осуществления их полномочий. В этом случае возникает связанность власти правом, что выступает одним из условий правового государства, и чего в России, как отмечают ряд исследователей, не произошло[3]. Нам кажется, что подобное мнение нуждается в некоторой корректировке. Высказанный выше не слишком оригинальный, но весьма любопытный тезис мы попытаемся обосновать на примере тех изменений, которые произошли с верховной властью в России в 1905–1906 гг. Актуальность нашей мысли представляется востребованной и сегодня, когда уважение к юридической процедуре далеко не всегда выступает добродетелью власти. Методологической основой нашего исследования станет формально-догматический подход, чья результативность может считаться вполне установленной.

Новая редакция Основных государственных законов, изданных в 1906 г. (далее — ОГЗ), может быть справедливо квалифицирована как первая русская конституция, в полном смысле этого слова. Предвосхищая возможные возражения, заметим, что юридическая техника той эпохи была, разумеется, далека от совершенства. Поэтому многие нормы этого акта требуют, подчас, более серьезных аналитических усилий, чем, например, современные, составленные по давно устоявшимся образцам. Но этот фактор никак не противоречит методологии юридического исследования, которое как раз и должно раскрывать истинный смысл правовой нормы через ее изучение. Когда же речь заходит о событиях про-

[1] *Христофоров И.А.* От самодержавия к думской монархии // Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 407.

[2] Конституционно-правовые основы статуса личности в зарубежных странах: колл. монография / под ред. Е.А. Кремянской. М., 2019.

[3] *Краснов М.А.* О некоторых причинах отсутствия правового характера государства в постсоветской России и перспективы создания правовой государственности // Правовое государство в России: миссия невыполнима?: сб. науч. статей / Под ред. В.А. Рыжкова. М., 2018. С. 8.

шлого, важно строго держаться принципа историзма и не приписывать историко-правовому документу не свойственных ему значений, в том числе и современных, не существовавших в то время. Данную опасность мы вполне сознаем.

О конституционном значении ОГЗ 1906 г. наглядно свидетельствуют, прежде всего, формальные признаки высшего закона. Конституция, как известно, есть учредительный акт нового правопорядка[1]. Едва ли можно усомниться в том, что ОГЗ 1906 г. коренным образом изменили отечественный государственный механизм, привнеся в него многочисленные, ранее отсутствовавшие нормативные положения. После этого форма правления в России изменяется с самодержавной (абсолютной) монархии на дуалистическую или, как принято теперь говорить в исторической науке, думскую[2].

ОГЗ 1906 г. очевидно отвечали и требованию верховенства и высшей юридической силы. Статья 92 устанавливала, что нормативные акты, принятые с нарушением процедуры, указанной в ОГЗ, не подлежали опубликованию. Вследствие этого, в правовой системе Империи выстраивалась иерархия норм, характерная для любого правового государства.

Ответственным за публикацию нового актового материала был Правительствующий Сенат, следовательно, он осуществлял проверку нормативных документов на соответствие положениям ОГЗ 1906 г. Показательно, в этой связи, что Сенат посчитал себя вправе производить таким образом материальный контроль Наказов Государственного совета и Государственной думы[3]. Заметим мимоходом, что Сенат, как и любой суд, а тем более высший, был, по всей видимости, вправе так истолковать свои полномочия[4]. В отношении же собственно законов проверка заключалась в констатации наличия в них подписи императора[5]. Разумеется, мы не возьмем на себя смелость утверждать, что в нашей стране уже тогда появился конституционный контроль, но в известном смысле правовая охрана конституции начала зарождаться. ОГЗ объявлялись эталоном по отношению к прочим актам, а соответствие этих последних ОГЗ становилось условием их действенности (например, ст. 1 Учр. ГС и ст. 1 Учр. ГД).

---

[1] *Авдеев Д.А.* Юридическое качество Конституции Российской Федерации // Современное право. 2014. № 8. С. 18–25.

[2] *Иванников И.А.* Изменения формы правления в России в начале XX в. // История государства и права. 2016. № 14. С. 8–12; *Соловьев К.А.* Думская монархия // Родина. 2006. № 12. С. 10–13.

[3] *Демин В.А.* Учреждение Государственной думы 1906 г.: пробелы и противоречия // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 15.

[4] *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судейское право. М., 2017. С. 325–327.

[5] *Дурденевский В.Н.* Судебная проверка конституционности закона // Вопросы права. 1912. Кн. 11 (3). С. 104–105.

Наконец, ОГЗ 1906 г. предусматривали и особый порядок своего изменения, что является, без сомнения, главным отличительным признаком любой конституции, начиная с конца XVIII в.[1]. Имперская конституция могла быть пересмотрена лишь по инициативе верховной власти, тогда как текущее законодательство находилось в ведении парламента, хотя и в ограниченном объеме. Что же касается материального содержания ОГЗ, то сомнения в его конституционности, как нам представляется, были бы еще менее допустимы. В тексте мы обнаруживаем регламентацию правового положения верховной власти, принцип разделения властей, в соответствии с учением Ш.Л. Монтескье, а также права, свободы и обязанности подданных. Эти три элемента любого конституционного правления всегда фиксируются в акте, обладающем высшей юридической силой, т.е. в конституции[2].

Таким образом, ОГЗ 1906 г. можно уверенно считать первой русской конституцией. В российском праве начала XX в. этот документ играл роль скрепляющего элемента, вокруг которого должны были объединиться все тогдашние политические силы. Именно в праве, но в практике политического общения этого не случилось, возможно потому, что нашем Отечестве как тогда, так и теперь не сформировалось уважительного отношения к формальному писаному закону.

Как конституционный акт ОГЗ 1906 г. содержали пределы государственной власти вообще и верховной, в частности. Действительно, император лишался такого свойства как неограниченный[3], сохраняя, тем не менее, за собой первичную учредительную власть или высший учредительный авторитет[4], так называемую прерогативу, если пользоваться терминологией Дж. Локка[5]. К слову, напомним, что это позволило ему 3 июня 1907 г. разрешить нелегкий конституционный кризис законными средствами, хотя современники и держались иного мнения[6]. Далее, первая отечественная конституция вводила институт народного представительства в лице Государственной думы и Государственного совета,

---

[1] *Albert R.* Amending constitutional amendment rules // International journal of constitutional law. 2015. Vol. 13. N. 3. P. 656.

[2] *Бочкарев С.В.* Влияние политико-правовых идей Э. Лабулэ на формирование французского парламентаризма последней трети XIX в. (На примере проекта конституции 1872 г.) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 2. С. 275–279.

[3] ОГЗ 1906 г., ст. 4 // Свод законов Российской Империи в 5-ти кн. СПб., 1912. Кн. 1. Т. 1. С. 1.

[4] *Котляревский С.А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912. С. 156–157.

[5] *Locke J.* Two Treatises of Government. London, 1823. P. 176.

[6] *Карпенко К.В.* «Третьеиюньская» монархия и положение о выборах 1907 г.: опыт юридической квалификации // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 174–183.

что связывало законотворческую функцию верховной власти. При всей скромности прав русского парламента его роль все же, думается нам, не следует недооценивать. Он открывал пусть еще совсем небольшую, но важную возможность эволюционной трансформации режима. В любом случае, император был формально обязан учитывать мнение народных избранников. А с научно-юридической точки зрения возникновение парламента позволило окончательно разрешить вопрос о соотношении закона и подзаконного акта. Первый более не мог определяться лишь волей императора, а становился результатом совместной с ним деятельности палат. Мы склонны согласиться с утверждением, что правовая система Российской империи окончательно сложилась к 1906 г., и в этом смысле ОГЗ стали ее своеобразным «замком свода», завершив на тот момент многовековое правовое строительство[1]. А это в свою очередь означало, что в русском праве устанавливался принцип единообразного применения закона, столь необходимый для юридической безопасности субъектов права. Подчеркнем, именно в праве, т.е. в правовой действительности. Для того, чтобы этот принцип фактически соблюдался, требуется известное время, в течение которого право внедряется в общество и формирует поведение.

В области исполнительной власти, при всей незавершенности реформ, полномочия императора, на первый взгляд, также суживались. Отныне издаваемые им указы скреплялись подписью главы правительства и/или подлежащего министра. Этот правовой институт контрассигнации всегда отличает ограниченную монархию[2]. Кроме того, в нормативном тексте провозглашался принцип соответствия подзаконных актов закону (ст. 122). Теоретически государь не мог инициировать незаконный акт, т.к. члены кабинета, опять же теоретически, могли не согласиться подписать его. Мы хотим еще раз подчеркнуть важность появления этой новеллы именно в праве. Тот факт, что на практике данная норма работала не всегда, никак не отменяет ее фундаментального значения. Фома Аквинский, в свое время, верно заметил, что к соблюдению закона надо сперва принуждать, а потом, со временем, у людей появляется добрая привычка его исполнять[3].

Предложенный выше весьма выборочный обзор конституционных нововведений 1906 г., тем не менее, ясно показывает, что власть российского главы государства была поставлена в определенные рамки. Она перестала быть бесконтрольной и стала, по крайней мере формально, опираться на закон. Но это лишь на первый взгляд. При ближайшем рассмотрении выясняется, что сокращение прежних полномочий Импера-

[1] *Исаев М.А.* История российского государства и права. М., 2012. С. 455–462.

[2] *Водяницкая Е.А.* Глава государства — монарх в Великобритании // Глава государства в зарубежных странах: колл. монография / Под ред. А.Г. Орлова, Н.А. Славкиной. М., 2016. С. 41–42.

[3] *Аквинский Ф.* Сумма теологии. Ч. II-I. Вопр. 90–114. Киев, 2010. Вопр. 95. С. 58–59.

тора было лишь кажущимся. По новой редакции ОГЗ у него появились разнообразные права, которых не было и не могло быть раньше. В любом случае, нельзя однозначно утверждать, что объем Верховной власти уменьшился.

Так, император получил право назначать выборы депутатов Государственной думы и половины состава Государственного совета и связанные с этим право роспуска Думы и право замены половины членов Совета до истечения их срока (ст. 104, 105); право созыва вновь избранного парламента (ст. 98); право приостанавливать занятия Думы как между сессиями, так и в пределах одной сессии (ст. 99)[1]; право вносить законопроекты в палаты (ст. 8); право издавать в период «междудумья» указы, имеющие силу закона (ст. 87); право налагать монаршую санкцию на законопроекты, обсужденные палатами (ст. 113); право отлагательного вето (ст. 112); право выступать с инициативой пересмотра ОГЗ (ст. 8, 107).

В управленческой области полномочия главы государства также нельзя однозначно считать сокращенными. В 1905 г. впервые в истории России появляется единый административный орган — Совет министров[2]. Конечно, нам известно, что учреждение с таким названием рождается в 1861 г., однако его значение как высшего коллегиального органа исполнительной власти в полной мере раскрывается лишь после 1906 г. Не в последнюю очередь это было связано с созданием отдельной ветви законодательной власти, поскольку роль правительства может быть правильно понята только при сопоставлении с другими государственными учреждениями[3].

В этой области император отныне утратил право председательствовать в Комитете министров, но приобрел полномочие по назначению главы правительства, равно как и его заместителя на время ведения заседаний (ст. 3, 4). При отсутствии института парламентской ответственности Государь наш, очевидно, не был связан при этом назначении какими-либо условиями. Возможно, это было сознательным упущением авторов нормативного документа, но мы так не думаем. Дело в том, что и в современных вполне демократических государствах президент, например, Франции, полностью свободен в выборе премьер-министра. Лишь длительная практика функционирования государственного механизма способна сгладить шероховатости законодательного регулирования. Далее, после 1906 г. император получил право регулировать государственную службу путем установления ограничений для чиновников (ст. 18). Также

[1] Следует иметь в виду, что понятие сессии так и не получило легального определения в тогдашнем русском государственном праве, что явилось причиной различных мнений в доктрине. См.: *Гессен В.М.* Понятие сессии в конституционном праве России // Право. 1911. № 17. Стб. 1007–1019; *Нольде Б.Э.* Понятие сессии в русском государственном праве // Право. 1911. № 31. Стб. 1715–1724.

[2] Им. высоч. указ о мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений от 19.10.1905 // Законодательные акты переходного периода 1904–08 гг. СПб., 1909. С. 156–160.

[3] *Нольде Б.Э.* Очерки государственного права. СПб., 1911. С. 121–122.

он стал вправе производить краткосрочные заимствования из казначейства, правда, в известных пределах (ст. 117, 118). Можно было бы еще добавить правовой институт безответственности Верховной власти, вытекающий из ст. 24 ОГЗ 1906 г., где было установлено правило контрассигнации монарших актов. Но мы не станем слишком настаивать на его новизне. Без сомнения он существовал и раньше как норма обычного права, хотя некоторое понимание неподсудности главы государства заметно уже в Соборном Уложении 1649 г.

В целом, как видно из вышесказанного, новые полномочия Императора преимущественно относятся к области законодательства. Это неудивительно, т.к. именно здесь властный механизм подвергся наиболее радикальному изменению. Управленческая же деятельность, равно как и судебная, в той или иной степени существовали до 1906 г., и их реформирование заключалось скорее в уточнении полномочий.

Таким образом, мы позволим себе сделать вывод, что уменьшение власти Императора после 1906 г. не представляется столь очевидным. Вроде бы утраченные полномочия оказались компенсированы другими, новыми, вызванными к жизни самим ходом реформ. Из этого, однако же, отнюдь не следует, что русский правопорядок остался прежним. Изменения, разумеется, произошли, но искать их надо бы не в количестве полномочий, а в порядке их осуществления.

После 1906 г. в России появилась нормальная, т.е. обыкновенная с точки зрения теории конституционного права, законодательная процедура. Закон стал результатом совместной деятельности главы государства и парламента. Такой порядок может быть назван классическим, коль скоро он был в дальнейшем воспринят многими, если не всеми, государствами. Корни его лежат в английской практике конституционализма, умело проанализированной Ш.Л. Монтескье и Вольтером. Благодаря им английский правопорядок оказал наибольшее влияние на государственно-властные отношения во всем мире[1]. Стоит добавить, что и сегодня в Великобритании монарх является составной частью парламента.

Мы не считаем полезным описывать здесь во всех подробностях законодательную процедуру в российском парламенте. Это не является предметом нашего краткого исследования. Достаточно сказать, что в основных своих чертах она совпадала с традиционными для любого парламента формами деятельности, каковые можно обнаружить и в современном мире[2]. Наказ Думы предусматривал как пленарные заседания, так и работу в комиссиях. Последние могли быть постоянными и ad hoc. Депутаты пользовались неприкосновенностью, императивный мандат не допускался. Вместе с тем мы отнюдь не идеализируем первый русский парламентский опыт. Недостатков хватало как в нормативном ре-

[1] *Эсмен А.* Общие основания конституционного права. СПб., 1898. С. 24–25.

[2] *Фомичева О.А.* Конституционное право депутата на участие в законотворческом процессе // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 11. С. 4.

гулировании, так и в практике его применения[1]. Депутаты испытывали трудности при реализации собственной законодательной инициативы, т.к. она была поставлена в жесткие формальные рамки. Существенными ограничениями отличалась и финансовая компетенция «нижней» палаты. Весьма скромными, если не сказать ничтожными, выглядели и контрольные полномочия Думы, что давало правительству широкое пространство для неподотчетных действий. Все эти и многие другие проблемы скорее всего разрешились бы на практике, путем толкования и приспособления норм закона к потребностям государственного быта. Слишком короткий срок, отпущенный историей русскому представительному правлению, не позволил этого сделать. Мы лишь подчеркнем, что нормативная база парламентаризма была создана, а опыт III Государственной думы продемонстрировал обоюдную волю законодателей и правительства к сотрудничеству.

Наряду с общим законодательным порядком в России, после 1906 г., образовался и подзаконный порядок, так называемый secundum et intra legem, в рамках которого принимались акты верховного и подчиненного управления. Этот порядок осуществлялся в формах деятельности Совета министров и в этом смысле может быть назван «вторичным», коль скоро подзаконные акты должны соответствовать закону. Подзаконный порядок тоже не был идеальным, если на него определяющее воздействие оказывала личность главы правительства (в частности, П.А. Столыпина). На самом деле эффективная юридическая процедура всегда обезличена, она одинакова для всех субъектов и в любое время, она должна быть свободна от человеческого фактора. Но мы здесь хотим отметить как заслугу реформ 1905–1906 гг. само появление такой процедуры, чего не было ранее[2]. Отсутствие же, как и в случае с парламентом, необходимого времени для внедрения новых законов в практику исполнительной власти вполне очевидно.

Помимо вышеназванных двух классических процедур, государственное право России начала XX в. знало еще ряд узаконенных способов нормативного регулирования. Так, в особом порядке могли быть изменены сами ОГЗ 1906 г. Выше мы уже указали на исключительность императорской инициативы в этом вопросе. Далее, особая процедура, очевидно, касалась и Учреждения о Императорской фамилии, т.к. в этих вопросах государь оставался и самодержавным, и неограниченным монархом[3]. Отдельно мы полагаем уместным упомянуть процедуру, вытекавшую, по нашему мнению, из ст. 4 ОГЗ, а именно порядок реализации первичной учредительной власти. Единственный случай ее применения,

[1] *Демин В.А.* Учреждение Государственной думы 1906 г.: пробелы и противоречия // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 13–23.

[2] *Соловьев К.А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М., 2017. С. 155–157.

[3] *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. М., 1908. Т. 1. С. 214–215.

3 июня 1907 г., едва ли позволяет дать ей (процедуре) объективную оценку, но нам кажется, что юридическая квалификация действий императора предпочтительней, чем политически мотивированное их неприятие, продемонстрированное современниками. Не забудем, наконец, и чрезвычайно-указное право верховной власти по ст. 87, которое может быть в известной степени обозначено как предшественник правового института делегированного законодательства, появившегося в конституционной практике отдельных стран в конце XIX в. Другое дело, что в России этот институт не успел должным образом развиться.

В завершение нашего небольшого обзора мы можем лишь подтвердить высказанный вначале тезис. Действительно, конституционные реформы 1905–1906 гг. превратили Россию в дуалистическую монархию, где наряду с главой государства появились иные органы, разделившие с ним власть[1]. В новой конфигурации властных отношений сам император становился органом государства, тогда как при абсолютизме он выступает, все-таки, его собственником. Критерием же новой формы правления мы предлагаем считать не количество полномочий государственных учреждений, а установленный в законе порядок их осуществления. Юридическая процедура выполняет тогда роль гарантии законности и служит к вящей предсказуемости действий власти. А наличие нескольких таких процедур в нашей стране в начале XX в. объясняется сложносоставным, мозаичным характером правовой системы Империи, не успевшей еще к тому моменту завершить унификацию законодательства. Дальнейшая и стабильная практика государственного общения, быть может, смогла бы выработать ясные и устойчивые формы межвластных отношений.

[1] *Туманова А.С.* Конституционная реформа 1905–1906 гг. в восприятии элиты российской общественности // Очерки идеологии постсоветского конституционализма: сб. науч. трудов / Под ред. М.А. Краснова. М., 2013. С. 15.

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ВЛАДИМИРСКИЕ МОНАРХИСТЫ В ПЕРВОЙ ДУМСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

ОМЕЛЬЯНЧУК ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор
Владимирского государственного университета,
Владимир, Россия;
e-mail: omeliyanchuk@mail.ru

Аннотация: в статье рассматривается участие монархистов в первой думской избирательной кампании. В ней были представлены правые организации Владимира, Шуи, Иваново-Вознесенска, Вязников и монархисты Коврова, не успевшие создать собственной партийной структуры. Несмотря на то, что правые на предварительном этапе получили 16 % голосов избирателей, они не смогли провести в Думу ни одного монархиста, что объясняется малочисленностью правых организаций, не преодолевших организационную стадию своего развития, отсутствием в их рядах авторитетных кандидатов с опытом политической работы, нехваткой денежных средств, особенностями избирательного закона, дававшего преференции цензовым классам, представителей которых было крайне мало в рядах провинциальных монархистов, и, наконец, популизмом их политических оппонентов, не стеснявшихся, в отличие от монархистов, давать неисполнимые обещания.

Ключевые слова: Владимирская губерния, правые партии, монархисты, Первая Государственная дума, избирательная кампания.

Несмотря на то, что в правом лагере не утихали споры о компетенции созданного в 1905 г. народного представительства и даже о самой необходимости его существования, монархические партии приняли активное участие в думских избирательных кампаниях. Владимирские правые не стали исключением, тем более, что три действовавшие в губернии монархические региональные организации — Шуйский Союз русских православных людей (ШСРПЛ)[1], Иваново-Вознесенская самодержавно монархическая партия (ИВСМП)[2] и Владимирский «Патриотический союз»[3] — изначально создавались как парламентские (о намерении участвовать в выборах прямо говорилось в их уставах), а Владимирский отдел Союза русского народа (СРН)[4] не мог игнорировать линию Главного Совета, который, хотя и сомневался в целесообразности существования законодательного представительного органа, но все же принял решение участвовать в думских

[1] Создан 22 ноября 1905 г. См.: ГАВО. Ф. 521. Оп. 1. Д. 9. Л. 5.
[2] Создана 23 декабря 1905 г. См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1906 г. Д. 38. Л. 12.
[3] Создан в декабре 1905 г. См.: ГАВО. Ф. 981. Оп. 3. Д. 17. Л. 14 об.
[4] Создан 14 февраля 1906 г. См.: ГАВО. Ф. 14. Оп. 4. Д. 2797. Л. 3.

выборах. Найти программные документы Вязниковской Монархической партии, действовавшей в начале 1906 г., не удалось, но так как сами учредители этой организации затруднялись в определении ее политического облика («одни считают партию вполне „черной“ (т.е. черносотенной, — *И.О.*), другие именуют ее „умеренно-конституционной“»[1]), то и эта политическая структура, вероятно, не без влияния ее конституционного крыла, приняла участие в первой думской избирательной кампании.

Выборы в Государственную думу всколыхнули русскую провинцию. «Предвыборная деятельность и связанная с ней агитация повсюду развиваются, что заметно даже в нашем гор. Владимире», — с некоторым удивлением констатировали «Владимирские епархиальные ведомости» в январе 1906 г.[2]. Так как социалистические партии бойкотировали выборы в I Думу, то основная борьба развернулась между правыми и либералами. Этому противостоянию способствовал географический фактор: во Владимирской губернии наиболее многочисленные и влиятельные группы кадетов располагались в тех же городах, где и монархисты: во Владимире, Иваново-Вознесенске, Шуе и Коврове. Правда, в последнем к началу выборов отдел СРН еще не был официально открыт. Впрочем, даже действующие правые организации едва преодолели организационную стадию своего развития.

Владимирский отдел СРН включился в борьбу практически с момента своего создания. 28-го февраля на предварительном совещании мелких землевладельцев и духовенства по выборам в Государственную думу выступил председатель отдела В.М. Карякин. Он, ссылаясь на опыт Польши, терзаемой постоянными смутами, раскритиковал доклад председателя совещания Ю.Д. Смирнова, указывавшего «на выгодные стороны автономии, а в некоторых случаях даже федерации» и приводившего «в примеры Германию и Соед[иненных] Шт[атов] при федеративном их устройстве». Кроме того, В.М. Карякин, агитируя против левых партий, заявил, что «они идут против правительства» и «стараются разделить Россию на части», а «члены их арестуются». Его поддержал купец Панин, выступивший против чтения программы партии народной свободы, так как партия запрещена[3].

На предвыборном собрании городских избирателей Владимира от монархистов выступал товарищ прокурора Владимирского окружного суда В.К. Кулибин. Он призывал избирать в Думу «людей, согласных с правительством», «с кристально чистой душой», которые «занимались бы только делом и не мешали бы правительству „борьбой“». По мнению В.К. Кулибина, ни в коем случае нельзя в Думу «выбирать людей крайних партий, особенно тех людей, которые на своем знамени выставляют четырехчленную систему выборов (прямая, равная, тайная и всеобщая подача голосов)». Вопросы же «об изменении постановлений о Государственной думе могут быть подняты потом, лет через 5 или более по умиротворении сторон»[4].

[1] Клязьма. 1906. 5 марта. № 59.

[2] Владимирские епархиальные ведомости. 1906. 21 января. № 3. Отдел неофициальный. С. 51.

[3] Клязьма. 1906. 3 марта. № 57.

[4] Там же.

В первой думской избирательной кампании жители Владимира увидели «американскую новинку: афиши с именами кандидатов с приглашением голосовать за них»[1]. Однако, методы ведения агитационной работы не всегда соответствовали канонам парламентаризма. Так «Клязьма» опубликовала жалобу одного из избирателей, вместе с повесткой получившего два приложения: программу СРН и «без оглавления и подписи печатное воззвание, грязнящее интеллигенцию, призывающее к единению для изгнания евреев и называющее большинство будущего „Парламента“ продажным». Содержание этого воззвания явно не вписывалось в каноны политкорректности: «Последние события вскрыли наконец то, что назревало многие уже годы. Смысл их, по-моему, прост, ясен и страшен: борются за власть две группы: одна — евреи во всеоружии их денег, упорства, хищничества и неимоверной дерзости, другая — наш правящий класс с его дряблостью, легкомыслием и трусостью. Глупость интеллигенции доходит до того, что большинство их само лезет в петлю, заготовленную для них евреями, да еще считает за последнее слово гуманности и прогресса...». По мнению автора воззвания, «всякие способы борьбы с надвигающейся смутой окажутся бесплодными, если главный удар не будет направлен туда, куда следует, то есть на евреев»[2]. Являлся ли этот документ продуктом творчества монархистов, или это был «черный пиар» со стороны оппозиции, сказать сложно.

Во Владимире кроме отдела СРН от правых в этой избирательной кампании участвовал еще и «Патриотический союз», выставивший кандидатом в выборщики своего председателя члена Владимирского окружного суда П.М. Казначеева[3]. При этом, по мнению политических оппонентов, «Патриотический союз» «действовал как крайне правый реакционный, который выпускал обычного типа прокламации и другие произведения печати, призывающие к ненависти против инородцев, отрицающие народное представительство и т.д.»[4], т.е. фактически проводил линию СРН.

Интересно, что два самых известных кандидата правых — П.М. Казначеев и В.М. Карякин — входили в состав Владимирской уездной комиссии по выборам, причем П.М. Казначеев являлся ее председателем[5]. Но даже административный ресурс не помог монархистам, полностью провалившим избирательную кампанию. В выборщики прошли кадеты Н.М. Иорданский (1072 голоса), К.К. Черносвитов (931), Г.А. Смирнов (850), С.А. Иверонов (841), Н.Н. Овчининский (817). Близкий к монархистам правый октябрист Г.А. Пышкин занял 10-е место, набрав 442 голоса и уступив «проходному» 5-му месту почти 400 голосов[6]. «Владимирские епархиальные ведомости» так объяснили победу кадетов во Владими-

[1] Владимирские епархиальные ведомости. 1906. 18 марта. № 11. Отдел неофициальный. С. 181.

[2] Клязьма. 1906. 1 марта. № 55.

[3] Клязьма. 1906. 14 марта. № 68.

[4] Владимирский край. 1906. 5 ноября. № 4.

[5] Клязьма. 1906. 14 марта. № 68.

[6] Клязьма. 1906. 15 марта. № 69.

ре: «Только в партии „народной свободы“ заметна была партийная дисциплина вотировать только за выставленных партией кандидатов. Этой дисциплиной и влиянием последних предвыборных собраний в значительной мере объясняется успех этой партии на выборах»[1].

В Шуйском уезде монархисты имели больше надежд на успех, так как с их стороны в выборах приняли участие сразу две местные партии — ИВСМП и ШСРПЛ. В феврале 1906 г. представитель иваново-вознесенских октябристов А.В. Грушке, «говоря о местной самодержавно-монархической партии... отметил, что эта партия не так страшна, потому что не пользуется сочувствием большинства, но все-таки посоветовал быть осторожными и по отношению к этой партии»[2]. И ИВСМП оправдала опасения А.В. Грушке, активно включившись в предвыборную гонку. В марте 1906 г. оппозиционная «Клязьма» признавала, что только две существующие в городе партии «Союз 17 октября и Самодержавно-монархическая выступят на предстоящих выборах до некоторой степени сорганизованными и сплоченными... благодаря тем частым митингам, которые устраивали в Иванове»[3].

По оценке оппозиции, из 5400 местных избирателей около 3000 принадлежали к монархистам и октябристам[4], что гарантировало им победу в случае создания коалиции. Однако ИВСМП решила «ни в каком случае не присоединяться к партии „Союза 17-го октября“»[5]. За несколько дней до выборов иваново-вознесенские монархисты «через объявления, расклеенные по городу, а также напечатанные в „Ивановском листке“... указали фамилии намеченных ими кандидатов». Кроме того, в день выборов правые вывесили новый плакат, в котором партийный комитет «покорнейше просил «всех верноподданных его императорского величества голосовать за кандидатов, намеченных в выборщики упомянутым комитетом»[6].

Однако результаты выборов для Самодержавно-монархической партии оказались разочаровывающими: «все ее кандидаты в выборщики „провалились“»[7]. Октябристы, с которыми ИВСМП отказалась блокироваться, также не сумели провести ни одного кандидата. Избранными оказались только представители оппозиции: «1) М.М. Лапшин (рабочий, 1207 записок), 2) С.Н. Полушин (фабрикант, 1171), 3) А.В. Грушке (преподаватель школы колористов, 1026), 4) В.Ф. Каулен (колорист фабрики Дербенева, 974), 5) И.И. Мумриков, присяжный поверенный, 874)»[8].

В Шуе, сообщала «Клязьма», участие в избирательной кампании «принимают две партии — народной свободы и торгово-промышленная» (ТПП) и «два союза — русских православных людей и 17 октября».

---

[1] Владимирские епархиальные ведомости. 1906. 18 марта. № 11. Отдел неофициальный. С. 182.

[2] Клязьма. 1906. 28 февраля. № 54.

[3] Клязьма. 1906. 10 марта. № 64.

[4] Там же.

[5] Клязьма. 1906. 12 января. № 10.

[6] Клязьма. 1906. 14 марта. № 68.

[7] Клязьма. 1906. 18 мая. № 124.

[8] Клязьма. 1906. 15 марта. № 69.

При этом оппозиционная газета обвинила в нарушении правил игры не черносотенцев, как это можно было бы ожидать, а своих коллег по либеральному лагерю из ТПП: «В то время как партия народной свободы и оба союза пользуются легальными средствами борьбы, торгово-промышленная партия прибегает к приемам далеко недвусмысленным»[1] (речь, вероятно, шла об административном ресурсе, так лидером партии накануне был избран городской голова Шуи П.П. Китаев[2]).

ШСРПЛ основную ставку делала на местный пролетариат. От имени одного из рабочих было опубликовано воззвание, в котором, в частности, говорилось: «Я, как вам известно, тоже рабочий, не лукавя скажу, что следовало бы примкнуть вам всем к нам, покамест не поздно, для того, чтобы провести в Государственную думу как можно более мозолистых рук». Для этого автор приглашал посещать мероприятия, проводимые ШСРПЛ: «У нас в союзе 19 февраля состоится собрание, вероятно, со священником. Молебен, вероятно, и панихида в доме царю-освободителю, причем просим без сомнения взойти к нам в союз»[3].

Однако, монархисты (впрочем, как и октябристы с ТПП) ничего не смогли противопоставить конституционным демократам, одержавшим безоговорочную победу: в выборщики прошли три их кандидата — В.А. Невский, И.П. Смирнов и А.В. Соловьев[4].

В Коврове избирательная кампания прошла для правых достаточно успешно, несмотря на то, что в городе к этому времени официально не существовало монархических организаций, и правые кандидаты действовали от своего имени. Уполномоченным от рабочих местных железнодорожных мастерских стал столяр С. Рыжков, получивший около 200 голосов. «Клязьма» объяснила: «Так как вся сознательная молодежь из мастерских уволена после декабрьского собрания, то перевес на выборах имели старики, избравшие уполномоченным представителя черносотенной партии»[5]. 10-го марта на квартире председателя Ковровского общества трезвости А.А. Бандысика состоялось собрание правых избирателей. Явилось на него «около 50 человек, преимущественно мелких купцов и мещан». При баллотировке кандидатов в выборщики наибольшую поддержку получили А.А. Бандысик (36 голосов) и Н.В. Култашев (27 голосов), «оба крайние правые», впоследствии ставшие активными членами Ковровского СРН[6]. Однако роль первой скрипки монархистов на выборах сыграл другой тандем — священник Н.А. Преображенский и купец А.А. Апарин, также будущие члены СРН. При голосовании они заняли первое и второе места, получив 516 и 490 голосов соответственно и опередив тем самым представителей оппозиции — почетного гражданина М.Ф. Першина (324 голоса) и судебного следователя М.Ф. Буйвалова (303 голоса)[7].

[1] Клязьма. 1906. 12 марта. № 66.
[2] Клязьма. 1906. 9 марта. № 63.
[3] Клязьма. 1906. 27 февраля. № 53.
[4] Клязьма. 1906. 18 марта. № 72.
[5] Клязьма. 1906. 11 марта. № 65.
[6] Клязьма. 1906. 14 марта. № 68.
[7] Клязьма. 1906. 15 марта. № 69.

В Вязниках в думской избирательной кампании правых представляли члены местной Монархической партии. 26-го марта было проведено предвыборное партийное собрание, на котором присутствовало 160 человек. Председателем был избран «организатор партии» С.И. Змеев. При проведении «баллотировки... кандидатов в губернские выборщики» наибольшее количество голосов получили С.И. Змеев — 115, А.В. Демидов — 83, В.В. Елизаров — 52, Г.Т. Зюзин — 52 и А.Е. Беловицкий — 28. «Клязьма» так прокомментировала выбор собравшихся: «По результатам баллотировки можно судить, что... на собрание попали не одни „монархисты“»[1]. Речь шла о выходце из старообрядческой купеческой семьи, фабриканте А.В. Демидове, придерживавшемся «прогрессивного направления» и «разделяющего по слухам, весьма вероятным, убеждения партии народной свободы, хотя г. Демидов членом этой партии и не состоит»[2].

Выдвижение прогрессивного кандидата от монархической партии свидетельствовало об отсутствии идеологического единства вязниковских правых. Так, на 5 марта «группой вязниковских избирателей» было назначено внепартийное предвыборное собрание, среди устроителей которого значился и лидер монархической партии С.И. Змеев. Однако, как писала либеральная пресса, «монархистов эта „измена“ уязвила в самое сердце... Возмущенные до глубины души, они потребовали, чтобы „глава“ вышел из состава устроителей собрания, в противном случае грозили явиться туда и „перевернуть все по-своему“. Г. Змеев убоялся могущих произойти осложнений и нашел для себя более безопасным... выйти из состава устроителей собрания»[3].

15 марта 1906 г. состоялся избирательный съезд. Кандидатами от монархистов значились А.В. Демидов, С.И. Змеев и Г.Т. Зюзин, от прогрессистов — Н.И. Воробьев, И.М. Новожилов и А.К. Толигин. В результате баллотировки избранными оказались И.М. Новожилов (476 голосов), А.В. Демидов (443 голоса) и Н.И. Воробьев (404 голоса.). Кандидаты от правых С.И. Змеев и Г.Т. Зюзин заняли пятое и шестое места с 320 и 275 голосами соответственно[4]. Однако монархисты подали жалобу в уездную комиссию. Последняя, «разбирая вопрос о правильности выборов, признала, что печатные бланки с именами (Н.М. Новожилова, Н.И. Воробьева и А.К. Толигина) следует считать неправильными, ввиду того, что на них не было напечатано: „предлагаются в выборщики“». В результате 139 избирательных записок было признано недействительными. При пересчете голосов на третье проходное место вышел С.И. Змеев, «что только и нужно было нашим „монархистам“, соединившимся с Союзом 17 окт.», — писала «Клязьма»[5]. Говоря об этом «соединении», газета, вероятно, имела в виду лишь А.В. Демидова, шедшего на выборы от монархистов, но занимавшего позицию между кадетами и октябристами. Тем не менее, благодаря такому «блоку» именно в Вязниках пра-

[1] Клязьма. 1906. 5 марта. № 59.
[2] Клязьма. 1906. 19 марта. № 73.
[3] Клязьма. 1906. 6 марта. № 60.
[4] Клязьма. 1906. 19 марта. № 73.
[5] Клязьма. 1906. 22 марта. № 76.

вые добились наибольшего успеха по губернии, проведя в выборщики двух своих кандидатов из трех возможных.

В итоге в губернском избирательном собрании из 108 выборщиков 17 оказалось правого направления, то есть почти 16 %. По куриям правые выборщики распределились так: городская — 4 из 48 (8,3 %), крестьянская — 5 из 26 (19 %), землевладельческая — 6 из 18 (33,3 %), рабочая — 2 из 16 (12,5 %)[1]. В целом в Российском империи по всем куриям за правых проголосовало только 9,2 % выборщиков: городская курия — 6,1 %, крестьянская — 5,1 %, землевладельческая — 16,5 %[2]. Как видим, показатели правых на выборах по Владимирской губернии значительно превышают средние по стране.

В заседании губернского избирательного собрания приняли участие 106 выборщиков (двое не явились). Первыми, согласно действующим законодательным нормам, своего депутата в Государственную думу избирали крестьяне. Им стал волостной старшина с. Хребтова Переславльского уезда Ф.Г. Баринов. Затем приступили к баллотировке кандидатов общим собранием. Больше всех голосов получил рабочий фабрики Баранова в г. Карабаново Александровского уезда В.Ф. Лебедев — 70 голосов. За ним следовали землевладелец Судогодского уезда, владелец стеклянного завода, гласный Московской городской думы М.Г. Комиссаров — 61 голос; доктор медицины, гласный Александровского уездного земства И.П. Алексинский — 60 голосов; член суда по гражданским делам К.К. Черносвитов — 54 голоса; фабрикант А.В. Демидов — 53 голоса[3]. И хотя последний изначально был выдвинут в выборщики Вязниковской монархической партией, его успех на выборах правые вряд ли могут записать себе в актив, так как А.В. Демидов в Думе значился беспартийным[4], а сочувствовал расположившимся левее октябристов мирнообновленцам (во всяком случае так указывает его фракционную принадлежность газета «Владимирец»[5]).

Таким образом, в составе депутатов I Государственной думы от Владимирской губернии доминировали кадеты — три члена партии (М.Г. Комиссаров[6], И.П. Алексинский[7] и К.К. Черносвитов[8]). Выдвинутый вязниковскими монархистами фабрикант А.В. Демидов занял позицию между кадетами и октябристами[9]. В.Ф. Лебедев вошел в Трудовую группу[10].

---

[1] Клязьма. 1906. 25 марта. № 79.

[2] *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 123.

[3] Клязьма. 1906. 28 марта. № 80.

[4] Демидов Александр Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 158.

[5] Владимирец. 1907. 25 сентября. № 206.

[6] Комиссаров Михаил Герасимович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 264.

[7] Алексинский Иван Павлович // Там же. С. 15.

[8] *Николаев А.Б.* Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Там же. С. 675.

[9] Клязьма. 1906. 28 марта. № 80.

[10] Лебедев Василий Федорович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 320.

И только лишь беспартийный крестьянин Ф.Г. Баринов[1], став депутатом, поселился в так называемой «Ерогинской живопырне» — казенных квартирах, сдаваемым депутатам-крестьянам по «баснословно дешевой» цене с целью ведения среди них правительственной пропаганды[2] — и проживал там до конца легислатуры I Думы[3], что дает некоторые основания утверждать о его «благонадежности» (или же о крестьянской рачительности).

В целом, конечный итог выборов для правых, несмотря на собранные на предварительных этапах 16 % голосов, был неудачным. В общем-то такая картина характерна для всех правых кандидатов в первой Думской избирательной кампании: монархисты не получили в Думе ни одного места, имея достаточно весомую поддержку на первом этапе выборов. Иваново-Вознесенские монархисты в послании к царю объяснили свой провал так: «Выборы для нас — дело новое, непривычное. Наша партия, не будучи посвящена в тайники выборной агитации и к тому же не имея на таковую никаких средств, была затерта. В силу этого из фабричных рабочих нашего крупного промышленного и фабричного города не предстанет перед Тобой ни один»[4].

Таким образом, весьма посредственные результаты владимирских монархистов в первой думской избирательной кампании обусловлены сразу несколькими причинами. Во-первых, правые партии вступили в борьбу за места в Думе практически сразу после своего создания, не разрешив еще многие организационные вопросы и не вступив в режим нормального функционирования, а в Коврове им пришлось вести избирательную кампанию, вообще не имея организации. Во-вторых, малочисленность (на этом этапе) монархических партий, финансирование которых осуществлялось, в основном, за счет членских взносов, своим следствием имела нехватку денежных средств, необходимых для ведения избирательной кампании. И наконец, в силу практически полного отсутствия в рядах правых авторитетных лидеров и вообще людей с политическим опытом, у монархистов имелся явный дефицит достойных кандидатов для выдвижения. Среди причин электорального поражения правых можно назвать и популизм их политических оппонентов, оказавшийся весьма действенным оружием в условиях неподготовленности масс к восприятию политической пропаганды, а также избирательный закон, дававший значительные преференции цензовым классам, представителей которых в рядах провинциальных монархистов было ничтожно мало для успеха.

---

[1] Баринов Федор Герасимович // Там же. С. 38.

[2] *Сахаровский В.С.* «Живопырни» на службе МВД: казенные квартиры для членов I Государственной думы // Герценовские чтения 2013. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. С. 148, 152.

[3] *Бонч-Осмоловский И.* Работы Первой Государственной думы. Издание Санкт-Петербургского комитета Трудовой группы / Ред. С. И. Бондарев. СПб., 1906. С. 488.

[4] Цит. по: Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917. М., 2008. С. 219–220.

ОЦЕНКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ КАДЕТОВ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ И СООБЩЕСТВАМИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВЫБОРОВ В I ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ)

ДМИТРИЕВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЕВНА,
младший научный сотрудник
Южного научного центра РАН;
старший преподаватель
Южного федерального университета,
Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: nvdmitrieva@sfedu.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу оценок национального компонента политической программы конституционно-демократической партии региональными властями и сообществами в ходе избирательной кампании в I Государственную думу Российской империи в 1906 г. Сделан вывод о том, что позитивно оцененный национальными окраинами пункт об автономии Царства Польского вызывал многочисленные вопросы у избирателей внутрироссийских губерний. Царская администрация на местах, определяя причины успеха на выборах крайних партий, также указывала на значимость вопроса о местном самоуправлении и автономии кадетской программы для привлечения на их сторону широких масс населения национальных окраин.

Ключевые слова: конституционно-демократическая партия, национальный вопрос, избирательная кампания, первая Государственная дума, Российская империя.

Избирательная кампания в I Государственную думу Российской империи является уникальным объектом для исследования, т.к. представляет собой первый опыт организации и проведения избирательного процесса в общегосударственный законодательный орган страны. Гетерогенность империи, как на уровне используемых административных практик, так и в экономическом и национальном отношениях, приводила к тому, что одни и те же программы политических партий получали различный отклик и поддержку в отдельных регионах страны. Перспективным представляется обращение к сравнительной характеристике восприятия партийных программ и тактик региональными властями и представителями национальных окраин в условиях предвыборной кампании. Так как по национальному вопросу наиболее проработанной, с одной стороны, и дискуссионной — с другой, была программа конституционно-демократической партии, то именно на ее примере представляется перспективным проведение подобного сравнения. Фонд партии в ГА РФ содержит многочисленные письма и отзывы местных групп и сообществ в ЦК партии кадетов, в которых описываются причины поддержки или напротив — критики национальной составляющей кадетской про-

граммы. Не менее интересными представляются оценки избирательной кампании и агитационной деятельности партийных представителей, содержащиеся в правительственных материалах, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, а именно в отчетах региональных властей о причинах успеха на выборах в Думу крайних партий, под которыми, в первую очередь, подразумевалась конституционно-демократическая партия.

Еще 18 октября 1905 г., сразу после закрытия учредительного съезда конституционно-демократической партии, состоялось при участии делегатов съезда первое заседание Центрального комитета. Кроме общих организационных вопросов заседание обсуждало способы и порядок организации местных комитетов новой партии, отдельно были отмечены западные губернии, ввиду того, там все партии разделяются на национальные группы. Мнение, высказанное Д.И. Шаховским, что подобного рода разделение может быть неудобным для проведения избирательной кампании[1], нашло подтверждение и в отзывах от местных комитетов в ходе избирательной кампании 1906 г. Так, рижский комитет кадетов сообщал, что «коренные жители Риги издавна группировались по национальностям, причем, однако, национальная группировка довольно близко совпадала с группировкой социальной»[2]. Именно эта дифференциация определяла распределение политических предпочтений во время выборов. Усилиями рижского комитета кадетов был создан союз с прогрессивными партиями Риги. Широкая агитация национальной и социальной составляющих кадетской программы, проводимая «преимущественно русскими конституционными демократами и евреями»[3], обеспечила победу кадетов в данном регионе. Прибалтийские губернии стали единственной национальной окраиной, все депутаты которой, избранные в I Государственную думу, вошли во фракцию кадетов[4].

Вариант решения вопроса о национально-государственном устройстве России при переходе к конституционному строю, предложенный конституционно-демократической партией, был рассчитан не только на население национальных окраин. Этот компонент программы должен был также привлечь на сторону кадетов представителей национальных групп, проживавших во внутрироссийских губерниях, особенно в крупных городах. Так, в марте 1906 г. Польскому избирательному комитету Санкт-Петербурга подготовила в виде листовки праймериз поляков этого города, в котором призывала беспартийных литовцев и поляков отдавать свои голоса на предстоящих выборах в Государственную думу за партийных кандидатов, «которые будут наиболее дружелюбны» к ним.

[1] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. В 6 т. М., 1994. Т. 1. С. 31.

[2] Выборы в Государственную думу. Рига // Вестник партии народной свободы. 1906. 11 апреля. № 6. Стб. 409.

[3] Там же. Стб. 407.

[4] *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века: новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 232–366.

В качестве такой партии была признана конституционно-демократическая, т.к. содержала в своей программе лозунг автономии[1]. В листовке были указаны те кандидаты в Государственную думу, которых удалось согласовать Польскому комитету с кадетами.

Однако позитивно воспринятый национальными окраинами раздел программы кадетов о местном самоуправлении и автономии вызывал существенные вопросы со стороны малообразованного населения внутренних губерний Российской империи. Описывая избирательную кампанию в I Государственную думу, представители отделения конституционно-демократической партии в Нижнем Новгороде отмечали, что все партии, находящиеся правее кадетов, в качестве мишени для ожесточенных нападок на партию народной свободы выбрали пункт ее программы, касавшийся автономии Царства Польского. В качестве причины подобного выбора называлось отсутствие понимания малообразованным населением, составлявшим основу электората, этой программной установки: «Этот недобросовестный прием имеет успех среди невежественных потомков Минина, и конституционалисты-демократы прилагают все усилия, чтобы разъяснить избирателям истинное значение автономии и недобросовестность своих противников»[2].

Мнение нижегородского комитета партии подтверждает и письмо от 19 января 1906 г. в ЦК конституционно-демократической партии, поступившее из местного комитета Тотемской группы Вологодской губернии с просьбой более тщательного разъяснения п. 25 программы, так как он выражен недостаточно ясно. Из текста письма становится понятно, что сомнения относительно верности интерпретации понятия «автономия» возникали не только у основной массы крестьянского населения, в среде которого проводилась агитация[3]. Часть членов местного отделения партии также склонялась к мысли, что ЦК под автономией Царства Польского понимает полное отделение последней от России. Одним из возможных вариантов адаптации пункта об автономии был предложен текст брошюры Архангельского комитета, где говорится: «Так как полякам лучше знать, какие им нужны законы, то пускай сами они и составляют такие законы для себя, лишь бы они были в единении с Россией, подчинялись тем законам, которые должны быть одинаковыми для всего русского государства и участвовали бы в Государственной думе, как равноправные русские граждане»[4].

Однако не только национальная компонента кадетской программы принималась во внимание региональными сообществами. Как для внутренних губерний империи, так и для национальных окраин не менее, а может быть и более существенным представлялся земельный вопрос.

[1] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 48. Л. 1.

[2] Выборы в Государственную думу. Н.-Новгород // Вестник партии народной свободы. 1906. 11 апреля. № 6. Стб. 298.

[3] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 196. Л. 1 об.

[4] Там же. ЛЛ. 1–1 об.

Условия землепользования, а также проводимая относительно земельной собственности политика правительства на различных территориях государства делали общую, одинаковую для всех, аграрную программу конституционно-демократической партии непригодной для национальных окраин. Универсализм в аграрном вопросе не учитывал специфику имперского характера государства. Для губерний Северо-Западного края принципиально важным являлся пункт программы о возможности отчуждения частновладельческих земель (п. 36), включенный на первом организационном съезде в октябре 1905 г. и подтвержденный после продолжительных дебатов вторым съездом в январе 1906 г.[1]. В данном регионе земля для поляков не являлась предметом гражданского оборота. Запрет для них на куплю-продажу земли был введен указами от 10 декабря 1865 г.[2]. На это противоречие С.И. Лопацинский, представитель от Виленской губернии, указывал еще в октябре 1905 г. в письме к бюро учредительного съезда конституционно-демократической партии: «Обязательное отчуждение частновладельческих земель непременно провалилось бы у нас, и если бы его не было в программе, было бы лучше». Автор письма предлагал передать этот вопрос на рассмотрение Государственной думе «с правильным представительством»[3]. Впоследствии, на первом пленарном съезде Центрального комитета, Лопацинский объяснил, что к вышеназванному противоречию следует добавить и то, что в Виленской губернии землевладение у крестьян подворное, полей для национализации земли нет, и население примкнет к партии кадетов только в том случае, если в программе будет более определенно выражено отношение к возможности прирезки земли, а также если будет дополнен и расширен областной вопрос[4]. Результаты выборов в I Государственную думу подтвердили опасения С.И. Лопацинского относительно успеха конституционно-демократической партии в Северо-западном крае. Из 42 депутатов данного региона только 11 примкнули к фракции кадетов[5].

Тем не менее, в ходе выборов в I Государственную думу кадеты умело использовали действовавший избирательный закон — большой удельный вес городского избирателя в рамках действующей избирательной системы, а также готовность к широкой коалиции, что обеспечила им относительную победу, в результате которой они смогли образовать значительную фракцию в 178 человек[6]. Подобный успех обратил на себя внимание имперских властей. 28 марта 1906 г. губернаторам была разо-

---

[1] Программа конституционно-демократической партии [Принятая II съездом] // Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 193–194.

[2] ПСЗ-2. Т. XL. 1865. СПб., 1867. №№ 42759–42760. С. 326–328.

[3] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 2. Д. 45. Л. 2 об.

[4] Протоколы Центрального комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. 1905 — середина 1930-х гг. В 6 т. Т. 1. С. 41.

[5] *Кирьянов И.К.* Российские парламентарии начала XX века. С. 232–366.

[6] *Соловьев К.А.* Избирательная кампания кадетов и их адресат (1906–1912) // Вестник Пермского университета. История. 2015. № 3 (30). С. 180–181.

слана циркулярная телеграмма министра внутренних дел П.Н. Дурново с запросом подробного мнения местных властей о причинах успеха на выборах в Думу крайних партий. В качестве возможных объяснений были предложены условия существующей системы выборов с конкретными указаниями этих условий, равнодушие умеренных классов к избирательному процессу, активная пропаганда крайних партий. Министра внутренних дел также интересовали первое впечатление о добросовестности проводимой предвыборной агитации, информация о случаях подкупа, угроз, злоупотреблений. Телеграмма была направлена и на национальные окраины, а именно в Северо-западный край, Юго-западный край и Бессарабию. Большинство представителей коронной администрации на местах отмечали четкость и продуманность агитационных мероприятий конституционно-демократической партии, имеющийся у них политический опыт работы в форме нелегальных политических организаций. Не менее значимой, по мнению всех губернаторов, ответивших на запрос министра внутренних дел, являлась и этноконфессиональная составляющая партийной программы кадетов.

Бессарабский губернатор А.Н. Харузин сообщал, что победа конституционно-демократической партии относительная и в Бессарабии объясняется исключительно тем, что к этой партии примкнуло решительно все еврейское население[1]. Решение еврейского вопроса в частности и в более широком контексте, вопрос о гражданском равноправии в России стали одними из первых при формировании как протопартийной либеральной организации «Союз освобождения», так и сформировавшейся на ее основе конституционно-демократической партии. Витебский губернатор также отмечал существенную роль этнического фактора в победе левых партий на выборах в I Государственную думу. По его мнению, сельскому населению было предоставлено значительно меньшее право участия в выборах, чем городскому. Основная масса избирателей в городах Витебской губернии была представлена евреями, которые «составляя сплоченную массу, охваченную постоянным брожением, недовольством по отношению действий Правительства и зараженную революционными идеями, конечно, вели усиленную тайную агитацию как среди своего общества, так и среди других партий..., которая имела несомненное влияние на исход выборов»[2]. Витебский губернатор в своем отчете отмечал еще одну специфическую черту: разноплеменное население губернии в ходе выборов объединялось в единый блок, «препятствовавший избранию русских»[3]. Таким образом, в ходе избирательной кампании в первую Государственную думу на национальных окраинах отчетливо проявляется политическое противостояние, основанное на этнической почве.

Представитель Юго-западного края Российской империи Подольский губернатор А.А. Эйлер в качестве одной из главных причин побе-

[1] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 40. Л. 13.
[2] Там же. Л. 16 об.
[3] Там же. Л. 17.

ды на выборах конституционно-демократической партии (хотя от самой губернии в Думе не было ни одного кадета) называл глубокое равнодушие общества к политике, на фоне которого резко выделялись стремления к участию в ней инородцев, а именно евреев и поляков, преследовавших исключительно свои интересы, выражавшиеся в автономии и равноправии. «Все эти блага обещаны кадетами, не разбиравшимися в средствах борьбы, почему кадетам и досталась на выборах победа»[1], — пишет в своем ответе на запрос министра внутренних дел А.А. Эйлер. Уфимский губернатор, отвечая на запрос министра внутренних дел, сетовал на то, что «абсолютное большинство избранных ни в каком случае не принадлежит к числу так сказать „лучших людей“, „достойных представителей“ ... это все заурядные посредственности»[2]. Шесть из девяти депутатов от Уфимской губернии были представителями кадетской партии. Стремясь объяснить столь неблагоприятный исход выборов по губернии, Александр Степанович Ключарев обращает особое внимание на созданный из представителей конституционно-демократической партии и национальной мусульманской партии блок. Кадетов поддержали «сочувствующие им отчасти интеллигентные мусульмане, в распоряжении коих имелось весьма значительное число избирательных голосов мусульман сельских избирателей»[3].

Обращают на себя внимание и отзывы руководства внутрироссийских губерний, в которых русское население составляло подавляющее большинство. В частности, Архангельский губернатор отмечал, что в качестве причин победы на выборах конституционно-демократической партии, кроме ее активной агитационной деятельности и интеллигентского состава, следует отнести такие тактические приемы, как переименование ее в партию народной свободы и «внесение в новейшую программу этой партии поправки о целостности и неделимости России взамен ранее проповедываемой автономии инородческих окраин»[4]. Это привело к тому, что значительное количество избирателей из крестьян голосовали за кадетов. Владимирский губернатор писал министру внутренних дел, что конституционно-демократическая партия значительно усилила политическую агитацию непосредственно накануне выборов. С целью привлечения большего количества сторонников, по его мнению, кадеты стали применять «не вполне добросовестные приемы предвыборной агитации», к которым он отнес и «совершенно несогласное с программой партии объяснение автономии Польши»[5].

Олонецкий губернатор объяснял успех партии кадетов на выборах «их удивительной способностью приспособления и, как результат этой способности, умение изменить свою программу в зависимости от тре-

[1] Там же. Л. 45 об.
[2] Там же. Л. 65.
[3] Там же. Л. 65 об.
[4] Там же. Л. 10.
[5] Там же. Л. 19.

бований данной минуты и настроения массы. ...эластичность и крайняя неопределенность программы оказала большую услугу кадетам». В частности, среди инородцев успех достигнут обещанием автономии окраинам, при отсутствии точного определения границ этой автономии[1]. Орловский губернатор отмечал, что успехи кадетской партии вообще обуславливаются тем, что обещанием автономии и равноправности кадеты сплотили инородцев, более деятельных и политически развитых, чем коренное население. Однако в Орловском губернском избирательном собрании кадеты не были выбраны, и, как отмечает губернатор, только возможность одному и тому же лицу осуществлять избирательное право в разных куриях позволила кадетам компенсировать неудачи в уездных съездах городскими выборами[2]. Подобной же точки зрения придерживался и Псковский губернатор А.В. Адлерберг. Несмотря на то, что кадеты получили поддержку только среди городского электората на уровне избрания выборщиков и не прошли в Государственную думу от губернии, Александр Васильевич, анализируя причины победы кадетов в общем, заключает, что ее следует искать в дружном содействии им евреев, инородцев (кроме немцев), а также значительных средствах, затраченных на агитационную кампанию[3].

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что национальный компонент являлся неотъемлемой частью либеральной концепции модернизации российского государства. Данный тезис подтверждается особым вниманием к нему как со стороны региональных сообществ, так и со стороны коронной администрации на местах. Однако сопоставление оценок результативности предвыборной агитации кадетской партии в ходе избирательной кампании в I Государственную думу на национальных окраинах с количественными данными о результатах голосования позволяет сделать вывод о том, что не все национально разнородные территории готовы были поддерживать программу конституционно-демократической партии как по экономическим, так и по социально-политическим причинам.

[1] Там же. Л. 42.
[2] Там же. Л. 44.
[3] Там же. ЛЛ. 47–47 об.

ПОЧЕМУ ПОБЕЖДАЛ К.К. ЧЕРНОСВИТОВ? (ФОРМУЛА УСПЕХА НА ВЫБОРАХ ЕДИНСТВЕННОГО МНОГОКРАТНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ)

ПЛЕНКИН ОЛЕГ ИГОРЕВИЧ,
независимый исследователь,
Владимир, Россия;
e-mail: o.plenkin@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются причины неоднократного избрания члена Конституционно-демократической партии К.К. Черносвитова в Государственную думу от одной губернии (Владимирской). Подробно изучается участие кадетского кандидата в первых трех думских избирательных кампаниях в контексте складывавшейся политической ситуации на каждой стадии выборов. Анализируются материалы дореволюционной прессы о предвыборных собраниях, архивные документы, касающиеся выборного производства, воспоминания современников о ходе выборов во Владимире. Сделан вывод о том, что успех К.К. Черносвитова на думских выборах 1906–1907 гг. был обусловлен его убедительными выступлениями перед местными избирателями, принятием большинством выборщиков его кандидатуры как наиболее компромиссной по сравнению с кандидатурами других кадетов, разобщенностью в рядах политических противников и отсутствием среди них ярких лидеров, способных составить К.К. Черносвитову серьезную конкуренцию, а также его возраставшей к каждым следующим выборам популярностью как опытного политика, уже знакомого с думской работой.

Ключевые слова: Владимирская губерния, выборы, городская курия, Государственная дума Российской империи, губернское избирательное собрание, избирательная кампания, Конституционно-демократическая партия, предвыборные собрания, К.К. Черносвитов.

За всю историю Государственной думы Российской империи из более чем 1700 лиц, становившихся ее членами, одну губернию (область, город с отдельным представительством) более двух раз представляли К.Л. Бардиж[1], Г.Н. Беляев[2], гр. В.А. Бобринский[3], С.Т. Варун-Секрет[4], В.Г. Ветчинин[5], М.С. Воронков[6], Я.С. Гарусевич[7], В.Ф. Грабский[8],

[1] *Николаев А.Б.* Бардиж Кондрат Лукич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 37.
[2] *Николаев А.Б.* Беляев (Беляев 1-й) Григорий Николаевич // Там же. С. 46.
[3] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Бобринский Владимир Алексеевич // Там же. С. 58.
[4] *Николаев А.Б.* Варун-Секрет Сергей Тимофеевич // Там же. С. 80.
[5] *Николаев А.Б.* Ветчинин Виталий Георгиевич // Там же. С. 87.
[6] *Николаев А.Б.* Воронков Митрофан Семенович // Там же. С. 105.
[7] *Николаев А.Б., Постников Н.Д.* Гарусевич Ян Семенович // Там же. С. 121.
[8] *Постников Н.Д.* Грабский Владислав Феликович // Там же. С. 145.

Г.В. Гутоп[1], А.К. Демянович[2], П.Н. Крупенский[3], Г.А. Лашкарев[4], С.В. Лукашевич[5], Н.Н. Львов[6], Л.Г. Люц[7], В.А. Маклаков[8], И.М. Наконечный[9], Н.Н. Опочинин[10], А.И. Парчевский[11], И.В. Свежинский[12], П.В. Синадино[13], М.-К.Б. Тевкелев[14], К.Н. Тимирев[15], кн. А.П. Урусов[16], В.А. Харламов[17], Н.А. Хомяков[18], К.К. Черносвитов[19], В.В. Шульгин[20], В.А. Якубович[21] и В.Ф. Яронский[22]. Т.е., всего 30 народных избранников (менее 2 % от всех депутатов). Еще четыре политика (М.С. Аджемов[23], И.С. Клюжев[24], А.А. Савельев[25] и М.В. Челноков[26]) представляли в разных созывах Думы губернию (область) и город с отдельным представительством, который входил в состав этой губернии (области). Формально в таких случаях имело место представительство разных регионов. Обратим внимание на то, что некоторые исследователи считают повторяющийся статус депутатов критерием их вхождения в состав парламентской элиты[27].

Кирилл Кириллович Черносвитов (1865–1919) три раза представлял Владимирскую губернию в Государственной думе и в 1912 г. имел реальные шансы быть избранным от нее и в четвертый раз, но в результате

[1] *Николаев А.Б.* Гутоп Григорий Владимирович // Там же. С. 153.

[2] *Николаев А.Б.* Демянович Антон Каэтонович // Там же. С. 160.

[3] *Ромов Р.Б.* Крупенский (Крупенский 1-й) Павел Николаевич // Там же. С. 300.

[4] *Бородин А.П., Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Лашкарев Григорий Александрович // Там же. С. 319.

[5] *Николаев А.Б.* Лукашевич Степан Владимирович // Там же. С. 334.

[6] *Нарский И.В.* Львов Николай Николаевич // Там же. С. 338.

[7] *Николаев А.Б.* Люц (Лютц) Людвиг Готлибович // Там же. С. 340.

[8] *Дедков Н.И.* Маклаков Василий Алексеевич // Там же. С. 341.

[9] *Постников Н.Д.* Наконечный Иосиф Мацеевич // Там же. С. 393.

[10] *Николаев А.Б.* Опочинин Николай Николаевич // Там же. С. 427.

[11] *Николаев А.Б., Постников Н.Д.* Парчевский Альфонс (Юзеф Игнаций) Ипполитович // Там же. С. 444.

[12] *Постников Н.Д.* Свежинский Иосиф (Осип) Владиславович // Там же. С. 550.

[13] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Синадино Пантелеймон Викторович // Там же. С. 558.

[14] *Усманова Д.М.* Тевкелев Мухаммед-Кутлуг Батыргиреевич // Там же. С. 607.

[15] *Николаев А.Б.* Тимирев Константин Николаевич // Там же. С. 611.

[16] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Урусов Александр Петрович // Там же. С. 638.

[17] *Николаев А.Б.* Харламов Василий Акимович // Там же. С. 655.

[18] *Николаев А.Б., Соловьев К.А.* Хомяков Николай Алексеевич // Там же. С. 660.

[19] *Николаев А.Б.* Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Там же. С. 675.

[20] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Шульгин Василий Витальевич // Там же. С. 709.

[21] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Якубович Вячеслав Андреевич // Там же. С. 722.

[22] *Постников Н.Д.* Яронский Виктор Феликсович // Там же. С. 726.

[23] *Николаев А.Б.* Аджемов Моисей Сергеевич // Там же. С. 9.

[24] *Николаев А.Б.* Клюжев Иван Семенович // Там же. С. 254.

[25] *Селезнев Ф.А.* Савельев Александр Александрович // Там же. С. 542.

[26] *Николаев А.Б.* Челноков Михаил Васильевич // Там же. С. 672.

[27] *Николаев А.Б., Поливанов О.А.* Парламентская элита России в 1912–1917 гг. // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 57–66.

прямого вмешательства губернатора в избирательный процесс К.К. Черносвитов как неугодный кандидат был отстранен от участия в выборах[1]. Другие владимирские думцы удостаивались избрания лишь по одному разу. В чем же заключался секрет успеха К.К. Черносвитова у местных избирателей?

Член конституционно-демократической партии с момента ее основания К.К. Черносвитов поначалу свои политические взгляды открыто не высказывал[2] и «до выборов... был „тайным“ к[онституционным] д[емократом]»[3]. Его партийный товарищ Н.М. Иорданский, глубоко разочарованный своим провалом на выборах в I Государственную думу, похоже, очень ревностно относился к победе К.К. Черносвитова. Н.М. Иорданский намекал, что эта победа была в определенной степени случайной, и вспоминал, что некоторые во время торжественных проводов К.К. Черносвитова в Петербург «открыто заявляли, что их кандидат в Думу был другой, более „достойный“» (правда, последние два слова в рукописи автор вычеркнул)[4].

На первой стадии выборов (избрание выборщиков) результаты голосования по городской курии, от которой К.К. Черносвитов участвовал в выборах, во многом зависели от выступлений кандидатов на предвыборных собраниях, проходивших в Народном доме г. Владимира. Такие выступления освещались в местной (газеты «Клязьма»[5], «Владимирец»[6], «Владимирский край»[7]) и центральной (журнал «Вестник партии на-

[1] Вместе с тем 3 октября 1913 г. К.К. Черносвитов был избран в IV Государственную думу от общего состава выборщиков Ярославского губернского избирательного собрания на дополнительных выборах вместо князя Д.Д. Урусова (*Николаев А.Б.* Черносвитов (Черносвитов 1-й) Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 675).

[2] См.: ГА РФ. Ф. 102. ДП ОО. 1903 г. Оп. 231. Д. 2318. Л. 4 об.

[3] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 84б. Л. 83.

[4] Там же.

[5] *Z.* Первое предвыборное собрание городских избирателей во Владимире // Клязьма. 1906. 3 марта. № 57. С. 3; *Z.* Второе предвыборное собрание городских избирателей по городу Владимиру // Клязьма. 1906. 8 марта. № 62. С. 2; 9 марта. № 63. С. 3; Собрание Союза 17 октября в Народном доме // Клязьма. 1906. 11 марта. № 65. С. 1; Третье предвыборное собрание городских избирателей по городу Владимиру // Клязьма. 1906. 14 марта. № 68. С. 1–2; Первое собрание выборщиков // Клязьма. 1906. 25 марта. № 79. С. 1.

[6] Предвыборные собрания городских избирателей по г. Владимиру 20 и 21 января // Владимирец. 1907. 25 января. № 19. С. 2; Местная хроника // Там же; Третье предвыборное собрание городских избирателей по г. Владимиру (22 января) // Владимирец. 1907. 27 января. № 21. С. 2; 28 января. № 22. С. 2; В собрании Союза «истинно русских людей» (27 января) // Владимирец. 1907. 31 января. № 24. С. 2.

[7] Первое предвыборное собрание в г. Владимире // Владимирский край. 1907. 23 января. № 18. С. 3; 24 января. № 19. С. 2; Второе предвыборное собрание в г. Владимире // Владимирский край. 1907. 25 января. № 20. С. 3; Собрание // Владимирский край. 1907. 27 января. № 20. С. 3; 28 января. № 21. С. 3–4; Предвыборные собрания в г. Владимире // Владимирский край. 1907. 26 января. № 21. С. 3; Собрание Союза русского народа // Владимирский край. 1907. 31 января. № 25. С. 2.

родной свободы»[1], газеты «Народное дело»[2], «Речь»[3]) периодической печати; сведения о них также обнаружены в архивных документах[4]. К сожалению, данные источники не содержат аутентичных текстов выступлений (стенограмм), что серьезно затрудняет формулирование выводов по ним.

В первую думскую избирательную кампанию на предвыборных собраниях городских избирателей от кадетской партии наиболее активно выступали Н.М. Иорданский и К.К. Черносвитов, последний, однако, — лишь на втором и третьем собраниях. Энергично и поначалу довольно успешно говорил и независимый кандидат А.А. Котлецов. Он представлял «партию своего пиджака» и составил собственную предвыборную программу, которая, однако, была довольно близка программе кадетов. Октябристы и правые, по-видимому, недостаточно оценили значение прямого политического диалога и подошли к предвыборным собраниям совершенно не подготовленными. Они не смогли найти среди своих кандидатов достойных ораторов, и их основными «защитниками» выступили формально внепартийные В.К. Кулибин и А.Н. Култашев.

Предвыборные выступления Н.М. Иорданского публика сопровождала громкими аплодисментами. Речи К.К. Черносвитова были деловыми и строго продуманными, он выступал успешно, но соперничать с Н.М. Иорданским в популярности в 1906 году не мог. Неуспех А.А. Котлецова у владимирских избирателей, вероятно, был вызван чрезмерным противопоставлением им своей фигуры другим кандидатам, а В.К. Кулибина — повышенным вниманием к критике политических конкурентов. Последний выступал монотонно и «усыпительно» и, кроме того, картавил, что производило невыгодное впечатление на слушателей. Выступление же А.Н. Култашева было провальным в силу неподготовленности и политической неосведомленности оратора.

По итогам городских выборов все пять кандидатов, выставленных кадетской партией, в числе которых был и К.К. Черносвитов, занявший с 931 голосом второе место после Н.М. Иорданского (1072 голоса), прошли в выборщики[5]. Современник отмечал: «Город Владимир по тому времени был в полном пленении кадетского засилья, а немногочислен-

[1] Избирательная кампания в губ[ернском] гор[оде] Владимире // Вестник партии народной свободы. 1906. 19 марта. № 4. Стб. 220–223.

[2] Внутренние известия / Владимир губ[ернский] 7 марта // Народное дело. 1906. 9 марта. № 8. С. 3.

[3] Областной отдел / Выборная кампания / Владимир губ[ернский] // Речь. 1906. 4 (17) марта. № 10. С. 6.

[4] ГАВО. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1867. Л. 44; Ф. 108. Оп. 1. Д. 623. ЛЛ. 32–32 об.; Ф. 981. Оп. 2. Д. 79. ЛЛ. 86–87 об.

[5] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 80; Хроника // Клязьма. 1906. 15 марта. № 69. С. 2; Избирательная кампания в губ[ернском] гор[оде] Владимире // Вестник партии народной свободы. 1906. 19 марта. № 4. Стб. 223. В материале «Вестника партии народной свободы» сообщалось, что Н.М. Иорданский получил 1080 голосов, а К.К. Черносвитов 930.

ный класс ремесленников и мелких служащих оставался совершенно разрозненным и мало разбирающимся в совершающихся событиях»[1].

Из 108 выборщиков Владимирского губернского избирательного собрания половину составляли кадеты и внепартийные «прогрессисты», близкие к кадетам. Представителей всех правых партий было не более трети. Таким образом, расстановка политических сил перед решающим этапом выборов практически обеспечивала победу сразу нескольким кадетам[2].

На первом собрании выборщиков К.К. Черносвитов был избран председателем и в прениях активного участия не принимал. Напротив, Н.М. Иорданский вступил в острые дебаты с октябристским выборщиком А.В. Грушке и спустя много лет вспоминал: «Я допустил в дальнейшем большую ошибку. Нужно было на собраниях выборщиков выступать более умеренно, не заострять партийных расхождений и вообще острых вопросов, нужны были соглашения и компромиссы... я занял непримиримую позицию и, подмываемый борьбой с Грушке, резался с ним по самым острым вопросам и, конечно, вооружил против себя всю фабрикантскую группу. Потом я узнал, что меня лично они хотели провести в Г[осударственную] думу, но мои выступления их оттолкнули»[3].

Свою роль сыграло и то, что владимирский губернатор бросил все силы на борьбу с популярным местным кадетом. Позже Н.М. Иорданский узнал, что «губернатор Леонтьев, беседуя с правыми и умеренными выборщиками, говорил: „Кого угодно выбирайте, только не Иорданского“»[4]. Священник доказывал крестьянским выборщикам, что Н.М. Иорданский — безбожник, а правые называли его «красным» и защитником (Н.М. Иорданский был присяжным поверенным) политических преступников[5]. Кадеты побуждали баллотироваться еще одного своего выборщика — известного московского сахарозаводчика и книгоиздателя М.В. Сабашникова, члена ЦК партии, кандидатуру которого и выдвигал ЦК, но он от баллотировки отказался[6]. Таким образом, в глазах выборщиков фигура К.К. Черносвитова, скорее всего, выглядела более компромиссной, чем фигура Н.М. Иорданского, имевшего наибольший успех у избирателей и непримиримо настроенного по отношению к своим политическим противникам. На губернском избирательном собрании после

---

[1] *Коробов Я.* На острие ножа. Воспоминания. М.; Л., 1928. Т. 2. С. 178.

[2] *М.Т.* К выборам в Государств[енную] думу // Клязьма. 1906. 25 марта. № 79. С. 3.

[3] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 846. Л. 82.

[4] Там же. ЛЛ. 82–82 об.

[5] Областной отдел / Выборная кампания / Владимир губ[ернский] // Речь. 1906. 7 (20) апр. № 41. С. 5. См. также: *Dahlmann D.* Die Provinz wählt: Rußlands Konstitutionell-Demokratische Partei und die Dumawahlen 1906–1912. Köln; Weimar; Wien, 1996. S. 172; *Emmons T.* The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, Mass.; London, 1983. P. 302.

[6] Записки Михаила Васильевича Сабашникова / под общ. ред. А.Л. Паниной. М., 1995. С. 308.

того, как крестьяне избрали своего кандидата, остальные пять членов Думы, в числе которых и К.К. Черносвитов, были избраны абсолютным большинством[1].

В период кампании по выборам во II Государственную думу во Владимире также состоялись три предвыборные собрания городских избирателей. К.К. Черносвитов выступал на каждом из них и теперь был, пожалуй, наиболее видным кадетским оратором. Речи Н.М. Иорданского по-прежнему пользовались успехом, но он говорил уже без того подъема, с которым выходил к владимирским избирателям в 1906 г. Озвучивали свою программу и социал-демократы, которые в этот раз представляли серьезную политическую силу. Впервые выступил лидер владимирских октябристов Н.Н. Сомов, но его речь ничем примечательным не отличалась. Дебютом на сцене Народного дома также отметился известный владимирский черносотенец М.В. Байкусов, говоривший грубо и местами нарочито вульгарно, чем вызвал в публике хохот и крики негодования. Провальными были и выступления В.К. Кулибина: на первом собрании при его повторном появлении на сцене большая часть публики демонстративно покинула собрание, а в следующий раз зал встретил его речь негодующим шумом, так что порядок был восстановлен с трудом. Видимо, октябристы и правые не сумели извлечь уроки из прошлогодней избирательной кампании и вновь не нашли среди своих однопартийцев достойных ораторов.

Первый и второй номера в списке кандидатов от конституционно-демократической партии были отданы Н.М. Иорданскому и К.К. Черносвитову соответственно (в 1906 г. К.К. Черносвитов был включен в список третьим номером). Партия кадетов вновь одержала убедительную победу, но провела в выборщики только четырех кандидатов, одно место досталось октябристу. Благодаря активности К.К. Черносвитова на предвыборных собраниях за него теперь было подано наибольшее число голосов (824), Н.М. Иорданский получил 822 голоса[2].

В ходе подготовки к губернскому избирательному собранию выяснилось, что ни одна партийная группировка не имела большинства. Октябристы и правые не смогли прийти к соглашению относительно совместного выступления на выборах; кадеты и социал-демократы также разошлись по вопросу о создании предвыборного блока[3], хотя кадеты

[1] Выборы в Государств[енную] думу // Клязьма. 1906. 28 марта. № 80. С. 1; Наши представители в Государственную думу // Клязьма. 1906. 28 марта. № 80. С. 2.

[2] ГАВО. Ф. 390. Оп. 1. Д. 2008. Л. 291; Ф. 423. Оп. 1. Д. 22. ЛЛ. 33, 35; Местная хроника // Владимирский край. 1907. 30 янв. № 24. С. 2; Местная хроника // Владимирец. 1907. 31 янв. № 24. С. 2.

[3] *Растопчин Н.П.* Воспоминания // Рабочее движение и социал-демократическая работа во Владимирской губернии. Вып. III. Владимирская окружная организация РСДРП. (Материалы к истории социал-демократической большевистской работы во Владимирской губернии.) 1892–1914 / Под ред. А.Н. Асаткина. Владимир, 1927. С. 375–376.

еще на предвыборных собраниях предлагали им совместное выступление. Между тем социал-демократы в лице М.В. Фрунзе повели переговоры с Н.М. Иорданским о проведении в Думу одного рабочего[1]. Поскольку правые не имели шансов самостоятельно провести в Думу своего кандидата, они стали искать возможности блока с кадетами.

В самый день выборов Н.М. Иорданский указал на то, что кадеты могут пойти на блок только с социал-демократами и высказался против блока с правыми. Однако теперь социал-демократы настаивали на проведении в Думу двух своих представителей, крестьянская группа также заявила о претензии на второе место в Думе. С этими новыми предложениями кадеты не согласились[2]. В то же время, по словам владимирского губернатора И.Н. Сазонова, К.К. Черносвитовым «было предложено присутствующим выборщикам произвести подачу голосов за двоих из партии народной свободы, за двоих из партии социал-демократов (1 рабочего и 1 крестьянина) и за одного из правых партий»[3], т.е. своего рода компромиссное решение, удовлетворявшее ожидания всех основных политических сил, участвовавших в выборах.

Как и в 1906 г., записками первым кандидатом к баллотировке был предложен Н.М. Иорданский, вторым — К.К. Черносвитов, их главный политический оппонент на этих выборах октябрист А.Л. Лосев от баллотировки отказался. Несмотря на отсутствие предвыборных соглашений оба кандидата были избраны в первый день (остальных членов Думы избрали на следующий день) абсолютным большинством: Н.М. Иорданский получил 65 голосов против 40, К.К. Черносвитов — 59 против 46[4]. Н.М. Иорданский объяснял такой удачный исход тем, что некоторые правые и левые голосовали в нарушение партийной дисциплины[5], следовательно, по личным симпатиям.

Главное отличие выборов в III Государственную думу заключалось в существенном изменении порядка их проведения в городах, что ужесточило конкуренцию на первом этапе выборов. Введение обязательного представительства каждой курии в Государственной думе означало, что от общего состава выборщиков Владимирская губерния должна была дать теперь только одного члена Думы. В случае получения места в губернском избирательном собрании К.К. Черносвитову нужно было побеждать на куриальных выборах либо баллотироваться на выборах от общего состава собрания. Местной особенностью этой избирательной кампании было то, что она фактически проходила без предвыборных собраний, поэтому доверие избирателей, вновь оказанное К.К. Черносвитову, никак нельзя связать с его выступлениями перед ними.

[1] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 84 б. ЛЛ. 107–107 об.

[2] Там же. Л. 108.

[3] ГАВО. Ф. 205. Оп. 1. Д. 2267. Л. 80 об.

[4] Там же. ЛЛ. 3, 8, 12; Наши депутаты в Государственную думу // Владимирец. 1907. 8 февр. № 30. С. 2. В материале «Владимирца» сообщалось, что Н.М. Иорданский получил 66 избирательных голосов, а К.К. Черносвитов — 60.

[5] РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Ед. хр. 84 б. Л. 109.

Газета «Владимирец» рекомендовала избирателям 2-го съезда городских избирателей непременно подавать свои голоса за К.К. Черносвитова[1], а позже писала, что его избрание «представляется достаточно обеспеченным»[2]. Ход выборов показал, что эта уверенность не была беспочвенной.

На городских выборах К.К. Черносвитов получил 442 записки (следующим по количеству записок оказался октябрист А.А. Шипов, за которого была подана только 141 записка)[3]. Об огромной популярности К.К. Черносвитова у владимирцев и желании непременно отдать голос за него свидетельствует даже такой курьезный факт: на выборах по 1-му отделению 2-го городского съезда из 242 бюллетеней 57 были поданы за лиц, не входивших в список этого отделения, преимущественно за К.К. Черносвитова, и потому были признаны недействительными[4].

На губернском избирательном собрании при избрании кандидата от 2-го съезда городских избирателей записками были намечены к баллотировке только К.К. Черносвитов и кандидат умеренной группы Н.С. Гренадеров. Последний от баллотировки отказался, и избранным оказался К.К. Черносвитов, получивший 48 шаров против 39[5].

За очередной уверенной победой К.К. Черносвитова стояли, главным образом, два обстоятельства: зыбкий, но все же сложившийся союз кадетов с другими левыми, а также умеренными политическими силами, с одной стороны, и отсутствие сплоченности в рядах октябристов и правых — с другой. Это одинаково признавали современники, имевшие разные политические взгляды[6]. Стремясь объяснить пассивность и нежелание прямых конкурентов К.К. Черносвитова баллотироваться, владимирский губернатор И.Н. Сазонов ссылался на влияние «судогодского фабриканта Комиссарова, который, благодаря своим большим денежным средствам, усиленно агитировал в пользу избрания Черносвитова, чем и объясняется, что значительное большинство выборщиков от вторых городских съездов образовалось из кадет[ов]. Если бы Черносвитов и не был избран абсолютным большинством голосов, то, при таких условиях, было обеспечено избрание его относительным большинством»[7].

---

[1] Владимирская жизнь / К выборам по 2-му съезду городских избирателей // Владимирец. 1907. 22 сентября. № 204. С. 2.

[2] *Н.Г.* Выборы 23 сентября во Владимире // Владимирец. 1907. 25 сентября. № 206. С. 1.

[3] ГАВО. Ф. 205. Оп. 3. Д. 68. Л. 5; Ф. 390. Оп. 1. Д. 2038. ЛЛ. 131–131 об.; Владимирская жизнь / Выборы по 2 городскому съезду // Владимирец. 1907. 28 сентября. № 208. С. 2.

[4] Владимирская жизнь / Выборы по 2 городскому съезду // Владимирец. 1907. 28 сентября. № 208. С. 2.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 3. Д. 10. ЛЛ. 2 об.–3, 13.

[6] См.: ГАВО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 480. Л. 325; *Самойлов Ф.Н.* По следам минувшего. Изд. 3-е. М., 1954. С. 168.

[7] ГАВО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 20933. ЛЛ. 5 об., 7; Ф. 205. Оп. 2. Д. 475. ЛЛ. 16–16 об.

Важную роль теперь сыграл и психологический фактор. Некоторые правые выборщики голосовали за К.К. Черносвитова как за известного и опытного политика, будучи уверены в том, что он все равно будет опять избран. Так, И.Н. Сазонов находил весьма вероятным, что «некоторое число правых при самом производстве выборов голосовало за члена Думы Черносвитова — кадета, который как бывший член первой и второй Думы пользовался популярностью, но... возможно, что несколько правых, убежденные в избрании Черносвитова относительным большинством шаров, отдали ему свои голоса, чтобы не затягивать выборов»[1].

От одной избирательной кампании к другой К.К. Черносвитов укреплял свое положение на политическом пространстве Владимирской губернии. По словам немецкого историка Д. Дальмана, пример Черносвитова показал, что в течение каких-то полутора лет в провинции образовалась прослойка политиков, политика сделалась профессией[2]. В целом успех многократного владимирского избранника на выборах 1906–1907 гг. был обусловлен несколькими причинами. На первой стадии выборов ему удавалось горячо агитировать в пользу своей партии и убеждать избирателей голосовать за ее список, а на второй — вызывать доверие у большинства выборщиков. Разобщенность в рядах политических противников и отсутствие среди них ярких лидеров, способных составить ему серьезную конкуренцию, также раз за разом прокладывали ему путь в Государственную думу. На выборах в III Думу он выступил уже как профессиональный политик, его кандидатура мало у кого вызывала сомнение и воспринималась как безусловно достойная избрания.

[1] ГАВО. Ф. 205. Оп. 2. Д. 480. Л. 325.
[2] *Dahlmann D.* Op. cit. S. 306.

КАК ПОЛЬСКИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЫ ИЗ КИЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ ИЗБРАЛИ В 1909 ГОДУ ГРАФА АНДРЕЯ БОБРИНСКОГО ДЕПУТАТОМ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

ЮРКОВСКИЙ РОМАН ЯНОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой всемирной истории Института истории
Варминско-Мазурского университета в Ольштыне,
Ольштын, Польша,
член НМС Центра истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: roman.jurkowski@uwm.edu.pl

Аннотация: Статья представляет малоизвестный фрагмент из истории выборов в Государственный совет в западных губерниях 1909 года. Во время этих выборов в Киевской губернии поляки, которые могли выбрать польского депутата, выбрали вместо него русского. В статье показаны сложные отношения польских и русских помещиков в этой губернии в период бурного развития российских окраинных националистических организаций. Основные выводы заключаются в том, что консервативные лидеры польской шляхты из Киевской губернии надеялись, что выбор русского депутата остановит обвинения русских националистов во вражде поляков против Российской империи. Статья показывает, какими были выборы члена Госсовета от Киевской губернии в 1909 году и как другие польские политики и польская пресса того времени оценивали результаты этих выборов.

Ключевые слова: Польские и русские землевладельцы, выборы в Государственный совет в Киевской губернии в 1909 г., выборы гр. А. Бобринского.

Безусловный успех поляков из западных губерний на выборах в Госсовет в 1906 г. вызвал серезные опасения среди высших властей Российского государства. Ситуация, когда с «исконных российских западных губерний» в высшую палату были избраны только поляки, и в будущем, без изменения избирательного закона, ничего нельзя было изменить, вызвала реакцию премьера Петра Столыпина. В секретном послании от 27 XI (10 XII) 1906 г. к волынскому, подольскому и киевскому генерал-губернатору Владимиру Сухомлинову он просил о подаче фамилий и кратких характеристик[1] нескольких людей, которые «могли бы укре-

[1] Характеристика, в свете поданой описи, должна была содержать: возраст, имущественное состояние, образование, профессию, исполняющие функции и политическую оценку вместе с просьбой «указать, кого с предложеных кандидатов генерал-губернатор может выбрать в Государственный совет» (ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 856. Д. 842 (Переписка с председателем Совета министров Столыпиным о назначении крупных землевладельцев правобережной Украины в члены Государственного совета 1 XII 1906–4 IV 1909). Л. 1).

пить состав Государственного совета, заполучить доверие монарха и успешно защищать в Государственном совете права и чаяния русского населения окраин»[1]. Аналогичное послание, датированое 25 XI (8 XII) 1906 г., получил ген. Константин Кривицкий — виленский, гродненский и ковенский генерал-губернатор. Ему вменялось, чтобы он назвал людей, которые «имеют здесь хозяйства и являются преданными российским делам»[2]. Кстати, за такой подход к неблагоприятным для русского населения результам выборов в Государственной совет обращалась в начале 1906 г. делегация русских людей от западных губерний во время аудиенции у премьера. Подчеркивалось, что русское население «имеет неоспоримое право на независимое от поляков представительство», предполагая, что было бы справедливо «применять пропорциональные принципы на выборах в Думу и выдвижение нужного количества россиян в верхнюю палату»[3]. В. Сухомлинов в конфиденциальном послании премьеру предложил тому следующих лиц, достойных, по его мнению, быть назначенными императором членами Государственного совета: граф Андрей Бобринский, граф Алексей Бобринский, Владимир Сахосовский, Дмитрий Пихно, Иван Балаклеев, князь Анатолий Гагарин, Дмитрий Хомяков[4]. Но государь не хотел этим путем увеличивать и так сильной позиции правых сил в Госсовете, поэтому для русских дальше проблемой была ее избирательная часть, но не назначаемая. Ситуацию, при которой российские помещики могли были быть избраны в депутаты Госсовета хотя бы с нескольких западных губерний, возможно было заполучить только при помощи двух случаев: полной мобилизации представителей русской собственности, что, как показали выборы 1909 и 1910 г., не удавалось достичь, и изменений законодательства, т.е. переработав положения закона о выборах, чтобы независимо от количества людей, пришедших на выборы, русские и так имели гарантированное право избрания «депутата русской национальности». Таким образом, помимо предполагаемого увеличения группы «русских с западных окраин» в назначенной части Государственного совета, инициатива П. Столыпина не могла напрямую повлиять на ситуацию. Но если посмотреть на это с точки зрения более широких планов премьер-министра, т.е. введения земств, выборы в которые должны были проходить в национальных

[1] Там же.

[2] LVIA. Ф. 378 (Канцелярия виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора). Оп. 114. 1906 г. (Общий отдел). Д. 72. Л. 37.

[3] *Кон А.А.* К вопросу о введении земства в западных губерниях. Вильна, 1911. С. 7–11. Газетные информации о теплом приеме этой делегации премьером вызвали дискуссию на встрече группы Центра Государственного совета 22 X (4 XI)1906 г., где гигантским большинством голосов принято постановление, что избирательное право в Думу не может быть изменено без согласия Государственной думы и Государственного совета (Słowo. 1906. № 286. 22 X). Эта же самая газета, цитируя русскую «Страну», сообщала несколько дней позже, что «это постановление стало неожиданностью для Столыпина, который настаивал на изменении закона о выборах» (Słowo. 1906. № 291. 27 X).

[4] ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 856. Д. 842. Л. 5.

ных куриях, и проведения выборов в Государственный совет от земств, то расширение «российско-окраинной группы» в Государственном совете было логичным и вполне оправданным. Выше упомянутые аргументы были подтверждены, например, ролью Дмитрия Пихно, редактора газеты «Киевлянин», отчима Василия Шульгина, предложенного волынским, подольским и киевским генерал-губернатором в качестве депутата, а затем и П. Столыпиным. Д. Пихно уже 25 марта (7 апреля)) 1907 г. был назначен Николаем II членом Государственного совета[1].

Мнения, подобные тем, которые были сформулированы обеими генерал-губернаторами, были также сделаны делегатами III Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося в Киеве в конце 1906 года, с требованием скорейшего введения национальной курии на выборах в Государственный совет[2]. Было также много разговоров об «индифферентизме землевладельцев», а в качестве примера приводились выборы в Киевской губернии, где русские и немецкие землевладельцы имели преимущество перед поляками, но последние несмотря на это победили. Анонимный автор в брошюре, выпущенной перед выборами во II Думу, оценил выборы в Государственный совет следующим образом: «Россияне либо массово проигнорировали выборы, либо просто забыли о них, а в то же время поляки прибывали голосовать даже из-за рубежа <...> Основные причины поражения русских были в их перемешании, рассеяности и отсутствии детальной программы, разработанной ранее, которая могла бы объединить русские силы в крае»[3].

Было несколько причин успеха поляков на выборах в Государственный совет в 1906 году. Наиболее важной из них был сам куриальный и цензуриальный избирательный закон, создавший условия, при которых небольшому количеству богатой шляхты и землевладельцев не приходилось опасаться других социальных групп, исключенных из голосования. Что касается помещиков-поляков, то это был один из многих политических и социальных парадоксов Российской империи, где поляки, все еще политически подозрительные и не обладая многими правами, которыми обладали русские помещики, на выборах 1906 года, а затем воленс ноленс в 1909 и 1910 годах пользовались привилегированным положением своего социального статуса в российском государстве. Трудно говорить об успехе организационной подготовки польских кругов в связи с выборами 1906 г.: такие были более заметны в предвыборной кампании 1-й

[1] Д. Пихно отвечал требованиям цензу в Волынской губернии, но как редактор антипольского «Киевлянина» не имел там шансов на победу, что показали выборы в 1906 г. П. Вечоркевич на основании материалов прессы утверждает, что значительное влияние на поддержку Столыпиным обращения к царю о назначение Д. Пихно имела очередная делегация «русских людей», которая посетила премьера на рубеже 1906 и 1907 года (*Wieczorkiewicz P.P.* Polityka rosyjska wobec Królestwa Polskiego w latach 1909–1914. Praca doktorska napisana pod kierunkiem prof. dr Ludwika Bazylowa. Warszawa, 1976. S. 297).

[2] Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 20. См. также: Подробный отчет о Третьем Всероссийском съезде людей земли русской в Киеве. М., 1906. С. 115–116.

[3] *Избиратель.* Юго-западный край и Государственная дума. Киев, 1907. С. 5.

и 2-й Думы, но, безусловно, важным фактором было возрождение польского населения в западных губерниях после 1905 г. Станислав Стемповский, польский социалистический и либеральный деятель, а также и землевладелец из Подольской губернии, обсуждая выборы в 1-ю Думу в той же губернии, считал, что они способствовали возрождению национального сознания поляков. Он также обратил внимание на очень важный, по моему мнению, элемент успеха поляков: «они также были доказательством того, как долго подпольно могли существовать чувства, созданные традицией, историей и общими национальными связями»[1].

После нескольких десятилетий перерыва польское дворянство просто вернулось к многовековой традиции выбора своих представителей. И хотя последствия этих десятилетий были заметны, а условия и ситуация совершенно отличались от тех, которые передавались традицией семьи, сословия и государства, это было в некоторой степени возобновлением, а не чем-то совершенно новым, как в случае русского дворянства. Вторым источником успеха было объективно большее количество польских землевладельцев (за исключением Киевской и Могилевской губерний), чем российских, подпадающих под условия ценза, что привело к увеличению числа участников выборов. Этот факт в сочетании с очень низкой явкой русских дал победу полякам даже там, где у русских было больше избирателей. Стоит обратить внимание на два элемента аргументов Киевского клуба русских националистов, содержащихся в резолюции собрания от 9 (22) января 1909 г., обосновывающих предложение о разделении избирателей на национальные курии. Утверждение, что «закон о выборах не виноват, а только сами избиратели россияне», не означало применения усилий, направленных на то, чтобы побудить руссских избирателей быть более активными во время выборов, но привело к таким оригинальным выводам как: «закон существует для населения, а не наоборот. При создании закона необходимо прежде всего учитывать интересы правящей нации, которая в России является только русским народом. Эти интересы всегда должны быть защищены, и поэтому законодатели везде должны адаптироваться к реальности»[2]. Но диагноз этой «реальности» был не очень благоприятен для «правящей нации»: «Тот факт, что у русского населения нет политической подготовки, что он значительно уступает развитию национальных чувств, самодеятельности и организации, другим враждебным России народам — все это всем давно известно. И законодатели должны были это давно учитывать»[3]. Поэто-

[1] *Stempowski S.* Pamiętniki (1870–1914). Wstęp Marii Dąbrowskiej. Wrocław, 1953. S. 322.

[2] Tamże. S. 9.

[3] Tamże. Еще в марте 1906 г. после публикации избирательных правил в Госсовет премьера Сергея Витте посетила делегация представителей русского населения с северо-западных и привислинских губерний и потребовала назначения в Госсовет 9 россиян, т.е. еще накануне выборов «окраинные» россияне предвидели победу поляков и хотели обеспечить себе баланс, прося о назначении (*П.К.* К вопросу об изменении закона о выборе членов Государственного совета в Северо-западном крае // Окраины России. 1909. 11 апреля. № 15).

му требование от власти специальных правовых конструкций возникло не только из-за чувства собственной слабости и традиционного русского ожидания на решения правительства, но и из-за скрытого, но все еще существующего комплекса в отношении поляков и их организационных способностей. Киевские националисты также выступили против обвинений в стремлении изменить основные права, т.е. войти в сферы государственной деятельности, предназначенные для монарха и парламента. В качестве прецедента они использовали здесь предложение депутатов группы центра о продлении полномочий для депутатов, покидающих Государственный совет перед окончанием сессии, что уже обсуждалось на заседании 9 декабря 1908 года (2 января 1909 года)[1]. «Поэтому, если Государственный совет однажды потребовал изменить закон о выборах, почему бы не потребовать этого снова», — говорится в принятой резолюции. Человеком, который взял на себя задачу изменить избирательный закон, был Дмитрий Пихно, и его проект по изменению закона о выборах в Государственный совет назывался «предложения 33»[2].

Выступления польских депутатов в Государственной думе и Государственном совете против проекта Д. Пихно, критикующие не только сам принцип, но и ложные статистические данные, использованные для его подтверждения, были не единственными формами противодействия агрессии русских националистических организаций и соответствующей части правых в обеих представительных палатах. В конце мая 1909 года по инициативе Эдуарда Войнилловича (депутата Государственного совета от Минской губернии) все депутаты-поляки Государственного совета от западных губерний в количестве 8 человек (из-за отставки Х. Корвина-Милевского никто не представлял Виленскую губернию) написали в Царском Селе обращение к царю, в котором была опровергнута ложная информация, представленная 2 (15) мая 1909 г. Николаю II делегацией «русскими с окраин» во главе с архиепископом виленским Никандром. Они хотели «отреагировать также», как последовали представители россиян из западных губерний[3]. По утверждению графа Ксаверия Орловского, «слова, произнесенные архиепископом Никандром, должны были вызвать немедленный протест поляков. Существовало опасение, что в отсутствие этого протеста в предстоящие каникулы правые группы не воспользуются молчанием польских депутатов в ущерб нашей национальности»[4]. В

[1] Государственный совет. Стенографические отчеты. Сесия IV. Заседание 9. 20 XII 1908 г. С. 350.

[2] Этому посвящена наша статья: *Юрковский Р.Я.* Борьба польских депутатов Государственного совета с проектом изменений избирательного закона в Госсовет в 1909 году // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сб. науч. ст. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 62–73.

[3] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia 1847–1928. Część 1. Wydał, wstępem i przypisami opatrzył Janusz Iwaszkiewicz. Wilno, 1931. S. 170.

[4] Protokół zebrania przedwyborczego polskich ziemian z guberni podolskiej w celu wyboru kandydata na członka Rady Państwa z Podola, które odbyło się w Kamieńcu Podolskim 14 września 1909 roku // Zanim przyszła «Pożoga». Dokumenty

нем, в частности, писалось: «Недавно мы узнали из прессы, что группа представителей западных губерний заявила Вашему императорскому величеству, что польским землевладельцам этих губерний дорогие, важные и близкие сердцу — не столько величие и мощь государства, сколько его бессилие и упадок»[1]. После этих опровержений польские землевладельцы заявляли, что единственной целью их деятельности было «добросовестное использование благосклонности, оказанной нам <...>, а серьезные, несправедливые обвинения, сделанные нам, глубоко оскорбляют нас, что мы являемся и будем верны трону и государству»[2]. Обращение, написанное в рабочей версии Э. Войнилловичем, было окончательно отредактировано государственным секретарем бароном Юлиусом Икскуль фон Гильденбандтом, который, как писал Э. Войниллович в своих мемуарах, «всегда был для нас хорошим советчиком»[3]. Попытки аудиенции были доверены графу К. Орловскому, который имел хорошие отношения с министром двора бароном В.Б. Фредериксом. Но аудиенции не удалось получить, как утверждал К. Орловский в депутатском отчете: «Из-за постоянных поездок его императорского величества в течение следующих 6 недель обращение было послано за советом министра двора <...>. Ответ был прислан на имя секретаря, который от имени Польского коло общался с министром»[4]. Небрежная благодарность царя («Его императорское величество повелел мне сообщить господину, что он никогда не сомневался в их верноподданых чувствах») в форме телеграммы от барона В. Фредерикса контрастировала в отличие от его прежних заверений «приложить всех усилий», данных делегации архиепископа Никандра.

Вся эта затея с обращением к Николаю II осталась незамеченной в российской прессе и, таким образом, не достигла основной цели, т.е. пропаганды позиции поляков перед лицом растущей волны национализма среди русского общества на окраинах империи.

Отсутствие видимых эффектов идеи с обращением к царю, несомненно, повлияло на возникновение очередной идеи, которая должна была показать «прогосударственную» позицию поляков из западных губерний и выбить тем самым антипольское оружие из рук русских окраинных националистов. Как вспоминал Э. Войниллович, «в нашем кругу, а именно из Литвы и Руси, мы решили пойти на комбинацию, <...> отдав один или даже два голоса представителям русских землевладельцев в Государственном совете от западных губерний»[5]. На заседании кружка представителей Литвы и Руси в Государственном совете 11 (24) июня 1909

i materiały dotyczące działalności polityczno-społecznej Polaków na Podolu w latach 1905–1910. Wstęp, wybór i opracowanie Roman Jurkowski. Olsztyn, 2011. S. 450.

[1] Русский текст помещен в: Слово. 1909. 19 июня; Речь. 1909. 19 апреля. Польский текст: Słowo. 1909. № 146. 1 VII (dodatek poranny); Adres do tronu // Kurier Litewski. 1909. № 136. 19 VI (2 VII).

[2] Słowo. 1909. № 146. 1 VII. (Dodatek poranny: telegramy).

[3] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. S. 136.

[4] Protokół z zebrania przedwyborczego polskich ziemian z guberni podolskiej w celu wyboru. S. 450.

[5] *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia. S. 167–169.

года была принята следующая резолюция: «Предоставление русским нескольких мандатов может быть полезным для края, если они являются представителями беспристрастной части российского общества и сторонниками равенства. Более точное определение количества и места выбора должно проводиться по согласованию с поляками, избирателями наших губерний»[1]. Постановление подписали депутаты: Дмитрий Корыбут-Дашкевич (Гродненская губ.), граф Ян Олизар (Волынская губ.), граф К. Орловский (Подольская губ.), граф Александр Тышкевич (Ковенская губ.), Э. Войниллович, а от Царства (не участвующие в мероприятии, но «разделяющие вышеприведенное мнение») — Евстахий Добецкий (Келецкая губ.), граф Леопольд Кроненберг (Варшавская губ.), А. Напиорковский (Люблинская губ.), Станислав Ротванд (от промышленности и торговли Царства Польского). Документ не содержал подписи Станислава Сырочинского от Киевской губернии, потому что он отсутствовал в собрании. Но поскольку он был инициатором этой встречи и самой резолюции, считалось, что он полностью ее принимает.

Чтобы вся эта идея не провалилась, Э. Войниллович пообещал провести выборы русского представителя в Минске, а С. Сырочинский в Киеве. Немного опережая ход событий, следует отметить, что только в Киеве, согласно первоначальному плану, русский представитель прошел на выборах. В Минске, несмотря на отчаянные усилия Э. Войнилловича, избранным депутатом был князь Иероним Друцкой-Любецкий.

В свете вышеизложенных соображений можно сделать вывод, что инициатором этой развязки был С. Сырочинский при активной поддержке Э. Войнилловича и согласии остальных польских депутатов Государственного совета.

Весной 1909 года местная администрация, несмотря на продолжающиеся дискуссии в Санкт-Петербурге, начала готовиться к следующим выборам. В марте 1909 г. предвыборную ситуацию начал анализировать Федор Трепов (младший), новый (с 1908 г.) генерал-губернатор Волынской, Киевской и Подольской губерний. Он направил конфиденциальные письма трем гражданским губернаторам из подчиненных ему губерний с приказом оценить российские избирательные возможности и указать пути достижения успеха на осенних выборах в Государственный совет. Ответили все, но, к сожалению, в архивном деле, которую я нашел в Киеве, ответ губернатора Волыни по этому вопросу не сохранился, хотя его отчет о ходе выборов находится в другой описи. Киевский губернатор Алексей Гирс писал в письме от 27 марта (9 IV) 1909 года: «Обеспечение успеха для русских на выборах может быть достигнуто только в условиях введения двухэтапных выборов, разделения избирателей на национальные курии и предоставления каждой национальности права выбора нужного числа избирателей»[2]. Похоже написал в письме от 23 марта (5 IV) 1909 года подольский губернатор Александр Эйлер: «Интересы русских могут быть достигнуты, по моему мнению, только при условии,

[1] LVIA. Ф. 1135. Оп. 13. Д. 70. Л. 17.

[2] ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 662. Д. 41. ЛЛ. 12–21.

что каждая национальность сможет избирать членов Государственного совета отдельно»[1]. Мнения губернаторов использовал и развил генерал-губернатор Ф. Трепов в письме министру внутренних дел от 6 (19) апреля 1909 года. Вначале он подчеркнул, что «русские губернаторы и активисты хотели бы видеть в Государственном совете шесть представителей от россиян и трех поляков»[2], но, по его мнению, это число слишком мало. Лучшей идеей было бы увеличение общего количества депутатов от западных губерний, «потому что в европейской части России на 1 члена Государственного совета (выборный) приходится 1 600 000 человек, а в юго-западных губерниях более 3 000 000 человек»[3]. К сожалению, эта идея, по мнению Ф. Трепова, не могла быть поддержана, потому что она перегружет государственный бюджет, и к тому же другие западные губернии могли потребовать подобных изменений в аналогичной ситуации. Поэтому он предложил оставить «количество депутатов в Госсовет в предыдущем количестве и разделить избирателей на две национальные курии»[4]. Следует также добавить, что основным аргументом в отчетах губернаторов, налегающих на национальные курии, были статистики, имеющие право участвовать в выборах, которые показывали, что в Волынской и Подольской губерниях поляки имели преимущество перед россиянами и другими (немногими) национальностями. Но в Киевской губернии россияне имели преимущество (315 русских и 7 немцев против 306 поляков в 1906 году), и все же поляк победил на выборах. По мнению киевского губернатора, это произошло из-за «инерции россиян и того факта, что большинство из них находятся на государственной или иной службе и находятся далеко от места выборов»[5], что на практике сводилось к низкой посещаемости на губернских съездах.

Предвыборное собрание польских землевладельцев, пришедших там в количестве 123 человек, началось 17 (30) сентября 1909 г. в 8 часов вечера и продлилось до поздней ночи из-за отъезда С. Сырочинского к губернатору с целью получения разрешения на использование во время собрания польского языка. Отказ губернатора был признан участниками собрания как выражение недоброжелательности властей, когда те знали, что поляки обсуждают, отдавать ли свои голоса за русского, которым был граф Андрей Бобринский. Во время первого голосования сломалась автоматическая избирательная урна, и поэтому ее результаты были аннулированы. Когда урна была исправлена, в следующем подсчете голосов граф А. Бобринский получил 53 голоса «за» и 70 «против», что означало, что, несмотря на усилия С. Сырочинского, польские землевладельцы были возмущены поведением губернатора относительно польского языка: они не хотели выбирать русского. В то же время была предложена кандидатура Станислава Хорватта, бывшего члена I Государственной думы, который в следующем

[1] Там же. Л. 24.
[2] Там же. Л. 25.
[3] Там же. Л. 28.
[4] Там же.
[5] Там же.

голосовании получил 104 голоса «за» и только 18 «против»[1]. Поэтому ситуация накануне выборов выглядела так, как в Минске: польские землевладельцы не хотели выбирать россиянина.

В день выборов, вечером 18 сентября (1 октября) 1909 года, в Киев из 673 правомочных в выборах землевладельцев[2] прибыли 246 человек (из которых 4 позднее воздержались от голосования), что означало, что в выборах приняли участие 242 землевладельца: 103 россиян и 139 поляков. Граф Андрей Бобринский в первом голосовании получил 220 «за» и 22 «против», в то время как Станислав Хорватт 139 «за» и 103 «против»[3]. Голосование было тайным, поэтому можно только предположить, что за А. Бобринского проголосовали 103 россиян и 117 поляков, и только 22 поляка против, тогда как распределение голосов за С. Хорватта могло быть идеально согласовано с числом избирателей обеих национальностей. Если бы было именно так, то это могло бы свидетельствовать, что только поляки сохранили данное слово об отдаче голосов за А. Бобринского[4]. Киевский губернатор А. Гирс в телеграмме, информирующей Министерство внутренних дел о выборах, А. Бобринского назвал «октябристом»[5].

Так что же побудило более 100 польских землевладельцев, которые проголосовали накануне на предвыборной встрече против А. Бобринского, поддержать его кандидатуру вечером следующего дня? Наверное, ночная агитационная работа Станислава Сырочинского. Кроме того, в предвыборной программной речи граф пообещал польским избирателям бороться за равенство поляков с русскими, заботиться о местных интересах, а в кулуарах объявил себя противником национальных курий в будущих земствах. Последнее, скорее всего, оказалось переломным в его избрании членом Государственного совета. Это означало, что концепция «передачи» мандата россиянам была реализована только в Киеве.

Но если А. Бобринский и его программа были приняты поляками, то русские националисты не были удовлетворены таким своим депутатом, избранным поляками и, кроме того, в Киеве — колыбели русской государственности[6]. Даже брат графа, Алексей Бобринский, считал это плохим политическим ходом: «Русскому трудно быть польским протеже из Киева», — писал он в своем дневнике. В Государственном совете

[1] ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 662. Д. 41. Л. 75.

[2] О цифре 549 имеющих право голоса, среди которых было 283 русских и 226 поляков, свидетельствовало печатное обращение князя Михаила Куракина, предводителя дворянства киевской губернии, адресованное «русскому дворянству в киевской губернии» (ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 662. Д. 41. Л. 91).

[3] ЦГИАУ. Ф. 442. Оп. 637. Д. 545. Л. 11 (Информация заместителя секретаря киевской губернской избирательной комиссии в выборах в Госсовет 1909 г. для киевского генерал-губернатора от 23 XI (6 XII)1909 г.); Wybory posła do Rady Państwa // Dziennik Kijowski. 1909. № 212. 19 IX (2 X).

[4] Обращал на это внимание Goniec Wileński в описи выборов: «Количество голосов, посчитанных при голосовании на кандидатов и при выборе депутатов, являются очень убедительным» (Wybory do Rady Państwa w guberni kijowskiej // Goniec Wileński. 1909. № 214. 22 IX (5 X).

[5] РГИА. Ф. 1327. Оп. 1. Д. 5. Л. 86. (Телеграмма А. Гирса 25 IX (8 X) 1909 г.)

[6] Голос Москвы. 1909. 19 сентября; Россия. 1909. 23 сентября.

граф Андрей Бобринский, как и поляки, принадлежал к группе Центр, но не поддерживал более тесных контактов с польскими депутатами.

Во время выборов в Киеве шла последняя подготовка к запланированному на три дня Западно-российскому съезду, который состоялся 4–6 (17–19) октября 1909 г. Это должно было стать формой поддержки русским населением в 9 западных губерниях (на практике только его националистической части) подготовляемого закона о земствах и в то же время выражением мнения о всей государственной политике в отношении «западных окраин», тем более, что 6 (19) октября 1909 г. правительственный земский проект был внесен на заседание осенней ускоренной сессии Совета по делам местной экономики[1]. Что касается выборов в Государственный совет, то съезд «предложил действовать так, как просила делегация западных губерний 2 (15) мая 1909 года Его Императорское Величество, чтобы россияне могли избирать депутатов на отдельных заседаниях»[2]. Совпадение этих двух дат не было случайным, как и не было случайным объявление во второй половине сентября, т.е. непосредственно перед выборами, обращения в деле съезда, подписанного Яковом Офросимовым, Иваном Раковичем и Александром Савенко, призывающего «всех россиян поддержать съезд <...>, что приведет к тому, что ни правительство, ни Дума не смогут игнорировать голосов 18 миллионов россиян»[3]. В обращении излагались также цели съезда: «четкое и ясное высказывание общества спасать закон о земствах от возможных искажений в нижней палате парламента»[4]. Поэтому неудивительно, что в такой обстановке (это сопровождалось указом Сената 4 (17) IX, считавшим неправильной регистрацию польского общества «Освята» («Образование») в Киеве) ни одна из сторон не была удовлетворена результатом выборов. Поляки увидели, что их уступка не была должным образом оценена, и с точки зрения польских интересов в ней не было необходимости. Россияне все больше убеждались в идее бойкотировать будущие выборы.

Концепция предоставления россиянам 2 мандатов была практической формой реализации декларации, содержащейся в обращении к царю, и должна была показать, что в западных губерниях нет польско-российского конфликта, и сотрудничество между поляками и русскими, принадлежащими к высшим слоям общества, было возможным и выгодным для государства. Ее инициаторы на самом деле не рассчитывали на изменение позиции русских националистов западных губерний по отношению к полякам, но этим жестом избавлялись от обвинений в том, что они являются причиной растущей польско-российской враждебности.

Однако эта добровольная польская жертва была воспринята совсем иначе другой стороной, которая, считавшаяся правящей национальностью, чувствовала себя униженной поведением польских землевладельцев, которые даже не имели с ней равных прав в западных губерниях.

[1] Постановления съезда представителей русского населения 9-ти западных губерний, состоявшегося в Киеве 4–6 октября 1909 года. Киев, 1909. С. 5–6.

[2] Там же. С. 6.

[3] Kurier Warszawski. 1910. № 269. 29 IX.

[4] Там же.

В следующем году это примет форму бойкота выборов со стороны некоторых россиян. Кроме того, они не хотели таких шагов со стороны поляков, потому что это устраняло основное обвинение националистов в антигосударственной позиции польских землевладельцев.

Здесь необходимо еще раз обратить внимание на тот факт, что, говоря об «отдаче мандатов», польские землевладельцы не отдали чего-то, что им принадлежало, ведь были выборы, и они соглашались только поддержать кандидатов из числа россиян. Кроме того, теоретически поляки переоценивали свои силы, поскольку (в свете официальной статистики) они имели преимущество перед россиянами по числу людей, имеющих право голоса только в Виленской, Ковенской, Гродненской, Минской, Волынской и Подольской губерниях. Так что, если бы россияне «выполнили свой патриотический долг», то поляки не смогли бы им ничего «отдавать». Россияне, не только из националистических кругов, попали в эту статистическую ловушку. Официальные данные о пропорциях польских и русских землевладельцев всегда уменьшали количество первых, к тому же даже в губерниях с наименьшим количеством поляков русское преимущество создавалось покупателями земли, не проживающими в поместьях и не связанными с конкретными губерниями, и которые в своем большинстве не прибывали на выборы. На практике в Витебской, Могилевской и Киевской губерниях поляки, являясь («официально», не реально) в меньшинстве, тоже побеждали на выборах, совсем не возбуждая стремление «правящей нации» к организационной и политической мобилизации на следующих выборах, но в основном вызывая ненависть друг к другу.

Понимали ли польские депутаты Государственного совета такой сценарий? Полагаем, что они рассчитывали на нескольких существующих умеренных групп и отдельных лиц внутри русских крупных землевладельцев, но, прежде всего, на внимание со стороны царя на политической демонстрации своей верности престолу. Все еще думая в категориях государственной лояльности XIX века, с глубоко скрытым комплексом репрессий после восстаний, осознавая собственную политическую слабость, наблюдая за правым националистическим направлением внутренней политики правительства, они хотели снова быть замеченными царем в позитивном свете, надеясь, что политика П. Столыпина в отношении поляков не в полной мере отражает взгляды монарха. В свете политической реальности 1909 года это было ошибочное мышление. Станислав Лопачинский (Витебская губ.), Владислав Войнич-Сяножецкий (Могилевская губ.) и минские землевладельцы (которые, несмотря на своего лидера, выбрали польского депутата) продемонстрировали лучшее политическое чутье, чем инициаторы идеи предоставления 2 мест россиянам. Добровольное жертвование двух мандатов, когда жизненно важные вопросы, касающиеся польского населения, должны были быть рассмотрены в Государственной думе и Государственном совете (земства в западных губерниях, муниципальное управление в Царстве Польском и дело Холмщины), ослабило и без того ограниченное представительство поляков и, кроме того, ничего не изменяло в позициях русских националистов.

ВОЛОГОДСКИЕ ПРАВЫЕ НА ВЫБОРАХ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

ЕГОРОВ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории и философии
Череповецкого государственного университета,
Череповец, Россия;
e-mail: anegorov65@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрено участие правых сил в избирательной кампании в IV Государственную думу на материалах Вологодской губернии. Показаны механизмы поддержки правых кандидатов со стороны губернской администрации, приемы и методы избирательной кампании. Делается вывод о том, что административное воздействие на ход выборов дало довольно ограниченные результаты, что объяснялось падением авторитета власти и правых сил.

Ключевые слова: Избирательные кампании, предвыборная борьба, губернская администрация, правые, оппозиция, Государственная дума

Вологодская губерния в начале XX в. представляла собой рядовую провинцию с преимущественно крестьянским населением, отстающую в экономическом развитии от центральных и западных районов страны. На ее территории не было больших городов, крупных заводов и фабрик, высших учебных заведений. Из-за отсутствия в губернии крупного промышленного производства на выборах в Государственные думы отсутствовала рабочая курия. Первая российская революция прошла в губернии относительно спокойно. Определенный политический колорит краю придавала лишь политическая ссылка, стоявшая на втором месте в империи после Восточно-Сибирской.

Губернские выборы в первые две Государственные думы в принципе соответствовали общероссийским тенденциям. В I Думу избрали губернского предводителя дворянства, октябриста Н.Н. Андреева; земского служащего П.Д. Щипина (вошел во фракцию трудовиков) и трех крестьян, двое из которых вступили в Партию демократических реформ. Во II Думу избрали земского деятеля, кадета Н.М. Волоцкого и четырех крестьян, примкнувших к трудовикам[1].

В феврале 1906 г. в Вологде организационно оформился отдел Союза русского народа, имевший подотделы в некоторых волостях. Первым председателем Вологодского отдела СРН стал землевладелец и литератор А.А. Брянчанинов, но вскоре его сменила на этом посту жена земского начальника А.И. Караулова. Большую поддержку вологодским черносотенцам оказал активный участник монархического движения, будущий министр внутренних дел А.Н. Хвостов, бывший с июля 1906 г. по август 1910 г. вологодским губернатором. Он активно боролся административ-

[1] *Егоров А.Н.* Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 256, 259.

ными методами с кадетами и поощрял вологодских чиновников к вступлению в СРН. Через него осуществлялось финансирование вологодской черносотенной газеты «Русский Север» (издавалась в 1907–1909 гг.). Уже к концу 1906 г. в Вологодской губернии было создано 12 отделений СРН, насчитывавших 5294 члена, а к началу 1908 г. — 7094 (данные Департамента полиции)[1]. Это гораздо больше, чем количество членов всех остальных партий северных губерний вместе взятых.

Третьеиюньский избирательный закон, административное давление властей в совокупности с общим спадом общественной активности существенно повлияли на итоги выборов в III Думу. От Вологодской губернии избрали священников С.Н. Клочкова, А.А. Попова, Н.Е. Якубова (почетный товарищ председателя Вологодского отдела Союза Русского народа), земского начальника А.А. Кузьмина и крестьянина И.Н. Попова. Все пятеро вошли в правые фракции, но в Думе ничем себя не проявили[2].

Накануне выборов в IV Думу в Вологодской губернии, как и по всей стране, наблюдалось явное полевение общественных настроений, что вызывало озабоченность властей всех уровней. С августа 1910 г. по июль 1913 г. Вологодской губернией руководил М.Н. Шрамченко, активно поддержавший в годы Первой российской революции Союз русского народа. Казалось бы, его естественными союзниками на выборах должны были стать местные черносотенцы. Но к 1912 г. явно обозначился раскол СРН на сторонников А.И. Дубровина (дубровинцы) и Н.Е. Маркова (обновленцы). Причины раскола, помимо личных амбиций и борьбы за власть, заключались в отношении к третьеиюньской политической системе. А.И. Дубровин выступал резко против Манифеста 17 октября 1905 г. и создания Государственной думы, видя в этом пагубное для России ограничение самодержавия. В отличие от него, Н.Е. Марков подчеркивал, что Манифест 17 октября является волей государя, а значит, долг каждого монархиста — подчиняться ему, и утверждал: «Государственная дума необходима: без этого России не существовать»[3]. Ситуация усугублялась различием в социальном составе дубровинцев и обновленцев: первых поддерживали различные слои простого народа, в то время как вторые опирались на дворян-землевладельцев и чиновничество.

В Вологодской губернии членами СРН в большинстве случаев являлись «крестьяне, чернорабочие и женщины»[4]. Вологодская правая пресса, характеризуя социальный состав местных черносотенцев, подчеркивала: «Вы не найдете среди его членов господ в котелках, воротничках, в форменных фуражках, но зато найдете ту силу, которая когда-то повсюду одернула обнаглевшую банду (т.е. революционеров — *А.Е.*)»[5]. Руководство Вологодского отдела СРН в лице А.И. Карауловой активно поддерживали дубровинцев.

[1] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. С. 625.

[2] *Егоров А.Н.* Политические предпочтения депутатов Государственной думы Российской империи от северных губерний // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2015. Ч. 1. С. 260.

[3] Цит. по: *Степанов С.А.* Черная сотня. М., 2005. С. 262.

[4] *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001. С. 91.

[5] Северное время. Вологда, 1912. 25 сентября.

Правительство открыто предпочитало Н.Е. Маркова (как и лидера Русского народного союза имени Михаила Архангела В.М. Пуришкевича) А.И. Дубровину, что не мог не учитывать вологодский губернатор М.Н. Шрамченко, не собиравшийся поддерживать на выборах в IV Думу вологодских черносотенцев. Но других влиятельных организованных правых сил в губернии не было. Кроме того, у М.Н. Шрамченко не сложились отношения с правой общественностью губернии. Так, губернский предводитель дворянства А.Н. Неелов в письме министру внутренних дел А.А. Макарову сообщал, что все правые общественные деятели губернии «признают невозможным» для них получить поддержку на предстоящих выборах в Думу со стороны администрации, «не потому, что они признают начальника губернии им не сочувствующим по идее, а потому, что весь служащий элемент или им преследуем, или им обижен и потому никакой помощи или содействия получить от него не пожелает. К тому же он не пользуется никаким доверием населения»[1].

В такой ситуации губернским властям нужно было решить две взаимосвязанные задачи: развернуть широкую агитационную кампанию в поддержку правых идей и найти подходящих правых кандидатов (не из числа СРН), объединив их в некую новую организацию. Для решения первой задачи в Вологде с 1 марта 1912 г. стала издаваться газета «Северное время», отражавшая позиции правых. Она печаталась в типографии губернского правления, редактировалась секретарем Вологодской городской управы Ф.К. Павловым, назначенным еще губернатором А.Н. Хвостовым. При этом чтобы дать возможность Павлову редактировать газету, М.Н. Шрамченко освободил его от городской службы, дав ему продолжительный отпуск. Финансировалась газета, как и все подобные издания, по всей видимости, из рептильного фонда Главного управления по делам печати[2]. Чисто предвыборный характер издания очевиден: выпуск газеты был прекращен вскоре после окончания выборов.

Решение второй задачи местным властям подсказал министр путей сообщения С.В. Рухлов. Он был уроженцем Вологды, вологодским помещиком, членом Государственного совета[3], а главное — одним из учредителей и первым председателем Всероссийского национального союза. Побывав в Вологде в начале июля 1912 г., он посоветовал М.Н. Шрамченко организовать местное отделение Всероссийского национального союза, объединив под его знаменем все правые силы. Эта идея вологодским властям понравилась, «Северное время» стало публиковать воззвания ВНС, а Шрамченко попросил у министра внутренних дел полторы тысячи руб. на расходы по организации местного отдела союза, ручаясь за успех дела[4].

14 сентября 1912 г. состоялось торжественное открытие Вологодского отдела Всероссийского национального союза, на котором присутствовала вся местная элита: губернатор, вице-губернатор, жандармский полковник,

[1] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 1 об.

[2] *Степанов С.А.* Черная сотня. С. 159.

[3] *Шилов Д.Н.* Рухлов Сергей Васильевич // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 231.

[4] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 5.

уездный предводитель дворянства, епископ Вологодский и Тотемский, городской голова, управляющий акцизным управлением, директор мужской гимназии, директор народных училищ, ректор семинарии и т.п. Председателем отдела стал управляющий вологодским отделением соединенного банка Д.П. Ильин, его заместителем — председатель губернской земской управы А.П. Лихачев. Членский взнос определили в размере 1 рубля при записи[1].

18 сентября 1912 г. на своем первом собрании Вологодский отдел ВНС определил список своих кандидатов в выборщики по г. Вологде: председатель губернской земской управы А.А. Можайский, городской голова Н.А. Волков, протоиерей Н. Коноплев, гласный городской думы, церковный староста И.Е. Чурин, протоиерей В. Смелков[2]. Однако в последующем никто из этих лиц не подтверждал свою принадлежность к ВНС, что объяснялось непопулярностью националистических идей в практически мононациональной Вологодской губернии[3]. Ее жители принадлежали к коренному русскому населению, за исключением Яренского и Устьсысольского уездов, где насчитывалось до 100 тыс. зырян и представителей других финно-угорских народов, которые в подавляющем большинстве исповедовали православие. До Первой мировой войны в губернии практически не было антисемитских настроений, игравших огромную роль в идеологии ВНС. В итоге власти были вынуждены оправдываться: «Северное время» писало: «Названные в воззвании Вологодского отдела Всероссийского национального союза пять кандидатов в выборщики членов Государственной думы не состоят пока членами отдела союза»[4]. Как показали последующие события, Вологодский отдел ВНС оказался мертворожденной организацией, распавшейся вскоре после выборов. Ничего удивительного в этом нет: опорой русских националистов являлись территории Западного края Российской империи, а недостаточная адекватность их партийной доктрины центрально-русским идейно-политическим традициям и реалиям не могла обеспечить ВНС успех в таких губерниях, как Вологодская[5].

Делая ставку на ВНС, губернские власти должны были добиться поддержки его кандидатов со стороны вологодских черносотенцев. «Северное время», явно обращаясь к ним, взывало: «Сейчас всем правым необходимо объединиться, а не делиться на крайних правых, националистов, октябристов, потому что эти партии в отдельности в Вологде представляют из себя незначительное количество и только разобьют голоса, если будут каждая голосовать за своих кандидатов»[6].

А.И. Караулова давала понять, что Союз русского народа не склонен слишком подчиняться директивам новой, не имеющей за собою в Волог-

[1] Северное время. Вологда, 1912. 16 сентября.

[2] Северное время. Вологда, 1912. 20 сентября.

[3] См. подробн.: *Егоров А.Н.* Общественные настроения населения Вологодской губернии накануне Февральской революции // Historia provinciae — журнал региональной истории. 2017. Т. 1. № 4. С. 7–25.

[4] Северное время. Вологда, 1912. 23 сентября.

[5] См.: *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия: рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001.

[6] Северное время. Вологда, 1912. 23 августа.

де никакого прошлого, политической организации. Однако выбора у черносотенцев не было: в случае раскола правых могла победить оппозиция. Поэтому 23 сентября 1912 г. общее собрание членов вологодского отдела СРН по инициативе Карауловой приняло решение о том, что СРН своих кандидатов в выборщики не выставляет, а рекомендует подавать голоса за лиц правых убеждений, т.е. за лиц, рекомендованных властями[1].

Поскольку идейно-политические лозунги ВНС и СРН отличались, для предвыборной агитации нужно было найти максимально приемлемый для всех правых вариант. Он был найден в предельно обобщенной и простой форме. В обращении к избирателям говорилось: «Правые чужды каких бы то ни было личных сословных или классовых интересов. Их цель, которую они преследуют, — Бог, Царь, Слава и Величие России, духовное и хозяйственное процветание всех сословий русского народа»[2]. Лозунговый характер подобных заявлений, далекий от реального решения конкретных проблем различных групп населения, вряд ли мог серьезно повлиять на настроения избирателей.

Кроме Всероссийского национального союза вологодские власти делали ставку на духовенство, игравшее заметную роль в Вологодской губернии (в III Думе из пяти вологодских депутатов трое были священниками). По указу Святейшего синода во всех епархиях создавались епархиальные предвыборные комитеты в составе благочинных и нескольких выборных от духовенства. В целях развития предвыборной кампании синодальное бюро командировало на места своих членов. Вологодскую губернию посетил обер-прокурор В.К. Саблер[3]. 21 сентября 1912 г. предвыборное собрание вологодского духовенства под председательством ректора Вологодской духовной семинарии Н.П. Малиновского «единогласно согласилось голосовать совместно с правыми организациями» за кандидатов ВНС, среди которых были и священники[4].

В губернии правым силам противостояла оппозиция, объединявшая в своих рядах кадетов и умеренных социалистов. Судя по письмам губернского предводителя дворянства министру внутренних дел, власти всерьез опасались победы на выборах «левых партий, которые здесь многочисленны, и число их, вследствие возрастающего недовольства населения, только еще увеличивается»[5]. Накануне выборов оппозиция выдвинула согласованный список, включавший в себя по г. Вологде бухгалтера общества взаимного страхования, гласного городской думы Ф.А. Копылова; купца, директора городского банка И.В. Клушина; инженера-технолога, гласного городской думы Н.Я. Масленникова; управляющего частной типографией В.Ф. Сиземского; присяжного поверенного, гласного городской думы А.М. Виноградова[6]. Все они принадлежали к кадетской партии или ей сочувствовали.

---

[1] Северное время. Вологда, 1912. 25 сентября.
[2] Северное время. Вологда, 1912. 23 сентября.
[3] Вологодский листок. Вологда. 1912. 11 сентября.
[4] Северное время. Вологда, 1912. 23 сентября.
[5] РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 194. Л. 2 об.
[6] Вологодский листок. Вологда. 1912. 25 сентября.

Лозунги оппозиции отличались умеренностью. Кадеты призывали решать «нужды нашего края, нужды общегосударственные и местные»; «нужды крестьянина, страдающего от малоземелья»; исправлять «непорядки российской действительности»; выбирать независимых людей, которые «будут стоять за неотложное проведение тех реформ, которые поведут русскую жизнь по пути прогресса, которые широко разовьют экономические силы страны, которые облегчат положение трудящихся масс»[1].

Как показали результаты избрания выборщиков в Вологде, оппозиционные кандидаты пользовались существенной поддержкой. По первому городскому избирательному съезду из трех избранных двое относились к кадетской партии (Ф.А. Копылов и И.Ф. Клушин) и лишь один представлял правых — Н.А. Волков. Особенно обидным для правых был проигрыш их видного деятеля А.А. Можайского (его избрали в выборщики по землевладельческой курии). По первому отделению второго городского избирательного съезда прошел представитель оппозиции В.Ф. Сиземский, опередив почти в два раза (72 голоса против 47) правого И.Е. Чурина. Наиболее неприятным для властей стало избрание по второму отделению второго городского избирательного съезда социал-демократа (меньшевика) В.Н. Трапезникова благодаря поддержке представителя оппозиции А.М. Виноградова, снявшего свою кандидатуру в его пользу после первого тура голосования[2].

Как показали выборы, оппозиция имела поддержку в ряде городов губернии. Так, по городской курии в Великом Устюге из трех выборщиков избрали двух кадетов, в Яренске — из двух выборщиков одного[3]. Ситуация по крестьянской курии отличалась неопределенностью, а по землевладельческой лидировали правые. К концу выборной кампании было избрано 70 из 75 членов губернского избирательного собрания. По сословиям выборщики распределились следующим образом: от духовенства — 22, от крестьян — 19, от дворян и чиновников — 16, от купцов и почетных граждан — 8, от мещан — 1, неизвестна сословная принадлежность — 4[4].

По политическим взглядам выборщики, по данным властей, распределялись следующим образом: 45 правых, 1 умеренно-правый, 9 националистов, 6 беспартийных, 1 октябрист, 2 прогрессиста, 5 кадетов, 1 социал-демократ[5]. Казалось бы, правые могли не беспокоиться: имея в совокупности 56 голосов из 70, можно было уверенно выиграть выборы. Однако оппозиция опубликовала свои подсчеты, существенно отличавшиеся от официальных. По ним из 67 выборщиков только 30 поддерживали правых, 17 не определились, 20 выступали за оппозицию[6]. Особенно разительно отличались подсчеты по крестьянской курии: по данным властей из 19 крестьянских выборщиков 15 поддерживали правых, 4 не определились; по данным оппозиции из 17 выборщиков от крестьян только 2 поддерживали правых, 10 не определились, 5 выступали за оппози-

[1] Вологодский листок. Вологда. 1912. 18 октября.
[2] Северное время. Вологда. 1912. 9 октября.
[3] Северное время. Вологда, 1912. 30 сентября.
[4] Вологодский листок. 1912. 23 октября.
[5] Северное время. Вологда, 1912. 10 октября.
[6] Вологодский листок. 1912. 9 октября.

цию. Такой расклад сил создавал принципиально иную ситуацию, при которой многое зависело от еще не определившихся избирателей.

Итоговые выборы состоялись в губернском избирательном собрании 20 октября 1912 г. Поскольку избирательный закон от 3 июня 1907 г. требовал обязательного представительства всех курий, 3 члена Думы избирались всеми выборщиками от курий земледельцев, землевладельцев и горожан (по одному от курии), 2 депутата — от общего собрания выборщиков. По крестьянской курии власти поддерживали председателя Тотемской уездной земской управы К.С. Шумляева, оппозиция — близкого к кадетам волостного старшину, крестьянина Ф.К. Кабанова. В ходе напряженной борьбы во втором туре избрали Кабанова преимуществом в четыре голоса. По курии землевладельцев у кадетов не было подходящего кандидата, и они решили поддержать умеренно-правого А.А. Можайского, рассчитывая, что в случае избрания он уедет в Санкт-Петербург и освободит должность председателя губернской земской управы, на которую кадеты планировали провести своего лидера В.А. Кудрявого. Поэтому Можайский оказался единственным из вологодских депутатов Думы, избранным в первом туре убедительным большинством голосов (47 за, 22 против). По городской курии власти поддерживали городского голову Грязовца А.П. Морозова, но он получил в первом туре всего 13 голосов и от дальнейшей баллотировки отказался. Во втором туре правые сумели провести протоиерея Никольского собора И.М. Гвоздева, сумевшего обойти большинством всего в один голос кадета В.В. Глубоковского. От общего съезда избирателей не был избран ни один кандидат от властей. Во втором туре победу одержал священник Д.Я. Попов, прогрессист по политическим взглядам; два выборщика получили одинаковое количество голосов, и в соответствии с действующими правилами один из них был избран по жребию. Им оказался крестьянин, волостной старшина Н.С. Орлов, центрист по убеждениям[1].

Таким образом, принятые властями меры по проведению в Думу правых кандидатов дали довольно ограниченные результаты. Из числа пяти избранных депутатов от Вологодской губернии во фракцию правых вступил лишь один — священник И.М. Гвоздев[2]. Другой священник — Д.Я. Попов[3] — выбрал фракцию прогрессистов; крестьянин Ф.К. Кабанов[4] — кадетскую фракцию. Председатель Вологодской губернской земской управы А.А. Можайский[5] и крестьянин Н.С. Орлов[6] вступили во фракцию центра. Итоги выборов показывают, что, несмотря на всю поддержку властей, правые силы постепенно теряли свое влияние.

[1] Северное время. Вологда, 1912. 21 октября.

[2] *Николаев А.Б.* Гвоздев Иоанн Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 122.

[3] *Николаев А.Б.* Попов Дмитрий Яковлевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 482.

[4] *Николаев А.Б.* Кабанов Федор Константинович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 225.

[5] *Николаев А.Б.* Можайский (Можайский 1-й) Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 379.

[6] *Николаев А.Б.* Орлов Николай Степанович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 430.

ВЫБОРЫ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННИКОВ

СОРОКИН АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры зарубежного
регионоведения и локальной истории
Национального исследовательского Нижегородского
государственного университета имени Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: skaliger1989@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению оценок выборной кампании во IV Государственную думу Российской империи. В качестве источниковой базы исследования выступают источники личного происхождения (мемуары, дневники), периодическая печать. Показывается отношение бюрократии, государственных и политических деятелей, ведущих периодических изданий к институту выборов, участию представителей духовенства в них и их итогам, освещаются особенности проведения выборной кампании.

Ключевые слова: выборы, Государственная дума, правые, «Гражданин», В.П. Мещерский, А.Н. Наумов, «Русское богатство», административный ресурс.

Различные аспекты проведения выборов в IV Государственную думу Российской империи в 1912 г. являются предметом значительного количества исследований[1]. Вместе с тем вопрос об оценке этой выборной

[1] *Егоров А.Н.* Выборы в Государственные Думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 97–106; *Кистанов С.В.* Борьба с оппозицией накануне выборов в IV Государственную думу на примере Ардатовского уезда Симбирской губернии // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 45–48; *Костылев А.В.* Выборы в IV Государственную думу Российской империи (сентябрь — октябрь 1912 г.) // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2013. Ч. 1. С. 166–177; *Лисюнин В.* Участие тамбовского духовенства в парламентских выборах и деятельности Государственной думы I–IV созывов (1906–1917) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23. № 174. С. 171–180; *Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М., 2018; *Панов Л.С.* Выборы в IV Государственную думу в Вологодской губернии // Социальные процессы, власть и общество России в XX веке: общероссийский и региональный ракурс: сборник научных статей. Вологда, 2018. С. 18–31; *Юрчук В.С.* Порядок выборов депутатов в I–IV Государственные думы в России (1905–1912 гг.) // История парламентаризма в России: к 110-летию начала деятельности Государственной думы: сб. науч. ст. по мат-ам межд. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Л.Г. Орчаковой, О.Г. Малышевой. М., 2018. С. 112–119.

кампании со стороны общественности (и в первую очередь, на страницах периодической печати) относится к числу малоизученных.

Правые начали готовиться к выборам в IV Думу еще задолго до окончания срока полномочий III Думы. В феврале 1910 г. председатель Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий направил в редакцию «Русской правды» письмо, в котором призывал к роспуску Думы, состоящей из «гнусных насильников и предателей», которыми он называл октябристов и кадет. Также он предлагал изменить закон о выборах, чтобы было увеличено представительство от крестьян и мещан: «Люди эти, как бы они ни были левы в хозяйственных вопросах, свое русское родное не продадут, да и продажи тогда опасаться нельзя будет, так как будут установлены пределы, которые будут иметь также громадное воспитательное значение для страны в смысле поднятия русского национального сознания и укрепления русских исторических устоев, превративших слабую разрозненную славянскую народность в могучее государство»[1].

В 1912 г. лидеры правых Н.Е. Марков («Русский союз Михаила Архангела») и В.М. Пуришкевич («Союз русского народа») обещали премьер-министру В.Н. Коковцову «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он выделит им 960 тыс. руб., но получили отказ. В ответ Марков пригрозил: «Вы получите не такую Думу, которую бы мы вам дали за такую незначительную сумму»[2].

На выборах правые своими основными политическими противниками обозначили октябристов[3]. При этом дубровинский «Союз русского народа» отказался от блоков как с обновленческим марковским «Союзом», так и с «Русским союзом Михаила Архангела», а также с националистами, которые наряду с октябристами и кадетами были названы партией, стремящейся к государственному перевороту[4].

Националисты же на своем съезде, по выражению П. Авхунова, «взяли довольно высокий, самоуверенный тон», что вызвало недовольство и недоверие к ним в среде правых. Именно это, по его мнению, не позволило воспользоваться моментом и сплотить националистов с правыми. Поэтому Авхунов полагал, что на выборах будет «кавардак»: «Руководители съезда, не учитывая настроения избирателей, а вернее, не будучи твердо уверены в нем, все время только навязывали всем присоединиться к ним как силе. Принимая во внимание, что русские массы политически еще не развиты и в жизни испытывали гнет как от разных инородцев, так и от их рабских прислужников-русских, и может случиться, что русские избиратели, наперекор желаниям многих мечтателей, пойдут к ур-

[1] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 553–554.

[2] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917) / Сост. и авт. вст. ст. М.Г. Вандалковская, коммент. и указатель А.Н. Шаханова. М., 1990. Т. 2. С. 135.

[3] Земщина. 1911. 26 апреля.

[4] Русское знамя. 1912. 20 июля.

нам разными дорогами: одни за правых, другие — за левых, и третьи — за кандидатов, выставленных блоком, и в результате получится победа на стороне левых»[1].

Это привело к тому, что во время избирательной кампании 1912 г. появилось определенное разочарование в не сумевшем консолидироваться правом движении. Издатель «Гражданина» В.П. Мещерский по этому поводу посвятил отдельную запись в своих «Дневниках» националистам: «Самое простое было бы в самом начале издать лозунг: избирать не партийных, а честных и порядочных людей. Но этого не сделали. Взамен явился лозунг: избирать октябристов и националистов. И тогда, вместо честных и порядочных людей, стали избирать октябристов и националистов. И дело испортилось, и Россия свою Думу с презрением отвергла». Упрекая весь спектр сил, которых можно было бы причислить к правым, в ангажированности и политической беспринципности, В.П. Мещерский не без горечи заключал: «... разница между кадетами и националистами немалая: у кадетов есть убеждения, и они не продажны, а у националистов нет убеждений, и они продажны. Октябристы тоже не желают быть правыми и не желают быть националистами. Октябристы и националисты делятся на левых и правых. Правые просто разделены на правых и крайне правых. Из всей этой розни выйдет путаница. И этою путаницею воспользуются кадеты!»[2]

«Русское богатство» обвиняло власти в пренебрежении интересами избирателей: «В деревне по крестьянской курии первые и основные стадии выборов пройдут прежде, чем в городах на собраниях могут появиться те или иные избирательные лозунги. Мелкие и средние провинциальные города закончат предвыборный период раньше, чем определится „направление“ крупнейших центров умственной жизни. Выборы по принципу: тело без головы и голова без тела»[3].

Всеобщее раздражение становилось характерной чертой выборной кампании: «Все раздражены, все недовольны. Недовольны начальством. Раздражены и друг против друга; дворянство и буржуазия раздражены против духовенства; духовенство имеет резоны платить им взаимностью; в дворянстве и буржуазии обостряются старые нелады; возникает полемика о первородстве, о первенстве... При этих условиях, чтобы сделать все-таки „правые выборы“, надо проявлять сверхчеловеческую, умопомрачительную энергию по части устранений, привлечений, разъяснений, пресечений, удалений, арестов...»[4].

В «Крестьянине» был опубликован следующий призыв: «Ищите людей серьезных, которые смотрят на обязанности депутата как на самые

[1] Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы: в 2 т. М., 1998. Т. 2. С. 235.

[2] Гражданин. 1912. 9 сентября.

[3] *Петрищев А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1912. № 9. С. 108.

[4] Там же. С. 127.

ответственные; посылайте туда не просто депутатов, а людей труда, людей честных, неподкупных, не видящих в вашем избрании никаких своих личных выгод»[1]. Как справедливо было отмечено О.Г. Малышевой на основе анализа обращений к крестьянским избирателям, характерной чертой избирательной кампании 1912 г. стал рост националистических настроений[2].

У «Гражданина» было свое ви́дение государственной политики в отношении выборной кампании. С точки зрения В.П. Мещерского, правительство должно свести к минимуму свое вмешательство в выборы, а сами отношения между Думой и правительством должны иметь деловой характер (с немедленным роспуском Думы в случае ее революционной оппозиции). Сам Мещерский выпустил немало критических стрел по П.А. Столыпину: «Уж чего-чего не предпринимал Столыпин, чтобы сделать 3-ю Думу приятною во всех отношениях: и новый закон о выборах сочинил, и руководство выборами поручил такому мастеру централизации, как Крыжановский, и что же? В конце концов, после пяти лет существования 3-й Думы при последнем ее издыхании в голове Саблера рождается проект, в основу которого ставится цель признать 3-ю Думу неприятною во всех отношениях, и в 4-ю Думу в виде ремонта и с целью спасать Россию послать многое множество священников с архиереями»[3].

Отметим, что, по воспоминаниям современников, политика поддержки духовенства на выборах только мешала осуществлять «борьбу с врагами государственного порядка»: «В силу всего этого оппозиционность к правящим верхам усиливалась даже среди тех, кто при выборах в третью Думу принадлежал к сплоченному право-умеренному блоку партии правого порядка»[4].

Представитель христианского социализма С.Н. Булгаков, ранее избиравшийся во II Думу от Орловской губернии, писал, что принудительное участие духовенства в выборах было совершенно новым явлением, причем «оно было заранее пристегнуто властью к „правому“ блоку»[5]. По уездным городам Вятской епархии были созданы по распоряжению местного епископа Филарета особые избирательные комитеты: в них принимали участие представители духовенства и правых партий. При открытии одного из таких избирательных комитетов в Глазове председатель собрания, один из местных священников, приглашал всех присутствующих «дать на выборах отпор революционным течениям»; «поддерживать правые партии» — таковы обычные предписания, которые исходили от епархиальной власти. Так, екатеринославский епископ Агапит, объез-

[1] Перед выборами в Думу // Крестьянин. 1912. № 30. С. 465–467.

[2] *Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. С. 223.

[3] Гражданин. 1912. 19 августа.

[4] *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. II. С. 227.

[5] *Булгаков С.* На выборах (из дневника) // Русская мысль. 1912. Кн. XI. С. 187.

жая епархию, рекомендовал выбирать националистов. В Перми духовенство объединилось в подготовке к выборам с Союзом русского народа[1].

Вместе с тем далеко не все правые приветствовали участие духовенства в политической жизни. В «Гражданине» публицисты задавались вопросом: «Не постигнет ли эту ставку на „добрых батюшек“ и „степенных епископов“ та же неудача, что и ставки на „тихих пейзан“ и на „сильных“?»[2]. Сам В.П. Мещерский в своих «Дневниках» стремление провести максимально большое количество священнослужителей в Думу именовал не иначе как «delirium tremens»: «Никогда еще, благодаря приобщению духовенства к политической жизни, православная церковь не была в таком явном противоречии с Учредителем Церкви, Христом»[3].

Известный публицист Н.Н. Дурново-старший на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» критиковал занявшееся политической деятельностью духовенство: «Нельзя ради материальных интересов духовного сословия оставлять паству без пастыря не только на несколько дней, но и на один день». С его точки зрения, следовало существенно ограничить количество депутатов от духовенства и разрешить им обсуждать только те вопросы, которые касаются Церкви, школ и духовенства. При этом он не был столь радикален, как М.О. Меньшиков, предлагавший снимать сан со священников-депутатов как перестающих быть при церковных делах: по его мнению, таким священникам следовало на время работы в Государственной думе совершать богослужения и налагать на них епитимью[4].

Октябрист А.В. Еропкин в своих воспоминаниях указал на роль духовенства в выборах в Рязанской губернии: «Когда наступили выборы в четвертую Государственную думу, губернатор Оболенский по уговору с местным архиереем решили мобилизовать всех попов по губернии с предписанием класть нам шары налево и отнюдь не пропускать нас в Думу»[5]. О существенном влиянии духовенства на ход выборов писал и известный нижегородский архивист и правый деятель А.Я. Садовский: «Вообще же относясь к делу беспристрастно, видишь, что все эти выборы в Думу только одна комедия. В те Думы орудовали левые всякими правдами и неправдами, и в выборщики попадали левые, теперь орудовали губернатор и архиерей, и попали крайне правые».

На местах администрация стремилась к максимальному контролю за процессом выборов и их итогами[6]: «В столичных руководящих сферах

[1] Выборы в Государственную Думу и духовенство // Крестьянское дело. 1912. № 15. С. 363–364.

[2] Гражданин. 1912. 19 августа.

[3] Гражданин. 1912. 26 августа.

[4] Санкт-Петербургские ведомости. 1912. 15 августа.

[5] *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы. Воспоминания. 1905–1928. М., 2016. С. 52–53.

[6] *Костылев А.В.* Выборы в IV Государственную думу Российской империи. С. 167.

было решено пойти по пути самого бесцеремонного воздействия на ход предстоявшей избирательной кампании»[1]. Премьер-министр В.Н. Коковцов в своих «Воспоминаниях» приводил высказывание нижегородского губернатора А.Н. Хвостова, согласно которому «губернаторы не только должны, но и могут провести в Думу исключительно тех, кого они желают ... в Нижегородской губернии все оппозиционные кандидаты уже устранены, и на их место намечены люди совершенно надежные в политическом отношении, которые и будут выбраны, если только министр внутренних дел даст несколько более денежных средств и разрешит привлечь к делу начальника губернского жандармского управления...»[2].

По сообщениям печати, власти открыто оказывали давление на выборщиков. Так, казанский губернатор держал речь волостным старшинам. Речь велась исключительно о кандидатах в уполномоченные. Со списком в руках губернатор внушал волостным старшинам употребить весь их авторитет на то, чтобы были избраны намеченные в официальном списке кандидаты. «Если моя беседа появится в печати, — закончил он свое обращение, — знайте: вы служите последний раз»[3].

Периодическая печать описывала и манипуляции с избирательными списками. В связи с тем, что предвыборные собрания были разрешены только для тех, кто был включен в эти списки, возникла следующая коллизия. В некоторых городах была начата публикация предварительных списков избирателей, и тогда предвыборные собрания запрещались под предлогом того, что еще нет публикации окончательных списков. При этом, как отмечало «Русское богатство», «организациям „черного блока“ право собраний предоставлено давно не только в полной, но и даже в чрезвычайной мере»[4].

Манипуляции с избирательными списками в кампании 1912 г. приобрели масштабный характер. Так, предпринимались в отдельных губерниях попытки внести в них всех монахов, «игнорируя иноческие обеты нестяжания»[5]. Благочинным Вятской епархии было циркулярно предписано на свободные вакансии в однопричтовых приходах назначать временных настоятелей и следить, чтобы их вносили в списки. Также было предписано вносить в них и председателей строительных комитетов в тех церквях, «приходы коих еще не открыты, но земля к которым уже нарезана»[6].

По сообщению «Русского богатства», в Одессе была установлена премия в размере 10 копеек за каждого «указанного благонадежного обывателя, который может быть внесен в избирательные списки». Это приводило к откровенным подлогам и фальсификациям: «женщин, переделывая их

[1] *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. С. 226.

[2] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Paris, 1933. Т. II. С. 100.

[3] Как происходят выборы // Вестник Европы. 1912. Кн. 10. С. 427–429.

[4] *Петрищев А.* Указ. соч. С. 107.

[5] Там же. С. 117.

[6] Речь. 1912. 26 июня.

имена, выдавали за мужчин, одних и тех же лиц записывали по нескольку раз, в число избирателей по мелкому квартирному цензу заносили городовых, дворников, стражников, записывали мертвецов, малолетних; записывали и таких, которые еще не родились и неизвестно когда родятся». При этом фальсификаторы «не только записывали, но и представляли за собственноручною подписью мертвецов и неродившихся заявления об их желании быть внесенными в избирательные списки»[1].

Земские и городские управы пытались контролировать правильность составления избирательных списков, однако власти нередко пресекали эти попытки. Например, в Минске списки избирателей были опубликованы 3 августа, но пожаловаться на их некорректность было некуда. По законодательству, решением конфликтных ситуаций должны были заниматься уездные избирательные комиссии. «Пошли разыскивать эту комиссию и нигде не могли найти ее», — сообщало «Русское слово». Комиссия была создана лишь 14 августа, на следующий день было сообщено о ее местонахождении, а уже 18 августа истекал срок подачи жалоб[2].

Подготовка губернских властей к выборам 1912 г. была начата еще до старта избирательной кампании. Еще за полтора года до нее, 25 января 1911 г., уже упомянутый нами А.Я. Садовский, комментируя начало преследований земцев со стороны нижегородского губернатора, записал в своем дневнике: «Сойдет со сцены и член Думы А.В. Иконников. ... Будучи председателем, попался в каких-то темных растратах земских денег, свалили растрату на члена управы, а Иконников заплатил за него почти около 6000 р[ублей], что нашла ревизионная комиссия, и думали, что дело в шляпе. Тот же А.Е. Касьянов в губернском присутствии купно со своими единомышленниками нашли, что виноват один только Трихов (член управы), а Иконников вовсе невинен. Однако по протесту нескольких членов, и в том числе председателя окружного суда, дело пошло дальше, и, вероятно, и Иконникову грозит неприятное следствие. Слышал недавно, что, пожалуй, грозит ему нечто и похуже»[3]. В октябре того же года в Думу из Министерства юстиции поступила копия постановления судебного следователя Нижегородского окружного суда о привлечении А.В. Иконникова в качестве обвиняемого по п. 2 ст. 341 (превышение власти) и ст. 362 (служебный подлог) Уложения о наказаниях[4]. И хотя думская комиссия по личному составу приняла решение не применять к нему никаких мер, связанных с ограничением прав, А.В. Иконииков после этого сошел с политической арены[5].

---

[1] *Петрищев А.* Указ. соч. С. 117.

[2] Русское слово. 1912. 17 августа.

[3] Дневник и воспоминания А.Я. Садовского / Публ. В.В. Митрофанова // Нижегородский музей. 2014. № 28. С. 18.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия V. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 862.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. 1911–1912 гг. СПб., 1912. С. 466–467.

31 августа 1912 г. уже упомянутый нами А.Н. Хвостов направил письмо в Арзамасскую уездную комиссию с предложением исключить из списка лиц, имеющих право участия в съезде землевладельцев по уезду дворянина Ю.А. Тархова под предлогом того, что тот в 1879 г. был приговорен Санкт-Петербургским военно-окружным судом к лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на 10 лет за укрывательство государственного преступника (хотя и был восстановлен императором в 1902 г. во всех правах и преимуществах, кроме прав по имуществу)[1]. Исключенный из списков выборщиков Тархов подал в губернскую комиссию жалобу, но она оставила ее без последствий, отметив в мотивировочной части своего решения, что «ссылка Тархова в своей жалобе на то, что он участвовал в земских выборах и состоял выборщиком в первых трех созывах Государственной думы, не может служить доказательством его права на участие в выборах в Государственную думу»[2].

Наиболее значимым стало дело против нижегородских земцев Г.Р. Килевейна и А.А. Савельева, уже избиравшихся депутатами Думы. Оба принадлежали к кадетской партии и имели высокие шансы на очередную победу. В 1912 г. вместе с еще одним земским деятелем — Н.В. Шверины — они были обвинены в неправомочном использовании земских капиталов в 1907 г. В Нижегородскую уездную комиссию тут же поступило заявление арзамасского потомственного почетного гражданина Н.Н. Акифьева, в котором содержалась просьба исключить из избирательных списков «лиц, не имеющих полных прав избирателей». А.А. Савельев, по мнению заявителя, «должен быть исключен из списка как состоящий под следствием и судом, о чем было публиковано во всех газетах»[3]. Как отмечал по этому поводу А.Я. Садовский, «собственно, преступления или проступка тут нет, есть некоторая неосмотрительность, едва ли более. Все дело в предвыборной агитации. Губернатору хочется устранить от выборов кадетов Савельева, Килевейна, Неверина (здесь, очевидно, описка, и речь идет об упомянутом выше Н.В. Шверине — *прим. авт.*). Предлог найдет: они будут отданы под суд и на время состояния под следствием будут лишены избирательных прав, суд же их, вероятно, оправдает»[4].

Прогноз оказался пророческим: и А.А. Савельев, и Г.Р. Килевейн до выборов не были допущены. Обвинение настаивало, что в 1907 г. инструкция, позволявшая губернской управе заимствовать суммы из земских капиталов на текущие расходы (с условием возврата из первых же поступлений), не действовала как отмененная заключением особой комиссии и постановлением земского собрания. По данным же защиты, никакая комиссия не имела полномочий отменять эту инструкцию,

[1] ЦАНО. Ф. 1804. Оп. 656. Д. 6. Л. 5.

[2] Там же. Л. 11 об.

[3] Там же. Ф. 1818. Оп. 673. Д. 12. Л. 2.

[4] Дневник и воспоминания А.Я. Садовского / Публ. В.В. Митрофанова // Нижегородский музей. 2015. № 29. С. 15.

а в постановлении земского собрания от 7 декабря 1901 г., на которое ссылалось обвинение, эта инструкция не упоминается вообще[1]. Однако к тому времени выборы были уже успешно проведены (рассмотрение дела об отмене приговора было назначено на 29 октября 1914 г.[2]).

Член Государственного совета А.Н. Наумов в воспоминаниях приводит обращение к нему, как к самарскому губернскому предводителю дворянства, председателя Государственного совета М.Г. Акимова летом 1912 г. с просьбой обеспечить необходимый результат выборов: «Дайте нам депутатов, консервативно настроенных, но умеренных... От крайних правых никому — ни нам, ни царю — житья нет!»[3] Вместе с тем вмешательство правительства в выборные кампании в провинции порой приводило к громким скандалам. В связи с этим тот же А.Н. Наумов, по его словам, «умолял Макарова (министра внутренних дел — *прим. авт.*): никого из правительственных агитаторов к нам в Самару не присылать во избежание лишних осложнений в нашей предвыборной работе»[4].

Несмотря на устранение части оппозиционных кандидатов от участия в выборах и практически безоговорочную победу правых, даже представители правого движения к итогам избирательной кампании отнеслись настороженно. Так, известный консервативный мыслитель Б.В. Никольский отмечал в своем дневнике: «Исчезли октябристы и националисты, пропадают кадеты, ликует Саблер. Появляется на сцену загадочная четвертая дума. Полагаю, что эта будет подлей и хуже всех»[5].

Таким образом, современники в качестве особенностей выборной кампании 1912 г. отмечали широкое использование административного ресурса, проявлявшегося в устранении от выборов отдельных политических деятелей, формировании избирательных списков и давления на крестьян со стороны местной администрации и духовенства. При этом сама роль духовенства как активного участника общественно-политической жизни государства оценивалась двояко; с точки зрения ряда правых деятелей и периодических изданий участие духовенства в выборах способствовало дискредитации Русской православной церкви. Несмотря на создание наиболее благоприятных условий для победы на выборах правых партий, с точки зрения общественности, правое движение не было консолидированным, что порождало пессимистические прогнозы в отношении характера будущей Думы.

---

[1] РГИА. Ф. 1363. Оп. 7. Д. 1585. ЛЛ. 2–2 об.

[2] Там же. Л. 14.

[3] Наумов А.Н. Указ. соч. С. 216.

[4] Там же. С. 222.

[5] *Никольский Б.В.* Дневник. 1896–1918 / Изд. подгот. Д.Н. Шилов, Ю.А. Кузьмин. СПб., 2015. Т. 2. 1904–1918. С. 105.

ПАРЛАМЕНТ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: СОСТАВ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ВОЗМОЖНО ЛИ БЫЛО СОТРУДНИЧЕСТВО КАДЕТОВ С СОЦИАЛИСТАМИ ВО II ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ?

ХОЛЯЕВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук
Ярославского государственного
технического университета,
Ярославль, Россия;
E-mail: xolyaev69@inbox.ru

Аннотация: Во II Государственной думе кадеты впервые столкнулись с преобладающим влиянием социалистических партий. Неудачу кадетов предопределила позиция крестьянства, не удовлетворившегося кадетскими планами отчуждения части помещичьих земель. Социалистические требования изъятия у помещиков всех их земель в большей степени отвечали крестьянским настроениям. Теперь кадетам приходилось не атаковать правительство, а защищаться от натиска социалистов. Только во II Думе вынужденно кадеты перешли к органической работе с правительством. Тем не менее, они попрежнему отказывались от стратегического союза с ним, видя истинных противников в левых партиях. Но и революционные социалистические партии были не против включения кадетов в те или иные комбинации, разрабатываемые против правительства. В частности, меньшевики, готовясь вооруженным путем защищать Государственную думу от ее роспуска, намеревались объявить Думу Учредительным собранием. Они были заинтересованы в легитимации своих действий через подключение к ним кадетских депутатов. Однако сотрудничество с меньшевиками не могло принести кадетам никаких успехов: даже самые умеренные меньшевики были намного радикальнее кадетов. Но у социалистов хватало внутренних противоречий, и радикальные действия умеренных социалистов не удовлетворяли большевиков. В.И. Ленин полагал, что будь кадетская тактика более жесткой в отношении основной части социалистических сил (эсеров и меньшевиков), кадеты имели бы намного больше оснований на общий успех. В итоге реальный курс, выбранный кадетами, привел их к серьезному кризису. Революционерами они воспринимались как слишком умеренные, а правительство именно в их думской деятельности видело главный источник революции. Закрепившаяся за кадетами репутация революционной партии мешала в дальнейшем налаживанию их конструктивных взаимоотношений с правительством.

Ключевые слова: II Государственная дума, кадеты, меньшевики, большевики, эсеры, В.И. Ленин.

Период функционирования I Государственной думы был этапом наивысшей популярности кадетской партии. Больше такого влияния кадеты уже не имели. Политическая сила, мечтавшая провести конституционные реформы в стране, переоценила свои возможности, неправильно оценив сложившуюся ситуацию, и упустила предоставлявшийся ей шанс получить власть.

20 февраля 1907 года открылась II Государственная дума, больше не являвшаяся Думой кадетского большинства. Кадеты занимали в ней всего четвертую часть депутатских мест (123 места из 461)[1]. Теперь им приходилось не столько атаковать правительство, сколько самим отбиваться от атак социалистов.

Еще в I Думе кадетам пришлось столкнуться с противодействием трудовой группы, напрямую выражавшей интересы крестьянства. Трудовики оказались там главными противниками кадетской фракции с левого фланга Думы[2]. Кадетской партии было сложно соперничать с ними за привлечение на свою сторону крестьянских голосов. Между тем, позиции партии в первых двух Думах во многом зависели от крестьянского отношения к ней. В первой избирательной кампании 1906 года основная агитация партии народной свободы адресовалась, прежде всего, к наиболее многочисленному российскому сословию. В листовке тверского комитета, предназначенной исключительно для крестьян, писалось: «Но всего больше забот в Думе должно быть крестьянам, потому что для них написано больше всего законов; за что ни возьмись — везде закон: то запрещает, это ограничивает. Со всех сторон у крестьянина начальство и всех надо слушаться... так дальше жить нельзя: надо многие законы вовсе отменить, вместо других написать новые... Надо помнить, что Дума должна установить самые важные законы... Крестьяне, если только сами того захотят, могут оказать большое влияние на состав будущей Государственной думы»[3].

Левых во II Думе было 222 человека, почти вдвое больше, чем у кадетов (104 трудовика, 65 социал-демократов, 37 эсеров и 16 народных социалистов). Между ними и развернулась внутри Думы основная борьба. Она велась здесь уже не столько между Думой и правительством (как в I Думе), сколько внутри нее[4].

Против всякого взаимодействия с кадетами выступали большевики. Они требовали тесного сближения социал-демократической фракции с другими революционными социалистическими партиями, настаивая на создании единого левого блока, и требовали предоставить комитету объединенных левых полномочия выносить обязательные для всех левых групп решения[5].

[1] *Милюков П.Н.* Вторая Дума. Публицистическая хроника. 1907. СПб., 1907. С. 15.

[2] ГА РФ. Ф. Р-5847. Оп. 2. Д. 169. Л. 11; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 7. Д. 699а. ЛЛ. 128–128 об., 133.

[3] Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 259. Л. 1.

[4] Там же. Д. 1. Л. 11 об.

[5] *Кошкидько В.Г.* Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905–1907 гг.). М., 2000. С. 64.

Но костяк социал-демократической фракции составляли во II Думе не большевики, а меньшевики. По данным Российского государственного архива социально-политической истории, депутатами смогли стать 15 большевиков и трое сочувствующих им. Большинство мест во фракции (более 40) получили меньшевики, а фракционным лидером стал их представитель, кн. И.Г. Церетели[1]. Меньшевики отвергли идею левого блока, противопоставлявшемуся большевиками кадетскому центру, но одобрили предложение эсеров об информационном участии левой оппозиции в общефракционных совещаниях всех социалистических групп[2].

Работа новой Думы показала, что аграрная программа кадетов больше не встречает понимания крестьянства: крестьяне идут гораздо дальше партии народной свободы, требуя полной ликвидации помещичьего землевладения. Причем в этом вопросе все социалисты действовали единодушно, и объединенными голосами членов социалистических фракций им удалось добиться определенного успеха. Думская аграрная комиссия, большинство которой составляли депутаты от левых фракций (трудовики, социал-демократы, эсеры и народные социалисты), вопреки мнению кадетов, высказалась за необходимость обязательного отчуждения помещичьих земель для расширения крестьянского землепользования[3].

В результате правительству становилось очевидным, что позиции кадетов стремительно ослабляются. Социалисты, в частности, эсеры, в резолюции, принятой на втором (экстренном) съезде партии, решительно отвергли тактический курс, к реализации которого стремились кадеты во II Думе, заключавшийся в органической работе по сотрудничеству с правительством, при самоограничении Думы рамками основных законов[4]. Кадетам не удалось перебросить мостик через ров, разделяющий народ и власть, и конституционно-демократическая партия (она же партия народной свободы) стремительно отходила на второй план. Упустив момент наивысшего взлета, партия была обречена.

Но значит ли это, что во II Думе у кадетов не было никаких шансов для усиления позиций? В 1907 году во II Государственной думе меньшевики совместно с эсерами разрабатывали сверхреволюционные планы действий — «на случай возможного роспуска Государственной думы ответить боевым выступлением, то есть всеобщей забастовкой и вооруженным восстанием»[5]. По сведениям Департамента полиции при Центральном комитете социал-демократической партии образовался военный секретариат. Расследование, по всей вероятности, данного дела и стало формальной основой роспуска II Государственной думы и обвинения со-

[1] РГАСПИ. Ф. 93. Оп. 1. 1906–1912. Л. 1.

[2] *Кошкидько В.Г.* Указ. соч. С. 63–64.

[3] *Леонов М.И.* Эсеры и II Дума // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 28–29; *Кобзаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996. С. 221, 222, 224–225.

[4] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

[5] ГАЯО. Ф. 906. Оп. 4. Д. 1244. Л. 23.

циал-демократической фракции в государственной измене с последующим арестом депутатов во главе с ее председателем кн. И.Г. Церетели[1].

Вкратце схема действий революционеров заключалась в следующем. Если правительство потребует роспуска Думы, ее левая, социалистическая часть объявит себя Учредительным собранием, а существующее правительство вне закона. «Выступление начнется с аграрных беспорядков, чтобы таким путем отвлечь войска в уезды, оставить города беззащитными и дать возможность городскому пролетариату во главе с рабочей массой начать восстание. Одновременно начнется всеобщая железнодорожная и почтово-телеграфная забастовка»[2].

Сегодня этот план воспринимается утопичным и нереальным, но не надо забывать, что эта схема повторяла программу, апробированную в 1905 году. Повториться через два года она, конечно, уже не могла, но не потому, что была принципиально невозможной, а от усталости населения, которому в 1907 году больше хотелось спокойствия, нежели продолжения смуты. Тем не менее, столь резкая активность меньшевиков позволяла в том же 1907 году Ф.И. Дану гордо заявить, что «наша политическая деятельность не исчерпывается думской ареной, и деятельность на этой арене безусловно далека от мелкого политиканства, оперирующего... лишь парламентскими группировками и игнорирующего соотношение сил в стране»[3].

Подготавливая планы, которые трудно определить иначе, чем экстремистские, меньшевики были совсем не против вовлечь в них и кадетов. Так, при переводе статуса Государственной думы в Учредительное собрание они были готовы для усиления авторитетности своих позиций включить в деятельность нового революционного органа власти и кадетскую фракцию.

И, казалось бы, для такого союза имелись определенные основания. Ведь П.А. Столыпин предложил в тяжелой для кадетов ситуации легализовать партию, сделав ее работу в стране официально разрешенной, если кадеты согласятся осудить революционный террор. В связи с тем, что влияние кадетов в 1907 году резко ослабло, им предлагалась уже только легализация партии, а не места в структурах исполнительной власти[4]. Но Милюков гордо отказался сотрудничать с правительством, заявив, что в момент борьбы его партия не может стать на позицию своих противников (он имел в виду правительство), которые к тому же сами оперируют убийствами. Милюков так ничего и не понял. Он попрежнему был уверен, что, несмотря на все конфликты с левыми, его единственным противником остается правительство[5]. В результате кадеты, стремясь реализовать свою программу, выходили за чисто буржуазные рамки и являлись по сути полусоциалистической партией.

---

[1] Там же. Л. 21.
[2] Там же. Л. 15 об.
[3] РГАСПИ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 241. Л. 5.
[4] Первая революция в России: взгляд через столетие. М., 2005. С. 495.
[5] *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 424.

Однако в действительности как бы ни были радикальны кадеты, они были менее радикальны, чем социалисты, даже самые умеренные плехановцы. Полубуржуазная, полусоциалистическая позиция партии существенно ослабляла ее положение. Для социалистов они были недостаточно радикальны, чтобы им доверять, а для власти — слишком радикальны, чтобы с ними сотрудничать. На путях взаимодействия с меньшевиками шансов у кадетов не было.

Между тем, занимай кадеты в революционный период 1905–1907 годов, чуть более умеренные позиции, их влияние могло резко возрасти. Сумей конституционные демократы отделить себя от социалистических партий, в период обострения противоборства власти и революции они сразу же стали бы третьей силой, четко противопоставляющей себя и правым, и левым. При этом власти смотрели бы на них как на реальную альтернативу революции, а социалисты как на силу, предлагающую стране более прогрессивный, чем власть, путь развития. В этом случае вокруг кадетов могли сплотиться самые широкие слои русского общества: от октябристов до части социалистов.

Более того, как ни парадоксально, таких умеренных кадетов поддержали бы даже большевики. В.И. Ленин, один из наиболее лучших тактиков не только внутри социалистического лагеря, но и во всей России, допускал возможность того, что если бы кадеты ограничились чисто буржуазными требованиями и добились при этом установления в стране парламентского строя, при котором парламент является реальной ареной борьбы социально-политических интересов, а революционное движение в этот момент будет отсутствовать, то «поддержка партии кадетов в парламенте против всех правее стоящих партий была бы безусловной нашей обязанностью»[1].

В самом деле, добейся кадеты упрочнения в стране капиталистических отношений, не претендуя на то политическое поле, которое занимали большевики (левый фланг), это дало бы возможность укрепить позиции в стране тем элементам, на которые серьезно рассчитывала в политической борьбе партия большевиков. Усиление в городе пролетарских элементов и расслоение в деревне, ослабление роли общины и пролетаризация крестьянства позволяли большевикам усилить свой вес в обществе. Тем более это вело к значительному ослаблению эсеровской партии, самого главного конкурента большевиков — партии, столкновение которой с большевиками в любом случае в дальнейшем было неизбежно. Тогда как столкновение большевиков с кадетами вовсе не выглядело обязательным: партии могли играть на разных политических полях. В то же время полусоциал-демократическая программа кадетов, их излишний радикализм ставили перед большевиками много проблем. Реализация намеченных кадетами планов лишала большевиков малейшей надежды получить вообще какой-либо доступ к власти, ведь

[1] *Ленин В.И.* Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. ПСС. Т. 12. С. 308.

рабочие в этом случае вполне могли ограничиться и кадетской Россией. Меньшевики, может, и нашли бы себе определенное место при кадетской власти, а у большевиков такой возможности не было.

Таким образом, заняв общерадикальную позицию, нацеленную на конфликт с правительством, кадеты поставили себя в невыгодное положение. Социалисты обвиняли кадетов в скрытой поддержке самодержавия, а власти в противоположном — в разжигании в стране антиправительственных настроений, в том, что Дума стала источником революции. В таких условиях шансы кадетов на успех значительно понижались.

В.И. Ленин, критично относившийся к либеральным партиям, настаивал, что не видит в роспуске II Государственной думы, состоявшемся 3 июня 1907 года, оснований для бойкота выборов в III Думу. С его точки зрения, не было особых различий между двумя первыми Думами и третьей. Провозглашать бойкот Думы на основании того, что благоприятный для кадетов избирательный закон заменен благоприятным для октябристов, значит «не только заменять выдержанную революционную работу революционной нервозностью, но и обнаруживать господство над самими социал-демократами худших иллюзий насчет кадетской Думы и кадетской конституции»[1].

Роспуск II Думы означал не поражение социалистов, а провал кадетского радикализма. Но проиграли кадеты вовсе не вследствие интриг правительства, а из-за собственного догматизма, неготовности пожертвовать целым ради реализации части своей программы, но части — реалистичной, способной удовлетворить большинство общества. Вместо компромисса между бюрократией и революцией кадеты разжигали в обществе революционные настроения и, в конечном счете, сами пали жертвой собственного радикализма.

Не получилось у кадетов и наладить взаимодействие хотя бы с одной из социалистических партий. Для меньшевиков они были слишком консервативны — не могли участвовать в их планах радикальной защиты Государственной думы при ее роспуске (хватило их только на подписание бесполезного Выборгского воззвания), а для большевиков чересчур радикальны, поскольку не собирались пересматривать партийную программу в сторону ограничения. В итоге за кадетской партией все равно прочно закрепилась репутация революционной партии, что сильно мешало дальнейшему налаживанию конструктивных отношений с правительством. А вести революционную борьбу с правительством, подобно социалистическим партиям, кадеты были не в состоянии.

[1] ГА РФ. Ф. 518. Оп. 1. Д. 39. Л. 18.

ТАКТИКА ДЕЙСТВИЙ ФРАКЦИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ВОПРОСУ ИСКЛЮЧЕНИЯ ДЕПУТАТА А.М. КОЛЮБАКИНА

МАРОВ МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат технических наук, старший научный сотрудник,
ведущий руководитель проектов АО «РАМЭК-ВС»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: marov@mail.ru

Аннотация: В связи с исполнением в 2019 г. 110 лет с момента исключения из III Государственной думы депутата А.М. Колюбакина, члена ЦК партии народной свободы, в докладе проанализированы направления и эффективность действий фракции народной свободы в ходе дискуссии, развернутой по вопросам временного устранения депутатов от участия в заседаниях и признания их выбывшими из состава Думы.

Ключевые слова: А.М. Колюбакин, III Государственная дума, парламентская фракция партии народной свободы, положение о выборах в Государственную думу, временное устранение, исключение члена Думы, комиссия личного состава, Наказ Думы.

Правовые отношения между Государственной думой как представительным законодательным органом Российской империи и правительством и самодержавной властью были определены такими законодательными актами, как «Учреждение Государственной думы»[1] и «Положение о выборах в Государственную думу»[2], но не были всесторонне испытаны на практике. Члены Думы пытались отстаивать свои права, используя возникающие прецеденты. Одним из таких прецедентов в III Думе стало требование министра юстиции о временном устранении, а позднее и исключении депутата Александра Михайловича Колюбакина, члена ЦК партии народной свободы и представителя думской фракции этой партии[3], в связи с судебным преследованием по «политической» статье (п. 3 ст. 129 уголовного уложения — произнесение публично речи, возбуждающей к неповиновению или противодействию закону[4]). Думская фракция народной свободы оказалась перед необходимостью выработ-

[1] Учреждение Государственной думы. 20 февраля 1906 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. СПб., 1909. Т. XXVI. 1906. Отд. 1. № 27424. С. 150–154.

[2] Положение о выборах в Государственную думу // Государственная Дума III созыв — 3 сессия: Справочник. 1910. СПб., 1910. Вып. 2. С. 257–372.

[3] *Канищева Н.И.* Колюбакин Александр Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 263–264.

[4] Уголовное уложение // Приложение к Собранию узаконений и распоряжений правительства. № 38. Отдел I. Ст. 416. 16 апреля 1903. С. 29.

тать тактику действий по защите прав своего коллеги, а также и других депутатов. Важность данного вопроса для фракции определялась еще и тем, что речь шла о защите прав не рядового кадета, а члена Центрального комитета партии конституционных демократов, одного из лидеров фракции, яркого оратора и активного оппозиционного депутата.

Причины и обстоятельства судебного преследования члена Государственной думы депутата от партии народной свободы А.М. Колюбакина рассмотрены достаточно подробно[1]. После того, как Саратовская судебная палата 29 октября 1907 г. приняла определение о даче хода делу о члене Государственной думы А.М. Колюбакине, министр юстиции И.Г. Щегловитов направил председателю Думы копии определения и обвинительного акта в порядке, предусмотренном ст. 20 и 21 «Учреждения Государственной думы»[2]. Эти документы были внесены на рассмотрение Думы 18 ноября 1907 г. в ходе 5-го заседания 1-й сессии[3].

В соответствии со ст. 20 и 21 «Учреждения Государственной думы» депутаты Государственной думы должны были принять решение о временном устранении члена Думы А.М. Колюбакина от участия в заседаниях. Для рассмотрения этого вопроса по процедуре, описанной в § 80 думского регламента — наказа Думы в его редакции, подготовленной в ходе работы II Думы, требовалось создание специальной комиссии. Такая комиссия в составе 11 членов была избрана Думой 11 декабря 1907 г. по запросу фракции октябристов.

Представительство в составе комиссии отражало общий расклад сил в III Думе. В нее вошли 5 представителей фракции «Союза 17 октября» (А.И. Гучков, М.А. Искрицкий, Л.Г. Люц, А.Ф. Мейендорф, избранный председателем, и Н.П. Шубинский)[4], 2 от фракции правых (Г.Г. Замысловский и В.М. Пуришкевич)[5], по одному от прогрессистов

[1] *Тимохина Д.А.* «...Насильственно оторван от того дела, в которое он вкладывал так много душевного пыла»: К истории исключения А.М. Колюбакина из числа депутатов III Государственной думы // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 2. С. 75–80; *Маров М.Н.* Депутат III Государственной думы А.М. Колюбакин: к 150-летию со дня рождения // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 2. С. 104–110.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 377. ЛЛ. 5–9.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 133–134.

[4] Гучков Александр Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 154; Искрицкий Михаил Андреевич // Там же. С. 222–223; *Николаев А.Б.* Люц (Лютц) Людвиг Готлибович // Там же. С. 340; *его же.* Мейендорф Александр Феликсович // Там же. С. 367; *его же.* Шубинский (Шубинской) Николай Петрович // Там же. С. 708.

[5] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 202; *их же.* Пуришкевич Владимир Митрофанович // Там же. С. 509.

(И.Н. Ефремов)[1] и умерено-правых (Н.И. Микляев)[2]. Считая комиссионную работу одним из основных направлений своей думской тактики, фракция народной свободы делегировала в состав комиссии двух своих представителей — адвокатов В.А. Маклакова и О.Я. Пергамента[3].

Позднее в эту же комиссию был передан и вопрос о временном устранении от участия в заседаниях депутата от социал-демократической партии крестьянина В.Е. Косоротова[4], который также подвергся уголовному преследованию по п. 2, 3 и 4 ст. 129 уголовного уложения[5].

По вопросу о временном устранении депутатов от участия в заседаниях Думы имелось существенное расхождение во мнениях между представителями правых и фракцией народной свободы. Позиция правых, выраженная в выступлении депутата И.И. Балаклеева[6], состояла в том, что депутат, привлеченный к судебному следствию или к судебной ответственности за преступления, перечисленные в «Положении о выборах», должен быть непременно, «в категорическом смысле», устранен от участия в заседаниях, и принятие решения по этому вопросу является формальной обязанностью Думы[7].

Возражая правым, представитель фракции народной свободы В.А. Маклаков указывал, что по вопросу о том, является ли устранение членов Думы от участия в заседаниях обязанностью или правом депутатов, решения Думой еще не выработано. Отсутствие решения вызывает «разномыслие» между депутатами и представителями Министерства юстиции, чему имелись примеры в ходе заседаний Думы II созыва. Этот общий вопрос, настаивал В.А. Маклаков, следует поставить перед комиссией наряду с вопросом о временном отстранении одного из членов Думы, «ибо это есть вопрос о правах Государственной Думы, которые мы не желаем расширять за пределы закона, но которые ее члены, на каких бы скамьях они ни сидели, не пожелают и суживать»[8]. К его доводам прислушались, и в итоге работа комиссии велась в ходе первой сессии параллельно по двум направлениям: а) по общему вопросу о временном

[1] *Хайлова Н.Б.* Ефремов Иван Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 188.

[2] Микляев Николай Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 373.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 888. См. также: *Дедков Н.И.* Маклаков Василий Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 342; Пергамент Осип Яковлевич // Там же. С. 452.

[4] *Анохина З.Н.* Косоротов Василий Емельянович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 293.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. I. Стб. 1147–1159.

[6] *Ромов Р.Б.* Балаклеев Иван Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 34.

[7] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. I. Стб. 774–777.

[8] Там же. Стб. 779.

устранении членов Государственной думы вследствие привлечения их к судебной ответственности и б) по вопросу о временном устранении членов Думы Колюбакина и Косоротова.

Комиссия, которая с легкой руки В.А. Маклакова неофициально именовалась «комиссия 11-ти», рассматривала вопрос обстоятельно и всесторонне, проведя в ходе 1-й сессии Государственной думы 12 заседаний. Доклад комиссии был внесен на рассмотрение Государственной думы 27 марта 1908 г.[1].

По общему вопросу о временном устранении членов Думы комиссией было принято решение, совпадающее с позицией фракции народной свободы. Комиссия определила, что временное устранение членов Думы в порядке ст. 20 и 21 «Учреждения Государственной думы» не составляет обязанности Думы, а является ее правом. Одновременно было принято и другое важное решение, что при рассмотрении вопросов о временном устранении своих членов Государственная дума не может ограничиваться только формальной стороной дела, а может входить в рассмотрение вопросов по существу[2]. Этот результат, несомненно, можно считать успехом комиссионной работы кадетов.

По конкретным вопросам, связанным с временным устранением членов Думы Колюбакина и Косоротова, к моменту внесения доклада на рассмотрение Думы комиссией было принято только единогласное решение по вопросу о временном устранении депутата В.Е. Косоротова. По вопросу о временном устранении депутата А.М. Колюбакина комиссия принять решения не успела, так как пока она ожидала ответов на дополнительные запросы по его делу, поданные в Министерство юстиции, последовало сообщение министра юстиции, что приговор в отношении члена Государственной думы А.М. Колюбакина вступил в законную силу. Это сообщение было доведено председателем Думы до сведения депутатов на 50-м заседании 1-й сессии 22 апреля 1908 г.[3].

После этого рассмотрение вопроса о временном устранении надлежало заменить рассмотрением вопроса об исключении члена Думы Колюбакина из ее состава в порядке ст. 21 «Учреждения Государственной думы».

Изменившиеся обстоятельства требовали откорректировать тактику защиты депутата Колюбакина. Из приговора суда следовало, что Колюбакин не был приговорен к лишению прав состояния. В связи с этим фракция народной свободы приняла решение внести поправку в закон о выборах в Государственную думу. Законодательное предположение об изменении п. 1 ст. 10 «Положения о выборах в Государственную

[1] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 1907–1908 гг. СПб., 1908. Т. 1. Стб. 1201–1224.

[2] Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 194.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 2. Стб. 1849.

Думу» было внесено по инициативе фракции народной свободы на 75-м заседании 1-й сессии 29 мая 1908 г.[1].

При внесении этой законодательной инициативы фракция народной свободы сумела найти союзников среди других партийных групп Думы. Под заявлением о внесении законодательного предположения стояли подписи 41 депутата: 27 — от фракции народной свободы, 5 — от трудовиков, 4 — от фракции союза 17 октября и по 1 от мирнообновленцев, прогрессистов, умеренно-правых, мусульманской партии. Среди подписавшихся был также один беспартийный член Думы — С.И. Комсин 2-й[2/3].

По словам П.Н. Милюкова, эта инициатива по изменению формулировок закона о выборах была предпринята фракцией «с целью вернуть избирательные права выборжцам, а также имея в виду Колюбакина»[4].

Суть предложения фракции народной свободы состояла в замене единственной формулировки п. 1 ст. 10 «Положения о выборах в Государственную Думу», гласившей, что в выборах не участвуют лица, «подвергшиеся суду за преступные деяния, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния, ...»[5], на следующую формулировку: «подвергшиеся по суду наказанию, связанному с лишением или ограничением прав состояния, ...». В заявлении о внесении данного изменения в закон подписавшие его лица разъясняли, что «смысл п. 1 ст. 10 ... заключается в лишении избирательных прав тех, кто лишен этих прав по суду, а не тех, кто только мог быть их лишен, но судебным приговором был избавлен от этого»[6].

Дума не спешила рассматривать поправку, а сами представители фракции народной свободы на этом не настаивали, опасаясь обострения вопроса об исключении Колюбакина из состава Думы. Пауза затянулась до конца первой сессии.

В перерыве между первой и второй сессиями III Государственной думы член фракции народной свободы А.М. Колюбакин вынужден был с 17 июля 1908 г. приступить к отбыванию шестимесячного заключения в тюрьме «Кресты». С началом второй сессии Думы 15 октября 1908 г. возникло юридическое противоречие между фактом лишения свободы депутата и текстом ст. 16 закона об учреждении Государственной думы, которая гласила: «Для лишения свободы члена Государственной думы

---

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 3. Стб. 1793.

[2] *Канищев В.В., Протасов Л.Г.* Комсин Сергей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 279–280.

[3] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 1907–1908 гг. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 457.

[4] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. М., 2000. Т. 2. С. 79.

[5] Положение о выборах в Государственную думу / Государственная дума III созыв — 3 сессия: Справочник. 1910. СПб., 1910. Вып. 2. С. 258.

[6] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 1907–1908 гг. СПб., 1908 Т. 2. Стб. 456.

во время ее сессии должно быть испрошено предварительное разрешение Думы». Исходя из этого, в печати высказывалось мнение, что с началом осенней сессии Думы Колюбакин должен быть освобожден для участия в заседаниях. На это рассчитывал и сам депутат, подававший с началом сессии устные прошения об освобождении на имя начальника тюрьмы, а затем письменное прошение на имя прокурора Санкт-Петербургского окружного суда, оставшиеся без удовлетворения[1].

Вопрос о бездействии фракции народной свободы по вопросу о лишении свободы депутата А.М. Колюбакина без формального согласия Думы был поднят в ходе совещания фракции с представителями провинциальных групп партии 20 октября 1908 г. Так, представитель Рижской делегации Н.М. Вторых спрашивал, почему фракцией до сих пор не сделан запрос в Думу о Колюбакине, и не упущен ли уже для этого момент[2].

Член ЦК партии М.М. Могилянский в ответ на это сообщил, что запрос о Колюбакине был выработан и даже подписан фракцией. Однако он не был внесен из опасения, что министр юстиции в ответ потребует от Думы сообщить, когда она намерена исключить Колюбакина, о чем ее давно спрашивают. Такие же пояснения дал по этому вопросу и лидер партии П.Н. Милюков, добавив, что «министр юстиции мог ускорить свое требование об исключении Колюбакина из Думы, и думское большинство, относящееся к Колюбакину сочувственно, перейдя на принципиальную почву, вероятно, исполнило бы требование правительства». К тому же, Милюков сослался и на шаткость юридического обоснования этого запроса[3]. В итоге, позиция фракции народной свободы свелась к пассивному ожиданию, «чтобы Колюбакин вышел из тюрьмы и при молчании Думы занял свое место»[4].

Таким образом, попытка применить на практике предоставленное Государственной думе законом право давать или не давать предварительное разрешение на лишение свободы депутата во время работы ее сессии не была реализована фракцией народной свободы.

Государственная дума вернулась к вопросу об исключении депутата А.М. Колюбакина только спустя почти полгода после внесения этого вопроса в Думу министром юстиции. В ходе 10-го заседания 2-й сессии Государственной думы 3 ноября 1908 г. вопрос об исключении А.М. Колюбакина был передан в ту же комиссию, которая была избрана для рассмотрения вопросов о временном устранении депутатов Колюбакина и Косоротова. В ходе обсуждения лидер конституционных демократов П.Н. Милюков высказал мнение, что «оппозиционные партии... особенно заинтересованы в поддержании принципа депутатской неприкосновенности», и что идея «неприкосновенности депутата... должна быть дорога всем членам Госу-

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 377. ЛЛ. 18–19.

[2] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 57.

[3] Там же. С. 59.

[4] Там же. С. 66.

дарственной думы»[1]. На фоне этих высказываний неожиданным выглядело поданное в конце заседания членом комиссии от фракции народной свободы В.А. Маклаковым заявление об отказе от звания члена комиссии[2]. По-видимому, такое решение было им принято, исходя из понимания предрасположенности членов комиссии к принятию решения об исключении Колюбакина, осознания невозможности повлиять на результат голосования в комиссии и нежелания принимать в этом участие.

Проведя в ходе второй сессии работы Государственной думы с 8 по 17 ноября 1908 г. еще 4 заседания, комиссия приняла решение: «Для членов Государственной думы Колюбакина и Косоротова наступили обстоятельства, вследствие которых Государственной думе надлежит признать их выбывшими из ее состава»[3].

Для защиты депутата Колюбакина от исключения из Думы у фракции народной свободы оставался последний рубеж — попытаться убедить депутатов в ошибочности решения комиссии в ходе обсуждения доклада, которое состоялось на 101-м заседании 2-й сессии 27 апреля 1909 г.

Ораторы фракции О.Я. Пергамент и В.А. Маклаков в своих речах доказывали, что как Колюбакин, так и Косоротов приговорены судом к наказаниям, не связанным с лишением прав, в то время как в п. 1 ст. 10 «Положения о выборах в Государственную думу» в качестве условия исключения депутата указывается именно на преступления, влекущие за собой лишение или ограничение прав состояния. В связи с этим исключение таких депутатов из Думы будет представлять собой акт внесудебного лишения их прав, что незаконно. Помимо этого, В.А. Маклаков пытался сделать упор на несовершенство формулировки ст. 20 закона об учреждении Государственной думы, допускающей различные толкования, о чем говорил в своем докладе и председатель комиссии А.Ф. Мейендорф. О.Я. Пергамент разъяснял членам Думы, что ст. 10 положения о выборах не накладывает на депутатов никаких обязательств по голосованию за исключение Колюбакина[4].

Несмотря на все усилия конституционных демократов, депутат А.М. Колюбакин по результатам голосования 27 апреля 1909 г. был признан выбывшим из состава Думы.

После исключения Колюбакина фракция народной свободы вновь подала заявление о необходимости рассмотрения ранее внесенного предложения об изменении статьи 10 «Положения о выборах в Государственную думу». За рассмотрение этой поправки Дума проголосовала 1 мая 1909 г. в ходе 106-го заседания 2-й сессии[5]. Член фракции народной

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. 1. Стб. 665–669.

[2] Там же. Стб. 755.

[3] Государственная дума. Обзор деятельности комиссий и отделов. Третий созыв. Сессия II. 1908–1909 г. СПб., 1909. С. 268.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. 4. Стб. 2–14, 22–32, 45–59.

[5] Там же. Стб. 498–504.

свободы А.И. Шингарев в своем выступлении на встрече с представителями местных групп партии, говоря о данной законодательной инициативе, назвал ее «Lex Колюбакина» — закон Колюбакина — и сообщил, что Дума проголосовала за необходимость рассмотрения этого предложения «большинством против правых и умеренно-правых»[1].

К сожалению, изменения в закон о выборах в Думу так и не были внесены.

Временная комиссия, созданная для рассмотрения дела о привлечении к судебной ответственности члена Думы Колюбакина, на этом завершила свою работу. Однако опыт работы этой комиссии, особенно в рассмотрении общего вопроса о правах и обязанностях Думы при временном устранении депутатов, оказался весьма полезным и был использован фракцией народной свободы при корректировке наказа Думы. Корректировка наказа велась фракцией через ее представителя В.А. Маклакова, являвшегося председателем комиссии по наказу. Мнение В.А. Маклакова в комиссии по наказу не являлось, конечно, определяющим. Однако как председатель комиссии он имел на нее определенное руководящее влияние, что признавалось в отчете фракции народной свободы по итогам первой сессии Думы[2]. Предложения по корректировке наказа Думы были изложены в докладе комиссии по наказу, внесенном в Думу на ее 48-м заседании 1-й сессии 3 апреля 1908 г.[3], то есть вскоре после рассмотрения в Думе первого доклада «комиссии 11-ти». Объяснительная записка к докладу по наказу была написана В.А. Маклаковым. Очевидно, именно с использованием опыта работы временной «комиссии 11-ти» было решено внести в главу IV наказа Думы § 44 о создании постоянно действующей комиссии личного состава из 11 лиц, призванной рассматривать дела о временном устранении или выбытии из состава Думы ее членов. Кроме того, заключительную часть главы IV наказа предлагалось дополнить § 91 и § 92, определяющими порядок передачи в комиссию личного состава вопросов о временном устранении или выбытии членов Думы. Данные предложения комиссии по наказу были в дальнейшем приняты Думой, и комиссия личного состава из 11 членов была избрана III Думой 14 октября 1909 г.[4].

Проведенный анализ свидетельствует, что по вопросам временного устранения членов Думы от участия в заседаниях и исключения депутатов

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 135.

[2] III Государственная дума (сессия 1-я). Отчет фракции народной свободы. СПб., 1908. С. 9.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. 2. Стб. 1678; Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. 1907–1908 гг. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 32–134.

[4] Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. 1. Общие сведения. С. 43–56; *Демин В.А.* Комиссия личного состава // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 268.

из состава Думы у фракции народной свободы имелась выработанная и согласованная тактика действий, включавшая в себя работу по целому ряду направлений: а) участие в работе временной комиссии, избранной для рассмотрения дела о привлечении к ответственности члена Государственной думы А.М. Колюбакина; б) выступления в прениях по докладам «комиссии 11-ти» и разъяснение позиции фракции по принятым комиссией решениям; в) корректировка редакции наказа Думы в части личного положения членов Думы; г) попытка применить на практике право Государственной думы давать или не давать предварительное разрешение на лишение свободы депутата во время ее сессии; д) подготовка предложения по изменению законодательства о выборах в Государственную думу.

При этом лишь одно из перечисленных направлений было доведено членами фракции до реального положительного результата — это внесение в наказ Думы положений, связанных с созданием постоянной комиссии личного состава. Основная причина неудач действий в защиту прав депутатов по остальным направлениям заключается, очевидно, в раскладе сил в Государственной думе III созыва, где партия народной свободы находилась в оппозиционном меньшинстве. К причинам неудач следует отнести и позднее осознание партией народной свободы возможности и необходимости установления по отдельным вопросам компромиссных союзов с другими фракциями.

На совещании фракции народной свободы III Государственной думы с представителями местных групп партии 24 мая 1909 г. нижегородским представителем по этому поводу был высказан упрек руководству партии: «Вы слишком легко отдали правительству Колюбакина. Здесь именно надо было проявить сверхъестественные усилия, чтобы его отстоять, а мы их не видели. В этом принципиальном, громадной важности для всей нашей конституции, вопросе не было проявлено достаточно усилий». А.В. Тыркова попыталась в ответ на этот упрек сослаться на бездействие избирателей Колюбакина. Но нижегородский представитель резонно возразил: «Если мы слагаем вину на избирателей, а они на нас, то это значит, что обе стороны действовали неудовлетворительно»[1]. Сам А.М. Колюбакин на этой же встрече с представителями партийных групп также вынужден был признать, что фракция сделала в его защиту все, что могла, но ограничилась обороной, не переходя в наступление[2].

Таким образом, следует, по-видимому, считать недостаточно эффективными усилия конституционных демократов как по решению общего вопроса защиты прав депутатов от произвола министерства юстиции в случае возникновения ситуаций, связанных с отстранением депутатов от работы в Думе и признания их выбывшими, так и в вопросе отстаивания права А.М. Колюбакина исполнять обязанности депутата.

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 101.

[2] Там же. С. 102.

ПАРЛАМЕНТСКИЙ КОНТРОЛЬ НАД ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД: НА ПРИМЕРЕ ЗАПРОСОВ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ПОВОДУ СВОБОД СОЮЗОВ И СОБРАНИЙ[1]

ТУМАНОВА АНАСТАСИЯ СЕРГЕЕВНА,
доктор исторических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия;
e-mail: anastasiya13@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрена практика реализации III Государственной думой права запросов по поводу нарушений свобод союзов и собраний. Изучение данной проблемы способствует исследованию не столько публичной политики, актором которой была Дума, а также степени влияния представительного органа власти на государственную политику, сколько того, насколько работали каналы коммуникации общества и власти. С помощью запросов общество оказывало на власть давление, обличало и пресекало творимые беззакония. Посредством думских запросов отрабатывались практики взаимодействия депутатов и правительства.

Ключевые слова: III Государственная дума, право запросов, свободы союзов и собраний.

III Государственная дума отработала полный срок и имела репутацию Думы «будничной работы», не вызывавшей «взрыва энтузиазма», однако, давшей стране «реальные блага»[2]. В Думе наметился диалог правительства с депутатским корпусом, ставший возможным благодаря ослаблению позиций оппозиционных фракций.

Законопроектов о свободах союзов и собраний III Дума, в отличие от предшественниц, не внесла. Объяснение тому дал П.Н. Милюков, который характеризовал думскую стратегию кадетов как «оборонительную», нацеленную на удержание ранее занятых позиций и компромисс с властью: «... нам приходилось вести в Третьей Думе черную, будничную работу, наблюдая лишь, чтобы, по крайней мере, не приходили в забвение уже приобретенные Думой права, и чтобы не был забыт вложенный в них политический смысл»[3].

[1] Статья подготовлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Программы фундаментальных исследований в 2020 году.

[2] Такую оценку деятельности Третьей Думы приводит, в частности, К. Арсеньев (*Арсеньев К.* Третья Дума и предстоящие выборы // Вестник Европы. 1912. Кн. 7. С. 399).

[3] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2. С. 10, 134.

Дума осуществляла, вместе с тем, функции контроля за реализацией заявленных указами 4 марта 1906 г. о союзах и собраниях свобод. Она вносила запросы по поводу незаконного закрытия администрацией обществ и союзов, запрещения собраний.

Право запросов (интерпелляции) в парламентской практике было относительно молодым. Депутатские запросы способствовали формированию общественного мнения по целому ряду вопросов правительственной политики, с которым власть не могла не считаться. В странах с парламентской моделью правления запросы играли более существенную роль, чем в государствах с дуалистическим правлением. Так, во Франции в последней трети XIX — начале XX вв. в результате парламентских запросов 15 из 46 кабинетов ушли в отставку. В Пруссии же, когда парламентарии приступали к обсуждению интерпелляций, министры покидали заседания палат[1].

Нижняя палата получила право обращаться к министрам и главноуправляющим с запросами по поводу их незакономерных действий по ст. 33 Учреждения Государственной думы[2]. В Учреждении думы была установлена процедура предоставления запросов и их рассмотрения правительством. Указывалось, что по поводу «незакономерных действий» министров либо подчиненных им лиц, а также установлений депутаты должны были подавать письменное заявление председателю Думы. Запрос должен был быть подписан не менее чем 30 депутатами, тогда председатель вносил его на обсуждение Думы. Если заявление было принято большинством членов Думы, тогда оно сообщалось министру или главноуправляющему, который в месячный срок должен был представить разъяснения (ст.ст. 58–60).

Интерпелляции подразделялись на простые и неотложные. Запросы, по которым была заявлена срочность, сразу вносились в пленарное заседание Думы, где принималось решение считать их неотложными или нет. В случае признания их неотложными депутаты немедленно приступали к обсуждению и рассматривали их в том заседании, в которое они были внесены. Запросы, не признававшиеся спешными, вносились в комиссию по запросам и рассматривались в установленный срок. Для рассмотрения заявлений о запросах, исключая спешные, Думой отводилось специальное заседание, по средам, с 20 ч. 30 мин. до 24 ч.[3].

Заявления о запросах, по которым не было заявлено спешности, передавались без постановления Думы в комиссию по запросам, которая вносила их, в свою очередь, в общее собрание Думы со своим заключением.

[1] См. подробн. о праве интерпелляции: *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 306–314.

[2] Учреждение Государственной думы. Ст. 33 // Государственный строй Российской империи накануне крушения: Сборник законодательных актов / Сост. О.И. Чистяков, Г.А. Кутьина. М., 1995. С. 75.

[3] Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва. 1907–1912 гг. СПб., 1912. Ч. I. С. 188, 191.

Такая комиссия не была предусмотрена Наказом Думы, но Дума признала ее необходимой. Комиссия по запросам была образована в ноябре 1907 г. по предложению 30 членов Думы, представлявших фракцию Союза 17 октября. Запросная комиссия взяла на себя в III Думе большие полномочия, давая делу не только юридическую квалификацию (выносилось решение о приемлемости формулировки запроса), но и входя в проверку достоверности указанных интерпеллянтами фактов[1].

В думской практике реализации запросного права имелись существенные недостатки. Запросы нередко подолгу задерживались в комиссии на срок до полугода и выносились на общее собрание Думы с задержкой в 6–8 месяцев со дня их внесения депутатами, что лишало их смысла. В общей сложности в III Думу было внесено 157 запросов, 98 из них остались нерассмотренными[2]. По сравнению с практикой европейских стран, к примеру, Великобритании, где правительство ежегодно представляло ответы на несколько тысяч запросов, это было немного. В случае неудовлетворенности депутатов ответом министра запрос дальнейшего движения не получал, хотя законодательно была прописана процедура представления подобного запроса председателем Государственного совета императору (ст. 60).

Предметом подавляющей части составленных депутатами III Думы запросов о нарушениях свободы союзов являлись преследования правительством профсоюзов рабочих. Наибольший общественный резонанс получило обсуждение внесенного в Думу 4 апреля 1908 г. социал-демократической фракцией запроса о преследовании рабочих профсоюзов, адресованного министрам юстиции и внутренних дел. Этот основанный на обширном документальном материале запрос обнаруживал произвол местных по делам об обществах присутствий (Петербургского, Одесского, Витебского и др.) по отношению к профессиональным рабочим организациям. В нем описывались факты массового их закрытия (с ноября 1907 г. по апрель 1908 г. был закрыт 81 союз), незаконных отказов в регистрации, высылок и арестов членов правлений, обысков, запрещения собраний и профессиональной печати. Составители запроса потребовали ввести действия присутствий по регистрации и запрещению профсоюзов в установленные законом рамки и ликвидировать произвол присутствий[3].

В ходе обсуждения в комиссии, а затем и общем собрании Государственной думы выявилось различие мнений по запросу между фракциями, в самих фракциях, а также между Думой и Министерством внутренних дел, дававшим объяснение. Так, комиссия о запросах под воздействием назначенного по нему докладчиком октябриста Я.Г. Гололобова не обнаружила в приведенных в нем фактах незаконных действий властей. В комиссии преобладали консервативно настроенные депутаты, и сам

[1] Там же. С. 188–190.

[2] *Соловьев К.А.* Указ. соч. С. 308–309.

[3] Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. I сессия. 1907–1908 гг. СПб., 1908. Т. I. Стб. 1369–1378.

Гололобов, в прошлом советник Екатеринославского губернского управления, стоял на крайне правых позициях. Его поддерживал националист А.А. Мотовилов. Высылка членов профсоюзов носила, как считала комиссия, обоснованный характер, поскольку производилась на основании законов об исключительном положении. Комиссия порекомендовала запрос отклонить, на неправомерные действия присутствий жаловаться в Сенат, а не призывать к ответу правительство. Членам Думы, признающим действующий закон об обществах и союзах неудовлетворительным, рекомендовалось внести в представительный орган проект нового союзного закона[1].

В то же время в ходе обсуждения запроса в заседании Думы 18 февраля 1909 г. фракция октябристов высказалась за его принятие. Выступавший от ее имени юрист и земский деятель Л.Г. Люц говорил о необходимости создания благоприятных условий для развития профсоюзов, если они «будут преследовать лишь культурные задачи и стремиться к поднятию своего материального состояния и развитию духовного мира». После выступлений в поддержку запроса представителей конституционно-демократической и социал-демократической фракций он был принят 144 голосами против 92[2].

На недопустимость различного толкования присутствиями профсоюзного закона указывали октябристы А.Д. Протопопов и А.Ф. Мейендорф. Со свойственной юристу по образованию строгой аргументацией приват-доцент Петербургского университета Мейендорф доказывал, что МВД обязано принять меры для установления единообразия в применении Временных правил 4 марта, поскольку управление посредством анархии нежелательно и откровенно опасно. Разрушительной называл профсоюзную политику правительства кадет П.В. Герасимов, утверждавший, что разрушение профессиональных рабочих организаций вошло у правительства в систему, подобную той, какой была в свое время «зубатовщина», чреватую непредсказуемыми последствиями — «водворением анархии среди рабочих», их «озлоблением и раздражением», потрясениями экономической жизни страны[3].

Во фракции октябристов возник конфликт: руководство высказалось за внесение запроса, тогда как думская запросная комиссия, в которую входил Гололобов, отклонила его. Это стало причиной исключения Гололобова из фракции в мае 1909 г., получившего название «Гололобовского инцидента». Гололобов защищал решение комиссии и говорил, что Фракция Союза 17 октября поступает неправильно, добиваясь от Думы отклонения от законных действий. Он потребовал перенести вопрос на суд

[1] Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 76.

[2] Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. II сессия. 1908–1909 гг. СПб., 1909. Т. 2. Стб. 1938, 2469.

[3] Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. III сессия. 1909–1910 гг. СПб., 1910. Т. 1. Стб. 1376–1378.

общественного мнения, изложив свою позицию в газетах. Бюро фракции признало его речь вредной и недопустимой[1].

В заседании 28 октября 1909 г. свои объяснения по запросу представил товарищ министра внутренних дел П.Г. Курлов. Он поделился с Думой имевшимися в распоряжении Департамента полиции сведениями о рабочих профсоюзах. По словам Курлова, многие из них использовали интересы рабочих как легальное прикрытие для решения сугубо революционных задач. Ведя борьбу с такими профсоюзами, МВД боролось не с профессиональным движением, а с противоправительственной пропагандой. Если правительство не примет своевременных мер против превращения профессиональных союзов в противозаконные общества, утверждал шеф полиции, «мы встретимся сначала с политической забастовкой, а потом, быть может, и с вооруженным восстанием». «Министерство, сознающее свой долг перед Государем и родиной, — говорил Курлов, — этого допустить не может и не допустит»[2].

Различие позиций партийных фракций в Думе по запросу о преследовании рабочих профсоюзов выразилось в вынесении по нему пяти резолюций: трудовиков, кадетов, социал-демократов, прогрессистов и октябристов. Все они указывали на важность профессиональных организаций и необходимость обеспечения свободы их образования и действий. Принятая 120 голосами против 106 резолюция октябристов гласила: «Находя, что неустойчивая практика местных по делам об обществах присутствий подрывает доверие к этим учреждениям, затрудняя российским подданным осуществление законного права образовывать союзы и общества .., Государственная Дума выражает пожелание, чтобы министр внутренних дел принял зависящие меры для исполнения учреждениями Временных правил 4 марта»[3].

Однако с четвертой сессии (1910–1911 гг.) тактика октябристов, игравших в III Думе главную роль, изменилась, и они начали регулярно отклонять запросы о нарушении властью прав союзов. Указанные запросы, как правило, оказывались «похороненными» еще в комиссиях и на обсуждение общего собрания Думы не попадали. III Думой были отклонены внесенные социал-демократической фракцией запросы по поводу преследования с.-петербургским градоначальником Д.В. Драчевским профессиональных рабочих организаций (запрос от 17 декабря 1910 г.), незаконного закрытия в Петербурге двух обществ рабочих — по металлу и графических искусств (от 27 февраля 1912 г.)[4].

Схожую судьбу имели запросы, внесенные в III Думу кадетской партией. Так, заявленный кадетами 24 марта 1911 г. запрос о незаконном

[1] *Демин В.А.* «Гололобовский инцидент» // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 134–135.

[2] Государственная дума. Приложения к стенографическим отчетам. III созыв. III сессия. 1909–1910 гг. Т. 1. Стб. 944–954.

[3] Там же. Стб. 1389–1390.

[4] Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности. СПб., 1912. С. 78–79.

закрытии министром внутренних дел профессионального общества служащих в сельском хозяйстве и сельскохозяйственной промышленности Юго-западного края (по утверждению кадетов, общество, заботившееся исключительно о материальных нуждах своих членов, было закрыто из-за преобладания в его составе поляков) был отклонен комиссией[1].

Не дошел до общего собрания Думы и внесенный парламентской фракцией Партии народной свободы 15 ноября 1910 г. запрос по поводу незаконного закрытия обществ избирателей и обывателей. В числе интерпеллянтов значились кадеты П.Н. Милюков, В.А. Маклаков, А.И. Шингарев, М.В. Челноков и др. Запрос был отклонен думской комиссией, по мнению которой циркуляр МВД об упразднении организаций имел законную силу, поскольку основывался на решении Сената[2].

Общества обывателей и избирателей действовали в империи в 1907–1910 гг. К концу 1908 г. они существовали во всех частях Петербурга, в 1909 г. возникли в Смоленске, Туле, Омске, Саратове, Рязани и других городах провинциальной России. Они явились наглядным примером того, как ассоциации, созданные для благоустройства российских городов, расширили свою повестку дня и были признаны властями вредными. Это произошло потому, что, наряду с традиционными задачами городского хозяйства, общества благоустройства покусились на «святая святых» городского самоуправления — организацию выборов гласных в городские думы. К концу 1909 г. общества почти целиком переключились на подготовку выборов в городские думы, пытаясь воздействовать на исход выборов в интересах кадетской партии, и небезуспешно, учитывая победу, одержанную кадетами на выборах в Петербургскую городскую думу в декабре 1908 — январе 1909 г.

Предвыборная агитация обществ обывателей, а также их выход за пределы столиц и попытки объединения в общероссийском масштабе не были прощены правительством. Закрытие обществ обывателей и избирателей последовало после издания циркуляра П.А. Столыпина от 25 июля 1910 г., призывавшего губернаторов внести на рассмотрение губернских по делам об обществах присутствий вопрос о прекращении действий обществ, нацеленных на предметы, входящие в круг ведения городских и земских учреждений[3].

За время существования Думы третьего созыва в нее было внесено только два запроса по поводу нарушения Правил 4 марта о собраниях. Первый касался запрещения прений по докладу Погодина по поводу присоединения к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины. Он был внесен 15 октября 1908 г., в разгар общественного возбуждения по поводу аннексии Боснии и Герцеговины, грозившего вылиться в европейскую

[1] Там же. С. 79–80.

[2] Там же. С. 80.

[3] *Дякин В.С.* Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978. С. 175–179; *Сухорукова А.С.* Общества обывателей и избирателей Петербурга (1906–1910) // Россия в XIX–XX вв. Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р.Ш. Ганелина. СПб., 1998. С. 270–276.

войну. Запрос был принят Думой без прений и единогласно, в результате выступления первого ее подписанта правого кадета В.А. Маклакова. Между тем объяснений правительства по данному запросу в Думе не последовало.

Второй запрос был внесен парламентской оппозицией 17 февраля 1911 г. Он касался стеснений, которым петербургский градоначальник Д.В. Драчевский подверг совместное публичное собрание пяти петербургских научных обществ под руководством Вольного экономического общества в честь пятидесятилетия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Правительство поддерживало коммеморации, и 1910-е годы были на них необычайно богаты (юбилейные торжества по поводу 100-летия Отечественной войны 1812 г., 300-летия Царствования Дома Романовых).

Инициатива научных обществ Петербурга по устройству публичного собрания в честь отмены крепостного права предполагала прочтение докладов о состоянии крестьянского вопроса, экономических условиях жизни крестьян, росте крестьянского самосознания и пр. Однако петербургский градоначальник Д.В. Драчевский потребовал от устроителей программу заседания и программы речей докладчиков. ВЭО, сославшись на свои особые права как старейшего общества под эгидой императорской фамилии, отказалось представить программы речей, после чего Драческий устранил из перечня выступавших известных публицистов-аграрников, принадлежавших к партии народных социалистов: А.В. Пешехонова, Н.Ф. Анненского и В.А. Мякотина. Оскорбленные общественники подали в Государственную думу критический запрос в адрес правительства, занимавшегося, по их словам, насаждением казенного патриотизма и национализма (имелась в виду поддержка изданий Национального клуба), однако препятствовавшего объективному научному освещению основополагающей российской реформы. Интерпелляты указывали, что произвольным вторжением полиции в область общественных отношений петербургский градоначальник превысил свои полномочия, предоставленные ему Правилами о собраниях. Чтобы сохранить свое достоинство как авторитетнейшего научного общества с широкими правами, ВЭО отказалось от идеи организации торжественного собрания[1].

В думском запросе указывалось, что администрация не имела права требовать конспекта речей и запрещать выступления ораторов. В думском заседании 17 февраля 1911 г. запрос не был признан спешным, он был направлен в думскую комиссию по запросам и в ней был принят. Запросной комиссией было признано, что недопущением выступлений без представления программы речей петербургский градоначальник превысил свои полномочия, предоставленные ему Правилами 4 марта. Запрос был адресован министру внутренних дел и содержал вопрос: что он намерен предпринять с целью восстановления законного порядка

[1] РГИА. Ф. 1284. Оп. 187. 1911. Д. 62. ЛЛ. 6 об.–7 об.

Думские запросы по поводу нарушений свобод союзов и собраний (на примере Думы III созыва)

Название запроса	Дата внесения заявления	Инициатор запроса	Результат обсуждения в комиссии	Итог обсуждения в общем собрании	Общий итог
1. Запрос о преследовании профессиональных союзов	4.04. 1908 г.	Социал-демократическая фракция (31 члена)	Отклонен	Принят 144 голосами против 92 18.02. 1909 г.	Внесено 5 формул: трудовиков, кадетов, социал-демократов, прогрессистов и октябристов. Объяснения МВД последовали. Принята формула октябристов с пожеланием к МВД исполнять Правила 4 марта о союзах
2. Запрос по поводу незакономерных действий петербургской администрации по отношению к профессиональным обществам рабочих	17.12. 1910 г.	Социал-демократическая фракция (30 членов)	Отклонен	Не обсуждался	Объяснений правительства не последовало
3. Запрос по поводу закрытия профессионального общества служащих в сельском хозяйстве Юго-западного края	24.03. 1911 г.	Фракция Партии народной свободы (34 члена)	Отклонен	Не обсуждался	Объяснений правительства не последовало
4. Запрос о закрытии в Петербурге двух обществ рабочих по металлу и графических искусств	27.02. 1912 г.	Социал-демократическая фракция	Принят	Не обсуждался	Объяснений правительства не последовало
5. Запрос по поводу закрытия обществ обывателей и избирателей	15.11. 1910 г.	Фракция Партии народной свободы	Отклонен	Не обсуждался	Объяснений правительства не последовало
6. Запрос по поводу запрещения прений по докладу «Босния и Герцеговина под оккупацией Австро-Венгрии»	15.10. 1908 г.	Различные фракции (кадеты, октябристы и др.)		Принят Думой единогласно	Объяснений правительства не последовало
7. Запрос по поводу стеснения петербургским градоначальником научных обществ в отношении празднования 50-летия освобождения крестьян	17.02. 1911 г.	54 члена Думы из разных фракций	Принят	Не обсуждался	Объяснений правительства не последовало

разрешения публичных собраний в Петербурге?[1] Однако на обсуждение Думы запрос не был поставлен.

Подводя итог, нельзя не прийти к выводу, что III Думе не удалось сделать запросы эффективным средством контроля над действиями исполнительной власти по поводу осуществления свобод союзов и собраний. Депутаты 7 раз вносили запросы о незаконных распоряжениях властей. В подавляющей части случаев запросы были «похоронены» в запросной комиссии (в четырех случаях из семи она их отклонила) и в общем собрании Думы не обсуждались. И только один раз правительство дало свои объяснения, которыми Дума удовлетворилась.

Причин тому было несколько. Сказались соотношение сил в III Думе и разнородность позиций депутатов парламентской фракции Союза 17 октября, идейные различия между ее правым и левым крылом (либеральную идею свобод отстаивало левое крыло, тогда как правое и центр выступали за порядок и поддерживали правительство[2]). Влияла также позиция запросной комиссии, затягивавшей рассмотрение запросов вплоть до утраты ими актуальности.

Между тем очевидно, что по мере реализации Думой запросного права складывалась практика коммуникации представительного органа с исполнительной властью по поводу прав и свобод личности, формировалась позиция депутатов по поводу содержания гражданских свобод и механизма их осуществления в позднеимперской России. Интерпелляции побуждали представителей российской бюрократии к поиску способов закономерного решения вопросов.

[1] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия четвертая. 1910–1911 гг. СПб., 1911. Т. V. № 480. С. 5–6.

[2] См. о позиции в III Думе лидеров октябристов: *Демин В.А.* Фракция Союза 17 октября в III Государственной думе: успехи и провалы // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2016. Ч. 1. С. 138, 142, 144.

ОБСУЖДЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТОВ О СТРАХОВАНИИ РАБОЧИХ В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

МОТОРОВА НАДЕЖДА СЕРГЕЕВНА,
кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры истории Беларуси
нового и новейшего времени
Белорусского государственного университета,
Минск, Республика Беларусь;
e-mail: motorova@ro.ru

Аннотация: В Российской империи начало работ по подготовке страхового законодательства было обусловлено революционными событиями 1905 г. и ростом рабочего движения. 25 июня 1908 г. пакет законопроектов, посвященных организации страхования рабочих, был внесен на рассмотрение III Государственной думы, которая передала его в Комиссию по рабочему вопросу. Она посвятила обсуждению страховых законопроектов несколько заседаний весной 1909 г. Итоговый доклад Комиссии по рабочему вопросу поступил в Государственную думу 2 апреля 1910 г. Однако обсуждение страховых законопроектов началось лишь в апреле 1911 г. Им была посвящена серия заседаний четвертой и пятой сессии. Обсуждения страховых законопроектов сопровождались бурными дискуссиями, однако к началу весны 1912 г. они были приняты и переданы в Государственный совет. 23 июня 1912 г. они были утверждены Николаем II. Введение страхования рабочих стало важной вехой в развитии государственной социальной политики.

Ключевые слова: страхование рабочих, потеря трудоспособности, законопроект, Государственная дума.

Социальное страхование является одним из основных компонентов государственной социальной политики. Его главная задача заключается в обеспечении рабочих и служащих, утративших трудоспособность, что должно способствовать сохранению внутренней стабильности. В этой связи актуальным является изучение исторического опыта становления и развития социального страхования.

В Российской империи его зарождение было обусловлено революционными событиями 1905 г. и ростом рабочего движения. На этом фоне в правительстве развернулись работы по подготовке страхового законодательства.

25 июня 1908 г. министр торговли и промышленности И.П. Шипов внес пакет законопроектов, посвященных организации страхования рабочих, на рассмотрение III Государственной думы. Он включал в себя четыре законопроекта: о страховании рабочих от несчастных случаев; об обеспечении рабочих на случай болезни; об учреждении Совета по делам страхования рабочих; об учреждении присутствий по делам страхования рабочих. Все они были переданы на предварительное обсуждение

в Комиссию по рабочему вопросу[1]. Она посвятила обсуждению страховых законопроектов несколько заседаний весной 1909 г.: 14 марта, 15, 22 и 29 апреля, 2 и 29 мая[2].

В докладе, подготовленном на их основании, отмечалось, что до этого времени вопросы обеспечения рабочих в случае потери ими трудоспособности были сосредоточены в обществах взаимопомощи и в руках частной благотворительности. Естественно, их ресурсов было недостаточно для обеспечения помощью всех нуждавшихся. Кроме того, подчеркивалось, что «обеспечение рабочих от неблагоприятных экономических последствий профессиональных несчастных случаев, имеющих место при исполнении работы и влекущих за собой смерть рабочего или неспособность к труду, в настоящее время составляет одну из важнейших социально-политических задач государственной власти. Причина этого обстоятельства заключается в том, что замена ручного труда машинным и сосредоточение рабочих масс на фабриках и заводах создали особо опасные условия работы и повлекли за собой настолько быстрое увеличение числа несчастных случаев, что содержание увечных становится непосильным для общественной и частной благотворительности»[3]. Решить данную проблему представлялось возможным лишь за счет развития страхования промышленных рабочих[4].

Проект страхования рабочих, внесенный министром торговли и промышленности И.П. Шиповым, был напрямую связан с действовавшим законом от 2 июня 1903 г., регулировавшим вознаграждение рабочих, пострадавших от несчастных случаев. В его основу был положен принцип обязательного страхования. Это, по мнению Комиссии по рабочему вопросу, было вполне оправданным. В целом она поддержала основные принципы, заложенные в основу страховых законопроектов, внеся в них лишь частные коррективы. Но в то же время Комиссия по рабочему вопросу высказала мнение, что введение страхования рабочих будет лишь первым шагом по пути масштабной реформы, в ходе которой оно постепенно распространится на новые категории трудящихся[5].

Итоговый доклад Комиссии по рабочему вопросу, посвященный вопросам организации страхования рабочих, был внесен на рассмотрение Государственный думы 2 апреля 1910 г.[6]. Однако обсуждение страховых законопроектов несколько раз откладывалось. 26 ноября 1910 г. группа из 45 депутатов, среди которых были члены Комиссии по рабочему во-

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 4160.

[2] Приложения к стенографическим отчетам Государственной думы. Третий созыв. Сессия третья. 1909–1910 гг. СПб., 1910. Т. II. Доклад № 295. С. 1.

[3] Там же. С. 1.

[4] Там же. С. 2.

[5] Там же. С. 3–4, 7–8.

[6] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. Стб. 2537.

просу октябристы Е.Е. Тизенгаузен[1] и А.А. Крюндер-Струве[2], подала заявление, в котором предлагалось немедленно приступить к обсуждению данного комплекса вопросов. Аналогичное заявление отдельно подал и барон Е.Е. Тизенгаузен как председатель Комиссии по рабочему вопросу. Группа депутатов социал-демократической фракции вообще предложила посвящать хотя бы одно заседание в неделю исключительно обсуждению законопроектов о страховании рабочих[3].

Однако непосредственное рассмотрение этих вопросов в Государственной думе началось лишь весной 1911 г. На заседании 19 апреля 1911 г. состоялось первое обсуждение страховых законопроектов. Докладчиком по этому вопросу выступил председатель Комиссии по рабочему вопросу барон Е.Е. Тизенгаузен. В начале своего выступления он отметил, что «эти законы имеют в виду не только ограждение интересов рабочих промышленности, они поднимают и разрешают кардинальный вопрос социального бытия, они определяют роль государства, права государства в области взаимных отношений представителей капитала и представителей наемного труда»[4]. Докладчик подчеркнул, что в случае утраты рабочим трудоспособности помощь ему должна оказываться по двум направлениям — путем предоставления медицинской помощи и выделения пособия взамен утраченного заработка. При этом кардинальным вопросом в деле организации страхования рабочих являлся следующий: кто должен оплачивать медицинскую помощь рабочим? Лечение рабочих было возможно обеспечить тремя способами: возложив соответствующие расходы на владельцев предприятий, на органы самоуправления (городские и земские) либо передав их самоуправляющимся органам в виде больничных касс. Правительство придерживалось последнего подхода, так как он позволил бы организовать лечение рабочих в соответствии с интересами страхуемых лиц[5]. Завершая свое выступление, Е.Е. Тизенгаузен в общих чертах изложил суть остальных страховых законопроектов[6].

Затем выступил член социал-демократической фракции И.П. Покровский, представлявший Кубанскую и Терскую область, Черноморскую губернию[7]. Он отметил, что страхование рабочих должно носить государственный характер и охватывать все категории лиц, занятых на-

---

[1] Тизенгаузен Евгений Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 611.

[2] *Павлов Д.Б.* Крюндер-Струве Александр Амандович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 304.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1910. Ч. I. Стб. 2098–2099.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1911. Ч. III. Стб. 2293.

[5] Там же. Стб. 2313–2314, 2318–2319.

[6] Там же. Стб. 2319–2324.

[7] Покровский (Покровский 2-й) Иван Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 466.

емным трудом. Оно должно обеспечивать наемных рабочих «при всех превратностях жизни», в том числе в случае болезни, смерти, старости, инвалидности, безработицы, а для женщин — в случае беременности и материнства, при потере кормильца. И.П. Покровский указал на необходимость создания единой организации, которая объединила бы все виды государственного страхования. При этом оратор отметил, что оно должно быть полностью отнесено на счет средств предпринимателей и государства, а заработок рабочего должен оставаться неприкосновенным, то есть не подвергаться каким-либо вычетам. Государство может получить средства на организацию страхования путем установления специального налога на владельцев предприятий, пропорционально профессиональным рискам, и путем отчисления из прогрессивного налога на доходы и наследство[1]. Выступающий отметил, что законопроект страхования рабочих от болезней фактически сводился к лишению рабочих бесплатной медицинской помощи, хотя по закону от 26 августа 1866 г. «Об устройстве при фабриках и заводах больничных помещений для рабочих»[2], который практически не осуществлялся, рабочие должны были получать медицинскую помощь за счет предпринимателей. Согласно предлагаемым в законопроекте нормам, заболевший рабочий должен быть обеспечен в размере от четверти до половины его заработка, при увечье — до двух третей. Однако требование рабочих состояло в том, чтобы во всех случаях потери трудоспособности заработок возмещался полностью[3].

В заключение своего выступления И.П. Покровский фактически изложил основные требования социал-демократической фракции по страховым законопроектам: «Поэтому мы говорим, что при болезни рабочему должна быть оказана бесплатная медицинская помощь, и рабочий должен сохранить полный заработок с первого дня заболевания до окончательного выздоровления; медицинская помощь должна оказываться не только рабочему, но также и его семье; в случае инвалидности полной, рабочему должна быть возмещена пенсия, равная полному заработку; в случае частичной инвалидности — пенсия должна соответствовать размеру утери трудоспособности; в случае смерти должно быть выдано пособие на похороны, и семья должна быть обеспечена также полной пенсией; в случае беременности пособие должно идти восемь недель до родов и восемь недель после родов, и, наконец, все лица, достигшие 55-летнего возраста, должны быть обеспечены пенсией, равной заработку среднему в данной профессии»[4]. Затем выступавший отметил, что предложенные страховые законопроекты — это не законопроекты

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. III. Стб. 2327, 2334–2335, 2339.

[2] ПСЗ-3. Т. IV. 1884 г. СПб., 1887. Дополнения. С. 3. № 43594а.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. III. Стб. 2340–2341.

[4] Там же. Стб. 2342.

о страховании рабочих, а законопроекты о страховании предпринимателей от излишних расходов на рабочий класс[1].

Правительственный законопроект подвергли критике и представители либеральных сил. Так, кадет В.А. Степанов, представлявший Пермскую губернию[2], выразил несогласие с бароном Е.Е. Тизенгаузеном, назвавшим пакет из четырех законопроектов проектами государственного страхования. По его мнению, недостаточно передать надзор за страхованием рабочих государственным органам власти, чтобы оно стало государственным. Для этого нужно, чтобы оно обеспечивалось за счет государственных средств, то есть за счет казны. Этот принципиальный момент отсутствовал в предложенных законопроектах. В них также не упоминалось страхование на случай инвалидности и старости, а это очень важный компонент страхования. В.А. Степанов особенно подчеркнул, что, с его точки зрения и с точки зрения партии кадетов, «на государстве лежит обязанность страхования всех видов труда, не делая различия между отдельными отраслями этого труда, и страхование рабочих — это только первый шаг на пути социальных реформ». Но в то же время он отметил, что правительственный проект страхования рабочих — это уже первый робкий шаг вперед[3].

Обсуждение вопросов организации страхования рабочих от несчастных случаев было продолжено на заседании 22 апреля 1911 г. В частности, представитель социал-демократической фракции А.И. Предкальн[4] подчеркнул, что из внесенных правительством законопроектов наибольшее значение имел проект о страховании на случай болезни. Однако оно уже было введено в государстве и осуществлялось за счет предпринимателей. Законопроект же внес в его организацию два отрицательных изменения с точки зрения рабочих. Во-первых, объединение предпринимателей в соответствующие организации; во-вторых, возложение на больничные кассы обязанности вознаграждения и лечения лиц, пострадавших от несчастных случаев в течение первых 13 недель. Последнее было выгодно предпринимателям. В итоге, по приблизительным подсчетам выступавшего, больничным кассам придется нести до 12 % всех расходов по несчастным случаям. Законопроект о страховании рабочих на случай болезни также ориентирован на обеспечение интересов предпринимателей, так как снимал с них обязанность бесплатно лечить рабочих[5]. По мнению А.И. Предкальна, страховые проекты ничего не давали рабочим, однако они имели и отрицательное значение: «организа-

[1] Там же. Стб. 2343.

[2] *Николаев А.Б.* Степанов Василий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 589.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. III. Стб. 2344–2346.

[4] Предкальн Андрей Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 497.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. III. Стб. 2596–2597.

ция страхования и страховые учреждения создают только увеличение опеки предпринимателя над рабочими и закрепощение рабочего за данным предприятием»[1].

Проект создания больничных касс подверг критике и кадет Н.Н. Щепкин[2]. Он отметил, что на принципах, предложенных в законопроекте, невозможно будет организовать качественную медицинскую помощь рабочим[3].

На поступившие критические замечания министр торговли и промышленности С.И. Тимашев дал разъяснения Государственной думе во время своего выступления 25 апреля 1911 г. В частности, он указал, что страхование ограничивается лишь двумя видами (на случай болезни и от несчастных случаев), так как по отношению к остальным его видам правительство предпочитало действовать с осторожностью. В качестве примера С.И. Тимашев указал на Германию, где между введением страхования по инвалидности и попыткой ввести страхование по безработице прошло свыше двадцати лет. По мнению министра торговли и промышленности, первоочередной задачей являлось введение страхования по инвалидности. И только после оценки достигнутых результатов можно было бы приступить к введению других видов страхования[4].

На том же заседании поступило предложение распространить страхование рабочих на всех лиц, занятых наемным трудом, в том числе на сельскохозяйственных, ремесленных, строительных рабочих, а также на наемную прислугу. В этой связи предлагалось вернуть закнопроект на доработку в Комиссию по рабочему вопросу[5]. Однако Дума отклонила это предложение после того, как заслушала разъяснения управляющего Отделом промышленности В.А. Литвинова-Фалинского. Он указал, что правительство не видит возможности сейчас, когда дело страхования только зарождается, распространять его на те области, где его реализация может встретить значительные трудности. В дальнейшем по отношению к сельскохозяйственным и строительным рабочим планировалось разработать отдельные страховые законопроекты[6].

29 апреля 1911 г. обсуждение страховых законопроектов возобновилось[7]. Оно продолжилось 2 мая 1911 г.[8]. На том же заседании было принято решение перейти к постатейному обсуждению закона. Однако Совещание Государственной думы совместно с представителями фракции

[1] Там же. Стб. 2599.

[2] *Николаев А.Б.* Щепкин Николай Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. С. 712–713.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Ч. III. Стб. 2666–2667.

[4] Там же. Стб. 2671–2672.

[5] Там же. Стб. 2721.

[6] Там же. Стб. 2723–2724, 2727.

[7] Там же. Стб. 3066.

[8] Там же. Стб. 3242.

решило отложить его на осеннюю сессию. Государственная дума одобрила это предложение[1].

Постатейное обсуждение страховых законопроектов началось 17 октября 1911 г.[2]. Среди наиболее значимых замечаний можно отметить предложение, поступившее от трудовой группы, распространить действие законопроекта об обязательном страховании рабочих на всю Российскую империю без каких-либо исключений. Однако по итогам голосования эта поправка была отклонена[3].

Прения по страховым законопроектам продолжались до начала 1912 г. На заседании 10 января 1912 г. Государственная дума окончательно одобрила законопроект об обеспечении рабочих на случай болезни[4]. 11 января 1912 г. в третьем чтении были приняты законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев[5], о присутствиях[6] и о Совете[7]. Все они были переданы в Редакционную комиссию.

27 февраля 1912 г. Редакционная комиссия представила законопроект о страховании рабочих, внеся в него некоторые изменения. Государственная дума утвердила его и приняла решение передать на рассмотрение Государственного совета[8]. 3 марта 1912 г. был представлен законопроект об обеспечении рабочих на случай болезни. В него Редакционная комиссия не внесла существенных изменений. По итогам голосования в Думе он был передан в Государственный совет[9]. 9 марта 1912 г. Редакционная комиссия представила проекты об учреждении Совета по делам страхования рабочих и присутствий, которые были одобрены Думой и переданы в Государственный совет[10]. Он внес в страховые законопроекты ряд изменений, в результате чего они были возвращены в нижнюю палату парламента.

На заседании 10 мая 1912 г. Государственная дума избрала Согласительную комиссию для урегулирования разногласий с Государственным советом[11]. Она представила свое заключение 28 мая 1912 г. Докладчиком выступил барон Е.Е. Тизенгаузен. Он отметил, что Согласительная комиссия полностью одобрила группу страховых законопроектов, возвра-

---

[1] Там же. Стб. 3279.

[2] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 155.

[3] Там же. Стб. 392, 394.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 67.

[5] Там же. Стб. 75, 101.

[6] Там же. Стб. 102, 104.

[7] Там же. Стб. 104, 107.

[8] Там же. Стб. 3038–3042.

[9] Там же. Стб. 3661–3670.

[10] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. III. Стб. 630–632.

[11] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. IV. Стб. 1096.

щенных Государственным советом, которые подверглись незначительным изменениям[1]. Однако с ним не согласился депутат А.И. Предкальн. По его мнению, в редакции Государственного совета права рабочих были сокращены. Например, согласно думской редакции страхованию подлежали рабочие, занятые на предприятиях, оборудованных паровым котлом и машинами, а также на предприятиях без них, но с количеством работников не менее 16 человек. Государственный совет внес следующее изменение: для страхования на предприятиях с механическими двигателями должно быть занято не менее 20 человек, а без них — не менее 30 человек. Тем самым круг страхуемых был сокращен на несколько тысяч человек[2]. Тем не менее пакет законопроектов без дальнейших прений был передан в Редакционную комиссию[3]. Она не внесла в них существенных изменений. И на заседании 9 июня 1912 г. Государственная дума одобрила весь пакет страховых законопроектов[4]. Они получили силу закона после утверждения 23 июня 1912 г. императором Николаем II[5].

Современники и исследователи социального страхования в Российской империи по-разному оценивали степень эффективности введения страховых законов. Одни считали, что страховое законодательство являлось наиболее передовым для того времени, другие — что страховые учреждения оказались под тотальным контролем со стороны чиновников и полиции. В целом введение страхования рабочих стало важной вехой в развитии государственной социальной политики. Но за полтора года, которые разделили утверждение соответствующих законов и начало Первой мировой войны, было сложно развить это направление в полном объеме. Несомненно, их введение стало важной вехой в формировании государственного социального страхования в России.

[1] Там же. Стб. 2661.
[2] Там же. Стб. 2662–2663.
[3] Там же. Стб. 2664.
[4] Там же. Стб. 4270–4271.
[5] ПСЗ-3. Т. XXXII. 1912 г. Отделение первое. От № 36391–38603 и дополнения. Пг., 1915. С. 847, 850, 855, 868.

ВОПРОСЫ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ (1907–1912 гг.)

ОРЧАКОВА ЛАРИСА ГЕННАДЬЕВНА,
доктор исторических наук,
профессор Института гуманитарных наук
Московского городского педагогического университета,
Москва, Россия;
e-mail: luchlg@yandex.ru

Аннотация: В статье раскрывается законотворческая деятельность Третьей Государственной думы в области женского образования, анализируется деятельность думской комиссии по правовой, содержательной регламентации женского образования. Показан вклад российского парламента в расширение женского образования и развитие системы подготовки российских педагогов.

Ключевые слова: Третья Государственная дума, система образования, история законодательства об образовании, женское образование, женские семинарии.

Третья Государственная Дума вошла в историю как Дума народного просвещения[1]. В общей сложности за время ее работы в Думу было подано около 70 законопроектов (58 из них было рассмотрено на заседаниях Думы), регулирующих нормы в образовательной сфере. Главной задачей думской деятельности, начиная с первого созыва в этой области, было «озаботиться выработкой закона о всеобщем бесплатном обучении»[2]. Несмотря на то, что закон о всеобщем начальном образовании так и не был принят, правовая регламентация образования носила масштабный и фундаментальный характер, соответствовала новым вызовам исторических реалий и запросам российского общества. Принятые законы касались отдельных важных вопросов. К одному из таких следует отнести законодательство, регулирующее женское образование.

Становление и развитие женского образования в России до настоящего времени остается наименее изученной главой истории отечественного образования и законотворчества Думы начала XX в. Между тем, эта глава столь важна и своеобразна, что без нее история российского образования выглядит весьма односторонней и упрощенной.

Стоит согласиться с Э.Д. Днепровым, одним из немногих исследователей, изучавших историю женского образования в России, что история отечественного образования преподносится фактически как «половинная», т.е. ограничивается историей мужского образования[3].

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 407.

[2] Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 165.

[3] *Днепров Э.Д.* Российское образование в XIX — начале XX века. В 2-х т. М., 2011. Т. 2011. С. 96.

Реформы образования во второй половине XIX века создают основу для государственной образовательной политики. В реализации этой политики государство опирается в основном на уже имеющиеся мужские образовательные структуры (среднюю, высшую, военную и духовные школы). Стремительно меняющееся общество, под воздействием все тех же реформ, создает и опекает новые звенья образовательной системы: женские, начальные народные, профессионально-технические, внешкольные и дошкольные учреждения.

Женское образование в ходе реформ второй половины XIX в. было ознаменовано опережающим «выпадением» значительной части средней женской школы из государственной сферы, обретением ею юридически и фактически общественного, неправительственного характера. Более того, с 1884 года государство проводило политику свертывания среднего и высшего женского образования. Несмотря на эти шаги, женское образование в численных показателях опережало мужское[1]. Следует подчеркнуть, что именно в женском образовании закладывается принцип всесословности.

Сдерживала развитие женского образования и слабая законодательная база[2]. Законотворческая деятельность Думы, по сути, меняет эту тенденцию, объединяя в себе имеющуюся государственную образовательную политику и запросы общества, делая женское образование делом государственным. Какие же основные черты, характер женского образования закреплялись в законопроектах? Как в правовых актах воплощались цели, задачи, содержание, средства образовательной политики, материализовывались особенности женского образования? На эти вопросы попытаемся ответить в статье, изучив прежде всего Стенографические отчеты и иные документы III Государственной думы.

Вопросы женского образования рассматривались комиссией народного образования как в частности, так и в совокупности с общими законопроектами[3].

[1] *Днепров Э.Д.* Указ. соч. С. 424, 436–437, 460.

[2] В широко обсуждаемом Проекте уставов общеобразовательных учебных заведений и народных училищ проблематика женского образования не получила должного закрепления ни в названии, ни в содержании. А принятое в 1870 г. «Положение о женских гимназиях и прогимназиях» по своей сути не отвечало запросам общества и сдерживало развитие женского образования. См.: Замечания на Проект устава общеобразовательных учебных заведений и на Проект общего плана устройства народных училищ в 6-ти ч. СПб., 1862; [*Родевич М.В.*] Сборник действующих постановлений и распоряжений по женским гимназиям и прогимназиям Министерства народного просвещения с последовавшими с 1870 года изменениями и дополнениями, содержащий также (в четырех частях книги): положение по отдельным женским гимназиям и прогимназиям, общие и частные программы их и правительственные распоряжения как относящиеся к этим заведениям, к служащим и учащимся в них, так и касающиеся лиц, занимающихся частной и женской педагогической деятельностью / сост. М. Родевич. СПб., 1884.

[3] См.: *Орчакова Л.Г.* Законодательная деятельность Третьей Государственной думы в сфере образования (1907–1912) // Таврические чтения 2018. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. В 2 ч. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2019. Ч. 1. С. 77–78.

На протяжении всей деятельности Дума принимала решения о выделении дополнительных ассигнований на поддержку мариинских женских гимназий, Фребелевского общества[1], женских среднеучебных заведений (городских училищ, семинарий, прогимназий), а также женских классов в составе городских учебных заведений[2]. Решения о выделении таких ассигнований нередко сопровождались рекомендациями о содержании и системе женского образования. Так, выделяя дополнительные ассигнования на деятельность городских училищ в мае 1908 года, комиссия рекомендует Министерству народного просвещения пересмотреть соответствующие положения и программу на предмет включения в них «согласования программ и установленной связи между начальною школою, низшими училищам и средними учебными заведениям и с таким расчетом, чтобы ученики, оканчивающие учебные заведения низшего типа, имели возможность переходить в учебные заведения следующего за ним высшего типа»[3], а также обозначает необходимость собрать статистические данные на имеющихся детей школьного возраста с целью увеличения числа таких училищ и открытия дополнительных учреждений о подготовке педагогов (предполагалось, что это в основном женщины — *Л.Г.*), устроить преподавание так, чтобы оно имело мультиконфессиональный характер, заменить классную систему образования на предметную[4]. Или другой пример, связанный с содержанием женских четырехклассных прогимназий, в городах Никольск-Уссирийском и Николаевском. Министерству было рекомендовано, чтобы оно «озаботилось выработкою общих штатов для всех женских среднеучебных заведений»[5] (повсеместно в России — *Л.Г.*). Законопроект обсуждался и принят Думой 29 мая 1908 года.

[1] Фребелевские курсы в России — специальные курсы для подготовки воспитательниц для семей и детских садов по системе Ф. Фребеля. На курсы принимались лица, окончившие средние учебные заведения или имевшие звание домашних наставниц или учительниц. Курсы открывались на частные средства, главным образом Фребелевскими обществами. Первые Фребелевские курсы (годичные) были основаны в 1872 г. С.-Петербургским фребелевским обществом. В 1878 г. срок обучения на курсах был доведен до двух лет. На первом году обучения велась в основном практическая, а на втором — теоретическая подготовка. Обучение было платным. С 1907 курсы стали трёхгодичными и готовили также учителей начальной школы и младших классов ср. уч. заведений. Курсы организовывали публичные лекции, чтения, издавали журналы, открывали дет. сады и пр. См.: *Б.а.* Фребелевские курсы // Педагогическая энциклопедия. В 4 т. / глав. ред. И.А. Каиров и Ф.Н. Петров. М., 1968. Т. 4. Стб. 552–553.

[2] См., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 80, 84–85, 147, 151; Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 3. 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 138.

[3] См., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 84.

[4] Там же. С. 85–86.

[5] Там же. С. 147–148.

Своими многочисленными актами Дума узаконивала открытие образовательных учреждений, где могли бы обучаться девочки. Нередко происходило перепрофилирование мужских школ в женские, через преобразование городских и/или начальных училищ в мариинские[1]. Усилиями Думы такие женские училища появляются в Грозном, Батуми, Карсе, Астрахани, Мариуполе и других городах.

Особое внимание комиссия по народному образованию на протяжении всех сессий уделяет разработке Положения о женских учебных заведениях (женской учебной семинарии, учительских семинариях). Комиссия по народному образованию уже в ноябре 1907 года создает Особое совещание для рассмотрения вопроса о женских семинариях. В период второй сессии (1908–1909 гг.) образуется специальная подкомиссия по выработке Положения об учительских семинариях (проведено 12 заседаний). Рассмотрев соответствующий законопроект, комиссия приходит к выводу, что «оно (Положение — *Л.Г.*) представляет механическое приспособление устарелой организации мужских учительских семинарии к женским»[2]. Раскритиковав такое состояние вещей, подкомиссия, приняв во внимание, что без подобного закона не обойтись, выносит решение о предоставлении Министру Народного Просвещения полномочий открывать женские учительские семинарии на основе Положения и штатов мужских, что и закрепляется в форме закона Думой 17 июня 1908 года. Кроме того, прописывается норма о том, что женщины допускаются до преподавания в таких семинариях.

Работа же над Положением продолжилась в специальной подкомиссии и в 1909–1910 гг. (Третья сессия). Положение дополняется мерами материальной поддержки выпускниц таких семинарий, предполагая, что их занятием станет «учительствование». В качестве такой поддержки в положение включили уравнивание «в отношении окладов содержания, а также всех других служебных прав и преимуществ за исключением права на чинопроизводство»[3] преподавателей женщин и мужчин, а также вознаграждение учителей с высшим и без высшего образования[4], установили «предельное число уроков» в неделю — 24. Были разработаны правила послеслужебного обеспечения учителей начальных и городских училищ и о «зачете прежней службы участников пенсионной кассы народных учителей и учительниц»[5].

Не менее важным вопросом комиссия народного образования определила для себя вопрос о подготовке педагогов для учебных за-

[1] См., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 1. 1907–1908 гг. СПб., 1908. С. 131.

[2] Там же.

[3] См., напр.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 3. 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 137.

[4] Подавляющее число учителей — женщин не имело высшего образования, поэтому эту меру логично отнести к поддержке женского образования.

[5] См.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 3. 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 141.

ведений[1]. Данное положение вошло в доклад от комиссии народного образования депутата Д.Н. Чихачева (умеренно-правый)[2], в котором сообщалось о существовании в Российской империи 11 учительских институтов, но «не имеется достаточно хорошо подготовленного контингента учителей для городских училищ» в связи с расширением числа городских училищ; «этот вопрос явится в гораздо более острой форме, и поэтому является настоятельно необходимым дальнейшее расширении учительских институтов»[3]. Для этого были выделены дополнительные ассигнования педагогическому институту Шелапутина (г. Москва), а также разработаны правила «об испытаниях лиц женского пола в знании курса высших учебных заведений и о приобретении ими ученых степеней и звания учительницы гимназии»[4].

Таким образом, законодательно Дума формировала достаточно стройную и масштабную систему женского и педагогического образования, определяя педагогику в значительной степени как профессию с женским лицом.

Своими многочисленными актами Дума узаконивала открытие женских учебных заведений или женских отделений (классов) в общих образовательных учреждениях. Принимая уставы, определяла условия труда и содержание женского обучения. Обеспечила правовую сторону мощного импульса к развитию средней женской школы, фактически сравняв женскую и мужскую среднюю школу в качестве образования. Законотворческая деятельность Думы в этом направлении способствовала повышению роли женщины в обществе, демократизации и трансформации российского общества начала XX века.

В заключение следует отметить, что разработка Думой правовых основ женского образования с его опережающим характером является яркой иллюстрацией взаимодействия государства и общества, развития России как индустриального государства.

---

[1] См.: Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 553.

[2] *Коцюбинский Д.А., Николаев А.Б.* Чихачев (Чихачев 1-й) Дмитрий Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 684.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 553.

[4] См.: Государственная дума. Третий созыв. Обзор деятельности комиссий и отделов. Сессия 3. 1909–1910 гг. СПб., 1910. С. 132–133, 143.

ВЫБОРЫ В КОМИССИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1915 ГОДУ

МИЧУРИН АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: a.michurin@spbu.ru

Аннотация: Статья посвящена вопросам политической борьбы в Государственном совете Российской империи во время острого политического кризиса 1915 года. Выявляются причины сложного взаимодействия политических сил в Российском парламенте во время выборов в комиссии Государственного совета накануне и во время создания оппозиционного «Прогрессивного блока». Рассматриваются проблемы, связанные с политической борьбой в Государственном совете и Государственной думе в годы Первой мировой войны, особенности организационной работы «Прогрессивного блока» во время общественно-политического кризиса 1915 года, влияние отдельных вопросов на устойчивость этого политического объединения. Разбирается деятельность отдельных групп верхней палаты российского парламента, их численность, работа по усилению «Прогрессивного блока» в Государственном совете к началу 1916 года. Анализируется сложность политических процессов, происходивших в верхней палате парламента, и невозможность правых групп Государственного совета в конце 1915 года противостоять политической оппозиции.

Ключевые слова: Российская империя, Государственный совет, Государственная дума, Прогрессивный блок, Первая мировая война.

Проблемы, связанные с выдвижением лозунга «ответственного министерства» накануне летней сессии 1915 года и борьба за него в думской среде в момент создания «Прогрессивного блока», неоднократно рассматривались в отечественной историографии[1]. В то же время остаются практически не изученными вопросы, связанные с Государственным советом: состав комиссий верхней палаты и их численность, политическая

[1] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967; *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976; *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг.: борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия». Л., 1977. С. 131–137; *Аврех А.Я.* Распад третьеиюньской системы. М., 1985; *Думова Н.Г.* Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988.

обстановка в Государственном совете накануне открытия летней сессии, причины консолидации оппозиционных групп и их вступления в «Прогрессивный блок». Между тем, просматривается прямая связь между активизацией оппозиционного движения в Государственном совете и началом выработки новых лозунгов думской оппозицией[1].

К началу заседаний парламента в 1915 году в правой группе Государственного совета числилось 67 человек. Группа правого центра включала в себя 15, а группа центра — 64 члена[2]. В левую группу входило 12 парламентариев. Кружок внепартийного объединения насчитывал 13 человек. Три последние группы принято было называть «прогрессивными группами», учитывая их левые политические взгляды. Внепартийных в Государственном совете было 8 человек[3], еще 12 человек представляли Совет министров[4].

Можно констатировать, что правая группа, даже при соединении с правым центром, не обладала большинством голосов для проведения необходимых решений. Из 196 голосов членов Государственного совета им принадлежало только 82 голоса[5].

К 19 июля 1915 года Государственный совет подошел с тремя действующими постоянными комиссиями: личного состава и внутреннего распорядка; законодательных предположений; финансовой комиссией. Комиссия личного состава и внутреннего распорядка была избрана 21 января 1915 года и состояла из 10 членов. Большинство в комиссии имела правая группа — 4 члена (А.Ф. Корф, В.П. Мещеринов, М.И. Миклашевский, С.А. Толь), а правый центр был представлен лишь одним представителем (Н.А. Ребиндер). Центр (П.М. фон Кауфман-Туркестанский, А.А. Ильин, Н.Э. Шмеман), кружок внепартийного объединения (Н.И. Булычев) и левая группа (Д.Д. Гримм) получили 5 голосов[6]. При численном преобладании самой крупной правой группы председателем был избран представитель центра Н.Э. Шмеман, а С.А. Толь (правый) — только его заместителем. Схожая ситуация сложилась в комиссии законодательных предположений. 6 правых (А.С. Стишинский, П.П. Кобылинский, А.А. Макаров, А.П. Рогович, А.П. Струков, А.А. Бобринский) и 2 представителя правого центра (В.Ф. Дейтрих, Ф.А.Уваров) имели явное большинство. Однако председателем был выбран С.С. Манухин (центр), а правый А.А. Бобринский — его заместителем, хотя группа центра была представлена 4 членами (Н.С. Таганцев, В.В. Меллер-Закомельский, А.И. Шебеко,

[1] *Мичурин А.Н.* Некоторые аспекты кризиса политической системы Российской империи в годы Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского Государственного политехнического университета. 2013. № 3 (179). С. 107–108.

[2] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. ЛЛ. 3–4.

[3] Там же. ЛЛ. 13–14.

[4] Там же. 1915 г. Д. 2. ЛЛ. 66–67.

[5] Там же. Ф. 1161. Оп. 1. Д. 148. ЛЛ. 2–4 об.

[6] Там же. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

С.С. Манухин)[1]. От левой группы в комиссии законодательных предположений был всего один представитель (Д.Д. Гримм), а кружок внепартийного объединения представляли 2 члена (С.М. Лукьянов, П.А. Сабуров). Еще хуже для правых дело обстояло в финансовой комиссии. Избранная еще 6 ноября 1913 года на IX сессию, а затем переизбранная 17 января 1915 года на X сессию, эта комиссия являла собой пример поражения правых при ее формировании[2]. Эта комиссия к 19 июля 1915 года насчитывала 27 членов: правых — 11, центр — 10, левых — 3, правый центр — 2, кружок внепартийного объединения — 1 человек[3]. Председателем финансовой комиссии был М.Д. Дмитриев (центр), заместителем председателя — О.Р. фон Экеспарре (центр)[4].

Таким образом, к открытию заседаний Государственного совета во всех постоянных комиссиях верхней палаты председательствовали представители группы центра, хотя и не обладавшие ни в одной комиссии большинством голосов, но при деятельной поддержке левой группы и кружка внепартийного объединения проводившие в председатели постоянных комиссий своих членов. Уже при выборах финансовой комиссии и комиссии личного состава и внутреннего распорядка 21 января 1915 года в список левой группы попали фамилии членов Государственного совета, входивших в другие группы. Так при выборах комиссии личного состава и внутреннего распорядка в 5-й список левой группы, помимо своих собственных членов, были включены А.Ф. Кони (кружок внепартийного объединения) и М.А. Стахович (внепартийный)[5], а в список левой группы по выборам финансовой комиссии попали А.Ф. Кони (кружок внепартийного объединения), М.А. Стахович (внепартийный), Н.С. Таганцев (центр), барон Э.Ф. Гойнинген-Гюне (центр) и И.А. Шебеко (центр). При этом Н.С. Таганцев и И.А. Шебеко попали также и во 2-й список (фактически от группы центра), а И.А. Шебеко и барон Э.Ф. Гойнинген-Гюне и в 4-й список, вобравший в себя представителей различных групп Государственного совета от центра до правых[6]. Это показывает, что уже начиная с января 1915 года левая группа Государственного совета предпринимала усилия, чтобы наладить отношения с самой многочисленной группой Государственного совета — группой центра, и одновременно привлечь на свою сторону тех представителей кружка внепартийного объединения, которые шли на контакт с левой группой, так как не были связаны партийной дисциплиной.

После открытия сессий законодательных палат сложилась обстановка неустойчивого равновесия, когда правительство своим приглашением к сотрудничеству Государственной думе и Государственному совету

[1] Там же. ЛЛ. 5–6.
[2] Там же. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7. Л. 13.
[3] Там же. Ф. 1148. Оп. 10. 1915 г. Д. 4. ЛЛ. 7–7 об.
[4] Там же. ЛЛ. 5–6.
[5] Там же. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.
[6] Там же. ЛЛ. 5–6.

создало атмосферу надежды в законодательных палатах. Депутаты законодательных палат явно были готовы сотрудничать с правительством при условии стабилизации обстановки на фронте. Члены Совета министров одновременно продемонстрировали в своих выступлениях желание сотрудничать с законодательными палатами. Этому не могло помешать даже то, что большинство их «открыто объявляют себя „правыми“»[1]. Позднее политические пристрастия министров оказались зачастую противоположными, но в 1915 году в глазах оппозиции они принадлежали к правой партии Государственного совета. Так, А.В. Кривошеин замечал, что он «по политическим убеждениям правый»[2], а А.А. Поливанов сидел в Государственном совете на правых скамьях[3].

В сложившейся обстановке патриотического единения в Государственном совете появилось обращение об образовании двух новых постоянных комиссий: экономической; по военным сухопутным и морским делам. Образование экономической комиссии инициировал Н.Ф. фон Дитмар (центр), обосновывавший свое предложение загруженностью финансовой комиссии[4]. Его заявление подписали 21 член группы центра, 4 члена кружка внепартийного объединения, 9 левых членов, 4 правых, 2 члена правого центра и 1 внепартийный[5].

30 июля 1915 года подобное же обращение об образовании в составе Государственного совета постоянной комиссии по военным сухопутным и морским делам подписали 49 членов от различных групп Государственного совета. Под обращением стояло 20 подписей членов группы центра, хотя вопрос был поднят членом правой группы князем А.Н. Лобановым-Ростовским. Под обращением стояло 15 подписей членов правой группы, 5 — правого центра, 4 — кружка внепартийного объединения, 4 — левых и 1 — внепартийных[6].

Поэтому можно говорить о том, что все группы Государственного совета проявили солидарность и действительно отбросили все партийные разногласия с целью увеличения числа комиссий верхней палаты. Это снижало значение трех постоянных комиссий (личного состава и внутреннего распорядка; законодательных предположений; финансовой), но способствовало бы скорейшему рассмотрению дел и прохождению их через Государственный совет.

Противоречия возникли только при определении численности вновь образованных комиссий и проведении их в обход комиссии личного состава и внутреннего распорядка. 5 августа 1915 года предложения Н.Ф. фон Дитмара (центр) и А.Н. Лобанова-Ростовского (правый) встретили

---

[1] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 102.

[2] Левенсон М.Л. Государственный совет. Пг., 1915. С. 57.

[3] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. ЛЛ. 1 об.–2.

[4] Там же. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 40. Л. 3 об.

[5] Подсчитано по: РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7. ЛЛ. 13–14.

[6] Подсчитано по: РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7. Л. 24 об.

энергичный отпор со стороны С.С. Манухина (центр)[1], но в целом образование этих комиссий было признано желательным[2]. Численный состав комиссий (по 30 членов) вошел в противоречие с вновь образуемыми Особыми совещаниями, так как в их состав предлагалось ввести 37 членов Государственного совета. Из 196 членов Государственного совета задействованными в различных комиссиях стали 152 члена. Н.Э. Шмеман, который докладывал этот вопрос 10 августа, ясно указал: «Следует опасаться, что не окажется достаточного числа лиц, могущих нести обязанности в постоянных и временных комиссиях и Совещаниях»[3]. Поэтому было решено создать комиссию по военным сухопутным и морским делам из 10 членов, а экономическую комиссию — из 15 членов[4].

Можно констатировать, что в вопросе деловой законотворческой работы в Государственном совете в начале сессии не было никаких разногласий. Но говорить о полном отсутствии интересов у групп Государственного совета к политической работе не представляется возможным. Уже в период, предшествовавший началу летней сессии, отдельные члены Государственного совета активно собирали сведения, которые могли повлиять на принятие политических решений в верхней палате. Одновременно эти материалы могли быть использованы их политическими сторонниками в Государственной думе, получавшими конфиденциальную информацию в узко партийных целях[5]. Например, хотя в своих выступлениях на летней сессии 1915 года В.Н. Коковцов (кружок внепартийного объединения) нигде не упоминает имени В.А. Сухомлинова и в своих воспоминаниях упорно отрицает какую бы то ни было активную политическую деятельность[6], перед открытием сессии Коковцов занимался поиском информации о деятельности бывшего военного министра. Помощь ему в этом оказывал министр финансов П.Л. Барк, который снабжал Коковцова секретными сведениями за 1906–1914 годы о расходовании военным ведомством выделяемых ему средств[7].

Вопрос о бывшем военном министре возник вновь с началом летней сессии законодательных палат, которые под влиянием просочившейся информации о недостаточном снабжении армии начали требовать наказания виновных. Поднимался этот вопрос и на заседании Совета министров 24 июля 1915 года, причем инициатором обсуждения этого вопроса выступил И.Л. Горемыкин. Поддержали Горемыкина в этом вопросе П.А. Харитонов и А.В. Кривошеин, причем Кривошеин отметил: «Даже правая группа Государственного совета признала допустимым сделать демонстрацию против Сухомлинова, отказавшись принять его в свои

[1] РГИА. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7. Л. 37.
[2] Там же. Ф. 1148. Оп. 10. 1915 г. Д. 2. Л. 43.
[3] Там же. Ф. 1162. Оп. 8. 1915 г. Д. 7. Л. 38 об.
[4] Там же. Л. 39.
[5] Там же. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 41. ЛЛ. 4–24.
[6] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. М., 1992. Кн. 2. С. 329.
[7] РГИА. Ф. 966. Оп. 1. Д. 15. Л. 17 об.

ряды»[1]. В.А. Сухомлинову пришлось объявить себя внепартийным[2]. Следственная комиссия над бывшим военным министром давала возможность показать желание Совета министров сотрудничать с законодательными палатами и одновременно оправдаться Совету министров за его деятельность перед войной. С другой стороны, отдельным министрам с помощью следственной комиссии хотелось повысить свою популярность в общественных кругах во время реорганизации кабинета[3], так как у верховной власти в лице Николая II завоевать авторитет таким образом не удавалось[4]. Поэтому объявление А.А. Поливановым на закрытом заседании Государственной думы 28 июля 1915 года о назначении Верховной следственной комиссии[5] можно рассматривать как шаг в сторону примирения с парламентом на патриотической почве и желание Совета министров и императора Николая II идти на дальнейшие уступки большинству законодательных палат.

В том же направлении следует рассматривать и учреждение Особых совещаний, призванных координировать деятельность всех общественных и парламентских кругов с деятельностью представителей правительства. В состав Особых совещаний согласно пункту 3 законопроекта, предложенного правительством, входили председатель, девять членов Государственного совета и девять членов Государственной думы[6]. Прогрессисты отмечали[7], что правительственный проект подходил в этом отношении к первоначальному проекту Комитета Государственной Обороны, как он намечался в июньских внепартийных собраниях у прогрессистов[8].

Выборы 29 июля 1915 года в Государственном совете комиссии для обсуждения законопроекта «Об утверждении положения об Особом совещании для объединения мероприятий по обороне государства» показали приверженность верхней палаты групповым спискам. Из 130 членов Государственного совета, зарегистрировавшихся на заседании 29 июля[9], в голосовании приняло участие 123 члена. Прошедшими в комиссию оказались члены верхней палаты в соответствии с 5-ю списками, предоставленными группами. Только внепартийный М.А. Стахович прошел по списку левой группы, так как фактически к ней и принадлежал[10].

---

[1] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 года.) // Архив русской революции. М., 1993. Т. 18. С. 27.

[2] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. Л. 3 об.–4.

[3] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 36.

[4] *Поливанов А.А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 140–141.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 205. Л. 114.

[6] Там же. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 288. Л. 24 об.

[7] ОР РГБ. Ф. 260. К. 4. Д. 10. Л. 15.

[8] *Авербах О.И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914–1915 гг. Пг., 1915. Т. II. С. 757.

[9] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1915 г. Д. 2. Л. 40.

[10] *Мичурин А.Н.* «В Госсовете — вавилонское столпотворение»: политические взгляды членов Государственного совета и состав «Прогрессивного блока» в 1915 г. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 4. С. 27–39.

1-й список (левая группа) — М.А. Стахович, С.Ф. Ольденбург, Е.Л. Зубашев (всего за список подано 12 голосов);

2-й список (правый центр) — Г.А. Лашкарев, В.Ф. Дейтих (10 голосов);

3-й список (центр) — Н.А. Петров, С.И. Тимашев, В.И. Тимирязев, И.А. Шебеко, С.Ф. Вебер, Н.Ф. фон Дитмар, Д.А. Олсуфьев, П.М. фон Кауфман-Туркестанский, Н.С. Таганцев, К.С. Немешаев (39 голосов);

4-й список (кружок внепартийного объединения) — Ф.Ф. Трепов, Н.Н. Покровский, В.И. Гурко, В.Н. Коковцов (17 голосов);

5-й список (правые) — С.А. Воеводский, П.Ф. Унтенбергер, А.Ф. Редигер, П.П. Кобылинский, А.С. Стишинский, В.И. Карпов, А.А. Нарышкин, А.А. Бобринский, С.И. Зубчанинов, А.Н. Лобанов-Ростовский, А.А. Макаров (45 голосов)[1].

Большинство в комиссии получили представители центра, левой группы и кружка внепартийного объединения, имевших в комиссии 17 голосов против 13 — у правой группы и группы правого центра. Это еще раз доказывает, что несмотря на численное превосходство правой группы она была не в состоянии в одиночку противостоять объединенным усилиям «прогрессивных групп». Правый центр уже не мог, даже при объединении с правыми, принципиально изменить расклад политических сил. Перед тремя группами, обладавшими большинством в комиссии, встала перспектива координации усилий по выработке мероприятий оборонного характера в рамках не только политической, но и законотворческой работы. Военный министр А.А. Поливанов на заседании Совета министров 30 июля 1915 года заметил: «Мы не знаем, как глубоко придется нам очистить Россию и скоро ли прекратится эвакуационно-беженский период военных действий»[2]. Обстановка неуверенности, отсутствия четко очерченных политических пристрастий, патриотическая тревога и продолжающееся отступление русской армии создали необходимые предпосылки для образования «Прогрессивного блока» в законодательных палатах.

Часть левых членов Государственного совета приветствовала образование блока и его определенную пользу по объединению разнородных политических сил. Вместе с тем они осознавали, что создать в верхней палате устойчивое большинство чрезвычайно трудно. М.М. Ковалевский (левый) призывал вести только парламентскую борьбу. На парламентской борьбе настаивал и В.И. Гурко (кружок внепартийного объединения), с учетом работы комиссий: «Перенес бы в комиссии, где приступил бы к напугиванию (нельзя распустить Думу): если не будут приняты меры, то меры решительные, вплоть до отказа в кредите, и соответствующие выступления в первый-второй дни не только в Думе, но и в Государственном совете»[3]. Это говорит о том, что политическая работа в комиссиях парламента учитывалась всеми членами «Прогрессивного блока» в тот период.

---

[1] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1915 г. Д. 4. Л. 16 об.

[2] *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. С. 32.

[3] Там же. С. 157.

Только к концу 1915 года в результате усилий членов «прогрессивных групп» по проведению своих представителей в Государственный совет наметилось изменение направления расстановки политических сил в верхней палате. И это случилось уже после роспуска парламента 3 сентября 1915 года. Объективно, правые понесли тяжелое поражение на выборах в Государственный совет 1915 года, так как выборная кампания разворачивалась в условиях поляризации групп. Выборщики провели в Государственный совет десятки представителей, сочувствующих «Прогрессивному блоку», которых сами правые без тени смущения именовали не иначе как «шайка сродственных по духу Тушинским ворам»[1]. Глубина этого поражения отмечалась на заседании «Прогрессивного блока» 28 октября 1915 года[2]. Поражение правых в численном соотношении было не очень значительно, так как правая группа уменьшилась всего лишь с 60 членов в августе 1915 года до 56 членов к концу 1915 года. Однако возросла численность «прогрессивных групп» верхней палаты: с 89 членов на 19 августа 1915 года до 94 членов к 11 февраля 1916 года[3]. Так левая группа возросла на 9 человек, что скажется и на ее влиянии в комиссиях[4]. Количество выборных в группе центра увеличилось до 40 членов. Группа правого центра увеличила свои ряды до 25 членов. С увеличением численности группы правого центра возросла значимость этой группы как промежуточного звена между «прогрессивными группами» и правыми[5].

Таким образом, хотя правые не были безоговорочно разгромлены, в Государственном совете к 1 января 1916 года продолжала существовать стойкая группа, которая готова была продолжать свои отношения с думской частью «Прогрессивного блока».

---

[1] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1035. Л. 1794.

[2] Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. // Красный архив. 1932. Т. 52 (3). С. 151.

[3] РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. 1914 г. Д. 7. ЛЛ. 13 об.–14, 29 об., 30, 35, 36.

[4] Монархия перед крушением 1914–1917. Из бумаг Николая II. М.; Л.; 1927. С. 229–240.

[5] *Мичурин А.Н.* Государственный совет и кризис власти накануне Февральской революции // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 2 (148). С. 91–99.

IV ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА В ВОСПОМИНАНИЯХ Б.А. ЭНГЕЛЬГАРДТА[1]

АКУЛЬШИН ПЕТР ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
руководитель Научно-образовательного центра
историко-гуманитарных и
социально-экономических исследований
Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина,
заведующий кафедрой философии и истории
Рязанского государственного медицинского
университета имени академика И.П. Павлова.
Рязань, Россия;
e-mail: stone2708@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается отражение формирования депутатского корпуса и деятельность IV Государственной думы в воспоминаниях одного из ее депутатов Б.А. Энгельгардта (1877–1962). Их автор, представитель старинного дворянского рода, выпускник Пажеского корпуса и Академии Генерального штаба, офицер гвардейской кавалерии, участник Русско-японской и Первой мировой войн, играл заметную роль в рядах думской оппозиции. В дни Февральской революции 1917 г. он являлся председателем военной комиссии Временного комитета Государственной думы, военным комендантом Таврического дворца и начальником гарнизона Петрограда.

Ключевые слова: Российская империя, IV Государственная дума, Б.А. Энгельгардт, воспоминания, Первая мировая война, Февральская революция 1917 г., Прогрессивный блок, думская оппозиция, выборы в Государственную думу, депутаты Государственной думы Могилевской губернии.

Одним из немногих представителей парламентаризма Российской империи, которые завершили свой жизненный путь на территории СССР, был депутат IV Государственной думы Борис Александрович Энгельгардт (1877–1962). Он происходил из обрусевшей ветви старинного немецкого рода, чья родословная восходила к дворянам, получившим земельные пожалования в Смоленской земле за службу польскому королю. После ее возвращения в состав России по Андруссовскому перемирию 1667 г. его предки стали русскими подданными[2]. После окончания в 1896 г. Пажеского корпуса он служил в гвардейской кавалерии, прошел курс обучения в Академии Генерального штаба, участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. «Звездным часом» полковника Б.А. Энгельгардта в отечественной истории стали февральско-мартовские

[1] Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 19–09–00117 «Воспоминания Б.А. Энгельгардта (1877–1945 гг.)».

[2] См. о дворянском роде Энгельгардтов: *Тихонова А.В.* Род Энгельгардтов в истории России XVII–XX вв. Смоленск, 2001.

дни 1917 г., когда крушение старой власти на короткое время сделало его фигурой общерусского масштаба. Он оказался олицетворением новой эпохи в среде офицерского корпуса в качестве председателя военной комиссии Временного комитета Государственной думы, военного коменданта Таврического дворца и начальника гарнизона охваченного революционными событиями Петрограда[1].

В годы Гражданской войны Б.А. Энгельгардт участвовал в белом движении на юге России. В эмиграции жил во Франции, затем переехал в Латвию. После ее вхождения в состав СССР в 1940 г. был арестован, отправлен в ссылку в Узбекистан, а в 1946 г., получив советское гражданство, вернулся в Ригу, где провел остаток жизни, скончавшись в 1962 г.

Еще в эмиграции Б.А. Энгельгардт приступил к созданию мемуаров, продолжив работу над ними после окончания Великой Отечественной войны. Несомненно, что на него оказал влияние опыт его однокашника по Пажескому корпусу и близкого друга в дореволюционную эпоху А.А. Игнатьева, который после возвращения в СССР в 1937 г. издал получившие большую популярность мемуары «Пятьдесят лет в строю». Возможность публикации рукописи Б.А. Энгельгардта рассматривалась журналами «Звезда» и «Новый мир», Военным издательством Министерства обороны, но автору так и не удалось увидеть свой труд напечатанным[2]. Эти воспоминания неоднократно привлекали внимание исследователей, многие фрагменты из них были опубликованы[3].

[1] См. о роли Б.А. Энгельгардта в дни Февральской революции 1917 г.: *Николаев А.Б.* Б.А. Энгельгардт в 1917 г. // Герценевские чтения 2000. Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2000; *его же.* Воспоминания председателя Военной комиссии Временного комитета Государственной думы о Февральской революции 1917 г. // Клио. 2003. № 1 (20). С. 180–197.

[2] *Мальцев А.Д.* Из истории публикации «Воспоминаний» Б.А. Энгельгардта: по переписке автора // Русская литература. 1996. № 4. С. 133–157. Один из вариантов рукописи и материалы, связанные с созданием воспоминаний и их подготовкой к печати, отложились в личном фонде Б.А. Энгельгардта в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 1052. Ед. хр. 18–66). Второй вариант, который Б.А. Энгельгардт считал основой для предстоящего издания, был передан самим автором в Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ — *П.А.*) (Ф. 218. Собрание Отдела рукописей. Картоны 305, 306, 384), он и лег в основу данного исследования.

[3] В 1920–1940-е гг. небольшие мемуарные фрагменты Б.А. Энгельгардта появлялись в печатных органах русской эмиграции во Франции, Латвии и США. В СССР фрагменты из воспоминаний Б.А. Энгельгардта впервые появились в «Военно-историческом журнале» (1964. №№ 1, 5, 8–10). Отрывок об аресте и ссылке Б.А. Энгельгардта в 1940–1946 гг. опубликовал А.Д. Мальцев (Источниковедческое изучение памятников письменной культуры. Л., 1990). Отрывки из мемуаров публиковались В.А. Авдеевым (Военно-исторический журнал. 1993. № 12; 1994. №№ 1–7, 9; 2002. № 12; 2003. №№ 2, 3, 6, 8, 9; 2004. №№ 2–4; Диалог 1996. №№ 1–8; Вопросы истории. 2008. № 7). Фрагмент из воспоминаний о событиях Февральской революции опубликован А.Б. Николаевым (Клио, 2003. № 1). Об истории создания и попытках публикаций мемуаров Б.А. Энгельгарда писала С.И. Мунжукова (См.: *Мунжукова С.И.* Б.А. Энгельгардт Б.А. и судьба его воспоминаний. 1940-е — 1960-е гг. // Новейшая история России. 2016. № 1 (15).

В 1908 г. Б.А. Энгельгардт вышел в отставку и провел четыре года в поместье Гута, приобретенном в свое время его отцом, в Мстиславском уезде Могилевской губернии. Сельскохозяйственное предпринимательство и земская деятельность на уровне уезда и губернии не могли полностью удовлетворить амбиции отставного офицера, которому в 1912 г. исполнилось 35 лет. Он попытался их реализовать в качестве депутата нижней палаты представительного органа Российской империи. Значительный интерес для парламентской истории представляет картина выборов в российской провинции, нарисованная глазами активного их участника, ставшего в итоге победителем. Надо отметить, что к многочисленным «фигурам умолчания», которые встречаются в мемуарах Б.А. Энгельгардта, относится и процесс принятия им решения об участии в борьбе за депутатский мандат[1].

К осени 1912 г., по свидетельству мемуариста, из 125 выборщиков Могилевской губернии 55 принадлежали к крестьянской курии, «однако никакой объединяющей их организации у них не было. В душе у них у каждого, конечно, были определенные запросы и желания, главным образом в отношении земли, но выдвижению своего кандидата им мешала их несвязанность, которая, неминуемо, приводила к непримиримой взаимной конкуренции, а с другой стороны, все они находились под влиянием помещиков — выборщиков своего уезда, от которых иногда зависели в том или ином отношении», — отмечал Б.А. Энгельгардт. Наиболее консервативная по взглядам курия «крупных землевладельцев располагала голосами около 30 выборщиков. Относительно немногочисленную, но сплоченную группу выборщиков представляло православное духовен-

С. 134–145; *ее же.* «Воспоминания камер-пажа» — первые мемуары Б.А. Энгельгардта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2018. № 1. С. 95–103; *ее же.* История создания мемуаров Б.А. Энгельгардта // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 76–85. Уже в ходе подготовки к печати данной статьи появились два издания, представляющие собой первые попытки публикации всего корпуса воспоминаний Б.А. Энгельгардта (Потонувший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887–1944) / Н.Н. Смирнов (ответ. редактор), С.И. Мунжукова, М.Ю. Борисова-Лебедева, И.В. Петров. СПб., 2020; *Энгельгардт Б.А.* Контрреволюция / под науч. ред. С.Г. Шиловой; сост., примеч. и коммент. С.Г. Шиловой. М., 2020).

[1] На протяжении 1906–1917 гг. членом Государственного совета по выборам от земства Смоленской губернии был В.П. Энгельгардт (1852–1920) (См.: *Бородин А.П.* Энгельгардт Вадим Платонович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия. М., 2008. С. 334). В воспоминаниях Б.А. Энгельгардт об этом родственнике, который, возможно, мог оказать определенное влияние на его решение баллотироваться в Государственную думу, не упоминает. Депутатом IV Государственной думы от съезда городских избирателей Лифляндской губернии был городской голова Феллина барон фон О.М. Энгегельгардт (1890 — после 1915), член фракции октябристов. Он принадлежал к немецко-лифляндской ветви Энгельгардтов и не состоял в родстве с автором воспоминаний, который о нем не упоминает. См. о нем: *Николаев А.Б.* Энгельгардт Оттон Маврикевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 716.

ство (около 15 чел.), «объединяли их не столько убеждения, как приказы епархиального начальства». Электоральный ландшафт дополняли около 12 представителей городской курии, которые «не имели определенной физиономии», и 15 человек, составляющие национальные группы поляков и евреев, которые «придерживалась, по преимуществу, конституционно-демократической партии» и, не имея возможности провести своего кандидата, «искали наиболее приемлемого среди русских»[1].

В губернском центре Б.А. Энгельгардт, отдавая дань нормам этикета, прежде всего, посетил губернатора А.И. Пильца[2], с которым был хорошо знаком. Для мемуариста неприятным сюрпризом оказалось то, что губернатор доверительно попросил его не выдвигать свою кандидатуру, так как это смешает уже достигнутые властями договоренности с выборщиками, намекнув откровенно, что шансов на избрание практически нет. Информация об этом закулисном сговоре не погасила, а наоборот усилила желание отставного гвардейского офицера стать депутатом Государственной думы.

Первый шаг к электоральной победе, после неприятного разговора с губернатором, был сделан, по словам автора воспоминаний, в тот же день на первой встрече губернских выборщиков. Один из крестьянских выборщиков, земский гласный «соседнего уезда», пообещал поддержку всех крестьянских выборщиков, хотя затем взял свои слова назад.

Неприятным сюрпризом стал для мемуариста и такой формальный момент предвыборного собрания, как «высказывание кандидатами своих политических программ, но оказалось, на деле, что кандидаты предпочитали не высказываться. При чрезвычайно смешанном, по убеждениям, составе выборщиков легко было попасть впросак, не угодить тому или другому выборщику, а потому положительно все либо отмалчивались, либо говорили прописные истины, ни к чему не обязывающие, ничем не связывающие». По откровенному признанию и он сам «не нашел ничего что сказать, кроме общих рассуждений о необходимости укрепления военной мощи страны»[3].

Мемуарист был вынужден признать, что его умений, навыков и даже интеллектуального багажа, которые казались вполне достаточными в профессиональной офицерской среде, в новых условиях явно недостаточно. «Попав впервые в обстановку, где, с известной ответственностью за сказанное, надо было определить свою политическую платформу, я вдруг почувствовал, что мне трудно сделать это с полной определенностью. В товарищеском кругу или в светской гостиной я довольно сво-

[1] ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. ЛЛ. 51–52.

[2] Пильц А.И. (1870–1944), выпускник Императорского училища правоведения, губернатор Могилевской губернии (1910–1916), последняя должность при монархии иркутский генерал-губернатор (1916–1917), во время Гражданской войны участник Ясского совещания 1918 г., в 1919–1920 гг. служил на руководящих должностях в администрациях А.И. Деникина и П.Н. Врангеля, погиб в эмиграции в Болгарии.

[3] ОР РГБ. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 52.

бодно разглагольствовал на политические темы, но тут я почувствовал, что для серьезного выступления я не подготовлен»[1].

На третий день состоялась сама процедура баллотировки кандидатов. Первоначально проходили выборы трех «обязательных» депутатов от курий, в ходе которых, по мнению Б.А. Энгельгардта, «легче могло сказаться влияние администрации». Но дальнейший ход выборов оказался далек от сценария, намеченного губернскими властями. В первом туре определился только один из четырех оставшихся кандидатов «от общего собрания» выборщиков, и был назначен второй тур голосования. «Тут началась вакханалия сговоров... В одном углу заядлый националист шептался с поляком, в другом епископ Митрофан обрабатывал еврея». Среди подходивших к мемуаристу выборщиков был епископ Митрофан, осторожно намекнувший на поддержку его представителями духовенства. Выразили свою готовность поддержать его и польские выборщики. Представители от еврейского населения выясняли его позицию по еврейскому вопросу и были удовлетворены его ответом[2].

В итоге, Б.А. Энгельгардта получил 109 «белых» шаров, то есть был избран подавляющим большинством голосов, благодаря консолидируемому голосованию выборщиков от крестьян, поляков, евреев и православного духовенства и вопреки планам губернских властей[3]. «Самолюбие

[1] Там же. Л. 53.

[2] Там же. Л. 55. Митрофан (в миру Краснопевцев Дмитрий Иванович) (1869–1919), епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии (1907–1912), депутат III Государственной думы, входил во фракцию «правых», архиепископ Астраханский (1918–1919), расстрелян (См.: *Ромов Р.Б.* Митрофан // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 377–378). Мемуарист так излагал свою позицию по еврейскому вопросу: «Поскольку евреи призываются к отбыванию воинской повинности и следовательно несут повинность кровью, по отношению к родине, совершенно несправедливым является установление черты оседлости. Я сторонник упразднения ее. Не сочувствую я и ограничениям для евреев в деле образования. Но вот что, — если на выборах в земство и городское управление Вам предоставить равные с нами права, то хоть Вас и меньшинство, но Вы всех нас вытесните из управ и городских дум, Вы сплочены, а у нас, грешным делом, на пять человек четыре мнения!» (ОР РГБ. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 56).

[3] Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 57. Могилевская губерния была представлена в IV Государственной думе 7 депутатами. Помимо Б.А. Энгельгардта, пять из них вошли в состав фракций «русских националистов и умеренно-правых» и «правых», 1 — фракции октябристов. Среди них наиболее близкие отношения у Б.А. Энгельгардта были с депутатом от землевладельцев Могилевской губернии А.А. Радкевичем (1876–1918) (ОР РГБ. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 57, 61 и т.д.). См. о нем: *Николаев А.Б.* Радкевич Александр Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 516–517. См. о деятельности политических партий либерального и консервативного направления в Могилевской губернии: *Лавринович Д.С.* Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905–1918 гг.). Могилев, 2009; *Бондаренко К.М.* Правые партии и их организации в Беларуси (1905–1917 гг.). Могилев, 2010.

было удовлетворено. Передо мной раскрывались широкие перспективы государственной деятельности, и хоть я сознавал, в глубине души, свою неподготовленность, но хотел серьезно работать в Думе и не сомневался, что в дальнейшем справлюсь с предстоящей задачей», — вспоминал он[1].

В воспоминаниях дается характеристика основным думским фракциям и упоминаются в связи с различными эпизодами парламентской и внепарламентской деятельности около 50 депутатов Государственной думы и членов Государственного совета. В качестве депутата Б.А. Энгельгардт должен был определиться с вхождением в одну из существующих партийных фракций. В воспоминаниях, созданных спустя несколько десятилетий, сохранились отголоски настороженного и даже враждебного отношения мемуариста к политической программе и тактике кадетов. Он отдавал дань высокому образовательному уровню членов фракции кадетов: «по образовательному цензу ее, конечно, надлежит поставить на первое место в Думе: значительно больше половины ее членов имели высшее образование». Но они представлялись ему социальной средой, с которой у него «было мало отношений (лица свободных профессий, доктора, инженеры, учителя, служащие земских и городских учреждений, так называемый третий элемент)». Негативную оценку мемуарист давал лидеру кадетов П.Н. Милюкову, которого характеризовал следующим образом: «доктринер, не склонный к соглашениям и компромиссам <...>», что дало основание «пристегнуть ему кличку „бог бестактности“»[2]. Называя А.И. Шингарева и В.А. Маклакова блестящими думскими ораторами, он не забыл упомянуть, что первый «говорил <...> хорошо, но несколько затягивал свои речи, точно сам любил себя слушать», а о втором заметил, что «нельзя сказать, чтобы Маклаков был подлинным выразителем точек зрения партии, руководимой Милюковым»[3].

Политические взгляды самого Б.А. Энгельгардта сводились к тому, чтобы не допустить «никакой крупной ломки». «Для сохранения существующего порядка надо быть готовым идти на известные уступки и жертвы, чтобы удовлетворять справедливые требования масс, хотя бы в минимальной степени». Он полагал, что для этого достаточно «внести выборный элемент в правительственную структуру учреждением Государственной думы» и «расширить опорную базу в населении столыпинской земельной реформой»[4].

Эти взгляды полностью совпадали с платформой «Союза 17 октября», но в эту фракцию в момент начала работы IV Государственной думы Б.А. Энгельгардт не вошел. Он присоединился к фракции центра, председателем которой являлся В.Н. Львов. Реальным ее руководителем был П.Н. Крупенский, который, по словам мемуариста, «играл в Думе своеобразную роль фактора. Через него, обычно, шли всякие соглашения и сговоры

[1] ОР РГБ. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 58.
[2] Там же. Л. 66.
[3] Там же. Л. 70.
[4] Там же. ЛЛ. 62–63.

как в деле установления порядка работ Думы, так, иногда, и в некоторых политических вопросах». Мотивы своего выбора мемуарист объяснял карьерными соображениями. «Строго говоря, это была не партия, а собрание беспартийных, почти не связанных партийной дисциплиной, т[ак] к[ак] и определенной программы во фракции не было. Вхождение в эту группировку оставляло за мной достаточную свободу действий и, в то же время, обеспечивало мне получение желаемого места в комиссии»[1].

Б.А. Энгельгардт, проанализировав состав депутатского корпуса, сделал вывод, что «в делах, связанных непосредственно с обороной страны, точнее, в чисто военных вопросах, не было ни одного члена Думы, который обладал моим стажем», то есть «имел высшее военное образование и боевую практику одновременно»[2]. Эти планы удалось успешно реализовать. В декабре 1912 г. он вошел в созданную на первой сессии «Комиссию по военным и морским делам» и очень быстро стал основным докладчиком по крупнейшим законопроектам, которые обсуждались в Думе IV созыва по этим вопросам. Амбиции молодого парламентария отразились в его скептических оценках деловых способностей коллег по думской комиссии, которые уже имели опыт работы в Комиссии по обороне III Государственной думы. О председателе комиссии П.Н. Балашеве, председателе фракции «русских националистов и умеренно-правых», мемуарист замечал: «он за время своего председательствования не выразил не только толковой, а попросту никакой мысли». Двусмысленную характеристику он дал и другому члену комиссии, который имел репутацию знатока военных и морских вопросов. «Товарищем председателя был избран Савич, человек штатский, никакой военной подготовки не имевший; но поднаторевший в военных вопросах за время работы в Думе III созыва. Человек он был неглупый, толковый, но рассуждения его о военных делах носили уж очень книжный характер»[3].

[1] Там же. Л. 64. См.: 1) о депутате III–IV Государственной думы от Самарской губернии В.Н. Львове (1872–1934), обер-прокуроре Синода (март-июнь 1917), причастном к выступлению генерала Л.Г. Корнилова: *Николаев А.Б.* Львов Владимир Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 336–337; 2) о депутате II–IV Государственной думы от Бессарабской губернии П.Н. Крупенском (1863–1939): *Ромов Р.Б.* Крупенский Павел Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 300–301.

[2] ОР РГБ. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 74.

[3] Там же. Л. 76. См.: 1) о депутате III и IV Государственной думы от Подольской губернии П.Н. Балашеве (1871–1939): *Николаев А.Б.* Балашев Петр Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 34–35; 2) о депутате от Харьковской губ. октябристе Н.В. Савиче (1869–1942), авторе «Воспоминаний» (СПб., 1993): *Николаев А.Б.* Савич Никанор Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 544–545. П.Н. Балашев в 1894–1900 г. служил в лейб-гвардии Гусарском полку и вышел в отставку поручиком, выпускник физико-математического факультета столичного университета Н.В. Савич в армии не служил.

При этом надо отметить, что хотя первоначально Б.А. Энгельгардт не вошел во фракцию октябристов, отдельные упоминания, разбросанные в тексте мемуаров, дают веские основания считать, что он находился в тесных отношениях с М.В. Родзянко, поддержка которого оказала влияние на успешную парламентскую карьеру мемуариста[1].

Б.А. Энгельгардт создавал свои воспоминания в надежде опубликовать их в СССР. Поэтому, следуя сложившемуся к этому времени советскому канону, он в ряде мест в довольно наивной форме пытался найти в своей биографии точки соприкосновения с партией большевиков. «...меня заинтересовало выступление одного члена Думы — большевика, по вопросу о каких-то неурядицах и незаконных поступках заводской администрации на заводах военного ведомства. Я подошел к нему после его речи, сказал, что я обязательно подробно выясню этот вопрос в Артиллерийском управлении, где мне приходилось иметь постоянные сношения, в связи с моими докладами в Думе, и просил дать мне некоторые дополнительные разъяснения. Он очень любезно отозвался на мою просьбу, но выразил сомнение в том, что мне удастся добиться толку. Я возразил, что все же постараюсь, и мы, дружески пожав друг другу руку, разошлись»[2].

При объявлении войны Б.А. Энгельгардт вновь вступил на военную службу и обратился с просьбой о снятии с него звания члена Государственной думы. Уже в действующей армии он узнал о том, что принято решение о сохранении звания за вступившими в войска парламентариями. Кампании 1914–1915 гг. Б.А. Энгельгардт провел в качестве обер-офицера для поручений штаба Гвардейского корпуса, принимая участие в тяжелых и малоудачных боях.

К активной парламентской деятельности он вернулся осенью 1915 г., получив официальное разрешение уволиться от военной службы для занятий в Государственной думе. Б.А. Энгельгардт переходит из фракции центра во фракцию «земцев-октябристов», возглавляемую М.В. Родзянко. Это перемещение автор воспоминаний объяснил «тактическими» соображениями, связанными со своим стремлением стать членом «Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства». «Положения члена этого совещания добивались многие.

[1] «Родзянко предложил мне принять участие в поездке: в Англии и во Франции довольно много депутатов поступили на военную службу, и Родзянко находил, что и в нашей делегации следует послать депутата-военного» (ОР РГБ. Картон 306. Ед. хр. 3. Л. 1). «По почину М.В. Родзянко было организовано частное заседание членов Особого совещания по обороне в Мариинском дворце, помещении Государственного совета, на котором я должен был доложить разработанную мною тему» (Там же. Л. 87). «Родзянко сказал мне, что считает полезным для дела мое вступление в состав совещания „по обороне“» (Там же. Ед. хр. 2. Л. 110) и т.д.

[2] ОР РГБ. Ф. 218. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 73. Очевидно, речь шла о взрывах на Охтинском пороховом заводе в Петербурге 17 декабря 1912 г. и 3 января 1913 г., в ходе которых пострадали более 60 человек. Запрос о них был внесен 25 января 1913 г. большевиком А.Е. Бадаевым (*Бадаев А.Е.* Большевики в Государственной думе. 7-е изд. М., 1941. С. 121–129).

Оно не давало никаких немедленных материальных выгод, но вводило человека в высшие правительственные круги и ставило его „на виду". В состав его вошли все лидеры думских партий. Я к числу таковых не принадлежал, а лидер моей „группы центра", Крупенский, не склонен был уступить мне свое место...», «... и Родзянко ... провел меня в члены Совещания от партии октябристов, и я перешел в эту партию»[1].

Б.А. Энгельгардт, связывающий неудачи русской армии с неэффективностью правительственных верхов, становится одним из активных участников Прогрессивного блока. По его словам, первые контакты с инициаторами создания этого политического объединения у него завязались в январе 1915 г., когда он, вернувшись на короткое время из действующей армии в столицу, сделал доклад перед членами Государственной думы о положении на фронте. «Член Гос[ударственного] совета В.В. Меллер-Закомельский просил меня повторить мой доклад в Гос[ударственном] совете. Однако я не мог больше задерживаться в Петербурге. Я узнал, что Гвардейский корпус был взят из резерва на фронт и уже вступил в дело. Надо было спешить в армию»[2]. Мемуарист вспоминает о тесном общении «с министрами Поливановым, Щербатовым и Кривошеиным», встречах с представителями военного командования, включая начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева, приглашениях для бесед к великим князьям Николаю Михайловичу и Кириллу Владимировичу[3]. В январе 1917 г. была «избрана комиссия для редактирования письма (к императору — *П.А.*), в составе членов Гос[ударственного] совета — Меллер-Закомельского, Гучкова и Гурко, и членов Г[осударственной] думы — Шингарева и меня», — пишет он[4].

Мемуарист не излагает подробно свою собственную деятельность в качестве депутата Государственной думы, члена особого совещания и Прогрессивного блока, за исключением разработки им вопроса о более эффективном использовании мобилизационных ресурсов населения страны[5]. Обширное место в мемуарах Б.А. Энгельгардта занимает

[1] ОР РГБ. Картон 306. Ед. хр. 2. ЛЛ. 111–112.

[2] Там же. Л. 35. См. о члене Государственного совета по выборам от земства Санкт-Петербургской губернии бароне В.В. Меллер-Закомельском (1865–1920), одном из инициаторов создания Прогрессивного блока: *Сардак Л.Л.* Барон В.В. Меллер-Закомельский (1863–1920) // Новый исторический вестник. 2006. Т. 1 (14). С. 145–153; *Бородин А.П.* Меллер-Закомельский Владимир Владимирович // Государственный совет Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 167–168.

[3] См. об общении с министрами: ОР РГБ. Ф. 218. Картон 306. Ед. хр. 2. Л. 91. «Наиболее ценно было для меня общение с такими лицами, как генералы Брусилов, Поливанов, Данилов, Головин» (Там же. Картон 305. Ед. хр. 3. Л. 76). См. о беседах с великими князьями Николаем Михайловичем и Кириллом Владимировичем: ОР РГБ. Ф. 218. Картон 306. Ед. хр. 2. Л. 94.

[4] Там же. Л. 98.

[5] См. о проблемах взаимодействия военных, политических и предпринимательских кругов в эти годы: *Айрапетов О.Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003.

описание его участия в первом опыте шага российского парламентаризма на международной арене, поездке парламентской делегации России в страны Антанты. Материал воспоминаний позволяет сделать вывод, что в годы Первой мировой войны автор воспоминаний входил в ближайшее политическое окружение М.В. Родзянко. Формальный статус председателя Государственной думы ограничивал его в ряде вопросов, поэтому Б.А. Энгельгардт и играл роль связывающего звена между ним и наиболее активными деятелями Прогрессивного блока. Текст воспоминаний создает убедительную картину нарастания оппозиционных настроений в думских кругах и даже их постепенной радикализации, которые отразились и на собственной позиции автора.

Достаточно расплывчатая формулировка «создания министерства доверия» на практике означала политическое давление на императора с целью расширения властных полномочий «парламентских партий» и военного командования и сокращение его реальной власти. Насколько далеко в своих действиях против существующего правительства были готовы идти М.В. Родзянко, Б.А. Энгельгардт и их сторонники? Мемуарист подчеркивает, что они действовали только как парламентарии, в рамках существующего правового поля. «Люди типа Родзянко, большинство членов Особого совещания по обороне, центральные группировки Гос[ударственной] думы находились в легальной „оппозиции его величества“ и вели себя соответственно этой роли. Все они старательно посещали различные совещания, обсуждали текущие вопросы, иной раз добивались проведения в жизнь нужных мероприятий, всеми силами пытаясь ввести русскую жизнь в привычное для них русло. Когда они сталкивались с, казалось, непреодолимыми препятствиями, они обращались к Николаю Второму со „всеподданнейшими“ заявлениями, „повергали к стопам его величества“ убедительные доводы»[1], — так трактует их тактику автор воспоминаний.

Воспоминания достаточно полно передают нарастание недовольства кругов, в которых вращался Б.А. Энгельгардт, личностью самого императора и деятельностью назначенных им министров. Мемуарист осторожно упоминает о «тайных организациях заговорщиков» (речь идет именно о думских и военных деятелях, а не о нелегальных организациях революционных партий — *П.А.*). В воспоминаниях упоминаются многочисленные разговоры о возможности и целесообразности отстранения Николая II от власти[2]. Признает мемуарист и наличие непосредственного заговора для осуществления этого. «Кроме разговоров о дворцовом

[1] ОР РГБ. Ф. 218. Картон 306. Ед. хр. 2. Л. 96.

[2] Мемуарист приводил слова члена Государственного совета по выборам от дворянства Екатеринославской губернии В.И. Карпова, входившего в группу «правого центра», который «лично говорил мне, что поведение царя невольно толкает нас на путь дворцового переворота» (ОР РГБ. Картон 306. Ед хр. 2. Л. 94). См. о В.И. Карпове (1859–1936): *Бородин А.П.* Карпов Виктор Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 112–113.

перевороте существовал и определенный заговор: на совещании лидеров „Прогрессивного блока", в помещении Торгово-промышленного съезда, открыто обсуждался вопрос о престолонаследии после низвержения Николая. О самой процедуре низложения не говорилось, а только о его последствиях, но это потому, что в сугубо секретную часть плана были посвящены немногие, в том числе Гучков и член Гос[ударственной] думы Некрасов. По-видимому, они были в связи с генералом Крымовым»[1].

Б.А. Энгельгардт твердо заявляет о том, что он «лично не принимал никакого участия в заговоре». Хотя тут же излагает показательный для состояния умов среды накануне 1917 г. эпизод. Однажды к нему «явился офицер самого аристократического полка русской армии, бывший личный адъютант одного из великих князей, и заговорил о своем полном отчаянии при виде разрухи, охватившей всю страну». Он «выражал готовность, лично, с безусловно послушными ему солдатами его эскадрона, арестовать» царя и его супругу в Царском Селе и просил свести его с Гучковым. Б.А. Энгельгардт высказал свое полное несогласие с такими замыслами, но с Гучковым капитана познакомил[2].

Спустя десятилетия он объяснял себе и потенциальным читателям, что у него и его единомышленников не было «желания самому идти революционным путем. В то время я был далек от таких желаний, и если, вскоре после того, Родзянко, я и другие оказались в революционном стане в Таврическом дворце, то конечно не потому, что мы хотели идти революционным путем. Мы приняли революцию как свершившийся факт и в течение трех дней с виду якобы возглавляли ее, а фактически плелись за событиями, делая в то же время безнадежные попытки задержать ее развитие»[3].

Эти слова соответствовали и настроениям Б.А. Энгельгардта накануне Февраля 1917 г., и его рефлексии спустя десятилетия. Но объективно деятельность думской оппозиции в годы Первой мировой войны выходила за рамки допустимой в рамках правового поля «третьеиюньской монархии». Эти рамки рухнули вместе с самой монархией, но правоохранительные органы на последующем этапе развития отечественной государственности вполне обоснованно трактовали бы нечто подобное в свое время как политическую подготовку смены власти путем заговора.

---

[1] ОР РГБ. Картон 306. Ед. хр. 2. Л. 95.

[2] Там же. См. об эволюции политических настроений офицерского корпуса в эти годы: *Гребенкин И.Н.* От войны к революции: политические настроения российского офицерства в 1914–1917 гг. // Диалог со временем. Вып. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М., 2009. С. 77–90.

[3] ОР РГБ. Картон 306. Ед. хр. 2. Л. 94. См. концептуальное осмысление места и роли, а также конкретных планов и действий этих политических кругов в современной отечественной историографии: *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914-весна 1917 г.). М., 2003; *его же.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016; *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005; *его же.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017.

Содержание воспоминаний Б.А. Энгельгардта убедительно показывает направление, по которому развивался умеренно консервативный дискурс парламентаризма Российской империи. Энергичный представитель российского дворянства, отставной гвардейский офицер, крупный помещик и земский деятель пытается реализовать себя на новом поприще, открывшемся благодаря возникновению режима «третьеиюньской монархии». Он достаточно быстро достигает успеха в парламентской деятельности, став заметной фигурой среди депутатов IV Государственной думы. Убежденный и принципиальный монархист логикой развития политических процессов в верхах правящей элиты оказывается в рядах оппозиционного «Прогрессивного блока». В независимости от субъективных желаний его участников объективно они готовили условия для отстранения императора Николая II от престола, то есть для государственного переворота при сохранении монархического строя. Единственный профессиональный военный в высоких чинах в думских кругах Б.А. Энгельгардт оказался в роли того, кому удачная попытка верхушечного переворота давала возможность выступить одним из потенциальных исполнителей той роли, которую генерал маркиз Ж. де Лафайет сыграл во Франции в 1789–1791 и 1830 гг.[1].

Но в России начала 1917 г. оппозиционная часть дореволюционной элиты оказалась сметена массовыми движениями, которыми из Таврического дворца полностью управлять и руководить было уже невозможно. Все усилия Б.А. Энгельгардта, М.В. Родзянко и их немногочисленных сторонников из числа «цензовых элементов» сохранить Государственную думу как источник власти в стране оказались безуспешными[2]. Их надежды и усилия оказались только одним из эпизодов «кризиса верхов» агонизирующей монархии, рассказ о которой в своих мемуарах Б.А. Энгельгардт озаглавил «потонувший мир», порой скромно умалчивая о своей активной роли накануне и в первые дни Февраля 1917 г.

---

[1] См. о возможной роли Б.А. Энгельгардта в подготовке приказа № 1 по гарнизону Петрограда: *Николаев А.Б.* Из истории приказа № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов // Государство, общество, личность в истории России (XVIII–XX вв.). СПб., 2018. С. 99–106. См. о претензиях Б.А. Энгельгардта на должность военного министра в марте 1917 г.: *Сенин А.С.* Александр Иванович Гучков. М., 1996. С. 111; *Ганин А.В.* Генштабисты и Февральская революция // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. 2017. Т. 5. С. 225. Лафаейт Жильбер (1757–1834), французский аристократ, генерал королевской армии, сторонник умеренных преобразований при сохранении монархии, начальник Национальной гвардии Парижа во время Великой Французской революции (1789–1791) и Июльской революции 1830 г. (См.: *Черкасов П.П.* Лафайет: Политическая биография. М., 1991).

[2] См. о реализации Государственной думой своих прав как источника легитимной власти в дни Апрельского политического кризиса: *Николаев А.Б.* Политическая система России в марте — октябре 1917 г.: основные черты и этапы истории // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2019. Vol. 12. P. 97–146.

СОЗДАНИЕ ВОЕННОЙ КОМИССИИ ПРИ ВРЕМЕННОМ КОМИТЕТЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ

ТАРАСОВ КОНСТАНТИН АНДРЕЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
Научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН,
доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),
старший преподаватель Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: senderkeeper@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена созданию и функционированию в первые дни Февральского восстания 1917 года в Петрограде Военной комиссии при Временном комитете Государственной думы. На основе воспоминаний основных участников событий сделан вывод о том, что первая инициативная группа по руководству восставшим Петроградским гарнизоном во главе с А.Ф. Керенским не подчинялась ни Временному комитету Государственной думы, ни Исполнительному комитету Петроградского Совета. Впоследствии оба центра власти пытались взять под свой контроль деятельность данной группы. В ночь с 27 на 28 февраля сформировавшаяся Военная комиссия при ВКГД являлась плодом сотрудничества представителей думского комитета и офицеров-социалистов. На следующий день, после того, как в комиссию был назначен Б.А. Энгельгардт, первые активисты были вытеснены из ее состава.

Ключевые слова: Февральское восстание 1917 года, Временный комитет Государственной думы, Исполнительный комитет Петроградского Совета.

Руководство солдатским движением в первые дни Февральского восстания относится к дискуссионным проблемам. А.Б. Николаев выделил несколько подходов в историографии, связанных с интерпретацией этих событий. Э.Н. Бурджалов, В.С. Дякин, И.П. Лейберов и другие придерживались точки зрения, что вечером 27 февраля была создана Военная комиссия Петроградского Совета, которую «захватил» Временный комитет Государственной думы (ВКГД) в ночь на 28 февраля. Ю.С. Токарев считал, что Исполком Совета «сдал комиссию без боя». Третья версия, которую высказали Е.Д. Черменский и Г.И. Злоказов, заключалась в том, что независимо существовали две Военные комиссии — советская и думская. В ночь на 28 февраля они слились воедино под эгидой ВКГД[1].

Сам А.Б. Николаев придерживается этой последней точки зрения, модифицируя ее. Историк высказал версию о том, что именно Государ-

[1] *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017. Т. 1. С. 314–315.

ственная дума уже днем 27 февраля пыталась организовать антиправительственное движение. В качестве думского центра восстания вначале действовал «штаб Керенского», который руководил деятельностью первых вооруженных отрядов, появившихся в Таврическом дворце 27 февраля. Впоследствии около 19 часов он был преобразован в Военную комиссию Временного комитета Государственной думы. Около 21 часа А.Ф. Керенский объединил деятельность этой комиссии с той, что начала формироваться при Исполнительном комитете Совета рабочих депутатов. Наконец, около полуночи, по мнению А.Б. Николаева, «произошло уже второе („окончательное“) объединение двух „штабов“ на условиях взаимовыгодного сотрудничества, в результате которого была официально оформлена совместная деятельность ВКГД и Петросовета по руководству вооруженным восстанием. Причем Исполком Петроградского Совета рабочих депутатов признал приоритет в этом вопросе за ВКГД»[1].

В связи с высказанными точками зрения необходимо обратиться к источникам, которые раскрывают историю формирования Военной комиссии. К сожалению, ни один из них нельзя считать достаточно надежным, поскольку для таких переломных моментов истории обычно отсутствует какая-либо синхронная документация. В данном случае приходится иметь дело с воспоминаниями разной степени достоверности.

Первая инициативная группа (день-вечер 27 февраля)

А.Ф. Керенский в своем интервью Комиссии по опросам Таврического дворца[2], относящимся к 1917 г., утверждал, что Военная комиссия начала формироваться в комнате № 42 (кабинет секретаря Государственной думы) и состояла из тех нескольких прапорщиков и полковников, которые самостоятельно пришли во дворец в первые часы Февральского восстания[3]. Через десять лет после революции А.Ф. Керенский вспоминал о том, что вечером 27 февраля ВКГД сформировал Военную комиссию, которая вначале состояла из гражданских лиц, «обладающих некоторыми знаниями в военных делах», а также небольшого числа офицеров, рядовых и его самого. Он также отметил, что комиссия разместилась в бывшем кабинете товарища председателя Государственной думы А.Д. Протопопова, то есть комнате № 4[4]. В значительно более поздних воспоминаниях Керенский практически дословно повторил состав комис-

[1] *Николаев А.Б.* Думская революция. С. 289, 290, 302, 317.

[2] Комиссия была создана в мае 1917 г. во главе с М.А. Полиевктовым и проводила опросы тех, кто принимал активное участие в Февральском восстании. См. подробн.: *Lyandres S.* The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013. P. 1–52; *Каплан В.* Исторические общества и формирование памяти о Феврале 1917 г. // Эпоха войн и революций: 1914–1922: Материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 44–48.

[3] *Lyandres S.* The Fall of Tsarism. P. 227.

[4] *Kerensky A.F.* The Catastrophe: Kerensky's own story of the Russian Revolution. New York; London, 1927. P. 25.

сии, однако не упомянул прямую связь с ВКГД, а кроме того, добавил к списку М.В. Родзянко[1]. Впрочем, другие очевидцы событий, как и сам Родзянко, об участии председателя Государственной думы в деятельности комиссии на каком-либо ее этапе никогда не писали[2]. Можно предположить, что все-таки спустя почти пятьдесят лет после революции в этом вопросе память подвела мемуариста.

М.И. Скобелев вспоминал в мае 1917 г. о том, что Военная комиссия начала формироваться по инициативе самого А.Ф. Керенского, который действовал помимо ВКГД. В ядро будущей организации, по его словам, входили кроме него самого и Керенского эсер старший лейтенант флота В.Н. Филипповский и инженер П.И. Пальчинский, который пришел позднее. Они разместились в комнате № 42, откуда солдатам раздавались инструкции[3]. М.Г. Кантор среди тех, кто приступил к формированию Военной комиссии, кроме себя также назвал В.Н. Филипповского, П.И. Пальчинского, Н.Е. Паршина, А.Ф. Керенского и М.И. Скобелева[4].

Социалисты Н.Н. Суханов (Гиммер) и В.М. Зензинов также позже вспоминали, что А.Ф. Керенский принимал деятельное участие в работе Военной комиссии вместе с первыми появившимися во дворце офицерами: эсерами подполковником Академии Генерального штаба С.Д. Мстиславским (Масловским) и В.Н. Филипповским, а также П.И. Пальчинским[5]. По воспоминаниям прапорщика Н.П. Пертика, одного из первых офицеров, оказавшихся в Таврическом дворце, уже в седьмом часу вечера В.Н. Филипповский занимался назначениями по охране здания[6]. С.Д. Мстиславский, по его собственным словам, после появления в Таврическом дворце некоторое время находился в комнате № 13, по соседству с формирующимся Исполкомом Совета. Около 9 часов вечера[7] Н.Д. Соколов направил его в комнаты № 41 и 42, отведенные для «штаба восстания». Там он застал А.Ф. Керенского, В.Н. Филипповского и «десяток два офицеров разных родов войск, по преимуществу прапорщиков»[8].

[1] *Kerensky A.* Russia and History's Turning Point. New York, 1965. P. 200 (перевод на русский язык: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 140).

[2] Февральская революция. М.; Л., 1926. С. 1–62; *Lyandres S.* Idem. P. 105–111.

[3] *Lyandres S.* Idem. P. 178.

[4] *Lyandres S.* Idem. P. 66. Капитан А.А. Чиколини, через несколько часов оказавшийся в комнатах Военной комиссии, перечислил ее членов: Пальчинский, Филипповский, Кантор, Соколов и некий «вялый господин» (*Lyandres S.* Idem. P. 76).

[5] *Суханов Н.Н.* Записки о революции: В 3 т. М., 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 82; *Зензинов В.* Февральские дни // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. XXXV. С. 215.

[6] «Куррикум вите» прапорщика Пертика // ГА РФ. Ф. 4018. Оп. 3. Д. 1. Л. 132 об.

[7] В этот момент началось первое заседание Петроградского Совета (Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года. Л., 1991. Т. 1. С. 23).

[8] *Мстиславский С.* Пять дней. Начало и конец февральской революции. М., 1922. С. 12–14.

Таким образом, на основании приведенных источников можно судить о той инициативной группе, которая позже переросла в Военную комиссию. Она разместилась в комнате № 42, вероятно, позже заняв и № 41. В ее состав входили А.Ф. Керенский, М.И. Скобелев, М.Г. Кантор, П.И. Пальчинский, возможно, Н.Е. Паршин, а также В.Н. Филипповский и С.Д. Мстиславский. Лишь последние двое были офицерами, что делало их наиболее ценными сотрудниками.

Было бы преувеличением считать инициативную группу в той форме, в какой она сложилась днем 27 февраля, как и всю деятельность А.Ф. Керенского в эти часы, частью курса ВКГД. Его глава М.В. Родзянко продолжал колебаться по поводу дальнейших действий вплоть до позднего вечера 27 февраля. На совещании членов Думы в 15 часов (то есть уже после создания «штаба Керенского», пользуясь термином А.Б. Николаева) инициатива Керенского обратиться к войскам и объявить им поддержку парламента была заблокирована[1]. Вместе с тем нет оснований считать, что данная группа подчинялась и Исполкому Совета, который только формировался в эти часы. Необходимость создания центра руководства солдатским движением естественно вытекала из создавшегося положения, когда вооруженные отряды стали прибывать в Таврический дворец. В эту группу вливались все новые и новые сотрудники, в том числе офицеры-социалисты, ориентировавшиеся в своей деятельности на Совет.

Военная комиссия ВКГД?

Существуют сведения о существовании аналогичной группы при ВКГД. Однако о ней известно очень немного[2]. Н.Д. Соколов 1 марта на собрании Петроградского Совета заявил, что, когда была создана Военная комиссия (т.е. «штаб Керенского»), представители думского комитета отказались войти в нее. Позднее эта комиссия самостоятельно вошла в контакт с «думской комиссией Энгельгардта», который согласился стать ее председателем[3]. Н.Н. Суханов также вспоминал о думской военной структуре только в связи с началом сотрудничества Исполкома и ВКГД по руковод-

[1] Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов. М., 1997. С. 113, 147.

[2] А.Б. Николаев, а вслед за ним Ц. Хасегава в новейшей работе считают, что «штаб Керенского» около 19 часов 27 февраля 1917 г. был преобразован в думскую Военную комиссию решением частного совещания членов Государственной думы, о котором известно исключительно из воспоминаний одного депутата, написанных 10 лет спустя после событий (*Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. Монография. СПб., 2005. С. 195–196; *его же.* Думская революция. С. 290–291; *Hasegawa Ts.* The February Revolution, Petrograd, 1917: The End of the Tsarist Regime and the Birth of Dual Power. Lieden; Boston, 2017. P. 368). Неясно даже, где размещалась эта комиссия. А.Б. Николаев вынужден признать, что «скорее всего вполне определенного места у нее не было» (*Николаев А.Б.* Думская революция. С. 298).

[3] Петроградский Совет. С. 47.

ству движением. Он писал, что А.Ф. Керенский «соединил» «группу офицеров Временного Исполнительного комитета с такой же группой, образовавшейся при думском Военном комитете»[1]. Указание думской Военной комиссии только в связи с ее объединением с советской содержится в официальном заявлении Петроградского Совета в августе 1917 г.[2] Наконец, в «Протоколе событий», хронике, подготовленной в 1917 г. на основе документов и свидетельств членов ВКГД[3], говорится, что после назначения Б.А. Энгельгардта комендантом Таврического дворца и командующим революционными войсками под его председательством «была образована при Временном комитете Военная комиссия, которая явилась штабом революционной армии». В нее вошли офицеры различных воинских частей, а также делегаты от Совета рабочих депутатов[4].

Наиболее подробные свидетельства о Военной комиссии ВКГД содержатся в воспоминаниях Б.А. Энгельгардта. В интервью 1917 г. он сообщил, что, когда появился во дворце поздним вечером 27 февраля, комиссия находилась на стадии оформления. Полковник указал, что насущной задачей тогда было принимать оперативные решения в ответ на срочные запросы от солдат и офицеров. За это отвечал в тот момент, по его словам, профессор Военно-медицинской академии В.А. Юревич[5].

Примерно о том же Б.А. Энгельгардт писал в статье в марте 1921 г. Он отметил, что в то время, как члены ВКГД «заседали в кабинете председателя», куда никого не пускали, «солдаты и народ толпами сбегались в Государственную думу и искали здесь разъяснения происходящего и указаний». Для того, чтобы «дать ответы на сыплящиеся вопросы» со стороны солдат, было создано «нечто вроде военной комиссии» во главе с профессором В.А. Юревичем. Из этого варианта воспоминаний следует, что Военная комиссия находилась в комнатах № 41 и 42. Более того, Энгельгардт писал, что «помещение военной [ко]миссии было битком набито народом, так что трудно было разобрать, кто является ее членом, и кто пришел за распоряжением или разъяснениями». «Самый состав комиссии был крайне неопределенный и смешанный: создавалась она, так

[1] *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 77.

[2] Как образовался Петроградский Совет // Известия. 1917. 27 августа.

[3] Документ был подготовлен по инициативе члена Государственной думы В.М. Вершинина. Черновик «Протокола событий» был им сохранен и передан в архив (*Николаев А.Б.* Думская революция. С. 125–128). Беловик данного документа с небольшими расхождениями в тексте, а также заверенный подписями членов ВКГД был выявлен А.Б. Николаевым и опубликован (*Николаев А.Б.* «Протокол заседаний: совещания Государственной думы с представителями фракций, частного совещания членов Государственной думы и Временного комитета Государственной думы 27 февраля — 3 марта 1917 года»: введение, текст, комментарии // Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Международная научная конференция, Санкт-Петербург, Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2012. С. 223–340).

[4] Февральская революция 1917 года. С. 117.

[5] Lyandres S. Idem. P. 58–59.

сказать, явочным порядком и члены ее никем не были ни избраны, ни назначены». Сотрудников комиссии он тоже затруднился назвать за исключением Юревича, который «первое время продолжал работать, но скоро уехал», ее секретаря П.И. Пальчинского, а также присутствовавшего Н.Д. Соколова[1]. В апреле 1921 г., давая показания следователю «Царского дела» Н.А. Соколову, Б.А. Энгельгардт вновь отметил, что Военная комиссия ВКГД возникла к вечеру 27 февраля «явочным порядком», и во главе ее «явочным же порядком» встал Юревич, а обязанности секретаря нес Пальчинский[2]. Именно этой последней версии Энгельгардт придерживался в своих значительно более поздних мемуарах[3].

О деятельности В.А. Юревича 27 февраля известно, что он, возможно, возглавлял группу слушателей Военно-медицинской академии, явившихся во дворец этим днем[4]. Кроме того, по его предложению из числа студентов были созданы «летучие» санитарные отряды, а также открыты санитарные пункты внутри дворца и в других частях города[5]. Подобная деятельность вполне согласовывалась с опытом профессора. Приказы о занятии объектов за подписью Юревича относятся лишь к следующему дню[6]. Н.Н. Суханов вспоминал, как стал невольным свидетелем диалога Юревича с П.Н. Милюковым в Екатерининском зале. Юревич обратил внимание на «положение солдат восставших частей». Профессор считал, что ВКГД должен «позаботиться об этих солдатах, обеспечить для этого хлебом Таврический дворец и дать приют нуждающимся в нем на его обширной территории». Кроме того, «Таврический дворец как центр революции нуждается в надежной охране и сплочении вокруг себя солдатской массы». По словам Суханова, Юревич «требовал немедленных соответственных мер и предлагал себя в распоряжение тех, кто станет во главе дела»[7].

Подобные свидетельства служат слабой аргументацией в пользу версии, высказанной Б.А. Энгельгардтом. Вполне возможно, что, придя в Таврический дворец и попав сразу на заседание ВКГД, он не разобрался в ситуации, что нашло отражение в последующих воспоминаниях. Вместе с тем не стоит полностью отбрасывать версию о том, что вечером 27 февраля Военная комиссия ВКГД все-таки была создана или находилась на стадии формирования. Она могла появиться незадолго до объединения с инициативной группой из комнат № 41 и 42, которая начала свою работу тем же вечером. Отсюда и указания на существование комиссии только в связи с этим событием.

---

[1] *Б.Э.* [*Энгельгардт Б.А.*] Революционные дни (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.) // Общее дело. 1921. 16 марта.

[2] *Соколов Н.А.* Предварительное следствие 1919–1922 г. / Сост. Л.А. Лыкова // Российский архив. М., 1998. Т. VIII. С. 280–281.

[3] *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Рига, 2004. Т. VIII. С. 46.

[4] *Николаев А.Б.* Думская революция. С. 265.

[5] Там же. С. 310–311.

[6] Там же. С. 376.

[7] *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 83.

Изменение состава Военной комиссии ВКГД (28 февраля)

Как известно, в 11 часов вечера 27 февраля Временный комитет Государственной думы принял решение взять в свои руки «восстановление государственного и общественного порядка»[1]. Той же ночью М.В. Родзянко явился в комнату № 41 вместе с Б.А. Энгельгардтом и объявил, что тот назначен главой комиссии. Присутствовавший при этом Н.Д. Соколов пробовал протестовать, однако офицеры успокоили его, заявив, что не возражают против включения нового члена в свой состав[2]. С этого момента можно отсчитывать начало деятельности Военной комиссии при ВКГД[3].

Как следует из воспоминаний бундовца М.Г. Рафеса, Исполком не давал санкции на слияние военной деятельности ВКГД и советского «штаба восстания»[4]. В связи с этим к работе нового органа комитет относился с некоторым подозрением. Было решено, что за ним должны наблюдать все члены Исполкома, а кроме того в него для связи были посланы Н.Д. Соколов и П. Александрович[5]. В определенной степени об отношении к Военной комиссии говорит и обращение, опубликованное, по-видимому, 28 февраля. В нем говорилось, что Исполком, «не желая мешать борьбе со старой властью», рекомендовал солдатам выполнять распоряжения Военной комиссии, при помощи которой ВКГД «организует армию». Вместе с тем, он советовал воинским частям избрать своих представителей в Совет[6]. Иными словами, не имея достаточного количества людей с военным опытом, члены

[1] *Николаев А.Б.* Думская революция. С. 311.

[2] *Б.Э.* [*Энгельгардт Б.А.*] Революционные дни. 16 марта; *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 17; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция. С. 46; *Lyandres S.* Idem. P. 59, 76. Скобелев вспоминал, что никто не возражал ни из Военной комиссии, ни из Совета (*Lyandres S.* Idem. P. 179). Суханов, не присутствовавший при этой сцене, рассуждал позже, что назначение Энгельгардта главой Военной комиссии «было, очевидно, сочтено естественным после „присоединения“ к революции думского Временного комитета» (*Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 101).

[3] Есть две точки зрения на тот счет, когда произошло это событие. Одни историки опираются на воспоминания С.Д. Мстиславского, который писал, что это произошло «ровно в полночь» (*Мстиславский С.* Указ. соч. С. 17). Другие ссылаются на статью, опубликованную в «Известиях» в августе 1917 г., где говорится: «Лишь в 3–4 ч. ночи в помещение Военной комиссии явился М.В. Родзянко, который предложил объединиться нашей Военной комиссии с Военной комиссией при Временном думском комитете. Предложение было принято, и по обоюдному соглашению председателем комиссии был назначен полковник Энгельгардт» (Как образовался Петроградский Совет // Известия. 1917. 27 августа). Из интервью, данном Энгельгардтом в мае 1917 г., можно сделать вывод, что это событие произошло сразу после решения Родзянко взять власть в свои руки и до 3 часов ночи, поскольку в это время он отправился в запасной батальон Преображенского полка (*Lyandres S.* Idem. P. 59–60).

[4] *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое. 1922. № 19. С. 190–191.

[5] *Шляпников А.Г.* Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3-х кн. М., 1992. Т. 2. Кн. 1–2. С. 133. О своем назначении в «военный штаб революции» вспоминал и В.М. Зензинов, но он «поспешил из него сбежать», поскольку «там дело дальше теоретических ученых рассуждений небезызвестного Мстиславского не пошло» (*Зензинов В.* Указ. соч. С. 219).

[6] Петроградский Совет. С. 25.

Исполкома на определенном этапе готовы были для пользы дела уступить руководство операциями против старого правительства Военной комиссии под руководством ставленника ВКГД Б.А. Энгельгардта.

Повод для опасений у членов Исполкома действительно был. С первого момента своего назначения Энгельгардт начал действовать в русле того курса, на который встал ВКГД, то есть «водворения порядка в столице». Первым делом он написал приказ, в котором призывал солдат вернуться в казармы, офицерам восстановить порядок в своих частях, а начальникам воинских подразделений прибыть в Таврический дворец. Документ был отдан в печать за подписью его и М.В. Родзянко[1].

Нужно признать, что момент для такого приказа был выбран самый неудачный. Весь следующий день продолжались операции по занятию объектов города, борьба с полицейскими, аресты царских чиновников. Сохранялась опасность восстановления старой власти в связи с известиями о движении к Петрограду отряда генерала Н.И. Иванова, численность которого была неизвестна. Наконец, еще не было подписано отречение от престола Николая II. Могло создаться впечатление, что ВКГД, многие члены которого во главе с М.В. Родзянко считались монархистами, не заинтересован в смене режима, ведет свою собственную игру. Это рождало недоверие со стороны социалистов из Исполкома.

Б.А. Энгельгардт вспоминал, что в 5 часу утра 28 февраля в Военной комиссии узнали об этом приказе, что вызвало «большое волнение». Данное распоряжение вызвало протест со стороны Совета, поскольку оно рассматривалось как попытка «приостановить, даже задушить начавшуюся революцию». Приказ был задержан[2].

В течение 28 февраля в Военной комиссии произошли серьезные перемены. Б.А. Энгельгардт вспоминал, что для того, чтобы «упорядочить и систематизировать работу Военной комиссии», он вызвал знакомых ему полковников Генерального штаба[3]. Пополнение Военной комиссии генштабистами отмечали и другие мемуаристы[4]. Офицерство стало массово переходить на сторону революции и предлагать свои услуги Военной комиссии, чего, как отметил Н.Н. Суханов, «совершенно не было раньше»[5]. На это могло повлиять и сообщение от имени ВКГД, опубликованное в «Известиях Комитета петроградских журналистов» 28 февраля: «Дума стремится установить связь между офицерами и нижними чинами. Чувствуется настоятельная потребность в организации воинских масс, исполненных лучших стремлений, но еще не организованных,

[1] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 274–275; Февральская революция 1917 года. С. 123, 150; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция. С. 47; *Lyandres S.* Idem. P. 62. Приказ был отдан в печать около 2 часов ночи (*Б.Э.* [*Энгельгардт Б.А.*] Революционные дни. 16 марта).

[2] *Б.Э.* [*Энгельгардт Б.А.*] Революционные дни. 16 марта.

[3] *Б.Э.* [*Энгельгардт Б.А.*] Революционные дни. 17 марта; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция. С. 53.

[4] *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 26; *Тарасов-Родионов А.И.* Февраль. М.; Л., 1928. С. 268–270; *Шляпников А.Г.* Указ. соч. С. 158.

[5] *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 105.

слишком быстро идут события. Поэтому офицеры приглашаются оказать всемерное содействие Государственной думе в этом тяжелом труде»[1].

Также 28 февраля 1917 г. за подписью Военной комиссии ВКГД и М.В. Родзянко был опубликован приказ, обращенный к офицерам Петроградского гарнизона и всем, находящимся в столице. Он предписывал на следующий день явиться в 10 часов утра в зал «Армии и флота» для получения удостоверений для исполнения поручений Военной комиссии ВКГД по организации солдат, «примкнувших к представителям народа для охраны столицы»[2]. Полковник Г.Г. Перетц описывал последствия этого приказа на следующий день: «Все помещения Таврического дворца были в этот день полны офицерами, непрерывно с утра и до позднего вечера прибывавшими во дворец народной свободы, чтобы засвидетельствовать свою верность новому строю России и предложить свои услуги на благо народу»[3]. Таким образом, действия ВКГД показывают, что он пытался опереться на офицерство для успокоения солдатских волнений. И в этом он встретил поддержку со стороны командного состава, которому требовалась санкция от новых властей для возвращения к службе.

Именно привлечение к революционному движению профессиональных офицеров является наиболее значимым вкладом ВКГД в успех Февральского восстания. Под их руководством была создана разветвленная система отделов Военной комиссии, более планомерными стали операции по занятию объектов и районов города[4]. Инициатива по руководству восстанием в этот день начала переходить к ВКГД. Б.А. Энгельгардт вспоминал, что «днем 28 февраля престиж Государственной думы был еще высок в массах, он начал падать 24 часа спустя, к вечеру 1-го марта»[5].

По мере того, как орган руководства восставшими полками пополнялся профессиональным командным составом, офицеры-активисты, первыми пришедшие в Таврический дворец, вытеснялись со своих постов. Символической переменой стало перенесение основной работы Военной комиссии из комнат № 41 и 42 на второй этаж, где-то недалеко от квартиры бывшего коменданта Государственной думы Б.Ф. Остен-Сакена[6]. Окончательное «отчуждение» Военной комиссии от влияния Совета про-

[1] Задачи Исполнительного комитета Государственной думы // Известия Комитета петроградских журналистов. 1917. 28 февраля.

[2] Приказ г.г. офицеры Петроградского гарнизона и все г.г. офицеры, находящиеся в Петрограде [листовка] // РНБ. Фл III/5.

[3] *Перетц Г.Г.* В цитадели русской революции: Записки коменданта Таврического дворца. 27 февраля — 23 марта 1917 г. Пг., 1917. С. 48.

[4] *Николаев А.Б.* Думская революция. С. 440–448.

[5] *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция. С. 51. В мае 1917 г. в беседе с генералом А.Н. Куропаткиным полковник Б.А. Энгельгардт выражался осторожнее. Он сказал, что «был хозяином положения только первые 6 часов. Затем фактическая власть перешла [к] Совету солдатских и рабочих депутатов, и он не мог предотвратить издание приказа № 1» (Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный архив. 1927. №1 (20). С. 72).

[6] *Мстиславский С.* Указ. соч. С. 26; *Тарасов-Родионов А.И.* Указ. соч. С. 268; *Суханов Н.Н.* Указ. соч. С. 139; *Соколов Н.А.* Предварительное следствие. С. 281; *Половцов П.А.* Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петро-

изошло поздним вечером 1 марта. Б.А. Энгельгардт уступил должность председателя А.И. Гучкову, которому прочили пост военного министра. По его мысли, создание правительства делало ненужным существование Военной комиссии, и новый министр, приняв председательствование в ней, «постепенно свел бы к нулю ее значение»[1].

В связи с концепцией А.Б. Николаева о «думско-советском» характере Военной комиссии важно обратить внимание на протокол заседания президиума Союза офицеров-республиканцев 10 марта. Союз этот был создан 5 марта офицерами социалистической ориентации во главе с В.Н. Филипповским, вытесненными из Военной комиссии. Он разместился в тех же комнатах № 41 и 42[2]. Офицеры-активисты предложили реорганизовать состав Военной комиссии ВКГД, предложив восстановить ее «в том именно составе, в каком она была порождена 27 февраля, а именно: Филипповский, Лощинский, Скобейко, Масловский, Чиколини, Энгельгардт, Пальчинский и Добраницкий». Пятеро из них являлись членами Союза, полковник Б.А. Энгельгардт, П.И. Пальчинский и капитан А.А. Чиколини представляли ВКГД. Они, согласно идее Союза, должны были стать ядром, вокруг которого объединятся представители Совета и военного министерства. Кроме того, Исполком Совета должен был входить в комиссию в полном составе[3].

Таким образом, с ночи на 28 февраля, когда еще не был понятен исход Февральского восстания, основную работу осуществляли и офицеры-социалисты, и представители ВКГД. Однако само по себе создание Союза офицеров-республиканцев и содержание его претензий к Военной комиссии означает, что они были вытеснены из руководства движением, а, следовательно, своего влияния на Петроградский гарнизон лишился и Исполнительный комитет Совета.

Используя доступные мемуарные свидетельства, можно сделать следующие выводы. В нашем распоряжении нет достаточно достоверных свидетельств для того, чтобы утверждать, что Военная комиссия ВКГД оформилась и начала действовать до того, как появилась аналогичная организация, подчиненная Исполкому Совета. Вместе с тем первые шаги по организации восставшего Петроградского гарнизона правильнее связывать с деятельностью во многом независимого «штаба Керенского», оформившегося в комнатах № 41 и 42. В ночь с 27 на 28 февраля на базе этой группы политиков и офицеров была создана Военная комиссия при ВКГД, которую возглавил Б.А. Энгельгардт. История этого органа показывает сложные взаимоотношения сотрудничества и борьбы двух центров, претендовавших на контроль над Петроградским гарнизоном.

градского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999. С. 26; *Lyandres S.* Idem. P. 79.

[1] *Б.Э.* [*Энгельгардт Б.А.*] Революционные дни. 17 марта; *Соколов Н.А.* Предварительное следствие. С. 281; *Энгельгардт Б.А.* Революция и контрреволюция. С. 58.

[2] Народная армия. 1917. 7 марта; *Тарасов-Родионов А.И.* Указ. соч. С. 373–378.

[3] Протокол заседания президиума Союза офицеров-республиканцев Народной армии // ГА РФ. Ф. 4018. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. Этот проект реформы Военной комиссии был представлен на заседании Исполнительного комитета Совета 11 марта (Петроградский Совет. С. 269).

ВРЕМЕННЫЙ КОМИТЕТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ 11–20 АПРЕЛЯ 1917 ГОДА: ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЙ

НИКОЛАЕВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской истории
Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена,
заместитель председателя НМС
Центра истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена заседаниям Временного комитета Государственной думы, которые проходили 11–20 апреля 1917 года. Анализируя историографию вопроса, автор приходит к выводу о том, что советские и современные российские историки о них даже не упоминали. Для создания хроники заседаний думского Комитета использовались в первую очередь делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде 1278 РГИА. Впервые в отечественной историографии в статье указывается, что с 11 и по 20 апреля 1917 г. включительно состоялось 7 заседаний Временного комитета Государственной думы. Доказано, что думский Комитет продолжал участвовать в функционировании механизма временной власти, обсуждая и в большинстве случаев, правда, отклоняя просьбы, поступаемые от Временного правительства и с мест, о назначении комиссаров из числа членов Государственной думы. Для изучаемого периода характерно привлечение к деятельности ВКГД депутатов Государственной думы, входивших преимущественно во фракцию земцев-октябристов, фактическим лидером которой был М.В. Родзянко. По подсчетам автора, трое из пяти командированных на места депутатов были земцами-октябристами, а единственный комиссар Временного правительства, назначение которого было согласовано думским Комитетом, тоже входил в эту фракцию.

Ключевые слова: заседания Временного комитета Государственной думы, земцы-октябристы, М.В. Родзянко.

Заседания Временного комитета Государственной думы, проходившие 11–20 апреля 1917 г., отечественными исследователями не изучены. Так, советские историки В.В. Комин и Д.В. Ознобишин вообще не упоминают ни об одном из них[1]. Ничего не пишут о заседаниях ВКГД в этот

[1] *Комин В.В.* Контрреволюционная деятельность Государственной думы после свержения самодержавия. Март — октябрь 1917 года // Ученые записки Калининского государственного педагогического института им. М.И. Калинина. Калинин, 1963. Т. 34. С. 205–306; *Ознобишин Д.В.* Временный комитет Государственной думы и Временное правительство // Исторические записки. 1965. Т. 75. С. 273–294.

период в своих работах современные исследователи Н.А. Коваленко[1], Ф.А. Гайда[2], И.К. Кирьянов[3] и Е.С. Гавроева[4]. Даная статья ставит своей целью восстановить хронику заседаний думского Комитета, проходивших 11–20 апреля 1917 года.

Источниковую базу исследования составляют документы, отложившиеся в РГИА в фонде 1278 (Государственная дума). Подчеркнем, что журналов заседаний думского Комитета за 11–20 апреля 1917 г. не выявлено. Наибольший интерес представили отпуски различных удостоверений, которые были выписаны депутатам IV Государственной думы, а также деловая переписка, которую вел ВКГД с депутатами и другими лицами и учреждениями. Сами эти документы, как правило, не содержат дат проведения заседаний ВКГД. Но пометки и резолюции на них позволяют, пусть и условно, отнести их появление к тому или иному заседанию думского Комитета. Лучше обстоит дело с документами по финансовым вопросам, т.к. они содержат дату заседания ВКГД, на котором тот или иной вопрос был рассмотрен/решен. В фонде 1278 содержится стенографическая запись доклада М.С. Аджемова на заседании ВКГД[5]. Стенограмма не датирована. Аджемов рассказывал о своем выступлении на митинге «в одном из манежей 2-го запасного тяжелой артиллерии дивизиона». Председательствовал на заседании М.В. Родзянко. Установлено, что Аджемов был командирован в Царское Село, где и располагалась указанная часть, 8 апреля[6]. Родзянко вернулся из Минска 10 апреля и впервые после возвращения председательствовал в заседании 11 апреля. Когда выступил с докладом Аджемов, сказать трудно. Можно лишь предположить, что сделал он это сразу же после возвращения Родзянко в Петроград, т.е. 11 апреля. Периодическая печать о заседаниях ВКГД 11–20 апреля не писала. В исторических хрониках, изданных в 1920-х гг., сведений о заседаниях думского Комитета в изучаемый период нет[7].

Вместе с тем выявленные источники позволяют восстановить хронику заседаний Временного комитета Государственной думы 11–20 апреля 1917 г.

[1] *Коваленко Н.А.* Центральная власть и аппарат управления в России: механизм формирования и функционирования (февраль — октябрь 1917 г.). М., 2000.

[2] *Гайда Ф.А.* Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М., 2003; *его же.* Временный комитет Государственной думы // Россия в 1917 году: энциклопедия. М., 2017. С. 188–191.

[3] *Кирьянов И.К.* Государственная дума в 1917 году // Вестник Пермского университета. 2002. История. Вып. 3. С. 105–117; *его же.* Государственная дума после 25 февраля 1917 г.: от политической реальности к виртуальности // Известия Алтайского государственного университета. Серия история, политология. 2008. № 4/4. С. 82–88.

[4] *Гавроева Е.С.* М.В. Родзянко и князь Г.Е. Львов: механизм функционирования власти в марте — апреле 1917 г. // Journal of Modern Russian History and Historiography. Leiden; Boston, 2016. Vol. 9. P. 198–222.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 257–259.

[6] Там же. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 162, 166.

[7] *Авдеев Н.* Революция 1917 года. (Хроника событий.) М.; Пг., 1923. Т. II. С. 50–51; *Максаков В., Нелидов Н.* Хроника революции. 1917 год. М.; Пг., 1923. Вып. 1.

11 апреля заседанием ВКГД руководил М.В. Родзянко (земец-октябрист), вернувшийся в этот день из поездки в Минск и на фронт[1]. Предположительно на этом заседании был заслушан доклад члена ВКГД М.С. Аджемова (кадет), принявшего участие в митинге 2-го запасного тяжелой артиллерии дивизиона в Царском Селе. Любопытно, что выступавший на митинге перед Аджемовым представитель Совета говорил солдатам «о двоевластии, которое он отрицал абсолютно и которого, по его мнению, нет». Аджемов рассказывал: «Затем выступил я; и когда сказал, что — член Думы, то солдаты встретили меня очень радушно <...> сказал несколько слов и от вашего имени (М.В. Родзянко — *А.Н.*). Тут были опять аплодисменты»[2]. Далее он заявил: «<...> вы — вооруженное крестьянство, которое на себе испытало все прелести старого порядка, которое убедилось, что все недочеты привели к необходимости считаться с правительством прежде всего в том, что он не исполняет первой своей обязанности, а именно [–] защищать безопасность страны». Аджемов говорил: «народ поставил вопрос: заслуживает ли далее права на существование та власть, которая привела страну в такое положение? Вы разрешили это в отрицательном смысле». Вслед за этим он предупредил собравшихся: «если вы теперь эту войну проиграете, то и о нас, как о народе, будет поставлен кем-то вопрос [,] заслуживаем ли мы эту свободу? Они кричали: „будем, будем‟»[3]. Видимо, этими словами они обещали не проиграть войну, воевать до победы. Определенный интерес представляет та часть речи, в которой он рассказал о роли Государственной думы в революции. Он говорил, что народные представители «вели борьбу чисто словесную, готовили общественное мнение», «Дума боролась <...> до последнего момента[,] все думала, что этот вопрос можно разрешить без конфликта, так как тяжело во время войны делать революцию», но «все это не привело ни к чему, и в результате пришлось разрешить это путем революционным через ваше же посредство». Аджемов призвал участников митинга не слушать тех, кто говорит, что революция — «только дело рук рабочих или солдат». Вспоминая дни Февральской революции, он говорил: «в тот день, когда войска шли в Таврический дворец, другие войска шли, чтобы подавить первых, то[,] может быть[,] на шее нашего председателя уже чувствовалось прикосновение веревки Николая II, и он рисковал точно так же, как могли рисковать и все те, которые шли к Таврическому дворцу». В ответ на эти слова «поднялись бурные аплодисменты». По словам Аджемова, революцию делал «весь русский народ»[4]. Не обошлось и без антиленинской агитации со стороны Аджемова, который призвал солдат: «Так скажите же таким господам, как Ленин, что если они не будут поддерживать то дело, ради которого и вы приносите свою жизнь[,] и вся страна напряженно борется, то в таком случае вы сумеете найти минутку свободного времени, чтобы от фронта повернуться к дворцу Кшесин-

[1] Хроника // День. 1917. 12 апреля.
[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 257.
[3] Там же. Л. 258.
[4] Там же. ЛЛ. 258–259.

ской». На этом речь Аджемова на митинге, по его словам, и закончилась. М.В. Родзянко заметил, что и шея Аджемова «была недалека от веревки». И тут же Родзянко сообщил участникам заседания, что «одновременно с указом о перерыве занятий Государственной думы был поднесен проект протопоповского указа о моем арестовании, но царь не решился его утвердить». Родзянко утверждал, что «видел копию этого указа». Аджемов тут же спросил: «Можно это пустить в ход на митинге?» Родзянко запретил это делать, т.к. ему это было сообщено по секрету американским послом, который и показал ему копию указа[1].

На этом заседании ВКГД была доложена справка, подписанная за министра внутренних дел товарищем министра, в которой говорилось о том, что «в Минской губернии наблюдается некоторая инертность духовенства и даже отчасти отрицательное отношение к новому строю». Товарищ министра высказал пожелание, чтобы «Минскую губернию посетил кто-нибудь из священников — членов Государственной думы» «для урегулирования данного вопроса» и бесед «с духовенством некоторых благочиний». Была названа и кандидатура для командировки — о. Ф.Д. Филоненко (группа центра), но не обязательно он. Думский Комитет постановил командировать о. А.В. Смирнова (земец-октябрист)[2]. 13 апреля ВКГД оформил за подписью М.В. Родзянко командировочное удостоверение за № 1058 от. А.В. Смирнову «в гор. Минск для сношения с духовенством»[3]. 11 апреля за № 1038 ВКГД оформил командировку в Орловскую губернию депутату В.А. Потулову (земец-октябрист) «для сношения с войсками и населением». Удостоверение подписано председателем Временного комитета и Государственной думы М.В. Родзянко и управляющим делами ВКГД Я.В. Глинкой[4].

11 апреля думский Комитет рассмотрел заявление коменданта Таврического дворца войскового старшины И.В. Заплатина от 11 апреля за № 113, в котором он просил разрешить ему отпуск на восемь дней для участия в качестве депутата в войсковом съезде, назначенном на 15 апреля 1917 г. в Оренбурге. ВКГД удовлетворил просьбу Заплатина[5].

На заседании 11 апреля ВКГД занимался финансовыми вопросами и благотворительностью. Он постановил выдать вознаграждение 53-м писарям Военной комиссии ВКГД, произведя расчет по 15 апреля 1917 г., «с тем, чтобы с указанного числа штат писарей был сокращен до размеров[,] вызываемых действительной необходимостью». В связи с этим постановлением Управление делами ВКГД просило ВК ВКГД к 15 апрелю «представить список работающих» в ней «писарей с указанием времени работы и следуемого вознаграждения для сообщения в Казначейскую часть». Уведомление

[1] Там же. Л. 259. Первым ввел в научный оборот эти сведения И.И. Минц. См.: *Минц И.И.* История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 513.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 255.

[3] Там же. Д. 6. Л. 168.

[4] Там же. Л. 180. Конечно, решение могло быть принято и ранее, т.е. до 11 апреля 1917 г.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 9. Л. 80.

от 12 апреля за № 1052 подписано управляющим делами ВКГД Я.В. Глинкой и адресовано ВК ВКГД[1]. 14 апреля за № 1070 ВКГД просил казначея ВКГД выдать вознаграждение писарям с 28 февраля по 15 апреля 1917 г. по списку в размере 2130 р. 75 к.[2]. 11 апреля думский Комитет постановил «разрешить выдать Елене Соловьевой шкатулку с ценными бумагами и вещами, если не встречается сомнений в принадлежности ей означенных вещей». Уведомление адресовано казначею ВКГД Н.М. Панкееву и подписано за управляющего делами ВКГД И.И. Батовым[3].

Думский Комитет, опираясь на решения, принятые Комиссией помощи жертвам революции соответственно 10[4] и 11 апреля[5], постановил выдать пособия: 1) крестьянину Псковской губ., Порховского уезда, деревни Петрово Петру Карповичу Карпову, раненному «в правую голень в дни революции»[6], в размере 100 р.[7]; 2) семье убитого 27 февраля Петра Трофимовича Корякова, крестьянина Смоленской губ., Дорогобужского уезда, Озерищенской вол., деревни Федоты — 300 р.[8] Коряков был членом РСДРП[9] и работал на Русско-Балтийском воздухоплавательном заводе[10]. Похоронен 2 марта на Серафимовском кладбище[11]. По другим сведениям, похоронен 23 марта в братской могиле № 1 на Марсовом поле[12]. Заметим, что Комиссия помощи жертвам революции постановила выдать единовременно семье убитого 100 р.[13]. Иначе говоря, думский Комитет увеличил размер пособия семье Корякова, назначенного Комиссией помощи жертвам революции, в три раза. ВКГД о принятом постановлении уведомил 12 апреля за № 1050 своего казначея Н.М. Панкеева[14].

---

[1] Там же. Д. 14. Л. 44.

[2] Там же. Л. 46.

[3] Там же. Л. 56.

[4] Там же. Д. 17. Л. 47.

[5] Там же. Л. 41.

[6] Там же. Л. 48.

[7] Там же. Л. 53. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выдал П.К. Карпову 29 марта денежное пособие в 75 р. Позднее он получил от Петросовета новые денежные пособия: 350 р. 24 апреля и 125 р. в июне. Всего в марте–июне Карпов получил от Петросовета 550 р. (ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 928. ЛЛ. 25, 41, 41 об.) Сведения сообщил А.И. Петров. См. также: *Петров А.И.* Жертвы Февральской революции в списках прессы и Похоронной комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2019. С. 61).

[8] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 53.

[9] Там же. Л. 42.

[10] Там же. Л. 45.

[11] Там же. Л. 44.

[12] *Мельников А.В.* К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде // 90 лет Февральской революции в России. Сб. науч. ст. СПб., 2007. С. 48.

[13] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 41.

[14] Там же. Л. 53. Заметим, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов выдал, видимо, после 26 мая отцу убитого П.Т. Корякова денежное по-

12 апреля 1917 г. на своем заседании думский Комитет рассмотрел просьбу МВД от 10 апреля за № 7724, подписанную за министра внутренних дел товарищем министра. В ней запрашивалось, не встречается ли препятствий со стороны ВКГД к командированию депутата Государственной думы Г.С. Унковского (земец-октябрист) в Пензенскую губернию в качестве комиссара Временного правительства. ВКГД против этого назначения не возражал[1]. 13 апреля за № 1065 М.В. Родзянко уведомил министра внутренних дел, что «со стороны Временного комитета не встречается препятствий к командированию члена Государственной думы Унковского в Пензенскую губернию»[2]. 20 апреля ВКГД получил письмо министра-председателя Временного правительства на имя Г.С. Унковского, в котором кн. Г.Е. Львов просил Унковского «отправиться в Пензенскую губернию в качестве комиссара Временного правительства для выяснения положения дела на месте»[3]. Судя по всему, на этом же заседании обсуждался вопрос о положении в Бессарабской губ. По итогам этого обсуждения на имя министра внутренних дел на следующий день было отправлено письмо за № 1064. В нем сообщалось, что по сведениям, имеющимся во Временном комитете, в Бессарабской губернии «до настоящего времени на местах остаются представители старой власти, препятствующие проведению в жизнь начал нового государственного строя». По мнению ВКГД, «при таких условиях внесение успокоения среди населения и создание условий для нормальной жизни <...> является задачей неосуществимой». И для того, чтобы решить ее, необходимо было устранить представителей старой власти на местах. Вместе с тем думский Комитет поручил депутатам кн. С.П. Мансыреву (прогрессист) и от. Ф.Д. Филоненко «посетить Бессарабскую губернию по пути их возвращения с Румынского фронта». Письмо подписано председателем Временного комитета и Государственной думы М.В. Родзянко и управляющим делами ВКГД Я.В. Глинкой[4].

На заседании 12 апреля ВКГД занимался и финансовыми вопросами. Так, в этот день ему было доложено и отклонено ходатайство председателя Исполкома служащих Комитета Юго-Западного фронта Всероссийского союза городов об ассигновании 65 000 р. на просветительскую деятельность. Объясняя свой отказ, ВКГД писал, что не признал возможным «отпускать средства частным организациям», деятельность которых «не может находиться под непосредственным контролем Временного комитета». Вместе с тем он готов был выдавать субсидии «на издание отдельных брошюр, воззваний и пр. по предварительному одобрению редакции

собие в размере 400 р. (*Петров А.И.* Жертвы Февральской революции в списках прессы и Похоронной комиссии Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. С. 63. См. также: ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 928. ЛЛ. 41–43 об.).

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 253.

[2] Там же. Л. 258.

[3] Там же. Л. 279.

[4] Там же. Л. 261.

их Временным комитетом»[1]. ВКГД также отклонил просьбу адъютанта военного министра штабс-капитана И.Б. Смольянинова и ротмистра В.М. Трилицкого о назначении в издательский комитет военно-общественной газеты «Наша сила» депутата Государственной думы по выбору думским Комитетом и выдаче ассигнования на издание этой газеты[2].

13 апреля 1917 г. ВКГД был доложен счет редакции и типографии «Известий Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» от 31 марта об уплате за произведенные типографские работы по 14 заказам в размере 10 734 р.[3]. Думский Комитет постановил уплатить только за 4 заказа, стоимостью в 5090 р. Среди них: «Резолюция петроградских офицеров, принятая на собрании 1 марта» (180 000 экз.), «Воззвание железнодорожникам» (200 000 экз.), «Объявление Временного правительства относительно Учредительного собрания» (20 000 экз.), «Воззвание от Временного правительства» (50 000 экз.)[4].

14 апреля 1917 г. думский Комитет на своем заседании рассмотрел просьбу Центрального комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях о включении представителя ВКГД в состав контрольной комиссии, отправляющейся на Тамбовский пороховой завод. В письме сообщалось, что поездка организована по ходатайству местного Совета рабочих и солдатских депутатов «для обследования положения дел названного завода». ВКГД был проинформирован, что отъезд контрольной комиссии предполагается 15 апреля «с вечерним волжским поездом». Думский Комитет постановил командировать депутатов Государственной думы В.А. Степанова (кадет) и А.А. Бубликова (прогрессист)[5]. В этот же день Управление делами ВКГД за подписью Я.В. Глинки уведомило о командировке депутатов В.А. Степанова[6] и А.А. Бубликова[7]. Кроме этого, оно сообщало, что «15 апреля в 2 часа дня в помещении Центрального комитета (Литейный пр., [д.] 46) назначено совещание лиц, командируемых на завод»[8]. Командировочные удостоверения Степанову за № 1099 и Бубликову за № 1101 были оформлены 14 апреля[9].

Не исключено, что на этом же заседании думский Комитет выслушал А.А. Бубликова, который сообщил о предложении, сделанном ему военным и морским министром А.И. Гучковым. Укажем, что 13 апреля в «Вестнике Временного правительства» была опубликована небольшая заметка, в которой сообщалось о намерении правительства назначить во Владивосток особого главноначальствующего из числа членов Госу-

[1] Там же. Д. 14. ЛЛ. 45–45 об., 48, 49–49 об.
[2] Там же. Л. 70.
[3] Там же. Л. 60.
[4] Там же. Л. 47.
[5] Там же. Д. 7. Л. 262.
[6] Там же. Л. 263.
[7] Там же. Л. 264.
[8] Там же. ЛЛ. 263–264.
[9] Там же. Д. 6. ЛЛ. 169–170.

дарственной думы. Также сообщалось, что ВКГД предложил взять на себя эти обязанности члену Государственной думы А. Бубликову[1]. Однако каких-либо сведений в думском делопроизводстве о принятии ВКГД решения по этому вопросу накануне 13 апреля и обращении его с предложением к Бубликову нет. Скорее всего, он и руководство думским Комитетом узнали обо всем из «Вестника Временного правительства». Вместе с тем Бубликов получил письмо от военного и морского министра от 13 апреля за № 1502. В нем А.И. Гучков писал о «безотрадном состоянии» порта, о необходимости «принять самые энергичные меры к упорядочению его деятельности, объединив военную и морскую власть во Владивостоке». Он просил Бубликова взять на себя обязанности главноначальствующего Владивостоком, «хотя бы как комиссар Временного правительства, с предоставлением <...> прав генерал-губернатора и с подчинением министру внутренних дел». В случае согласия Бубликова Гучков обещал «немедленно» возбудить «соответствующее представление Временному правительству». Кроме этого, Гучков просил Бубликова составить «проект нового положения об управлении Владивостоком»[2]. Когда точно, 13 или 14 апреля, Бубликов получил это письмо, неизвестно. Но он сразу же доложил о просьбе Гучкова руководству Думы. ВКГД, рассмотрев предложение военного и морского министра, «постановил войти неотлагательно в контакт с Временным правительством по вопросу об обеспечении внешних сношений России через Владивосток в широком понимании сего слова». Думский комитет разъяснял, что речь идет о финансировании и выполнении «заказа подвижного состава в Америке», его доставке, сборке и переделке во Владивостоке, об урегулировании его отправки по Китайско-Восточной железной дороге. И только после выяснения этих вопросов ВКГД был готов начать обсуждение вопроса о необходимости назначения комиссара из числа депутатов IV Думы. Так как официального запроса в ВКГД со стороны министра-председателя не последовало, то и руководство Комитета Думы ответило Гучкову частным образом через Бубликова. Он 15 апреля отправил письмо в адрес военного и морского министра, в котором сообщил: «Признавая себя состоящим ныне в распоряжении Временного комитета Государственной думы, я счел своим долгом довести Ваше письмо до сведения Комитета и испросить его указаний». И далее Бубликов изложил решение, принятое ВКГД[3]. В этот же день А.А. Бубликов препроводил на имя М.В. Родзянко копию письма А.И. Гучкова и его ответ ему[4].

ВКГД, опираясь на решения Комиссии помощи жертвам революции от 14 апреля, постановил выплатить пособия: 1) рабочему консервного

[1] Новые назначения / Административные известия // Вестник Временного правительства. 1917. 13 апреля.

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 273.

[3] Там же. Л. 274.

[4] Там же. Л. 272.

завода Ефиму Александровичу Лысакову — 200 р.[1]. 27 февраля «во время уличных боев» он получил на Невском проспекте три огнестрельные раны головы, находился на лечении в Англо-Русском госпитале[2] с 27 февраля по 25 марта 1917 г.[3]; 2) прапорщику запасного батальона гвардейского Московского полка Алексею Лоскутову — 500 р.[4]. Он получил огнестрельное ранение грудной клетки и ушибленную рану головы, лечился с 4 по 10 марта 1917 г. в Клиническом военном госпитале[5]. Комиссия помощи жертвам революции приняла решение выдать ему единовременно пособие в размере 350 р.[6]. Думский Комитет увеличил пособие на 150 р.; 3) крестьянке Вологодской губ., Спасской волости, деревни Звяги Олимпиаде Дмитриевне Стрельцовой — 300 р.[7]. Пособие ей было назначено как матери, которая лишилась сына, единственного кормильца. Николай Стрельцов, рядовой 3-го пехотного запасного полка[8], 1 марта получил огнестрельное ранение «левой ягодичной области с повреждением мочевого пузыря», находился на излечении в Обуховской больнице, скончался в 12 ч. 15 м. дня 16 марта[9], а 23 марта похоронен в братской могиле[10] № 4 на Марсовом поле[11]; 4) матери печатника в типографии Михаила Емельяновича Григорьева Марфе Григорьевой — 300 р.[12]. М.Е. Григорьев, 16 лет, был ранен 28 февраля на Суворовском пр. револьверной пулей из «Маузера»[13]; 5) крестьянке Смоленской губ., Сычевского уезда, Богоявленской волости, деревни Шилино Анфисе Никоновне Бобиной. Комиссия помощи жертвам революции приняла решение выделить ей пособие в размере 360 р., выплачивая по 30 руб. в месяц[14]. ВКГД же увеличил пособие на 120 р., доведя его до 480 р., предполагая выплачивать по 40 р. в месяц в течение одного года[15]. А.Н. Бобина получила пособие как оставшаяся без кормильца с двумя детьми (12 и 7 лет). Ее муж,

[1] Там же. Д. 17. Л. 67. 3 мая 1917 г. Е.А. Лысаков получил денежное пособие в размере 100 р. от Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (*Петров А.И.* Указ. соч. С. 62. Автор ссылается на: ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 928. ЛЛ. 16, 42; Ф. Р-6992. Оп. 1. Д. 9. Л. 10).

[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 54.

[3] Там же. Л. 55.

[4] Там же. Л. 67.

[5] Там же. Л. 57.

[6] Там же. Л. 56.

[7] Там же. Л. 67.

[8] Там же. Л. 58

[9] *Румянцев А.Г.* Метрические книги как источник по истории Февральской революции: актовые записи об умерших по Обуховской больнице // Герценовские чтения 2018. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2019. С. 195.

[10] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. ЛЛ. 58–59.

[11] *Мельников А.В.* К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде. С. 58.

[12] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 67.

[13] Там же. ЛЛ. 60–60 об.

[14] Там же. Л. 62.

[15] Там же. Л. 67 об.

Михаил Васильевич Бобин, рабочий при строительной конторе Гвардейского экономического общества, убит 28 февраля, доставлен в Обуховскую больницу как «лицо неизвестного звания» и похоронен 23 марта в братской могиле на Марсовом поле[1]. Заметим, что в списках 184 лиц, похороненных на Марсовом поле, он не значится[2] и относится к 43 неизвестным. Иначе говоря, на одного неизвестного, похороненного на Марсовом поле, стало меньше! ВКГД разъяснил казначею Н.М. Панкееву, что все суммы «должны быть отнесены на счет сумм, пожертвованных для выдачи пострадавшим в связи с революцией»[3]. Кроме этого, думский Комитет рассмотрел дело отставного вольноопределяющегося 133 Симферопольского полка Сергея Александровича Покровского, который вследствие ранения и контузии был уволен в отставку. Нуждаясь в медицинской помощи, одежде и питании, он обратился за помощью во Временный комитет Думы. Комиссия помощи жертв революции 11 апреля отказала ему в выдаче пособия, сославшись на то, что «проситель не является жертвой революции»[4]. ВКГД же постановил выдать Покровскому 300 р. Но деньги должны быть отнесены «на счет поступивших в распоряжение председателя Государственной думы»[5].

15 апреля 1917 г. Временный комитет ознакомился с отчетом Отдела сношений с провинцией от 15 апреля за № 303 за подписью начальника Отдела А.Я. Тимофеева о командировке делегатов С. Руденко и А. Чуракова на Або-Аландские укрепленные позиции в связи с ходатайством моряков из Гельсингфорса со сведениями «о серьезных недоразумениях между солдатами и офицерами». Делегаты прибыли сначала в Гельсингфорс, а затем посетили Або и остров Оланд (так в тексте, правильно — Аланд — *А.Н.*). По словам Тимофеева, появление на острове делегации «вызвало овации, сопровождавшиеся манифестациями», а батарея № 74 «преподнесла Думе от своего имени красное знамя с девизами: „Война до конца“ и „Да здравствует Демократическая республика“». Делегаты, как писал Тимофеев, провели «более 30 митингов на платформе Временного комитета Государственной думы», вели беседы с солдатами и офицерами, «умиротворяя авторитетом Думы обостренные отношения между ними, вскрытые новым строем»[6].

Не исключено, что в этот день думский Комитет вновь вернулся к вопросу о командировании депутатов на Тамбовский пороховой завод по просьбе Центрального комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях. Во всяком случае, 15 апреля за № 1105 и № 1106 командировочные удостоверения были выписаны депутатам П.А. Ярмоловичу (независимый правый) и В.В.

[1] Там же. ЛЛ. 62, 64.

[2] *Мельников А.В.* К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде. С. 46–58.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 17. Л. 67 об.

[4] Там же. Л. 50

[5] Там же. ЛЛ. 67–67 об.

[6] Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 100.

Лашкевичу (кадет)[1]. Это назначение могло быть вызвано тем, что Степанов и Бубликов отказались от поездки. Вместе с тем в думском делопроизводстве документов с их отказом от командировки нет.

Думский комитет занимался на этом заседании и финансовыми вопросами. Он постановил «возобновить аванс Военной комиссии в размере 814 р. 31 к.»[2].

19 апреля 1917 г. ВКГД были доложены и приняты им к сведению телеграммы депутатов с мест. Председатель Особого Закавказского комитета В.А. Харламов (кадет) телеграфировал из Тифлиса о проведенном им собрании по вопросу о Займе Свободы, на котором проведена предварительная подписка на него, давшая около 8 миллионов рублей. Кроме этого, по словам Харламова, был избран «специальный комитет для дальнейшей пропаганды и размещения займа». Телеграмма была отправлена в три адреса: министру-председателю, министру финансов и председателю Государственной думы[3]. Депутат Л.Г. Люц (земец-октябрист) писал из Лисок председателю Государственной думы, что «закончил объезд Беловодских заводов», провел много бесед с местным населением, которое признательно Государственной думе и «поддерживает Временное правительство». По словам Люца, командированного ВКГД на Беловодские государственные конные заводы, «пока все налажено». Люц также сообщал, что «вызван [в] Хреновое»[4].

На этом же заседании ВКГД рассмотрел телеграмму из Ставропольской губернии, адресованную председателю Совета министров кн. Г.Е. Львову и М.В. Родзянко и принятую в Петрограде 18 апреля. В ней сообщалось, что общее собрание Губернского комитета общественной безопасности «14 апреля единогласно постановило просить Временное правительство об оставлении члена Государственной думы» Д.Д. Старлычанова (трудовик) в «должности ставропольского губернского комиссара». Думский Комитет постановил эту просьбу отклонить[5]. 21 апреля за подписью председателя Государственной думы М.В. Родзянко была отправлена телеграмма председателю Ставропольского губернского комитета общественной безопасности Н.Г. Дидрихсону, что ВКГД «не нашел возможным оставить члена Думы Старлычанова в должности комиссара»[6]. Не исключено, что 19 апреля ВКГД рассмотрел просьбу товарища министра внутренних дел Д.М. Щепкина от 14 апреля 1917 г. за № 7966 о возложении обязанностей гродненского губернского комиссара Временного правительства на депутата Государственной думы Ф.И. Лошкейта (беспартийный)[7]. 19 апреля председатель ВКГД и Государственной думы за № 1317 уведомил министра внутренних дел, что ВКГД

[1] Там же. Оп. 10. Д. 6. ЛЛ. 171–172.
[2] Там же. Д. 14. Л. 59.
[3] Там же. Оп. 5. Д. 1348. ЛЛ. 97–98.
[4] Там же. Л. 99.
[5] Там же. Оп. 10. Д. 7. Л. 275.
[6] Там же. Л. 276.
[7] Там же. Л. 265.

«не признал возможным согласиться на возложение на члена Государственной думы Лошкейта обязанностей гродненского губернского комиссара Временного правительства»[1]. В уведомлении дата заседания ВКГД, на котором было принято это постановление, не указана.

Докладывались думскому Комитету на заседании 19 апреля и телеграммы с отзывами о деятельности командированных депутатов. Генерал-лейтенант А.Е. Гутор телеграфировал председателю Государственной думы М.В. Родзянко, что депутаты кн. К.М. Шаховской (балашевец), П.П. Кузьмин (балашевец) и П.М. Макагон (Макогон) (земец-октябрист), командированные ВКГД на Юго-Западный фронт, «закончили свой объезд». Гутор посчитал своим долгом «засвидетельствовать их самоотверженную работу по объединению солдат и офицеров»[2].

20 апреля 1917 г. думский Комитет оформил командировочное удостоверение за № 1338 депутату Н.А. Ростовцеву (земец-октябрист) «в Орловскую губернию для сношения с населением». Формулировки о содействии в удостоверении нет. Подписали удостоверение председатель Государственной думы М.В. Родзянко и управляющий делами ВКГД Я.В. Глинка[3].

На этом же заседании ВКГД решил ряд финансовых вопросов. Он «постановил произвести выдачу жалованья офицерам комендантских управлений и Отдела нарядов войск ВК ВКГД в общей сумме 5672 р.»[4]. Кроме этого, удовлетворил просьбу ВК ВКГД от 20 апреля за № 2122[5] об отпуске ей 1600 р. «на возмещение канцелярских расходов районных комендантских управлений», о чем было сообщено казначею ВКГД от 21 апреля за № 1348[6].

* * *

Таким образом, с 11 по 20 апреля 1917 года включительно состоялось 7 заседаний: 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20. Все заседания проходили под председательством М.В. Родзянко. Разрозненные материалы не дают возможность полностью реконструировать сценарий заседаний ВКГД. Можно лишь предположить, что сначала Временный комитет заслушивал доклады членов ВКГД (М.С. Аджемов, 11 апреля), отчеты Отделов ВКГД (Отдел сношений с провинцией, 15 апреля), знакомился с телеграммами депутатов, командированных на места (В.А. Харламов, Л.Г. Люц, 19 апреля). Затем, видимо, производились назначения думцев членами различных учреждений (4 депутата, контрольная комиссия Центрального комитета по восстановлению и поддержанию нормального хода работ в промышленных предприятиях для поездки на Тамбовский пороховой завод: В.А. Степанов и А.А. Бубликов, П.А. Ярмолович и В.В. Лашке-

[1] Там же. Л. 269.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 1348. Л. 108.
[3] Там же. Оп. 10. Д. 6. Л. 184.
[4] Там же. Д. 14. Л. 77.
[5] Там же. Л. 73.
[6] Там же. Л. 77.

вич, соответственно 14 и 15 апреля), а также принимались решения о командировках депутатов на места (4 командировки, 5 депутатов: от. А.В. Смирнов, Минск, 11 апреля; В.А. Потулов, Орловская губ., 11 апреля; кн. С.П. Мансырев и от. Ф.Д. Филоненко, Бессарабская губ., 12 апреля; Н.А. Ростовцев, Орловская губ., 20 апреля).

Несомненно, что думский Комитет 11–20 апреля 1917 года продолжал участвовать в функционировании механизма временной власти. Востребованность думских кадров на комиссарские должности была достаточно велика. Известно 4 случая, когда с мест, от Временного правительства и отдельных министров поступали соответствующие просьбы. Установлено, что ВКГД, во-первых, в двух случаях отклонил просьбы (Д.Д. Старлычанов, оставление в должности ставропольского губернского комиссара, 19 апреля; Ф.И. Лошкейт, назначение гродненским губернским комиссаром, 19 апреля); во-вторых, проявил готовность обсудить с Временным правительством вопрос о назначении комиссара во Владивосток (А.А. Бубликов, 14 апреля); в-третьих, дал согласие на командирование депутата в качестве комиссара Временного правительства (Г.С. Унковский, Пензенская губ., 12 апреля).

Заметим, что для изучаемого периода характерно привлечение к деятельности ВКГД депутатов Государственной думы, входивших преимущественно во фракцию земцев-октябристов, фактическим лидером которой был М.В. Родзянко. Так, трое из пяти командированных на места депутатов были земцами-октябристами, а единственный комиссар Временного правительства, назначение которого было согласовано думским Комитетом, тоже входил в эту фракцию.

Временный комитет Государственной думы 11–20 апреля 1917 года решал финансово-хозяйственные вопросы, опираясь на Комиссию помощи жертвами революции, занимался благотворительностью (7 пособий, 2180 р.), оказывал помощь и не жертвам революции (1 пособие, 300 р.).

ПАРЛАМЕНТ, ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО (1906–1917 гг.)

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТАНТЫ МИРНОГО СОЦИАЛЬНОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЛИБЕРАЛИЗМА

АРОНОВ ДМИТРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Юридического института
Орловского государственного университета
имени И.С. Тургенева, Орел, Россия;
e-mail: aronovdv@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические аспекты изучения константы мирного социального конструирования в теории и политико-правовой практике российского либерализма начала XX в. В результате проведенного анализа сделан вывод о присутствии во всех либеральных моделях реформирования России принципа мирного разрешения социальных противоречий, который предлагается использовать как третий элемент либерального «символа веры» наряду с институтами неприкосновенности частной собственности и прав человека.

Ключевые слова: российский либерализм, «либеральный символ веры», ненасильственные методы социального конструирования.

Анализ современного уровня восприятия российского либерализма начала XX в. показал, что в его крайних оценках отражены противоположные точки зрения. Российский либерализм либо объявляется главным виновником краха российской государственности, т.к. был привержен радикальным методам общественных преобразований, либо был неспособен к силовым методам управления и, придя к власти, не смог найти адекватный ответ социальным вызовам времени. Это делает актуальным поиск ответа на вопрос о допустимых для либерального «символа веры» типах преобразований. Речь не идет об абсолютном отказе от применения в политике силовых методов. Еще Б.Н. Чичерин писал: «Либерал, облеченный властью, поневоле бывает принужден делать именно то, против чего он восставал, будучи в оппозиции»[1]. Данная си-

[1] *Чичерин Б.Н.* Различные виды либерализма // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 201.

туация вполне реальна для практики государственного управление, особенно в кризисные периоды развития общества.

Основой современного понимания либерализма, отграничивающей его от иных форм восприятия политической действительности, традиционно выступают два базовых элемента, которые должны быть присущи некой данности, чтобы мы вообще могли классифицировать ее как либерализм. Первое — это права и свободы человека. И второе — это неприкосновенность частной собственности как материальной основы реализации этих прав.

Здесь, конечно, с точки зрения формирования идеологии национальных моделей либерализма все далеко не так однозначно. В качестве примера приведем тезис, предложенный, в частности, Р.М. Нуриевым в его послесловии к книге Пола Грегори «Политическая экономия сталинизма». В нем он отмечал, что если на Западе власть следовала за собственностью, то в России этот процесс шел в обратной последовательности, когда собственность следует за властью[1]. Полагаем, что это обстоятельство не отменяет присущее отечественной либеральной модели стремление к защите частной собственности, но оказывает влияние на ментальное восприятие правовых средств защиты собственности со стороны населения страны.

Полагаем, что общий путь к пониманию национальной модели либерализма опирается на ряд парадигм, которые должны быть не только общим политическим лозунгом, отраженным в партийной программатике. В отечественной исторической науке идет процесс постоянной переоценки места и роли политических партий, которые последовательно переходят из разряда условно «плохих» в разряд «хороших» или, как минимум, прогрессивных партий. Сначала этот процесс коснулся кадетов, что было вполне понятно, т.к. отказ от их ленинской оценки как «могильных червей революции» требовал объективизации взглядов на программатику и политико-правовую практику партии. Правды ради, отметим, что ряд современных исследователей не склонны к безусловному отнесению кадетов к либеральному лагерю. Основанием здесь выступает разница в оценке идеи кадетского аграрного законопроекта, содержащего в качестве элемента реализации институт принудительного отчуждения (отметим — сопровождаемый институтом компенсации) ряда категорий частновладельческих земель.

Сегодня набирает обороты процесс отнесения к либеральному лагерю октябристов. Хотя, как представляется, тут ситуация сложнее. Не вполне понятно отнесение к либеральным политической партии, которая в формате своих съездов, как это там звучало, по соображениям сохранения единства партийных отделов на местах, объективно в резолюциях партийных форумов ограничивала свободу по национальному признаку, относя это к вопросам будущей, более благоприятной политической обстановке.

И здесь, как нам представляется, методологически целесообразно внесение в сущностное ядро либерализма еще одного критерия принад-

[1] *Нуриев Р.М.* Послесловие к «Политической экономии сталинизма» Пола Грегори // *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма [пер. с англ. И. Кузнецова, А. Макаревича]. 2-е изд. М., 2008. С. 351–353.

лежности к нему любого актора. Полагаем, что к двум базовым, основополагающим признакам либерализма надо добавить еще одну черту. Она, может быть, и не всегда явно тезисно выражена в программатике, но является более чем фундаментальной. Имеется в виду отрицание насильственных способов социального конструирования.

Может ли либерал звать на баррикады? Может ли либерал брать в руки оружие и во имя святого права, «ибо нету большей благости, чем жизни положите за други своя», вести к торжеству либеральных идеалов насильственным путем? Полагаем, что нет, а альтернатива здесь одна — это постулирование примата мирных способов преобразования социума в достижении базовых черт либеральной модели социально-политического преобразования страны.

Мне не раз доводилось писать о самых различных аспектах политической биографии Сергея Андреевича Муромцева. В его лице действительно абсолютизировался тип политика «чистых рук», который имманентно не мог переступить через внутреннюю нравственную парадигму[1]. Позднее П.Н. Милюков несколько ернически писал о том, что Муромцев в стиле архаизирующего парламентария прошлого оставил строчку «председатель призыван не был»[2], при этом сам к императору не пошел.

Однако следует остановиться еще на одном моменте, который в данном случае применим к С.А. Муромцеву, который отрицал не только революцию как способ изменения общественного строя, но и полагал, что даже кардинальная, избыточно масштабная реформа социального устройства может иметь для общества негативные последствия, способные в своих крайних вариантах перекрыть результаты в совершенствовании системы социального управления. «Резкие перевороты и крупные перевороты, — писал он, — оживляют, но также и потрясают общественный организм. От государственной власти зависит доверить суду постоянное и постепенное проведение в жизнь справедливости»[3].

Конечно, никто не отрицает участия европейских либералов в подготовке общественного мнения к революционным изменениям в Европе XVIII в., а также поддержки российскими либералами (по крайней мере их левым флангом) революционных событий 1905 г. Однако, как нам представляется, здесь существует мнимое противоречие между ориентацией либерализма как мировоззрения, как инструмента социального конструирования, очищенного от противоречивой повседневной практики, и его политико-правовым воплощением во всем бесконечном многообразии эпох и времен. Соответственно желание использовать революционные процессы и их реальное использование могут сочетаться с базовыми ценностными установками и взглядами на социальное реформирование. Симптоматичны в этом отношении события 27 февраля — 3 марта

[1] См., напр.: *Аронов Д.В., Смирнов И.М.* Консервативный либерал или либеральный консерватор — С.А. Муромцев во главе Первой Государственной думы // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 235–244.

[2] *Милюков П.Н.* Воспоминания (1895–1917). М., 1990. Т. 1. С. 393.

[3] *Милюков П.* Сергей Андреевич Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 10.

1917 г., когда усилиями ВКГД был замещен практически одномоментно возникший вакуум власти[1]. Мнение о руке либералов в целенаправленной организации данного процесса не подтверждается результатами конкретно-исторических исследований.

Еще один момент, на который следует обратить внимание применительно к поиску либеральной модели и опять же, обращаясь к третьей составляющей либерального мировоззрения, либеральной сущности как таковой. У Бориса Слуцкого есть примечательные строки:

Держава, подданных держа,
Диктует им порядки.
Но нет чернил у мятежа,
У бунта нет тетрадки.
Когда берет бумагу бунт,
Когда перо хватает,
Уже одет он и обут
И юношей питает.

Но, говоря о партиях либерального толка, мы можем отметить, что либерал и бунт — это разные вещи. У либералов были и перо, и тетрадка, и они уже всё это написали. В ряде работ В.В. Шелохаева[2] отмечено, что идеи либерализма очень плохо воспринимаются, либо не воспринимаются вообще обществом, находящимся в точке бифуркации, в состоянии изменения цивилизационной парадигмы. Эта идеология другого типа, наверное, психологически иначе воспринимаемая обществом. Если мы возьмем программы партий начала прошлого века и уберем названия, то только специалисты будут способны отличить программу-минимум большевиков от программы средненьких партий национального или либерального типа. Там всё очень похоже. Другое дело, какими методами предполагалось достигать целей.

Короткий период, когда представители либеральных партий оказались во главе ряда институтов государственной власти, пришелся на тот момент в российской истории, в котором одна точка бифуркации воздействовала на другую, вызывая появление третьей. Вряд ли синергетика сможет внятно выделить хотя бы в общих чертах базовые аттракторы весны — лета — осени 1917 г. Результаты, если брать в качестве критерия общественного прогресса расширение сферы реализации прав и свобод человека, достаточно хорошо известны. У Игоря Губермана есть такие строки:

Пей, либерал, гуляй, жуир,
бранись, эстет, снобистским матом,
не нынче — завтра конвоир
возникнет сзади с автоматом.

Конечно, далеко не всегда в мировой истории всплеск либеральных идей должен завершаться конвоиром с автоматом. В контексте сделанно-

[1] См. подробн.: *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017.

[2] *Шелохаев В.В.* Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26–40.

го нами посыла о третьем базовом компоненте либерального «символа веры» здесь мы должны ответить на вопрос о том, приемлемо ли либерализмом насилие и применима ли либеральным политиком сила как таковая. На этот вопрос следует ответить положительно. Перефразируя известного автора начала XX в., мы вполне можем сказать, что любой либерализм (как национальная модель) только тогда чего-нибудь стоит, если он умеет защищаться. Последнее, чего хотелось бы от восприятия предлагаемого нами третьего элемента идеологического ценностного ядра либерализма, так это понимания его как простого некритического пацифизма, отрицающего насилие как таковое. Либеральный политик на любом уровне участия в государственном управлении не может не руководствоваться интересами нации, народа, национального государства как базовых институтов, обеспечивающих функцию социального воспроизводства нации во всех ее многочисленных ипостасях.

Хотелось бы также сослаться на представленные Д.В. Тимофеевым в ходе Круглого стола предложения по парадигме понимания национальной модели либерализма через инвариантность ее сущностного основания: «В каждой стране инвариантное ядро либерализма обрастает новыми элементами, содержание которых отражает особенности структуры общества, характер развития экономики и политической системы»[1].

Полагаю, что с общим посылом следует полностью согласиться, однако данное определение не освобождает нас от дискуссии о сущности ядра либерального мировоззрения, и в этом отношении предлагаемая нами идея об имманентно присущем либерализму неприятию насильственных методов общественного конструирования остается на повестке дня.

Развивая этот постулат, Д.В. Тимофеев вполне обоснованно отметил, что для понимания национальной модели либерализма, ее сущности и проявлений необходимо учитывать то обстоятельство, «что речь идет не об абстрактных категориях либеральной доктрины, а, прежде всего, о способах осмысления окружающей социальной реальности». Мы, собственно, и развиваем это положение, предлагая добавить в сущностные характеристики либерализма как политического течения критерий отношения к способам общественных преобразований.

Весьма продуктивным исследовательским инструментарием, предложенным Д.В. Тимофеевым, становится вывод о двойственности трактовок либеральных принципов в конкретной национальной модели. Он отмечает, анализируя отечественный опыт, что «с одной стороны, говорится о необходимости верховенства закона и равенства гражданских прав, а с другой — подчеркивается, что гражданские права, а тем более права политические не могут быть одинаковыми не только в разных странах, но и даже внутри одной страны. Потому что политические права должны быть неразрывно связаны со способностями человека осознавать ближайшие и отдаленные последствия своих действий и стремиться

[1] Российский либерализм: существует ли национальная модель. Круглый стол // Либеральная миссия [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: http://www.liberal.ru/anons/7247

к достижению „общего блага“. То есть с тем, что современники обозначали понятием „степень просвещения“»[1].

Проецируя этот прием на понимание конституционализма и парламентаризма, следует согласиться с выводом Д.В. Тимофеева о том, что «Конституция и органы представительного правления в этот период представляются не как механизм ограничения самодержавия, а как некие институты, позволяющие выстроить информационные каналы взаимодействия власти и общества с целью минимизировать вероятность возникновения сколько-нибудь масштабных социальных конфликтов»[2].

Подводя определенный итог началу дискуссии о целесообразности внесения в совокупность критериев отграничения либерализма от иных политических течений отрицания (можно даже сопроводить это термином «априорное» или «имманентно присущее») насильственных методов социального конструирования, полагаем возможным отметить ряд, на наш взгляд, значимых моментов. Прежде всего, как это неизбежно в любой науке, договориться о значении употребляемых нами терминов. И здесь еще раз не можем не отметить, надеюсь, скорее, случайное смешение понятий «неприятие насильственных методов социального конструирования» или, если угодно, несколько проще «социальных преобразований» или «кардинальных изменений (реформ) социально-политического строя общества» с дефиницией, имеющей вполне четкую коннотацию в современной политической истории, а именно с «отрицанием насилия».

Данное смешение искажает базовую идею расширения двухэлементной основы либерального «символа веры» — прав человека и неприкосновенности частной собственности — до трехзвенной, добавлением отказа от насильственного социального конструирования. Вместе с тем наличие третьего элемента позволяет четко методологически отграничивать либерализм от тех политических течений, которые используют права и свободы человека в качестве не более чем формального элемента своей программатики, фактически вводящего в заблуждение ту часть общества, которая в силу высокой общественной активности ищет себя в рамках структур, позволяющих сублимировать имеющуюся у них общественную энергию. Собственно, в России начала XX в. только крайние правые партии взяли на себя смелость написать в своих программах тезис о неприятии прав человека в его естественно-правовом варианте.

В итоге мы получаем картину, когда практически все политические силы выступают за права человека и свободу (неприкосновенность) частной собственности. В чем же тогда отличие либерального подхода к политико-правовым практикам от позиции их оппонентов как слева, так и справа? Полагаем, что именно в выборе средств общественных преобразований.

Одним из свидетельств либерального внимания к парламентаризму как средству общественных преобразований, инструменту социального конструирования служат как многочисленные проекты основного закона

[1] Там же.
[2] Там же.

России, так и удельный вес в них текста, посвященного именно организации законодательной власти[1].

Незавершенная дискуссия об оптимальной структуре парламента, инвариантность партийной программы кадетов в части формы правления и избирательных прав женщин, мудрая поэтапность всеобщего избирательного права в мирнообновленческой и демреформистской программатике — все это прямые свидетельства того, что, реализуя себя в России, бывшей, говоря словами А.А. Кара-Мурзы, «пространством повышенного исторического риска»[2], российский либерализм занимался активным теоретическим поиском тех альтернатив, которые давали ему шанс к реализации национальной либеральной модели социально-политического реформирования страны.

Либерализм не может считаться теорией, которая может быть эффективно применена для оптимизации социальных процессов в обществах с кризисным состоянием, где объективно необходимо жесткое антикризисное управление. В случае же, если либерализм в таких ситуациях становится на путь применения методов социального насилия, то он может потерять свою исходную сущность, оправдывая применяемые средства величием поставленной цели.

Добро, не отрицая средства зла,
По ним и пожинает результаты.
В раю, где применяется смола,
Архангелы копытны и рогаты.

Вместе с тем оговоримся еще раз. Отрицание насильственных методов социального конструирования отнюдь не означает априорного и полного отказа носителей либеральных идей от насилия как неизбежного компонента государственного управления, связанного с защитой страны от внешнего или внутреннего врага; здесь это неизбежное зло, о котором предупреждал Б.Н. Чичерин. Основной посыл предлагаемого нами тезиса состоит в том, что истинный либерализм не закладывает инструментарий социального насилия в сценарные (модельные) варианты общественных преобразований.

Подводя итог короткому историческому опыту государственного служения российского либерализма, значительная часть которого пришлась на кризисные годы Первой мировой войны и российских революций, можно отметить, что у отдельных либералов и их политических партий ошибки были, но либерализм в целом подтвердил свою правоту. И в качестве своеобразного рефрена статьи представляется возможным использовать следующие формулы: 1) «либерализм отрицает насильственные методы преобразования общества, и это свойственно всем его моделям» и 2) «отдельные либералы допускали ошибки, либерализм в целом оказался прав».

---

[1] См., напр.: *Аронов Д.В., Жиляева С.К., Коновалова М.А.* Идеи представительной власти в либеральных проектах Основного закона российской империи // Тетради по консерватизму. 2019. № 4. С. 205–218.

[2] *Кара-Мурза А.А.* Между Евразией и Азиопой / «Набор лоций» // Сайт Михаила Белгородского с электронной библиотекой [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://rozamira.nl/

СИСТЕМА ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ ПО УКАЗУ ОТ 11 ДЕКАБРЯ 1905 г. В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

ПАТРИКЕЕВА ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА,
доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
член НМС при Центре истории парламентаризма
Секретариата Совета МПА СНГ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: o.patrikeeva@spbu.ru

Аннотация: статья посвящена критике российской общественностью системы выборов в Государственную думу Российской империи по Указу от 11 декабря 1905 г. Для либералов выборное законодательство было недостаточно демократичным, а для консерваторов — излишне радикальным. Либералы, поддерживая мажоритарную систему выборов, протестовали против законодательно закрепленных принципов голосования, признавая лишь всеобщее, прямое и равное избирательное право. Консерваторы не столько критиковали существующие принципы голосования, сколько обрушивались на саму систему выборов, требуя пропорциональное представительство. Статья написана на основе материалов периодической печати того времени.

Ключевые слова: Государственная дума Российской империи, система выборов в Государственную думу, мажоритарная избирательная система, пропорциональная избирательная система, Указ от 11 декабря 1905 г.

Как известно, Указом от 11 декабря 1905 г. в России устанавливались многостепенные куриальные выборы в Государственную думу, проводившиеся по мажоритарной избирательной системе и предусматривавшие два тура голосования. Законодательство о думских выборах вызвало острую критику в широких слоях российского общества.

Либеральную общественность страны, в частности конституционных демократов, устраивала лишь система выборов, основанная на всеобщем, равном, прямом и тайном голосовании. По мнению кадетов, лишь такой способ голосования давал полную картину соотношения политических сил в стране и обеспечивал настоящее представительство общественных интересов в парламенте. Всеобщая подача голосов — не только в узком техническом значении, но и в широком философском смысле влияния всех мнений на общественную жизнь — представлялась кадетским идеологам единственным средством «обеспечить выбор истинного пути или лучших умов для его отыскания»[1].

[1] *Франк С.* Философские предпосылки деспотизма // Опыт русского либерализма: антология. М., 1997. С. 261.

Помимо этических соображений существовал также целый ряд объективных обстоятельств, в силу которых конституционные демократы не могли требовать ничего иного, кроме всеобщего голосования. Немыслимо, чтобы подлинно демократическое движение согласилось бы на какой-либо вариант ограниченного избирательного права в социально-экономических условиях России того времени. Требование всеобщего, равного, прямого голосования было принципиальным для российского пролетариата и крестьянства, поскольку любое цензовое избирательное право лишало права голоса сотни тысяч беднейших россиян. Кроме того, цензовые выборы противоречили традиции русской крестьянской общины, признававшей право голоса за каждым землепользователем.

Помимо соображений тактического характера у кадетов были и чисто политические причины требовать именно такой подачи голосов. Их, несомненно, вдохновлял опыт Болгарии, где реализация всеобщего избирательного права как будто оказалась плодотворной. Лидера конституционных демократов П.Н. Милюкова впечатляли растущие успехи местных либералов-интеллигентов на общенациональных выборах. Если в 1886 г. представители либеральной интеллигенции заняли лишь около 10 % мест в болгарском парламенте, то в 1903 г. на их долю приходилось уже около 40 % парламентских мандатов[1]. Милюков не раз выражал надежду, что и в России всеобщее, прямое, равное и тайное голосование приведет к победе либералов и поражению «крайних партий». Эта надежда подкреплялась результатами первых всеобщих выборов в Финляндии в ноябре 1906 г., на которых уверенную победу одержали умеренные политики.

Отдельные представители конституционно-демократической партии, настаивая на введении всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, выделяли религиозный аспект этого требования. Христианство — единственная нравственная сила, перед которой в России склонялись народные массы, а значит, и русская демократия должна стать христианской демократией. Глубоко верующий Е.Н. Трубецкой прямо выводил всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право из христианской религии. «...четырехчленная формула, — утверждал он, — не есть что-либо новое в русской истории. Христианский общественный идеал — это, прежде всего, идеал положительной всеобщности и равенства, ибо в Христе нет различия между иудеем и эллином, между рабом и господином; в христианстве выражаются и высшая тайна человеческого существования, и тот прямой путь, который ведет ко спасению»[2].

Со своей стороны недовольство избирательной системой выражала и консервативная общественность страны. Критику ультраправых под-

[1] *Милюков П.Н.* Болгарская конституция // Русское богатство. 1904. № 10. С. 45–46.

[2] *Трубецкой Е.Н.* Всеобщее, прямое, тайное и равное // Московский еженедельник. 1906. № 1. С. 39–40.

стегнул их полный провал на первых думских выборах. Основную причину своей неудачи крайне правые видели в несовершенной, на их взгляд, мажоритарной системе выборов. «Выборы основаны на нелепейшей теории большинства... по которой сто дураков имеют больше значения, чем один мудрец»[1], — негодовал видный деятель правого движения, основатель и лидер Монархической партии В.А. Грингмут. Сходных взглядов на мажоритарное представительство придерживались редактор «Правительственного вестника» А.А. Башмаков и известный русский историк Д.И. Иловайский. Предлагались различные варианты пропорционального представительства: от религиозных общин, от сословно-бытовых групп, от национальностей, от политических партий. «Пропорциональные выборы — вот та панацея, которой после горького опыта прошлых выборов многие в настоящее время думают обезвредить выборную систему»[2], — отмечала клерикальная газета «Московский голос». Так, консервативный писатель и журналист С.Ф. Шарапов предлагал проводить любые выборы, включая парламентские, по пропорциональной системе на основе органов местного самоуправления. По его мнению, успех кадетов на первых думских выборах был обеспечен существующей избирательной системой, явившейся «плохо приспособленным к России сколком с западных выборных процедур». Из всех известных на Западе избирательных систем российские законодатели, на его взгляд, предпочли «наиболее лживую», несправедливую и безнравственную. «Если уж идти по западной указке, то почему бы не остановиться на системе пропорционального представительства», — предлагал С.Ф. Шарапов. Предпочтительность подобной системы выборов состояла для него в «обязательной гарантии меньшинства»[3]. Свои предложения журналист подкреплял нехитрыми расчетами. К примеру, на выборах в Москве кадеты, набравшие 64 % голосов, сумели получить все 160 мест выборщиков и все шесть мест в парламенте, отведенных Москве Указом от 11 декабря 1905 г. В то же время при пропорциональной системе выборов результат был бы совсем иным: из 160 выборщиков 102 принадлежали бы к кадетской партии, 50 — к умеренным партиям, и восемь — к правомонархическим.

С осени 1906 г. идея пропорционального представительства постоянно муссировалась правой печатью. «Как фотографический снимок, уменьшенный в 200 000 раз, парламент должен включить в себя все черты народные, все особенности духа в той пропорции, как это существует в натуре», — писал популярный нововременский публицист М.О. Меньшиков. Существующая система выборов, дающая, по его мнению, значительный перевес левым силам, заставляла все умеренные элементы общества «падать духом» («никому неохота примыкать к партиям, заранее обреченным на провал»[4]).

---

[1] Цит. по: Страна. 1906. 1 апреля.
[2] Московский голос. 1906. 17 августа.
[3] *Шарапов С.Ф.* Опыт русской политической программы. М., 1905. С. 50.
[4] Новое время. 1906. 16 сентября.

Как видим, законодательство о думских выборах вызвало резкое недовольство как либеральных, так и консервативных кругов российского общества. Однако дело состояло не только и не столько в том, что для первых выборное законодательство было недостаточно демократичным, а для вторых — излишне радикальным, «открывающим двери... для самой низкопробной агитации среди российской черни и для самого бесцеремонного надувательства русских простаков»[1]. Либералы, поддерживая мажоритарную систему выборов, прежде всего, протестовали против законодательно закрепленных принципов голосования (многостепенности, куриальностн), признавая лишь всеобщее, прямое и равное избирательное право. Правые же, напротив, не столько критиковали существующие принципы голосования, сколько обрушивались на саму систему выборов, т.е. на порядок подсчета голосов и распределения мест в парламенте. Лишь пропорциональное представительство, по их мнению, наиболее полно и справедливо отражало соотношение политических сил в Российской империи.

[1] *Х.* Еще воспоминание // «Рцы». 1908. № 7–8. С. 13.

ВЫБОРГСКОЕ ВОЗЗВАНИЕ. ТЕОРИЯ ПАССИВНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ

СОЛОВЬЕВ КИРИЛЛ АНДРЕЕВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор Школы исторических наук
факультета гуманитарных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
главный научный сотрудник
Института российской истории РАН,
Москва, Россия;
e-mail: kirillsol22@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена концептуальным основаниям пассивного сопротивления, которые легли в основу текста Выборгского воззвания. В рассматриваемом документе в полной мере отразились представления кадетов о революции и логике исторического процесса. Ключевые понятия, которыми в данном случае оперировали юристы либерального направления: правосознание и общественное мнение. Осмысляя их, они предложили свое ви́дение тактической линии оппозиции, которая, казалось бы, могла конвертировать массовые настроения, правительственные страхи, а главное — сформированное при ее участии общественное мнение в новую политическую реальность.

Ключевые слова: Выборгское воззвание, I Государственная дума, кадеты, общественное мнение, революция.

У Выборгского воззвания было много авторов: кто-то писал текст обращения, кто-то его редактировал, кто-то вносил поправки. Но авторство самой идеи принадлежало двум кадетам: Ф.Ф. Кокошкину и И.И. Петрункевичу. М.М. Винавер объяснял: идея пассивного сопротивления витала в воздухе. Действительно, возможность финансового бойкота обсуждалась за четыре месяца даже не до роспуска, а до созыва Первой Думы. На втором съезде партии кадетов, 11 января 1906 г., Г.Д. Ромм «предлагает отказать правительству в платеже повинностей и прибегнуть к финансовому бойкоту»[1]. Некоторые аргументы, которые впоследствии приводили противники Выборгского воззвания, были озвучены тогда же. На вечернем заседании, сразу после перерыва, слово было предоставлено М.А. Фридману: «Финансовый бойкот вреден. Практика жизни, а именно 1848 год в Германии, наглядно показал, что эта мера нецелесообразна. Неуплата государственных налогов и земских сборов гибельно отзовется на деятельности земств и подорвет всю культурно-хозяйственную жизнь страны. Реализация же бойкота косвенных налогов будет заключаться в том, что население должно отказаться потреблять предметы первой необходимости»[2]. Дискуссия развернулась и на страницах периодических изданий. В «Русских

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 171.

[2] Там же. С. 172.

ведомостях»[1], «Вестнике партии народной свободы»[2] вышли статьи (причем, в последнем случае все того же Фридмана), порицавшие финансовый бойкот за его бессмысленность. Однако как только вставал вопрос о способах борьбы с властью, вспоминалось именно пассивное сопротивление.

«Если наступает момент защиты народных прав внепарламентским путем, то защита путем пассивного сопротивления, как сопряженная с наименьшими жертвами для населения, обещающая победу лучше организованным, а не только материально более сильным, представляется наиболее естественным средством борьбы для конституционно-демократической партии»[3]. Судя по этому высказыванию А.И. Каминки, пассивное сопротивление естественным образом вписывалось в тактическую схему партии кадетов. Это был призыв не к революционеру, а к обывателю. Наконец, победа пассивного сопротивления — это победа не силы, а организации. Конечно, речь идет не о той организации, на которой настаивали представители крайних партий. Для них речь шла об организации вооруженного сопротивления. Каминка рассуждал принципиально иначе: побеждает не самый сильный, побеждает история, говорящая устами самых смиренных подданных империи.

Это могло быть сформулировано и так: кадеты в Выборге передали борьбу в руки населения — теперь все уже непосредственно зависело от него самого[4], а не от каких-либо исполнительных комитетов, ведущих «на решительный бой». «Технология» этой борьбы была так описана П.Н. Милюковым: «В промежутке между правительством и его органами, с одной стороны, и активными борющимися группировками — с другой, лежит обширная область общественных элементов, более или менее пассивных. В острые политические моменты, подобные настоящему, от настроения этой средней, обыкновенно этой молчащей массы зависит необыкновенно много. Иногда от этого настроения зависит все, и стоит этому настроению выразиться, чтобы, как по волшебству, переменились декорации очередного момента»[5].

Таким образом, пассивное сопротивление — «революция без революционеров». Выборгское воззвание вполне соответствовало тактическим установкам конституционно-демократической партии. Но, помимо всего прочего, у него было и свое правовое обоснование.

«Народное представительство было лишено конституционного права, права рассмотрения бюджета», — утверждал Ф.Ф. Кокошкин[6]. Следовательно, правительство не имело право взыскивать налоги с населения, а население могло эти налоги не платить. Так, в декабре 1907 г. на суде

[1] Москва, 6 июня // Русские ведомости. 1906. 6 июня.

[2] *Фридман М.И.* Финансовая программа конституционно-демократической партии // Вестник партии народной свободы. 1906. № 3. Стб. 139.

[3] *Каминка А.* Минувшие дни! // Вестник партии народной свободы. 1906. № 30. Стб. 1593.

[4] *Гредескул Н.А.* IV съезд // Вестник партии народной свободы. 1906. № 19–20. Стб. 1226.

[5] *Милюков П.Н.* Год борьбы. М., 1907. С. 168.

[6] *Классон В.Н.* Депутаты первой Думы под судом. СП6., 1908. С. 27. См. также: *Алексеев А.С.* Правительственный акт 8 июля 1906 г. с точки зрения конституционного права // Московский еженедельник. 1906. № 18. С. 11.

над депутатами Первой Думы Кокошкин обосновывал соответствие воззвания конституционным принципам. В этой формулировке было свое лукавство. Никто бюджетного права Думу не лишал. Просто в нее не успели внести смету доходов и расходов.

И все же определенная логика в рассуждениях Кокошкина была. «Бюджетное право является краеугольным камнем и оплотом всякой конституции. Где нет его, нет и гражданской свободы, нет и ограждающих ее политических прав. Народное представительство, не оказывающее решающее воздействие на финансовое хозяйство страны, — представительство только по имени...»[1]. Это выдержка из статьи С. Маруда, вышедшей в газете «Речь» 15 марта 1906 г. Ей вторили и с трибуны Таврического дворца. «Право контроля финансов есть тот фундамент, на котором держится наше право», — говорил Н.Ф. Езерский, депутат от Пензенской губернии (4 мая 1906 г.)[2]. «Мы были правы, когда шли с верой в победу, ибо конституционные учреждения дают орудия для этого. Если не летом, то осенью, когда пойдет разговор о финансах, министерство уйдет, если палата захочет», — это уже слова Л.И. Петражицкого, сказанные им 26 мая[3]. Как потом писал Езерский, «без бюджета даже русское министерство не может управлять страной»[4].

В данном случае значение имело не формальное следование законодательству, а общественное признание (или непризнание) права власти собирать налоги, помимо воли депутатов. Если население не считает для себя возможным платить подати, не утвержденные Думой, они не могут быть признаны законными. Следование правовому принципу — это не слепое подчинение действующему законодательству. В этой связи возникает сакраментальный, а для юриспруденции вечный вопрос: а что есть право?

Казалось бы, есть и ответ, по крайней мере в интерпретации правоведения либерального толка: все то, что стало законом в ходе работы представительных учреждений, а значит в порядке осуществления диалога между властью и обществом. Причем в начале XX в. речь шла о парламенте, сформированном как можно более демократически, т.е. посредством всеобщих выборов. Для ведущих юристов того времени, в том числе заседавших в Таврическом дворце, не было секрета, что понятие «демократия» генетически связано с концепцией народного суверенитета. Согласно этой доктрине, восходившей к работам Ж.Ж. Руссо, абсолютная, ничем не ограниченная власть должна принадлежать народу, а в сущности — его большинству. Оно вправе пренебречь правами любого из своих сограждан, т.е. любого меньшинства. Такая постановка вопроса не могла быть приемлемой для кадетов. Возможно ли в таком случае, чтобы правовое государство было демократическим и наоборот? Разрешение этого парадокса стало узловой проблемой правовой мысли рубежа веков.

[1] *Маруда С.* Бюджетные права Государственной думы // Речь. 1906. 15 марта. См. также: *Алексеев В.П.* Первый русский парламент. М.,1906. С. 16.

[2] Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. I. С. 175.

[3] Там же. Т. 2. С. 653.

[4] *Езерский Н.Ф.* Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 74. См. также: *Фридман М.* Государственная дума и финансы // Речь. 1906. 9 марта.

Доктрина правового государства заключала в себе этот конфликт, который пытались разрешить юристы разных школ — конечно, в каждом случае по-своему. При всем разнообразии этих правовых теорий у них есть общие характерные черты. Для юристов либерального направления чаще всего неприемлемо отождествление права с какой-либо силой, в том числе с государственной властью. «Правовой порядок не может утверждаться на одной внешней силе той или другой власти, ибо там, где люди не считают себя обязанными повиноваться власти, власть не может обладать силой»[1]. Наоборот, юристы доказывали первичность права по отношению к государству[2]. Поэтому они всякий раз связывали его с правосознанием, которое существует помимо воли правительственных учреждений. Более того, именно оно создавало предпосылки отношений господства — подчинения. Представление же о праве как о латентной форме насилия, по их мнению, имело своим следствием деспотию и произвол.

Еще важнее то, что в рамках либерального понимания права речь идет о саморегулирующейся системе, со своей логикой развития. Она мало зависит от воли отдельных субъектов. Так что частные случаи административного произвола — это ничтожные подробности на фоне масштабного неукротимого процесса. Он так или иначе навязывает всем определенные рамки, правила игры. Важнейший элемент системы — как раз правосознание населения. Оно в большинстве случаев не отрефлексировано и включает в себя разнообразные стереотипы правового поведения, которые консолидируют общество и пронизывают всю культуру. Оно формирует категории юридического сознания, которые кажутся естественными всему социуму, т.о. предопределяя конкретные правовые формы. Правосознание — одновременно явление устойчивое и динамичное. Оно постоянно трансформируется, а его юридическое оформление остается застывшим. Приведение права в соответствии с правосознанием не может быть осуществлено посредством народного голосования. Правосознание не может быть вычислено — оно может быть лишь интуитивно угадано государственной властью или же ее заменяющим авторитетом. «Надо, как говорил Гегель, не только прислушиваться к тому, что говорят здесь и там, надо понимать „внутреннюю природу и существо своего времени“»[3]. В силу этого для многих юристов либерального направления и концепция народного суверенитета была неприемлема, т.к. в их представлении право было первично по отношению и к народной воле, под которой на практике скрывалось общественное мнение. Позиция колеблющегося большинства не может быть критерием истины. «Численный интерес решающего большинства сам по себе не имеет

[1] *Трубецкой Е.Н.* Философия права профессора Л.И. Петражицкого // Труды по философии права. СПб., 2001. С. 498.

[2] *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 204. Фактически к этому же выводу приходит и М.М. Ковалевский, правда, формулирует его он несколько иначе. Он видит источником как права, так и государства требования общественной солидарности (*Ковалевский М.М.* Общее учение о государстве. М., 1909. С. 40).

[3] *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. СПб., 2000. С. 118.

абсолютного значения и лишается нравственного оправдания каждый раз, когда становится в противоречие с принципом личности»[1].

Если число голосующих не имеет большого значения, что же действительно тогда важно? Проще говоря, что есть это правосознание, и кто его формулирует? Если считать, что правосознание есть представления самого обычного, «среднестатистического» гражданина о том, какое должно быть государство, то следует только удивиться: могли ли либеральные правоведы всерьез рассчитывать на массового избирателя? Судя по всему, особых иллюзий относительно уровня политической сознательности населения они не питали. Для них проблема находилась в другой плоскости. Для кадетов общественное мнение — не данность: его следовало образовывать, сформировать. На этот счет вполне откровенно высказался Э.Д. Гримм. По его мнению, население, в массе своей не образованное, не сможет само сформулировать общие принципы или какую-либо программу. Зато народные массы явственно ощущали, в чем заключались их нужды в повседневной жизни[2]. Л. Галич писал на этот счет так: «Я

[1] Там же. С. 208.

[2] *Гримм Э.Д.* Роль социалистической идеи в нашем революционном движении // Полярная звезда. СПб., 1906. № 9. С. 614. Далеко не все члены конституционно-демократической партии были убежденными демократами. Еще в 1905 г., в период революционных потрясений и ожиданий коренного обновления страны, С.А. Котляревский в отличие от многих своих товарищей по освободительному движению без какого-либо энтузиазма предсказывал неизбежную демократизацию политического режима, призывая смиренно к ней отнестись, как к явлению природы, которое принесет не только облегчение, но и невзгоды. «Грядущая демократия есть грядущее царство Калибана (герой Шекспира — *К.С.*). Сказка великого поэта изображает его в рабском служении у мудрого Просперо: в действительности сам Просперо будет всецело зависеть от благосклонности Калибана. Демократия угрожает всем возвышенным историческим воспоминаниям, всякой умственной тонкости и оригинальности, но ее гегемония — несомненный факт, и человеческая культура должна ужиться с ней, как она — худо ли, хорошо ли — ужилась, например, с католической церковью» (*Котляревский С.А.* Предпосылки демократии // Опыт русского либерализма: Антология. М., 1997. С. 218). По мнению Котляревского, главная опасность демократии — в нивелировке социального разнообразия, что «подготавливает среду, в которой власть цезарей не находит никаких преград... Выбитое из рамок исторических традиций общество переживает глубокие нервные потрясения, и наступает момент, когда за покой и порядок оно готово передать и так трудно приобретенное право распоряжаться собственной судьбой. Если к этому присоединяются блеск военной славы, обаяние человека, побеждающего внешних врагов и в надеждах современников могущего победить внутреннее неустройство, то опасности для демократии бесконечно увеличиваются: она делается добычей того, кто захочет и сумеет ее взять» (Там же. С. 220). Судя по всему, и П.Н. Милюков полагал аграрный вопрос важным именно с политической точки зрения. 10 июля 1906 г. член Государственного совета, а в прошлом государственный секретарь А.А. Половцов зашел к бывшему премьер-министру И.Л. Горемыкину, где встретил министра финансов В.Н. Коковцова. Последний рассказал, что долгое время вопрос о формировании кадетского правительства считал решенным в положительном смысле. Более того, Милюков начал вести переговоры с общественными деятелями различных направлений относительно их возможного вхождения в состав правительства. В их

знаю, что деревня Голодаевка... не подумает и тронуться с места, если бабам не дадут выборных прав, и готова будет на крайнее, если, скажем, ей откажут в земле»[1]. «Определить общие цели революционного движения, — продолжал Гримм, — может, следовательно, лишь интеллигенция, но при этом она должна учитывать народные настроения, более того — неотрефлексированные народные инстинкты»[2]. Формулировка, согласно которой правосознание есть представления обывателя о праве, либеральных мыслителей никак не удовлетворяла.

Ф.Ф. Кокошкин предложил другое определение. По его мнению, правосознание народа стояло на двух «китах»: «стихийное общественное настроение и безотчетная общественная привычка», с одной стороны, и «сознательное общественное мнение» и политические идеалы — с другой. Причем, право и государство постепенно рационализируются, и, следовательно, все большее значение приобретает общественное мнение, а общественное настроение отходит на второй план. Если раньше власть могла опираться исключительно на силу привычки, то теперь она должна соответствовать политическим идеалам, существующим в обществе[3]. «Таким образом, основания власти, первоначально коренящиеся в темных тайниках психической жизни человека, постепенно приобретают разумный характер...». Иначе говоря, правосознание все дальше отходит от своего первоначального источника — мира инстинктов и привычек, и сближается с миром идей. Меняется, соответственно, и «технология» образования права. Власть в новых условиях может формулировать правовые нормы, которые необязательно должны согласовываться с обычаем, но должны соответствовать идеалам, отстаиваемым в обществе, точнее: наиболее деятельными его представителями. Торжество современных идей и концепций подразумевает коренную ломку прежней правовой системы, так как в итоге должна измениться точка отсчета всей политической жизни. Характерно, что Ф.Ф. Кокошкин в качестве примера современной ра-

числе был и представитель Царства Польского И.А. Потоцкий. В одном из ресторанов, примыкавших к Таврическому дворцу, он обсуждал с Милюковым политику будущего кабинета. По словам В.Н. Коковцова, лидер кадетов так обрисовал его задачи: «Наша программа вам известна: амнистия, отмена смертной казни, равноправие». «А аграрный вопрос?» — спросил Потоцкий. «Это для нас вопрос политический, а не социальный», — отвечал Милюков. «Какими средствами вы будете достигать своих целей? Ведь, вероятно, вы начали бы с того, что уволили бы всех нынешних генерал-губернаторов, губернаторов, жандармов, полицмейстеров, военачальников?» — продолжал «допрос» Потоцкий. «Конечно, — соглашался Милюков. — Но ведь можно будет набрать других». На это польский депутат отметил: «В таком случае это будут исполнители насильственных мероприятий, а не защитники свободы». «Да, но уж хотя бы „один день, да мой день“», — отвечал Милюков. О последних словах лидера кадетов было сообщено императору, что, по мнению Коковцова, и позволило избежать ответственного правительства (*Половцов А.А.* Дневник, 1893–1909. СПб., 2014. С. 535).

[1] *Галич Л.* Отрывки // Дума. 1906. 6 мая.

[2] *Гримм Э.Д.* Указ. соч. С. 614–615. См. также: *Ковалевский М.М.* Первая Дума и ее заветы // К десятилетию первой Государственной думы. Пг., 1916. С. 91.

[3] *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С.79.

циональной модели формирования права приводил «государственный переворот, являющийся результатом вполне назревшего общественного сознания», фактически ставя вопрос о легитимности революционного действия. Цель такого переворота — реализация политических идеалов, концепции, иными словами, утверждение «юридических норм, на которых строится новая власть»[1]. Справиться с этой задачей может институт, представляющий общественное мнение и, соответственно, обладающий должным авторитетом в стране[2] (в данном случае со всей очевидностью делался намек на Государственную думу).

Кокошкин, как и многие его коллеги, часто ссылался на общественное мнение. Что же это такое? Это не есть настроения толпы, не точка зрения крестьян деревни Голодаевка, а нечто другое, что нужно специально организовывать, потому что оно не существует как данность. По мнению П.И. Новгородцева, роль широких общественных масс ограничена «пассивным согласием с получающими господство идеями. Иногда это даже не столько явное одобрение, сколько отсутствие решительного протеста...». Конечно, из этого не следует делать вывод, поясняет Новгородцев, что любые идеи могут быть восприняты населением: «Общество нельзя убедить в чем угодно, его можно склонить только к тому, что соответствует его более глубоким потребностям и инстинктам». Как раз набор представлений и идей, воспринятый наиболее активной частью населения и соответствующий его „глубоким потребностям и инстинктам“, и составляет общественное мнение. Оно производное не каких-либо убеждений, а следствие „пассивного присоединения к распространившимся идеям“. Соответственно, оно не может быть прочным и устойчивым. При постоянной борьбе идей и программ, при постоянно меняющейся конъюнктуре общество будет находиться в состоянии вечного колебания, и неизбежны „повороты умов“»[3]. Отсутствие устойчивого общественного мнения порождает и другую проблему: если оно столь не прочное, то нельзя ответить на столь привычный вопрос: «что нужно народу».

Общественное мнение надо искать. Чтобы «найти» его, цитирует Новгородцев Гегеля, необходимо понять «внутреннюю природу и существо своего времени»[4]. Но слово «найти» можно было бы заменить другим: «сформировать». Учитывая пассивный способ образования общественного мнения, его истинные творцы — генераторы и глашатаи разнообразных идей и мнений: литераторы, ученые, журналисты, общественные деятели — интеллектуалы, имеющие смелость говорить от имени всех. Новгородцев не раз вспоминал слова Дж. С. Милля, что «народная воля на практике есть даже не воля большинства, а воля тех, „кому удается заставить принимать себя за большинство“».

От имени большинства говорят представители различных общественных групп, политических партий. Общество же на их выступления от-

[1] Там же. С. 77.
[2] Там же. С. 124–125.
[3] *Новгородцев П.И.* Введение в философию права. М., 1996. С. 87–88.
[4] Там же. С. 89.

вечает иногда пассивным сочувствием, а иногда полным безразличием. Формального же критерия, который смог бы помочь выяснить, кто, на самом деле, представляет народную волю, нет[1]. «Каждый из органов, претендующий на выражения общественного мнения... исходит не из того, каково есть общественное мнение, а из того, каким оно должно быть». Соответственно, общественное мнение надо конструировать. Всякий, формулирующий общественное мнение, исходит из своих принципов и идеалов. Свои собственные идеи и отстаивают общественные группы и партии, желая завоевать симпатии большинства. Последней инстанцией в их споре, по словам Новгородцева, оказывается все та же гегелевская «внутренняя природа и существо времени»[2].

Общественное мнение — это всегда спор о власти, а значит и о праве. Как уже отмечалось выше, либеральная концепция права предполагает его как целостную систему, являющуюся, в свою очередь, системообразующим элементом всей культуры, т.к. именно оно определяет формы и правила общественных коммуникаций. В соответствии с этим интерпретировалась и проблема неизбежных «пробелов» в праве. Их наличие ни в коей мере не должно было приостанавливать естественное течение жизни. Гибкая правовая система могла восполнить эти «пробелы» либо с помощью прецедента и обычая, либо благодаря предусмотренным механизмам самовоспроизводства. В рамках жесткой правовой модели эта проблема была неразрешима, и она влекла за собой конституционный кризис. Однако и в том и в другом случае правовая система должна сохранять свою целостность. Разрывы же в осуществлении права влекли за собой необратимые последствия для политической жизни. По этой логике либералы либо в принципе отрицали необходимость чрезвычайно-указного права, либо считали нужным по возможности ограничить его применение. Чрезвычайно-указное право, которое по своей природе должно служить коррективом любому несовершенному законодательству, обосновывалось представлением о человеческой воле как источнике права, которое преимущественно апеллировало к концепции суверенитета в изложении Ж. Бодена. Правоведы либеральных взглядов этим построениям не симпатизировали. «Современное правовое государство характеризуется тем, что признает верховным началом своей организации и своей деятельности закон как выражение общественного самоопределения. Оно устраняет из своего обихода личное усмотрение правителя и подчиняет все существенные отправления политического тела правилам, установленным общественными органами. И как бы различно современные государства конституционного типа организованы ни были, все они начерчивают в своих хартиях правило, по которому ни один закон не может состояться иначе, как при участии и с согласия народного представительства»[3]. Право должно непрерывно осущест-

[1] Там же. С. 90–91.

[2] Там же. С. 91.

[3] *Алексеев А.С.* Происхождение чрезвычайно-указного права и его политическое значение // Юридический вестник. 1913. № 1. С. 57.

вляться в пределах всего ареала действия. Любую же чрезвычайную ситуацию возможно разрешить в порядке общего законодательства.

Дабы право действительно было саморегулирующейся системой, следовало выстроить так политические институты, что им позволили бы контролировать друг друга[1]. Иными словами, общество нуждалось в правильно организованном разделении властей. Это обеспечивалось бы не только конституционными нормами, но и всей совокупностью негласных конвенций, которые, в сущности, формировали обычное право современной политики. «Писанная конституция, — утверждал П.Н. Милюков, — даже и самая совершенная — есть только скелет. Этот скелет должен обрасти живым телом, чтобы все его движения совершались эластично и гладко»[2]. Дабы это не случилось, политические акторы должны находиться в одном интеллектуальном пространстве — понятий, категорий, ценностей. Они должны были совместными усилиями, в дискуссии между собой формировать общественное мнение. Это подразумевало и свободу правового творчества, а значит эволюции конституционных норм. В противном случае, оппоненты безнадежно бы сталкивались, они входили бы в «клинч», возникала бы ситуация правового тупика — конституционных конфликтов.

Именно такое положение либералы констатировали в России в период деятельности Первой думы: «Составители наших конституций... заботились, конечно, не о том, чтобы обеспечить народному представительству нормальные условия работы в рамках естественно принадлежащих ему прав, а лишь о том, чтобы сохранить за самодержавной бюрократией всю неограниченную полноту принадлежащей ей власти, чтобы сделать из Государственной думы модную декорацию к износившемуся старому режиму»[3]. Этому вторил В.Д. Набоков: «Так продолжаться не может, государство не может существовать, если между законодательной и исполнительной властью образовалась пропасть»[4]. По словам Б.А. Кистяковского, такое положение предвещало будущие катаклизмы: «Именно отсутствие норм для правового развития конституции или их фактическая недействительность и создает революцию...». В качестве примера неизбежного в таком случае революционного решения конституционного вопроса Кистяковский приводил будущую деятельность Думы (статья была опубликована 28-го апреля, на следующий день после первого заседания народного представительства). По мысли автора, перед депутатами стояла задача формулирования новых правовых норм в соответствии с правосознанием населения[5].

Правосознание тем и могущественно, что бороться с ним бессмысленно: оно, так или иначе, определяет законодательство, в том числе и конституцию. Принцип конституционализма, если он действительно

[1] *Алексеев А.С.* Как осуществить единое народное представительство // Русская мысль. М., 1907. Кн. 4. С. 55; *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 265.

[2] *Милюков П.Н.* Указ. соч. С. 482.

[3] Неприкосновенность депутатов // Речь. 1906. 2 июня. См. также: *Гессен В.М.* Русская конституция // Речь. 1906. 10 марта.

[4] Речь. 1906. 15 июня. С. 4; *Гессен В.М.* Тактика партий в Первой Государственной думе // Первая Государственная дума. В 3 вып. СП6., 1907. Вып. 1. С. 144.

[5] Там же.

стал фактом правосознания, может реализовываться в совершенно различных формах. Например, если в Основных законах не соблюден в полной мере принцип разделения властей, и, соответственно, Дума не может оказать влияние на правительство теми средствами, которые являются гарантиями против произвола исполнительной власти, то принцип конституционализма может реализовываться и вне стен Думы.

Эту же мысль можно сформулировать и так: «Могу огласить здесь указание на то, что конституционный строй есть такой строй, который сам в себе заключает гарантию, охрану для всех властей, которые участвуют в конституционном строе. Если, с одной стороны, власть исполнительная гарантирована против представительства своими прерогативами, то с другой стороны... задолго до того, как был установлен конституционный строй на Западе, существует гарантия и для народного представительства против возможного нарушения его прав со стороны власти исполнительной, и эта гарантия заключается в его праве ежегодно утверждать бюджет и ежегодно определять численность армии. Без таких гарантий конституционного строя не существует, и такие гарантии введены в основные законы. Но как быть, если эти гарантии будут устранены властью исполнительной, если само существование народного представительства подвергается опасности? Тогда у избирателей, у народа остается еще одно мирное средство для защиты своих прав, это — то пассивное сопротивление». Так говорил Ф.Ф. Кокошкин в декабре 1907 г. на суде над депутатами, подписавшими Выборгское воззвание[1].

Разделение властей — необходимое условие осуществления конституционных принципов. Если оно нарушено, то конституционализму ничего не остается, как проявить себя в формах, не предусмотренных действующим законодательством. В этом случае включаются другие механизмы регуляции. Пассивное сопротивление (проще говоря, готовность населения не подчиняться действующей власти) — как раз одна из форм реализации конституционного принципа, один из возможных регуляторов взаимоотношений между органами власти. В рамках такого подхода пассивное сопротивление — вполне правовой акт со стороны как будто бы молчаливого большинства.

Можно было считать это проявлением народовластия, отношение к которому в либеральной среде было разное, порой диаметрально противоположное. М.М. Ковалевский[2], С.А. Котляревский[3], Б.А. Кистяковский[4] ссылались на концепцию народного суверенитета, которая, с их точки зрения, и лежала в основании современного парламентаризма. Ф.Ф. Кокошкин не признавал какого-либо суверенитета, ни монархи-

[1] *Классон В.Н.* Указ. соч. С. 29.

[2] *Ковалевский М.М.* От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму. В 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 292.

[3] *Котляревский С.А.* Предпосылки демократии // Опыт русского либерализма. М., 1997. С. 221.

[4] *Кистяковский Б.А.* Как осуществить единое народное представительство // Русская мысль. М., 1907. Кн. 4. С. 56.

ческого, ни народного. По его мнению, выборы необходимы для обеспечения правового принципа, который стоит выше любой воли[1]. Так или иначе, как бы правоведы либерального толка ни относились к проблеме суверенитета, они признавали, что конституционная власть «растет снизу вверх»: от самодеятельной личности, как писал М.М. Ковалевский, до высшей формы самоуправления общества — парламента[2]. Прежде всего, на «самодеятельную личность» или же, в версии Кокошкина, на «сознательную» личность опирается конституционное государство[3]. Если же быть более точным, стоит сформулировать так: фундамент его — общество, состоящее из «сознательных» и «самодеятельных» людей. Выступая 5 июня 1906 г. в Думе, Ф.Ф. Кокошкин, в частности, отметил: «Если мы хотим действительно соорудить новое государственное здание, мы должны помнить, что у нас юридически, по нашему законодательству, в настоящее время нет народа, нет нации, в юридическом смысле этого слова. Есть только отдельные группы населения, отдельные племена, национальности и сословные группы, подчиненные одной власти, но они одного юридического целого не составляют. У нас нет до сих пор общих гражданских прав, есть только права состояния. Народа, нации, в юридическом смысле этого слова, у нас нет. Нация — необходимый фундамент правового государства. Она у нас организуется фактически, нужно создать русский народ, в юридическом смысле этого слова, нужно создать нацию, а таковой в наше время может быть только союз свободных, равных граждан»[4]. Иначе говоря, необходимой основой конституционного режима должна быть нация, т.е. союз граждан, объединенных общностью прав. Судя по словам Кокошкина, такого института в России пока еще не было, он лишь формировался. А что же будет, если он возникнет? 1 мая 1906 г. в статье, опубликованной в журнале «Свобода и культура», Л. Галич дал следующий ответ: действующая власть в таком случае будет поставлена в принципиально иные условия. С неизбежностью произойдет революция системы государственного администрирования. Бюрократия не сможет управлять без учета нового качества управляемого материала. В качестве примера того, что может произойти с правительством в новых обстоятельствах, Л. Галич привел мнение одного англичанина, которого спросили:

– Что случилось бы, если бы ваше правительство ввело новый налог без согласия парламента?

– Никто не стал бы его платить.

– А если бы вас попытались заставить?

– Думаю, что весь кабинет в тот же вечер висел бы на фонарях[5].

---

[1] *Кокошкин Ф.Ф.* Лекции по общему государственному праву. М., 1912. С. 262.

[2] *Ковалевский М.М.* Что такое парламент. СПб., 1906. С. 3.

[3] *Кокошкин Ф.Ф.* Указ. соч. С. 285.

[4] Государственная дума. Первый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1906. Т. II. С. 1010.

[5] *Галич Л.* О способах борьбы с властью // Свобода и культура. СПб., 1906. № 5. С. 355.

Так и надо понимать слова Кокошкина, сказанные им во время «выборгского процесса»: «Пассивное сопротивление, к которому мы призывали, является не средством анархии, оно является пробуждением сознания народных прав, сознательного отношения народа к своим обязанностям. Тот гражданин, который не платит налогов в исключительный момент и не платит только для защиты тех прав, которые он считает нарушенными, этот гражданин есть лучший гражданин и более здоровый элемент, нежели тот, который платит налоги и исполняет воинскую повинность из рабского, слепого повиновения распоряжениям властей»[1].

Пассивное сопротивление, предложенное авторами Выборгского воззвания, должно было как раз стать первым очевидным проявлением «нации» как союза граждан, готовых защищать собственные права. Должна была произойти «материализация» общественного мнения, не признающего правящего режима.

Тем самым правительству давалось бы понять, что опираться оно могло лишь на физическую силу, которую ей не обратить в правовую норму. В.М. Гессен, говоря о ситуации всеобщего недоверия к действующему правительству, привел цитату из Ж.Ж. Руссо: «Самая могущественная власть недостаточно могущественна для того, чтобы постоянно господствовать, если только она не превращает своей силы в право, а послушание других — в долг»[2].

Выборгское воззвание, по мысли кадетов, — это осуществление революции, только особой, не похожей на то, что рисовалось в воображении социалистов. Это не «война с дворцами», не штурм исторических центров власти, не баррикады в столице и вооруженные выступления. Точнее: не только все это. Прежде всего, речь шла о формировании общественного мнения, которое легитимировало все формы сопротивления власти, в том числе пассивные как наиболее доступные мирному обывателю. Это задача технического порядка. Она достигалась посредством прессы, собраний, митингов, выступлений в Государственной думе — всего того, что заставляло и общественность, и прежде всего власть поверить: устами кадетов говорила нация. Другую, куда более значимую проблему кадеты для себя уже решили: единственная реалистичная программа преобразования страны, соответствовавшая современным правовым идеалам и настроениям большинства, была сформулирована в их партийных документах. Казалось, на этом должны были сойтись все здравомыслящие силы тогдашней России, что объясняло неизбежность нарисованного конституционными демократами будущего — по крайней мере, для них самих.

---

[1] *Классон В.Н.* Указ. соч. С. 30.

[2] *Гессен В.М.* Государственная дума // Вестник партии народной свободы. 1906. № 26. Стб. 460–461.

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ПРОБЛЕМА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ДРЕВНОСТЕЙ В РОССИИ В 1906–1917 гг.

БОГОМОЛОВ АНДРЕЙ БОРИСОВИЧ,
ведущий специалист отдела научно-справочного аппарата
Российского государственного исторического архива,
аспирант Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: k_tm@bk.ru

Аннотация: Статья посвящена деятельности Православной церкви в сфере охраны памятников в период думской монархии. В работе затрагиваются вопросы, касающиеся централизации церковно-археологических учреждений Духовного ведомства и участия его представителя в разработке закона об охране древностей, а также рассматривается проект «русского церковного древлехранилища», предложенный Бюджетной комиссией Государственной думы.

Ключевые слова: Православная церковь, Архив Святейшего синода, А.Н. Львов, К.Я. Здравомыслов, охрана памятников, Н.В. Покровский

Законодательство об охране древностей во второй половине XIX в. стало предметом пристального внимания государства, общества и Православной церкви. Однако создать централизованную систему и действенную нормативно-правовую базу для сохранения материального культурного наследия к началу XX в. не удалось. При этом значительной частью общества подходы Православной церкви к решению современных проблем считались устаревшими. Духовенство и Синод объявлялись главными виновниками гибели, утрат и повреждения памятников древности. В то же время гораздо в меньшей степени упоминался тот факт, что сохранение церковных древностей было традиционным делом Православной церкви. Более того, до пробуждения в обществе интереса к национальному культурному наследию именно она была основным хранителем памятников старины. И деятельность эта в начале XX века не прекращалась, развивалась и совершенствовалась.

Однако, обращаясь к проблеме законодательства об охране древностей, исследователи в первую очередь делают акцент на деятельности таких организаций и учреждений, как Императорская археологическая комиссия, Московское археологическое общество, Министерство внутренних дел и т.п.[1]. В то же время, остается недостаточно отраженной

[1] Императорская археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб., 2009; *Михеева И.В.* Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX — начале XX века. Н. Новгород, 2009; *Серых Д.В.* Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX — начале XX в.: Дис. ... к. ист. н. Самара, 2005; и др.

позиция Православной церкви по данной проблеме, а также предпринимаемые ею практические меры[1].

Следует отметить, что систематическая работа в этом направлении велась в Архиве Святейшего синода с конца 1890-х гг. под руководством А.Н. Львова[2]. Однако с кончиной последнего в 1901 г. последовала резолюция обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева: «с делом охраны памятников приостановиться»[3].

Тем не менее, вместе с отчетами по консисторским архивам ежегодно с 1900 г. представлялись и сведения о церковно-археологических учреждениях в епархиях. В 1901 г. их насчитывалось около двадцати (не считая академических музеев)[4]. Кроме того, в 1904 г. были изменены правила для Комиссии по описанию Синодального архива. Одной из задач ее деятельности стало «обсуждение архивных и археологических вопросов, предлагаемых на рассмотрение комиссии Синодом и г. обер-прокурором»[5].

Святейший синод определением 12 апреля — 2 мая 1906 г. принципиально одобрил предложение директора Археологического института Н.В. Покровского об учреждении при Св. синоде церковно-археологического комитета «для сохранения вещественных и письменных памятников церковной старины». Для этого предполагалось преобразовать Комиссию по описанию Синодального архива[6].

На основании представленных из епархий сведений в 1908 г. новым начальником Архива К.Я. Здравомысловым была издана справочная книжка[7]. Она содержала также проекты Правил для Архивно-археологической комиссии (далее — ААК) и Положения об епархиальных археологических комитетах[8]. 15 декабря 1908 г. обер-прокурором П.П. Извольским они были внесены на рассмотрение Св. синода. Проекты были подготовлены в за-

[1] *Дедюхина В.С.* Краткий очерк истории становления дела охраны памятников церковной старины в России // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М., 1997. С. 3–12; *Комарова И.И.* 1) Законодательство по охране памятников культуры (историко-правовой аспект). М., 1989; 2) Церковно-археологические учреждения и охрана памятников культуры в России конца XIX — начала XX в. // Археографический ежегодник за 1990 год. М., 1992. С. 83–101; *Мусин А.Е.* Вопиющие камни. Русская церковь и культурное наследие России на рубеже тысячелетий. СПб., 2006; и др.

[2] РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. ЛЛ. 13–15 об.

[3] Там же. ЛЛ. 117 об.–118 об.

[4] Отчет о состоянии Архива и Библиотеки Св. Синода за 1901 г. // РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 129. ЛЛ. 134–153.

[5] Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М., 1997. С. 198–199.

[6] Отчет о состоянии Архива и Библиотеки Св. Синода за 1906 г. // РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 124. ЛЛ. 94–95.

[7] *Здравомыслов К.Я.* Сведения о консисторских архивах и церковно-археологических учреждениях в епархиях с проектом «Правил высочайше утвержденной Архивно-археологической комиссии при Святейшем синоде» и «Положения о Церковно-археологических комитетах». СПб., 1908. С. 3–26.

[8] Там же. С. 31–36.

седаниях Комиссии по описанию Синодального архива под председательством академика А.И. Соболевского, «при участии почти всех проживающих в г. Санкт-Петербурге видных представителей археологии»[1]. ААК предполагалась как общество ученых с широкой компетенцией и правами. Новые члены этого общества — люди, известные своими трудами в области церковной археологии, истории Церкви и родной старины, — утверждались Святейшим синодом, а не обер-прокурором[2].

Данные Правила и Положение были приняты определением Св. синода за № 3511 от 25 апреля — 2 мая 1909 г. и готовы к утверждению императором. При этом оставался невыясненным сам порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания. Традиционный особый характер этого порядка по ст. 65 Основных законов 1906 г.[3] вступал в противоречие с новым требованием общего законодательного порядка через Государственную думу и Государственный совет (по ст. 86)[4]. Движение по данному вопросу было приостановлено.

Кроме того, к концу лета 1909 г. обер-прокурор поднял вопрос о продлении пособия Комиссии для описания Синодального архива. Ходатайство об отпуске 4000 р. (ежегодно) было внесено в Государственную думу представлением от 1 сентября 1909 г.[5]. Утверждение в порядке верховного управления (по ст. 65) новых Правил создавало бы трудности для одобрения пособия в Государственной думе, тем более, что Комиссия становилась одним из отделений ААК и тем самым теряла самостоятельность. Поэтому признано было нецелесообразным проводить данные преобразования до рассмотрения Государственной думой вопроса о продлении пособия[6].

Пособие было продлено на два года, однако 2 октября 1910 г. обер-прокурор С.М. Лукьянов довел до сведения членов Синода, что порядок прохождения законопроектов остался невыясненным, также как и угроза исключения пособия в 4000 р. из сметы уже на 1911 г. Это по-прежнему затрудняло осуществление определения Синода от 25 апреля — 2 мая 1909 г. Кроме того, важное значение играл и тот фактор, что 3 февраля 1909 г. нача-

[1] РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 85.

[2] Там же. ЛЛ. 85–87 об.

[3] Ст. 65 Основных законов в редакции 1906 г. повторяла ст. 43 в редакции 1892 г.: «В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Святейшего правительствующего синода, ею учрежденного» (Свод законов Российской Империи. СПб., 1912. Кн. 1. Т. I–III. С. 5). При этом, «подавляющая часть законопроектов по духовному ведомству, минуя Государственный совет, рассматривалась в Синоде» (*Алексеева С.И.* Святейший синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856–1904 гг. СПб., 2006. С. 264).

[4] См. о возникших правовых коллизиях: *Флоринский М.Ф.* Основные законы 1906 г. и церковное управление в России в период третьеиюньской монархии // Вестник ЛГУ. 1980. Вып. 4. № 20. С. 21–26. Попытка разрешить проблему в 1913 г. успеха не имела (*Богомолов А.Б.* Государственная дума и порядок направления законопроектов по Ведомству православного исповедания в 1913–1914 гг. // Таврические чтения 2016. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. 1. С. 215–220).

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 1149. Л. 1.

[6] Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. ЛЛ. 93 об.–94.

ла работу Межведомственная комиссия при Министерстве внутренних дел для разработки нового закона об охранении всех памятников древности[1].

Вместе с тем законопроект Межведомственной комиссии был большинством ее членов принят. Однако он не учитывал ряд предложений, сделанных представителем Духовного ведомства К.Я. Здравомысловым. Поэтому 9 ноября 1910 г. председателем Комиссии по описанию Синодального архива академиком А.И. Соболевским были представлены изменения в министерский проект, поддержанные определением Св. Синода[2]. 22 ноября 1910 г. обер-прокурор С.М. Лукьянов сообщил об этом решении председателю правительства П.А. Столыпину[3].

Некоторые из предложений А.И. Соболевского были приняты, и законопроект об охране древностей был утвержден Особым журналом Совета министров 17 марта 1911 г. и внесен на рассмотрение Государственной думы[4]. В частности, изменения коснулись состава проектируемого Комитета. В него дополнительно включались представители Комиссии по описанию Синодального архива и Техническо-строительного комитета Хозяйственного управления при Св. синоде. Также предлагалось в губерниях опираться на существующие учреждения, а новые создавать только там, где они отсутствуют. Это было чрезвычайно важно в условиях ограниченности выделяемых материальных средств и недостатка в квалифицированных кадрах на местах. В примечании к этой статье также указывалось, что «если древности губернии имеют по преимуществу церковный характер», то Комитет, прежде всего, предлагал принять обязанности по охране местных древностей епархиальному археологическому учреждению[5].

При рассмотрении законопроекта об охране древностей представитель Духовного ведомства К.Я. Здравомыслов не был приглашен ни на предварительные совещания (24 февраля, 3 марта 1912 г.)[6], ни на первое заседание 9 апреля 1912 г. соответствующей комиссии Государственной думы. Именно тогда депутаты внесли основные изменения, нарушавшие права Православной церкви. Присутствие Здравомыслова на втором заседании 19 апреля 1912 г. уже ничего не меняло[7]. Академик А.И. Соболевский отмечал, что в случае принятия думского законопроекта неизбежны столкновения и борьба, которые быстро примут «острую форму и хронически-затяжной характер»[8]. Академия художеств также указывала на неудовлетворительность законопроекта. По разным причинам отрицательное отношение к нему широко выражалось и на страницах газет[9]. 8 апреля

[1] *Комарова И.И.* Законодательство по охране памятников. С. 31–32.

[2] Определение Св. Синода № 9270 от 9 ноября 1910 г. // РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. ЛЛ. 91–92.

[3] РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 631. ЛЛ. 1–1 об.

[4] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1911 год. М., 2002. № 30. С. 130–134.

[5] Там же. С. 131.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3566. ЛЛ. 3–15.

[7] Там же. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. Л. 178.

[8] Там же. Л. 181.

[9] *Михеева И.В.* Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел. С. 117–118.

1916 г. МВД просило вернуть законопроект на доработку, для чего создавалась специальная комиссия под председательством А.А. Бобринского[1].

Главой Духовного ведомства С.М. Лукьяновым было предложено принимаемые Синодом меры в отношении памятников церковных соотносить с организацией Комитета по охране древностей, предполагаемого министерским законопроектом[2]. Сохраняя Комиссию для описания Синодального архива, было решено организацию учреждений рядом с нею, предположенных проектами Правил для ААК и Положения об епархиальных археологических комитетах, проводить в порядке ведомственного управления[3]. В связи с этим, 25 июня 1911 г. Святейший синод издает циркулярный указ о ежегодной присылке отчетов о деятельности епархиальных церковно-археологических учреждений в эту Комиссию, а также о создании таких учреждений епархиальными архиереями там, где это не было сделано раньше[4]. К 1917 г. их действовало больше пятидесяти[5].

Необходимо также остановиться на проекте, предложенном членами бюджетной комиссии Государственной думы. В 1907 г. по докладу обер-прокурора Синода императором отмечалось, что Патриаршая библиотека в Кремле располагалась в «неудобном для научных занятий и небезопасном в отношении сохранности книг и рукописей» узком коридоре дворцового флигеля[6]. Поэтому специально созданная комиссия (Н.С. Щербатов, А.И. Успенский, С.О. Долгов и др.), осмотрев библиотеку, предложила три способа решения проблемы. Наилучший из них предполагал постройку для Патриарших библиотеки и ризницы отдельного здания на территории Кремля. Однако это требовало значительных средств, «испрашиваемых» через Государственную думу, и времени на разработку проекта. К тому же ризница находилась в недавно отремонтированном помещении. Поэтому ввиду неотложности дела и в целях экономии средств было решено для библиотеки ограничиться пристройкой к зданию Московской синодальной конторы[7]. 9 мая 1913 г. обер-прокурором Синода В.К. Саблером было внесено соответствующее представление «об ассигновании из казны кредита на сооружение пристройки» в Государственную думу[8]. Выделение средств было депутатами одобрено и 7 мая 1914 г. утверждено императором[9].

Вместе с тем обращает на себя внимание сопровождавшее заключение думской бюджетной комиссии предложение Святейшему синоду. Духовному ведомству предлагалось войти «в соображение вопроса о создании русского церковного древлехранилища» в Москве и сообщить свое заключение при внесении синодальной сметы на 1915 г. в Государ-

[1] Там же. С. 121, 125.

[2] Определение Св. Синода № 1535 от 28 февраля 1911 г. // РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. ЛЛ. 93–95 об.

[3] Там же.

[4] Сохранение памятников. № 183. С. 249.

[5] *Комарова И.И.* Церковно-археологические учреждения. С. 83–101.

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 6. Д. 1105. Л. 3.

[7] Там же. Л. 3 об.

[8] Там же. Л. 1.

[9] Там же. ЛЛ. 16, 22.

ственную думу[1]. Св. синод, в свою очередь, признал возможным создание такого учреждения при условии, что оно не нанесет ущерб местным древлехранилищам и делу сохранения памятников старины в епархиях[2].

К.Я. Здравомыслов в своих черновиках подвел следующие итоги по проекту такого «древлехранилища»: двадцать пять епархий не дают ничего, десять архиереев не ответили, Московская и Петроградская епархии остались «при особом мнении», девятнадцать епархий согласились дать незначительное количество предметов небольшой ценности, и лишь семь готовы отдать из церквей всю древность (хотя и небольшой ценности)[3]. Это не представляется удивительным, учитывая осуществлявшуюся программу создания епархиальных церковно-археологических комитетов и древлехранилищ. Кроме того, Н.В. Покровский не поддерживал «шаблонную» практику «перемещения памятников старины с места на место и сосредоточения их в столичных музеях» и считал это крупной ошибкой[4]. По его мнению, благоприятные условия для церковно-археологических работ необходимо было создавать в епархиях[5].

Таким образом, в условиях бюрократических и политических противоречий Закон об охране древностей принят не был. В то же время, в порядке верховного управления через соответствующие определения Синода принимались меры, позволявшие решать многие проблемы. Однако, по наблюдению В.С. Дедюхиной, отсутствие прочной законодательной основы существенно снижало эффективность ряда «удачных и прогрессивных действий» Духовного ведомства в деле охраны памятников[6].

Обращает на себя внимание деятельность Н.В. Покровского, А.Н. Львова, К.Я. Здравомыслова, А.И. Соболевского и др. Представляется, что именно синтез духовной практики и научных методов, духовного и светского образования позволял им вырабатывать (даже в неблагоприятных условиях: финансовых, бюрократических, политических, информационных и др.) адекватные ответы на современные вызовы в сфере охраны памятников старины.

Эта церковная традиция была прервана в 1917 г., но собранные и описанные церковными археологами коллекции по всей России стали частью, а нередко основой местных городских музеев. Сами же специалисты Духовного ведомства продолжили работу уже в светских учреждениях (архивах, музеях, библиотеках и т.д). Думается, что внимательное изучения церковного опыта в этой сфере будет содействовать комплексному пониманию проблемы охраны памятников и соответствующего законодательства как начала XX в., так и настоящего времени.

---

[1] Там же. Л. 11.

[2] Сохранение памятников. № 199. С. 290–291.

[3] РГИА. Ф. 814. Оп. 1. Д. 183. ЛЛ. 232–233 об.

[4] *Покровский Н.В.* О мерах к сохранению памятников церковной старины // Христианское чтение. 1906. № 4. С. 495.

[5] Там же. С. 494–495.

[6] *Дедюхина В.С.* Краткий очерк истории становления дела охраны памятников церковной старины в России // Сохранение памятников церковной старины в России XVIII — начала XX века. Сборник документов. М., 1997. С. 7.

«ЗДЕСЬ ИЗ СПОРА ДОЛЖЕН РОДИТЬСЯ ДОГОВОР»: «РУССКОЕ БОГАТСТВО» О СТАНОВЛЕНИИ ПАРЛАМЕНТА В РОССИИ (1906–1907 гг.)

ПОРТНЯГИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: n.portnyagina@spbu.ru

Аннотация: Отношение российского общества к становлению парламента в России является крайне актуальной темой, позволяющей понять ожидания, которые связывало население страны с парламентом, а, следовательно, и возникшие впоследствии проблемы во взаимоотношениях Думы и правительства. Между тем, эта проблема, пожалуй, наименее разработана в историографии. Журнал «Русское богатство», выражавший взгляды правых народников, был довольно популярным в России в период революции 1905–1907 гг. Значительное количество статей в журнале за 1906 и 1907 гг. было посвящено становлению русского парламента. Уже в период первой предвыборной кампании он выражал сомнение в возможности парламента справиться с проблемами, стоящими перед Россией, а главную задачу Думы видел в сближении там левых сил для борьбы с властью. Однако на страницах «Русского богатства» была представлена и другая идея: надежда на установление крепкого конституционного порядка в стране, при котором парламент станет надежной «опорой и якорем» для всего населения. Такая двойственность в восприятии парламента правыми социалистами давала надежду на укоренение при определенных условиях этого нового института в политической жизни России.

Ключевые слова: I и II Государственные думы, парламент, крестьяне, крестьянские депутаты, народные социалисты, «Русское богатство», журналисты, В.Г. Короленко.

Отношение российского общества к становлению парламента в России является крайне актуальной темой, позволяющей понять ожидания, которые связывало население страны с парламентом, а, следовательно, и возникшие впоследствии проблемы во взаимоотношениях Думы и правительства. Между тем, эта проблема, пожалуй, наименее разработана в историографии.

Большое влияние на формирование общественного мнения страны оказывал в этот период популярный журнал «Русское богатство», выражавший взгляды правых народников. Он имел примерно 8 тысяч подписчиков, его читателями были интеллигенция, крестьяне, политические ссыльные[1]. Редактором журнала в 1904 г. стал В.Г. Короленко, а в редакцию входили видные деятели народнического движения, талантливые журналисты Н.Ф. Анненский, А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, С.Я. Елпатьевский, А.Г. Горн-

[1] *Бережная Л.Г.* Журнал «Русское богатство» в 1905–1913 гг. // Из истории русской журналистики начала XX века / Под ред. Б.И. Есина М., 1984. С. 61.

фельд и другие. Все они активно занимались не только литературной, но и общественной деятельностью. Так, А.В. Пешехонов и Н.Ф. Анненский участвовали в учредительном съезде «Союза освобождения», проходившем 3–5 января 1905 г. в Петербурге. А.В. Пешехонов был избран даже в Совет Союза. Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин и А.В. Пешехонов вместе с другими представителями интеллигенции ходили 8 января к С.Ю. Витте с целью предотвратить столкновение войск и рабочих[1].

В конце декабря 1905 г. четыре представителя «Русского богатства» (А.В. Пешехонов, В.А. Мякотин, Н.Ф. Анненский, П.Ф. Якубович) присутствовали на первом съезде эсеровской партии. Однако в ее состав они не вошли, поскольку мечтали о создании легальной народнической партии, а не конспиративной организации, опирающейся исключительно на революционные методы борьбы[2]. А уже в сентябре 1906 г. группа «Русского богатства» известила власти, что хочет создать открытую трудовую народно-социалистическую партию. В ноябре состоялась ее учредительная конференция, на которой были приняты программа и устав, создан Оргкомитет. Его председателем стал Н.Ф. Анненский, а неформальным лидером партии — А.В. Пешехонов[3]. Целью партии, согласно ее программе, было предоставление возможности каждой личности «всестороннего и гармоничного развития»[4]. На конференции была определена и тактика для работы в Думе. Энесы договорились, что во II Думе их депутаты будут добиваться полной амнистии, отмены смертной казни и исключительных законов, обеспечения свобод, передачи исполнительной власти ответственному министерству и созыва нового представительного собрания на основе 7-членной формулы, правильного разрешения аграрного, рабочего и национального вопросов. Однако энесы полагали, что ограничивать деятельность партии только парламентской работой нельзя. Избирательная кампания и думская борьба должны быть использованы для приведения широких масс в деятельное и организованное состояние. Дума, прежде всего, должна стать агитационным средством для идей партии, для борьбы за верховную власть и созыв Учредительного собрания[5]. Во 2-й Думе фракция энесов, несмотря на небольшую численность, была очень влиятельной[6].

Конечно, «Русское богатство» не отождествляло себя с партией народных социалистов. Но, так как большинство членов его редакции являлись одновременно и членами политической партии с определенной программой, публикации в журнале должны были ей соответствовать. Зачастую оценка политической ситуации в России в период революции 1905–1907 гг. редактора журнала, членов его редакционного комитета была куда

[1] *Протасова О.Л.* А.В. Пешехонов: Человек и эпоха. М., 2004. С. 30, 33.

[2] Там же. С. 37–39.

[3] Там же. С. 45.

[4] Программа трудовой (народно-социалистической партии) // Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / Сост. А.В. Сыпченко, К.Н. Морозов. М., 2003. С. 64.

[5] Программа трудовой (народно-социалистической партии). С. 76.

[6] *Демин В.А.* Народно-социалистическая фракция // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 399.

более умеренной, чем та позиция, которую они озвучивали на страницах журнала. Однако выражалась эта оценка только в личной переписке.

В этом смысле показательна позиция редактора журнала В.Г. Короленко. Он большую часть времени в этот период проводил в крайне неспокойной Полтаве. Митинги здесь часто заканчивались столкновениями левых с правыми, а также еврейскими погромами. Так после опубликования манифеста 17 октября группа революционной молодежи Полтавы пошла к тюрьме требовать «освобождения тех, кому мы обязаны этим манифестом», произошли столкновения с полицией[1]. Сразу же по городу поползли слухи о многочисленных убитых и раненых и произволе властей. В.Г. Короленко сделал многое, чтобы предотвратить неизбежные столкновения. Он потребовал у губернатора, чтобы его «впустили в тюрьму, где, как говорили, много убитых и раненых», «обошел всюду, раненого нашел только одного и, выйдя, ходил по площади и рассказывал, что видел...»[2]. Писатель хвалил действия полтавского губернатора князя Н.П. Урусова, старавшегося устранить поводы для столкновений[3]. Он писал Н.Ф. Анненскому: «С самого „манифеста“ мне приходится здесь заниматься азбукой, состоящей из нескольких букв. „Не надо погромов, убийств, грабежей“»[4]. Редактор «Русского богатства» полагал, что после 17 октября Россия превратилась в «конституционную монархию». Однако следует еще проделать трудную, но «необходимую, требующую напряжения всех сил» работу: провести эту мысль «в сознание огромной массы народа, развертывая формулу в деталях»[5]. В.Г. Короленко в это время много ездил по окрестным деревням, говорил с крестьянами не о республике, а «о началах конституционного режима», доказывая его необходимость. Народник В.Г. Короленко, кажется, впервые по-настоящему узнал крестьян: «Теперь я не только знаю, но и вижу, слышу, осязаю, что такое эта неразвитость и темнота народа. Какая тут к чёрту республика! Вырабатывать в народе привычки элементарной гражданственности и самоуправления — огромная работа и надолго. Образовать в этой стихии очаги разумных стремлений, союзы для отстаивания своих прав и интересов, приобщать ее к практике гражданской деятельности и борьбы на новой почве — это теперь задача и ближайшего, и еще довольно отдаленного будущего....»[6]. Однако своими публичными статьями писатель мало способствовал выработке «разумных стремлений» среди полтавской общественности. Он много писал для леволиберальной газеты «Полтавщина», которую в конце 1905 г. приобрел кружок, близкий В.Г. Короленко[7]. Издание получило широкое распространение в губернии и способствовало ее радикализации. Особенно накалила страсти статья писателя «Открытое письмо статскому советнику Фило-

[1] *Зелинская Б.* Мои воспоминания. 1905–1925 гг. // РГАЛИ. Ф. 611. Госиздательство при Наркомпросе РСФСР. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 2.

[2] Короленко В.Г. — Анненскому Н.Ф. 4 ноября 1905 г. // *Короленко В.Г.* Собрание сочинений в 10 т. М., 1953. Т. 10. С. 416.

[3] Короленко В.Г. — Батюшкову В.Д. 28 октября 1905 г. // Там же. С. 414.

[4] Короленко В.Г. — Анненскому Н.Ф. 4 ноября 1905 г. // Там же. С. 416.

[5] Короленко В.Г. — Анненскому Н.Ф. 29 октября 1905 г. // Там же. С. 415.

[6] Короленко В.Г. — Анненскому Н.Ф. 4 ноября 1905 г. // Там же. С. 417.

[7] *Короленко С.В.* Книга об отце. Ижевск, 1968. С. 161.

нову», в определенной степени спровоцировавшая террористический акт против советника губернского правления Ф.В. Филонова[1].

Эта народническая ориентация журналистов «Русского богатства», традиционная ненависть к власти во многом предопределяли отношение издания к парламенту. В период первой предвыборной кампании в редакции журнала велись дебаты по поводу выборов в Думу. Часть журналистов (В.А. Мякотин, С.Я. Елпатьевский, В.Г. Богораз-Тан) высказались за бойкот выборов, Н.Ф. Анненский и А.В. Пешехонов колебались. В конечном итоге было решено придерживаться пассивного бойкота: участвовать в предвыборных собраниях, но «не выбирать и не выбираться»[2]. В журнале в этот период было размещено достаточно много статей о западных парламентах, прежде всего, об английском, который представлялся публицистам самым идеальным[3]. О будущей русской Думе, напротив, они писали как о тормозе русского освободительного движения, вряд ли способной изменить явно преступную и пагубную для народа политику правительства[4]. Дума, по мнению журналистов, сможет разве что послужить консолидации левых сил для борьбы с властью[5]. В день открытия Думы особой критике подверглись Основные законы, «совершенно уничтожающие значение Государственной думы», поскольку были созданы бюрократией, без участия народных представителей[6].

Власть показывалась на страницах журнала всегда отрицательно, всегда готовой к произволу и насилию. В.Г. Короленко писал: «Нынешнее правительство — это ямщик бешеной и разнуздавшейся тройки... Весь состав военно-бюрократического строя так привык к беззаконию, что министры не могут, если бы даже захотели, стать европейцами в смысле просвещенного абсолютизма...»[7]. День открытия I Думы описывался большинством изданий как светлый радостный праздник. Однако В.Г. Короленко на страницах «Русского богатства» представил своим читателям картину довольно мрачного города, «перегороженного барьерами, жандармами, отрядами конной гвардии», некоторые из которых сидели в засаде в глубине дворов, а небольшие кучки людей на углах улиц «опасливо и быстро расходились, боясь неожиданностей»[8]. «Рус-

[1] *Портнягина Н.А.* В.Г. Короленко и Ф.В. Филонов: к истории одного террористического акта // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3. (250). С. 32–45.

[2] *Ерофеев Н.Д.* Народные социалисты в Первой русской революции. М., 1979. С. 86.

[3] *Надев К.* Борьба за всеобщее избирательное право в отдельных государствах Германской империи // Русское богатство. 1906. № 5 С. 42–46; *Южаков С.* Законодательные выборы во Франции // Там же. С. 123–138; *Василевский Л.* Борьба за реформу избирательного закона в Австрии // Там же. № 3. С. 41–60.

[4] *Мякотин В.* Государственная дума и связанные с нею ожидания // Русское богатство. 1906. № 2. С. 163–178.

[5] *Мякотин В.* Государственная дума и связанные с нею ожидания. С. 178.

[6] *Короленко В.Г.* Вместо хроники. (Впечатления из трибуны журналистов.) // Русское богатство. 1906. № 5. С. 138–152.

[7] Там же. С. 147.

[8] Там же. С. 140.

ское богатство» критиковало и вторую предвыборную кампанию. А.В. Пешехонов сам принимал в ней участие в Петербурге и отметил свободу предвыборной агитации, но как бы спохватившись, указал на «произвол» власти, которая затрудняла печать предвыборных воззваний нелегальных партий, а «агитация путем печати, особенно для социалистических партий, стеснена до крайности»[1].

Ораторы правительства, выступавшие в I Думе, выглядели на страницах журнала карикатурными личностями, сошедшими со страниц сатирических журналов: А.С. Стишинский — «застегнутый, церемонный, дисциплинированный», В.И. Гурко — «прогрессивный, нецеремонный, расстегнутый, дрессированный на свободе»[2]. Их речи, по мнению публицистов-народников, выражали отсутствие государственной мысли, непонимание исторического момента, психологии людей, примитивность логики[3].

Напротив, крестьянские депутаты, за которыми пристально наблюдали публицисты, описывались с большой любовью. В I Думе публицисты обратили внимание на реакцию крестьян-депутатов не столько на содержание речей министров, впервые увиденных и услышанных ими, сколько на борьбу Думы и правительства, которая развеяла престиж правительства у народа. Раньше в представлении крестьян министры были окружены «мистическим ореолом силы и большого ума», в Думе же они явились перед народом, и «оказалось, что это — обыкновенные люди, даже маленькие люди, что нет в них ничего страшного, и оказалось пустое место там, где предполагалось огромное содержание. Это произвело ошеломляющее впечатление на крестьян»[4]. С.Я. Елпатьевский писал: «Меня поразило, что выступления Стишинского и Гурко вызвали не негодование среди депутатов-крестьян, а огромное веселье, неудержимый смех. Один крестьянин говорил: „Ну и всыпали им“. Он все хлопал себя по бедрам, смеялся и сквозь смех говорил: „А мы-то в деревне думали! Вот-те и ми-ни-стры...“». По мнению автора, министры именно своими выступлениями «разрушили всякую иллюзию общего дела, общего блага, государственной мысли правительственных людей», показали крестьянам, что они «люди без большого ума»[5]. Однако на крестьян подействовало, скорее, не содержание речей министров, которое они не всегда могли понять, о чем публицисты пишут и сами, а именно негативное и нескрываемое отношение к людям власти депутатов Думы. Тот же автор отмечал далее: «Все эти крики: „долой, убийцы, палачи, негодяи, вон“ закрепляли „веселыми нотами эту радость освобождения“» крестьян от авторитета власти[6].

[1] *Пешехонов А.* Хроника внутренней жизни. Избирательная кампания в С. Петербурге // Русское богатство. 1907. № 1. С. 121.

[2] *Елпатьевский С.* В Государственной думе. Заметки, очерки, наблюдения // Русское богатство. 1906. № 8. С. 99.

[3] Там же. С. 99.

[4] Там же. С. 101.

[5] Там же. С. 106.

[6] Там же.

После роспуска I Думы депутаты-народники ездили по стране с отчетами перед своими избирателями, их впечатления от этих встреч печатались в «Русском богатстве». Эти корреспонденции из провинции показывали повсеместный интерес к Думе в крестьянской и городской среде. Публицисты «Русского богатства» писали, что крестьян более всего интересовала внешняя сторона дела: прием в Зимнем дворце, закулисная борьба партий, выходы министров, их выступления: как они говорили, как прочитали, каким голосом, не менялись ли с лица, какой министр из себя: «замореный или сытый, почему называется речь, если прочитал...»[1].

Критикуя существующий парламент, журналисты создавали на страницах издания образ идеального народного представительства, восходящий к программной литературе партии энесов. Правильный парламент должен осуществлять действительный надзор за исполнительной властью, выражать мнение всего народа, должен избираться посредством всеобщих выборов[2]. Особое значение «Русское богатство» придавало печати, которая, по их мнению, должна была стать «одним из органов контроля», имеющим право критиковать правительство и оглашать факты[3].

В период работы I Думы критике на страницах «Русского богатства» подвергались кадеты, в период работы II Думы к ним добавились правые, которых не только критиковали, но и высмеивали. Кадеты воспринимались журналистами-народниками как люди крайне далекие от народа, «сытые» всезнайки, постоянно поучающие Думу: «так нельзя говорить, так нельзя аплодировать». Только парламентская борьба не устраивала «Русское богатство», поэтому его журналистов крайне раздражали разговоры кадетов о сотрудничестве с правительством, их отмежевание от левых во II Думе[4]. Правые же, это «черное пятно, враждебное всякому, даже сумеречному свету»[5], вообще не воспринимались журналистами как серьезные политики, хотя они полагали их опасными, поскольку крестьяне отдавали им голоса. Корреспонденты «Русского богатства» считали правых настолько тенденциозными, что ожидали каких-то выходок с их стороны во время открытия II Думы. Они полагали, что те явятся в Думу с национальными флагами, под конвоем вооруженных дружинников, произведут в думской зале какой-то невероятный дебош, поэтому очень удивились, когда последние приехали на извозчиках, скромно и незаметно, вошли так, что никто их не видел[6].

Однако, несмотря на то, что I Дума была далеко не идеальной в представлении народнического журнала, хотя она не стала центром власти,

[1] *С. А-н.* По родным местам. (Из наблюдений бывшего депутата.) // Русское богатство. 1907. № 1. С. 46.

[2] *Пешехонов А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1907. № 7. С. 164; *Мякотин В.А.* Наброски современности. Роспуск Государственной думы и его результаты // Русское богатство. 1907. № 8. С. 160–178.

[3] Судебная речь В.Г. Короленко // Русское богатство. 1906. № 5. С. XV.

[4] *Елпатьевский С.* В Государственной думе. Заметки, очерки, наблюдения. С. 96; *Елпатьевский.* Облетели цветы // Русское богатство. 1907. № 5. С. 142.

[5] *Пешехонов А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1907. № 2. С. 146.

[6] *Тан В.* Вторая дума // Русское богатство. 1907. № 2. С. 124.

а лишь «центром народных жалоб», журнал с болью говорил о ее роспуске и призывал к борьбе за выборы в новую Думу, в которую должны быть «вовлечены все живые силы страны...»[1]. Более того, на страницах «Русского богатства», наряду с критикой Думы, глухо, но все же была представлена и другая мысль: надежда на установление крепкого конституционного порядка в стране, при котором парламент станет надежной «опорой и якорем» для всего населения[2]. Многие заметки о работе I и II Думы написаны журналистами «Русского богатства» с большой симпатией. Им нравились «милая ложа журналистов», серьезность русского парламента, в котором редко звучит смех, его демократичность: «проф. Гредескул входит на эстраду в сереньком пиджачке, который так гармонирует с его неторжественной и невеликолепной фигурой и так не гармонирует с белым залом, люстрами и колоннами светлейшего князя Таврического. В таком же пиджачке, такой же серый входит Герценштейн и другие профессора, дворяне, крестьяне в провинциальных сюртуках, в некорректных пиджаках, в поддевках и свитках..., все они пришли не на парад, не на бал, а на тяжелую, трудную работу, на дело устроения русской земли», они пришли устранить старую законность, установить новую[3]. II Дума нравилась журналистам больше, поскольку она лишилась «кадетского однообразия», в ней была представлена вся Россия. Журналисты выражали надежду, что Дума сможет все же решить проблемы русской жизни, сгладить ее острые углы лучше, чем на митинге или на улице, именно «здесь из спора должен родиться договор»[4]. Кроме того, во II Думе, по их мнению, лучше должны работать фракции, поскольку им будут помогать партии, они будут теснее связаны с народом. «Думские вопросы будут обсуждаться и решаться в более разнообразной и лучше сорганизованной среде. Общественных сил, которые непосредственно сосредоточатся около самой Думы, будет больше», — считал А.В. Пешехонов[5].

Таким образом, левая пресса России, включая «Русское богатство», приложила немало усилий к тому, чтобы сформировать у населения страны завышенные ожидания в отношении зарождающегося парламента, что мешало взаимоотношению Думы и власти. Опыт, приобретенный правой народнической интеллигенцией в первый революционный год, помог ей в определенной степени начать воспринимать зарождающийся парламент как арену согласования интересов различных классов России, что нашло отражение на страницах «Русского богатства». Однако это восприятие парламента пока не стало доминирующим в ее сознании. Воспитанная на традициях борьбы с властью, народническая интеллигенция считала своим долгом вести с ней информационную войну, поэтому предпочла использовать страницы журнала в основном для критики парламента.

---

[1] *Мякотин В.А.* Наброски современности. Роспуск Государственной Думы и его результаты. С. 163, 176.

[2] Судебная речь В.Г. Короленко. С. XIV.

[3] *Елпатьевский С.* В Государственной думе. С. 92–98.

[4] *Тан В.* Вторая Дума. С. 123–124.

[5] *Пешехонов А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1907. № 2. С. 151.

СРЕДСТВА ЯЗЫКОВОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ТЕКСТАХ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ НА СТРАНИЦАХ «ДОНСКИХ ОБЛАСТНЫХ ВЕДОМОСТЕЙ» 1906–1907 гг.

ГАЛЕПА МАРИНА АНАТОЛЬЕВНА,
кандидат филологических наук,
педагог дополнительного образования
факультета дополнительного образования
Новочеркасского инженерно-мелиоративного института
имени А.К. Кортунова –
филиал ФГБОУ ВО Донской ГАУ,
Новочеркасск, Россия;
e-mail: galepa1@rambler.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию языковых особенностей текстов и способов трансляции авторской позиции в период становления российской парламентской журналистики на материале основного официального издания на Дону — «Донских Областных ведомостей».

Ключевые слова: парламентская журналистика, парламентаризм, публицистическая риторика, синтаксические приемы, авторская позиция.

В текстах политической журналистики (включая парламентскую) неизменный интерес вызывают способы, которые использует автор для донесения своей позиции и зачастую привлечения читателя «на свою сторону». Из всего многообразия средств, воздействующих на аудиторию, а это построение материала, отбор аргументации, заголовочный комплекс и языковые особенности, нас, прежде всего, интересуют средства художественной выразительности и риторические приемы, которые использует журналист (или тот, кто выступает в этой роли) для выражения своей позиции.

Сегодня оставим за скобками вопрос о том, насколько в парламентской журналистике вообще должна присутствовать авторская оценка. Это тема для отдельного исследования, хотя стоит обозначить крайние точки зрения по этому вопросу. Так, в России, где опыт духовного осмысления развития общественной мысли неразрывно связан с литературой, авторская позиция приветствуется и ожидаема аудиторией. Тогда как в западной традиции, скорее, превалирует тенденция, которую кратко сформулировал Боб Эггингтон, возглавлявший в 2016 г. политический и парламентский отдел Бибиси. В его «Памятке начинающему парламентскому корреспонденту» сказано: «Оставьте свое мнение при себе»[1].

[1] *Эггингтон Б.* Памятка начинающему парламентскому корреспонденту // БиБиСи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.aej.org.ua/analytics/871.html

Обозначим, что «Донские областные ведомости» — это официальное периодическое издание, которое выходило в свет в столице Области войска Донского — г. Новочеркасске на протяжении 78 лет с 1839 г. (сначала под названием «Донские войсковые ведомости», а с 1872 г. — «Донские областные ведомости») и до 1917 г. До этого момента газета имела самый большой тираж среди всех губернских ведомостей[1].

Начиная с первого номера 1906 г. и до начала работы I Государственной думы (27 апреля 1906 г.), в данном печатном издании публикуются материалы местных авторов, в которых выражаются надежды населения, связанные с учреждением российского парламента. Все статьи за 1906 год, отражающие события и чаяния накануне начала работы Государственной думы (с января по 27 апреля), написаны в тоне спокойного рассуждения. Авторы редко публикуются под своими именами, чаще мы встречаем либо инициалы, либо псевдонимы, которые тоже несут в себе зерно воздействия на читателя: Гражданин[2], Божедар[3], Старый урядник[4].

Так, автор П. Р-в связывает будущее России с прямыми всеобщими выборами, но к ним Россия еще не готова. «Они будут возможны и желательны тогда, когда народ наш привыкнет к ним, политически разовьется и поймет новую жизнь, когда он научится читать и понимать газеты», — утверждает автор. Для усиления воздействия на аудиторию господин П. Р-в прибегнул к повторению: «Когда..., когда.., когда»[5]. У автора С. Троицкого[6] встречаем такие средства художественной выразительности, как умышленное употребление личных местоимений (с целью эффекта объединения): «все мы, за каждым из нас, личность каждого, все мы равные...»[7]. Автор рисует картину окружающей действительности и возлагаемых на парламент надежд, применяя негативно («погромы, братоубийственные побоища, ураган, унижать, грабить, насильственные

[1] *Ахмадулин Е.В.* Пресса Новочеркасска // Новочеркасск. Краткая энциклопедия. Новочеркасск, 2001. С. 209.

[2] *Гражданин.* К выборам в Государственную думу // Донские областные ведомости. 1906. № 26. 1 февраля. С. 2.

[3] *Божедар.* Из прошлого. Там же.

[4] *Старый урядник.* Казачьи депутаты // Донские областные ведомости. 1906. № 139. 1 июля. С. 2.

[5] *П. Р-ов.* На современные темы // Донские областные ведомости. 1906. № 5. 6 января. С. 3.

[6] Троицкий Симеон — уроженец станицы Нижне-Чирской Области Войска Донского, казачьего происхождения. Окончил Донскую духовную семинарию, служил священником в Таганрогском округе. С 1901 г. вернулся в Новочеркасск, в 1907–1912 гг. — настоятель Михаило-Архангельской церкви, затем священник и преподаватель Донского Мариинского института, в 1914–1920 гг. — настоятель Вознесенского Собора. Активный общественный деятель, публицист. Награжден духовными и светскими наградами до ордена Св. Владимира III степени включительно. См.: *Чибисова С.П.* История православных храмов Новочеркасска. Ростов н/Д, 2013. С. 79.

[7] *Троицкий С.* Русскому народу. О неприкосновенности личности // Донские областные ведомости. 1906. № 27. 2 февраля. С. 1.

меры, терзать ближнего»)[1] и позитивно («здравомыслие, созидательная работа, вдумчивость, творить с чистым сердцем, яснее»)[2] окрашенную лексику. Все публикации авторов пронизаны нетерпением, ожиданием преобразований в стране, эти изменения все видят по-разному, но все непременно хотят, чтобы он произошли.

I Государственная дума просуществовала недолго; с момента ее роспуска (8 июля 1906 года) в «Донских областных ведомостях» печатаются статьи по итогам работы первого российского парламента и предваряющие деятельность II Государственной думы.

С начала 1907 года характер текстов, отражающих парламентскую тематику, заметно изменился. Прежде всего, преобразования коснулись самих авторов: они либо перестали печататься, либо взяли себе другие псевдонимы (из прежних остался лишь один — «Гражданин»)[3]. Изменилась и манера подачи материалов. Серьезных аналитических жанров практически не осталось. Их место заняли «Фельетоны» и «Афоризмы», в которых работа парламента сначала вызывает недоумение, а затем и вовсе описывается в саркастическом ключе.

Эти метаморфозы наглядно демонстрирует подборка публикаций автора А. Гончарова. Прежде всего, надо отметить, что эти тексты не совсем подходят под устоявшееся сегодня понятие фельетона (от фр. feuille — лист), под которым понимается «газетная статья на злободневную тему, использующая приемы литературно-художественного изложения, особенно приемы сатиры»[4]. В той или иной степени эти признаки присутствуют у А. Гончарова, хотя общей сюжетной линии в материалах все-таки нет.

Рассмотрим фельетон А. Гончарова от 20 января 1907 года. В качестве начальной реплики автор приводит следующую: «Кого бы следовало избрать в Государственную думу от г. Новочеркасска?» Далее следует рассуждение на тему свободы журналиста (в тексте «газетный работник») от его собственных партийных убеждений при изложении материала в печати. Может ли журналист транслировать свою точку зрения через свои публикации, или от этого страдает объективность информации? Как видим, вопрос, обозначенный в начале данной статьи, был актуальным тогда и остается таковым и в наши дни. А. Гончаров в конце своей публикации на это отвечает так: «Мое дело — отражать на конце моего пера рефлексию световой игры жизненных явлений и только рисовать с натуры»[5].

Публикация того же автора от 2 марта 1907 года также не имеет названия, вернее, в качестве названия использованы жанровые обозначения:

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] *Гражданин.* Станица Новочеркасская // Донские областные ведомости. 1907. № 15. 20 января. С. 3; *его же.* Станица Нвочеркасская// Донские Областные ведомости. 1907. № 26. 3 февраля. С. 2; *его же.* К разделу юрта Новочеркасской станицы // Донские областные ведомости. 1907. № 38. 15 февраля. С. 2.

[4] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1960. С. 837.

[5] *Гончаров А.* Городские заметки. Маленький фельетон // Донские областные ведомости. 1907. № 15. 20 января. С. 2–3.

«Городские заметки/маленький фельетон». Статья посвящена началу работы II Государственной думы, состоит из трех частей, сюжетно никак не связанных между собой. Автор в целом положительно относится к парламенту, приветствует его: «Дума открылась!» Но вместе с тем понимает, что и вторую Государственную думу может постичь участь первой, просуществовавшей немногим более двух месяцев. Для усиления воздействия от своих мыслей-сомнений А. Гончаров применяет контрастные эпитеты («горячечный пыл, резкие скачки, громкий треск»), пословицу, гиперболу («большая гениальность»), ряд синтаксических повторов[1].

Публикация А. Гончарова от 13 марта 1907 года уже не просто тревожная: это мысли человека, разочаровавшегося в работе депутатов от Области войска Донского. Вернее, от одного депутата — Михаила Петровича Араканцева. Этот представитель казачьего населения со страниц печати известил, что он и его земляки создали в Думе «казачью группу» и теперь намерены «установить с казачьим населением прочную и постоянную связь, и, таким путем, выяснив <...> все нужды и желания его, выразить их в Государственной думе <...>». Такая постановка вопроса возмутила корреспондента А. Гончарова, который справедливо полагал, что избранные депутаты уже давно, еще до избрания, изучили все проблемы и чаяния казачьего края и приступили к их практическому решению и воплощению. Публикация изобилует риторическими вопросами и восклицаниями, которые передают весь накал возмущения и разочарования. «Да неужели же наши представители еще только собираются устанавливать с нами „прочную и постоянную связь“? Что же мешало гг. Араканцеву и другим <...> ближе познакомиться со своими избирателями, предварительно установить с ними „связь“ и также предварительно выяснить их „нужды и желания“? С каким же запасом сведений и знаний они отправились в Государственную думу?»[2].

В публикациях на парламентскую тему периода I и II Государственной думы явно присутствует общая черта — пусть корреспонденты и скрывают свои имена под псевдонимами или инициалами, но в публикациях всегда присутствует недвусмысленная авторская позиция. Это отличает общий массив парламентской журналистики периода возникновения российского парламентаризма от современных публикаций, в которых наряду с материалами, в которых высказывается личностная оценка (журналиста или эксперта), нередко встречаются тексты авторов-регистраторов. В них только констатируются те или иные факты жизнедеятельности Государственной думы.

[1] *Гончаров А.* Городские заметки. Маленький фельетон // Донские областные ведомости. 1907. № 49. 2 марта. С. 3.

[2] *Гончаров А.* Заметки на современные вопросы. Маленький фельетон // Донские областные ведомости. 1907. № 56. 13 марта. С. 3.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ОЦЕНКАХ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ[1]

ИВАНОВ АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор Института истории
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Аннотация: В статье рассматривается обсуждение Государственной думой III–IV созывов вопросов, касающихся экономической эмиграции из Российской империи. Проблема эмиграции российских подданных, имевшая экономическое, социальное и этноконфессиональное измерение, имевшая в начале XX в. массовый характер, заставила законодательные органы обратить на нее пристальное внимание. Проблема утечки рабочей силы из страны, столь необходимой для колонизации Сибири и Дальнего Востока, отсутствие правового регулирования эмиграции (как постоянной, так и временной), обогащение на ней нелегальных агентов и иностранных транспортных кампаний и другие, связанные с ней проблемы вынуждали искать пути их решения. На думских заседаниях вопросы, связанные с причинами, характером и последствиями трудовой эмиграции, поднимались неоднократно. Однако детальное обсуждение эмиграционного вопроса, состоявшееся в Думе 7 мая 1914 г., закончилось лишь благими пожеланиями в адрес правительственной власти. Первая мировая война и последовавшая за ней революция не позволили Государственной думе вернуться к этому вопросу и решить его на законодательном уровне. Вместе с тем, думские дебаты свидетельствовали о достаточном внимании депутатов к эмиграционной проблеме, также показав, что отношение к эмиграции, равно как и «оптика», через которую на эту проблему смотрели народные избранники, во многом зависели от их национального происхождения, местожительства и партийной принадлежности.

Ключевые слова: Государственная дума, Российская империя, экономическая эмиграция, трудовая эмиграция, национальный вопрос.

Первая массовая волна эмиграции из Российской империи, возникшая в конце XIX в., имела преимущественно экономический характер. В поисках лучшей доли российские подданные отправлялись за границу, выбирая, как правило, далекие заокеанские страны Северной и Южной Америки (США, Канаду, Бразилию, Аргентину и др.), открывавшие, по сравнению с Россией и европейскими государствами, значительно бóльшие возможности для трудоустройства и заработка. Лидирующие по-

[1] Статья выполнена при поддержке Российского Научного Фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917)»; This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 „The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)“.

зиции в эмиграционном потоке занимали евреи, поляки, литовцы и немцы, но в начале XX в. их ряды все активнее стали пополнять белорусы и украинцы из Западного края (ранее переселявшиеся на юг и восток империи)[1]. Исследователи указывают, что всего за период с 1861 г. по 1915 г. Россию покинуло 4 200 500 чел., из которых в страны Нового Света, в основном в США, эмигрировало 3 978 900 чел., что составляет 94 % от общей численности эмигрантов[2]. При этом важно учитывать, что в отличие от большинства эмигрантов еврейского, польского и литовского происхождения, уезжавших из России навсегда, крестьяне, ремесленники и неквалифицированные рабочие Западного края, принадлежавшие к великорусской, малороссийской или белорусской народности, чаще рассматривали свою трудовую миграцию как временную, а потому, поправив свое материальное положение, стремились вернуться на родину. По американским данным 1910 г. в США было зарегистрировано 2 781 200 лиц «российского происхождения», среди которых было 838 000 евреев, 418 000 поляков, 137 000 литовцев, 121 000 немцев и только 40 500 — русских (включая великороссов, белорусов, русинов и малороссов)[3].

Превратившись в массовое движение, экономическая трудовая эмиграция заставила российские власти обратить на это явление серьезное внимание и озаботится выработкой в отношении него официальной позиции. Обсуждение проблемы трудовой эмиграции, начавшись с местного уровня (губернаторов и генерал-губернаторов), в 1909 г. привлекло к себе внимание Министерства торговли и промышленности (МТиП) и Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ)[4]. Не осталась в стороне от обсуждения этой проблемы и Государственная дума.

Среди депутатов III Государственной думы, наиболее часто поднимавших этот вопрос, был литовец А.А. Булат (Булота) (трудовик)[5], представлявший Сувалкскую губернию, тогда относившуюся к Царству Польскому, а ныне в значительной своей части являющейся частью Литвы. Выступая 13 ноября 1907 г., Булат обратил внимание Думы на то, что «многие тысячи литовцев ежегодно эмигрируют в Америку, лишая как все государство, так и нашу небольшую родину лучших рабочих сил»[6]. По оценкам депутата из Литвы, имевшей на тот момент население 2 ½ млн чел., ежегодно эмигрировало в Америку до 30 000 человек, преимущественно безземельных

[1] Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. СПб., 1904. Т. 15. С. 748.

[2] *Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В.* Эмиграция и репатриация в России. М., 2001. С. 29–30.

[3] Там же. С. 30.

[4] См.: *Иванов А.А., Котов А.Э.* Экономическое значение и попытки регулирования зарубежной трудовой миграции на западных окраинах Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 70–88.

[5] *Исхакова О.А.* Булат (Булота) Андрей (Андрюс) Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 71.

[6] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 167.

крестьян[1]. Причины такого «исхода» литовцев депутат видел в политико-экономической сфере. Во-первых, литовцы, полагал он, были раздражены русификаторской политикой, во-вторых — преференциями в экономической сфере, которыми русские наделялись чаще, чем литовцы, а в-третьих, эмигрировать за океан в поисках лучшей доли их заставляли бедность и малоземелье. (По оценкам советских литовских историков П.В. Улевичюса и А. Эйдинтаса, главной причиной эмиграции литовского населения все же была экономическая — слабо развитая промышленность, неспособная обеспечить работой значительный натуральный прирост населения, и «объективные условия капиталистического развития»[2].) Выступая с думской кафедры в 1910 г., Булат утверждал: «...наделение землей происходит у нас, вопреки заявлению министра финансов, не на общих основаниях, как и во всем государстве, а особое предпочтение отдается меньшинству населения, именно старообрядцам и поселенцам, в ущерб интересам большинства, интересам местного крестьянского литовского населения. Я приводил и цифры и указывал, что, несмотря на то, что нас, литовцев, в несколько десятков раз больше, чем русских крестьян, за последнее время русских крестьян, согласно, официальным данным, устроено 479 домохозяев, а литовцев всего 97, и что <...> для русских крестьян куплено в настоящее время 22 имения с количеством земли в 21 000 дес., а для литовцев всего четыре имения с количеством земли 4 800 дес. с небольшим. Ясное дело, что такие отношения нельзя назвать равными для всех»[3]. В дальнейшем депутат-трудовик неоднократно возвращался к этой теме, делая особый упор на том, что пока литовские крестьяне не будут получать поддержки от российского правительства в приобретении земли и получении возможностей дополнительного заработка, «громадная эмиграция в Америку» будет продолжаться[4]. «...у нас заработков, кроме земледелия, очень и очень мало», — сетовал депутат-литовец в феврале 1912 г., приводя в качестве примера строительство стратегических дорог в Сувалкской губернии, на которые были привлечены рабочие из великорусских губерний, «а наши либо могли глядеть, как те работают, либо уходить за границу и искать там заработка»[5]. «...не знаю, гг., хорошо ли с точки зрения финансовой политики, когда население земледельческое, рабочее, трудолюбивое покидает свою страну и эмигрирует в Америку? Америке, может быть, хорошо, но русскому государству, когда люди, способные платить подати,

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. II. Стб. 215.

[2] *Улевичюс П.В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): Автореф. дис. ... к. ист. н. Вильнюс, 1962. С. 7; *Эйдинтас А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 29–31.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. II. Стб. 2495.

[4] Там же. Стб. 2496; Там же. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 2486.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 1311–1313.

люди сильные, имеющие рабочие руки, уходят, едва ли это хорошо», — резюмировал политик в одной из своих речей[1].

В IV Государственной думе тему литовской эмиграции продолжил представитель Ковенской губернии депутат-литовец М.М. Ичас (кадет)[2]. Суть его речей, касавшихся данной проблемы, также сводилась к тому, что без устранения в литовских землях малоземелья и безземелья остановить увеличивавшуюся с каждым годом эмиграцию из Российской империи невозможно. Выступая в мае 1913 г., Ичас охарактеризовал эмиграцию литовцев как «повальное бегство», в результате которого «уходит все здоровое, уходит все трудоспособное и работоспособное население». Согласно озвученным депутатом данным, с 1900 по 1913 г. из Российской империи в Америку перебралось около 200 000 литовцев, а «если считаться с тем фактом, что литовцы, приходящие в Америку, часто записываются либо поляками, либо не указывают своей национальности, то мы будем весьма недалеки от истины, если предположим, что всех литовцев в Америке около 250 000 чел.». При этом, продолжал депутат, «обратный приток литовцев совершенно незначителен», в результате чего «очень часто теперь в Литве вы встретите деревни, которые стонут прямо от того, что нет рабочих рук». Перечислив среди причин эмиграции общее экономическое состояние края и «отвратительные политические условия», стесняющие литовцев «при проявлении самых элементарных прав», главную причину Ичас видел в политике, проводившейся Крестьянским поземельным банком, который не оказывал литовскому населению достаточного содействия в расширении землевладения[3].

Представитель г. Риги князь С.П. Мансырев (кадет)[4] рисовал схожую картину в отношении латышей и эстонцев: «В Лифляндии и Курляндии деревня почти обезлюдилась, население ее страшно убавилось, деревенская эмиграция из деревни развилась; бегут в Америку, бегут во внутренние губернии России, бегут главным образом из деревень в города. Вот последствия настоящего аграрного строя в настоящее время в Прибалтийском крае»[5].

О проблеме эмиграции говорил и депутат от Варшавской губернии В.Ф. Грабский (Польское коло; будущий премьер-министр Польши в 1920 и 1923–1925 гг.)[6]. Однако, в отличие от депутатов-литовцев, польский политик затронул несколько иной аспект этой проблемы. В своей речи, произнесенной в Думе 27 марта 1908 г., Грабский коснулся временной трудо-

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. II. Стб. 2496.

[2] *Николаев А.Б.* Ичас Мартин Мартинович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 224.

[3] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. II. Стб. 2244–2246.

[4] *Николаев А.Б.* Мансырев Серафим Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 355.

[5] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. I. Стб. 803.

[6] *Постников Н.Д.* Грабский Владислав Феликсович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 145.

вой миграции из страны и правовой незащищенности польских крестьян, вынужденно отправлявшихся на сезонные заработки в Европу. Оценивая этот поток в 200 000 крестьян ежегодно, депутат заявлял: «Такая эмиграция — это вовсе не то, что отхожие промыслы, существующие в России. Нашего польского крестьянина гонит нужда из страны... (голос: а нашего?) ...в страны, где никто его родного языка не знает. Наши рабочие лишены там всяких духовных треб, лишены опеки суда и возможности защищать пред ним свои права, лишены возможности всякого разумного общения с окружающей их средой. И на такую судьбу они решаются массовым движением ради куска хлеба, которого им на родине недостает»[1]. Варшавский депутат Е.Ю. Ягелло (социал-демократ)[2] в 1913 г. обращал внимание на то, что российские власти никак не борются с эмиграцией поляков и даже обсуждают проекты облегчения этой эмиграции[3].

Неоднократно в Думе поднимался вопрос и о еврейской эмиграции из России, имевшей свои особенности. В данном случае вместе с экономическими явственно прослеживались и политические причины, заставлявшие российских иудеев менять местожительство. Социал-демократ И.И. Гайдаров (Дагестанская область)[4] 11 декабря 1907 г. обращал внимание депутатов, что еврейская эмиграция из России превышает естественный прирост еврейского населения в стране[5]. А депутат-иудей Н.М. Фридман (кадет), представлявший Ковенскую губернию[6], в 1910 г. убеждал Думу в том, что российскими властями «принимаются все меры, чтобы побольше евреев выселялось из внутренних губерний, чтобы их побольше эмигрировало из России». Оценивая еврейскую эмиграцию из Российской империи в 150 000 чел. в год, а общее число оставляющих страну в 1 млн чел. в год, депутат заключал: «бегут не одни только евреи, эмигрируют литовцы, эмигрируют поляки, эмигрируют латыши, эмигрируют даже немцы; и вот все эти лишние, вытесненные из России люди там в непривычной обстановке на чужбине оказываются полезными тружениками...»[7].

Общую картину эмиграции 4 апреля 1908 г. попытался представить в своей речи депутат от Курляндской губернии Л.Н. Нисселович (кадет)[8]. Критикуя равнодушие российских консульств в странах Нового Света

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 1062–1063.

[2] *Николаев А.Б.* Ягелло Евгений Юзефович (Иосифович) // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 721.

[3] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. II. Стб. 730.

[4] *Усманова Д.М.* Гайдаров Ибрагим-бек Исабекович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 119.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. I. Стб. 897.

[6] *Николаев А.Б.* Фридман Нафталь Маркович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 652.

[7] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. Стб. 1898.

[8] Нисселович Лазарь (Элиэзер) Ниссенович (Леопольд Николаевич) // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 415.

к тяжелой судьбе эмигрантов из России, Нисселович, ссылаясь на данные Министерства юстиции, приводил следующие цифры, характеризующие динамику эмиграции только в США: в 1898 г. — 30 000 чел., 1899 — 61 000, 1900 — 91 000, 1901 — 85 000, 1902 — 107 000, 1903 — 136 000, 1904 — 145 000, 1905 — 185 000, 1906 — 216 000, 1907 — 259 000. «Как вы видите, — констатировал депутат, — за последние 10 лет эмиграционный поток из России почти удесятерился. Причины этого явления весьма разнообразны. <...> ...Массы крестьян, городских рабочих и ремесленников ежегодно покидают насиженные места и широкой волной устремляются в Новый Свет. Их гонят туда нужда, безработица, малоземелье, гражданское и политическое бесправие и за последние годы экономический кризис <...> Главный контингент этих мигрантов составляют люди темные — крестьяне и мещане»[1]. Далее депутат обращал внимание коллег на то, что большинство эмигрантов, собираясь ехать за лучшей долей в Америку, никогда ранее не покидали своих деревень и местечек и понятия не имеют, «из какого города нужно отправляться, как получить паспорт, что стоит переезд, что сделать с багажом и т.д.», в результате чего «они обыкновенно попадают в сети так называемых эмиграционных агентов, которые становятся между ними и пароходными предприятиями, поддерживающими морские рейсы в заатлантические страны». Агенты же эти «грабят эмигрантов при всяком удобном и неудобном случае», но поскольку пароходным компаниям выгодно иметь дело с этими агентами, обеспечивающими их пассажирами, никто с этой проблемой не борется. Напротив, власти государств, участвующих в этом транзите (в первую очередь Германия), заинтересованы исключительно в поддержке своих пароходных предприятий, а не улучшении положения эмигрантов[2]. В связи с этим Нисселович призывал депутатов указать официальным российским представителям за границей, что им следует «быть помощниками и советниками тех русских подданных, которые имеют несчастье отправляться через прусскую границу в заморские страны»[3]. Генерал А.Ф. Бабянский (кадет)[4] также бил тревогу, что из пограничных губерний Западного края и Царства Польского эмиграция с каждым годом лишь возрастает, доходя до 200 000 чел. в год. «Размеры этой эмиграции таковы, — отмечал Бабянский, — что сейчас в Америке есть польская колония, достигающая 3 000 000 чел., литовская — почти 1 000 000 чел. — все это уплывает отсюда незаметно для нас и вне всякого учета»[5]. Однако, как справедливо замечал депутат, отсутствие государственного регулирования эмиграции приводит к отсутствию официальной статистики, равно как и четкого представления о совокупности всех причин, ее вызывающих.

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 1833.

[2] Там же. Стб. 1832–1833.

[3] Там же. Стб. 1835.

[4] Бабянский (Бабяньский, Бобянский) Александр Фомич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 31.

[5] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. III. Стб. 2809.

Как видно из приведенных выше материалов, проблема экономической эмиграции из страны волновала депутатов, преимущественно принадлежавших либо к национальным меньшинствам, проживающим в западной части Российской империи, либо представителей кадетской партии. В связи с тем, что основная масса выехавших из страны была представлена инородцами, а русские (великороссы, малороссы и белорусы) составляли в этом эмигрантском потоке меньшинство, да и к тому же значительная часть из них рассматривала свой выезд за границу лишь как временный отъезд на заработки, октябристы, русские националисты и правые не уделяли этой проблеме большого внимания. Показательно, что во время выступления Нисселовича, говорившего о тяготах и нуждах «русских переселенцев», правый депутат В.М. Пуришкевич с места «поправил» его: «еврейских переселенцев»[1]. А депутат барон Н.Г. Черкасов (группа правых октябристов)[2] на заявление кадета Фридмана, что из-за эмиграции «количество еврейского населения должно убывать ежегодно приблизительно на 30 000–40 000 чел.», бросил фразу: «Господи, если бы это была правда»[3]. Правый депутат Г.Г. Замысловский[4] в ходе прений по вопросу о недоборе новобранцев из западных губерний, обращаясь к либералам, вопрошал: «... Что вы разумеете под эмиграцией? Если вы разумеете под эмиграцией отъезд из России навсегда, полное переселение, то ведь если такой эмиграцией объяснять этот колоссальный недобор, то казалось бы, что губернии, где наблюдается такой недобор, через несколько лет превратились бы в африканскую пустыню, а ведь между тем мы знаем, что, наоборот, население этих губерний из года в год, увеличивается. Если же вы под словом „эмиграция“ разумеете то явление, что лица призывного возраста уезжают заграницу на заработки на три, четыре года и затем, когда призыв оканчивается, опять с заработков возвращаются и поселяются в России, то такое явление надо называть не „эмиграцией“, а преступным уклонением от воинской повинности. (Рукоплескания справа и на отдельных скамьях в центре.) Результат такого явления налицо: в то время, когда польские и литовские крестьяне за границей живут на заработках и потом возвращаются с деньгами, русские крестьяне отбывают воинскую повинность, и отбывают ее не только за свой счет, но и за счет того недобора, который образовался вследствие уклонения крестьян литовских и польских, которые затем являются из заграницы с деньгами и составляют этим русским крестьянам, отбывавшим воинскую повинность, эконо-

[1] В стенограмме Государственной думе значится, что реплика Пуришкевича звучала как «европейских переселенцев», однако это очевидная опечатка, т. к. из контекста и ответа Л.Н. Нисселовича видно, что речь шла именно о «еврейских переселенцах» (Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 1835).

[2] Черкасов Николай Гаврилович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 674.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. СПб., 1910. Ч. III. Стб. 2715.

[4] *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

мическую конкуренцию»[1]. Член фракции правых П.В. Березовский[2], признавая, что «черта оседлости заставляет евреев эмигрировать», откровенно заявлял, что правые «очень рады» тому, что значительная часть прироста еврейского населения «уходит за океан» и «хорошо устраивается в Америке». Если бы ограничительные меры в отношении евреев отсутствовали, пояснял правый депутат, и они бы комфортно чувствовали бы себя в империи, то это привело бы к значительному экономическому усилению еврейства, и эмигрировать за океан тогда бы пришлось русским[3]. (Отметим, что в 1908 г. московское Русское монархическое собрание просило думскую фракцию правых добиваться для евреев замены воинской повинности таким налогом, «который полностью должен быть обращен на эмиграцию евреев из России»[4].) Что же касается пусть и менее значительной, но также возрастающей год от года русской (преимущественно малороссийской и белорусской) эмиграции из Западного края, то ее причины виделись националисту Г.А. Лашкареву (Минская губ.)[5] в экономическом давлении на православных крестьян, которое они испытывали со стороны польской шляхты и местного еврейства[6].

Отвечая правым, левые и кадеты доказывали, что эмиграция практически никак не связана с уклонением от воинской службы, а ее причинами являются безземелье и «угнетение». «...помните: чем больше какая-нибудь народность угнетается, чем больше она притесняется, тем, конечно, в большем количестве она должна уходить из того места, где ее угнетают. Этим объясняется и то, что евреи, более всех угнетаемые, дают больше эмигрантов; затем следуют литовцы — они дают много; потом поляки — они также дают много эмигрантов. Сделайте, гг., нас равными с собою, и вы увидите, что мы не будем уходить, не будем эмигрировать, а будем прекрасными гражданами...» — говорил А.А. Булат[7]. (Однако, как показали последующие события, в независимой Литве, освобожденной от какого-либо «русского угнетения», проблема эмиграции оставалась столь же острой[8].) А кадет Ф.И. Родичев, доказывавший

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. III. Стб. 2784.

[2] *Ромов Р.Б.* Березовский (Березовский 2-й) Петр Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 51.

[3] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. СПб., 1911. Ч. I. Стб. 1667–1668.

[4] Русское монархическое собрание // Московские ведомости. 1908. 26 апреля.

[5] *Бородин А.П., Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Лашкарев Григорий Александрович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 319.

[6] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. II. Стб. 1089.

[7] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. III. Стб. 2820–2821.

[8] *Улевичюс П.В.* Эмиграция трудящихся Литвы в Южную Америку, экономические условия их жизни, прогрессивная общественная и культурная деятельность (1909–1940): Дис. ... к. ист. н. Вильнюс, 1962. С. 6, 8–9.

примерно то же самое, признав, что среди эмигрантов действительно много лиц призывного возраста, под смех правых заявил: «Если эмигрировать, то лучше эмигрировать в таком возрасте, чтобы освободиться и от воинской повинности. Это совершенно естественно»[1].

Итогом этих обсуждений стали последовавшие в 1913 г. предложения депутатов обратить на проблему эмиграции внимание центральных властей и ведомств, но не в связи с тяжелым экономическим положением эмигрантов (на что напирали левые и кадеты), а в связи с необходимостью колонизировать внутренние районы империи. «...удивительно то, — говорил октябрист М.И. Симонов[2], — что в России, где есть масса свободных земельных пространств, самый деятельный, самый энергичный элемент для колонизации удаляется в другие страны, не может найти себе возможности применить свой труд в ближайших наших азиатских окраинах»[3]. Другой депутат-октябрист Н.И. Антонов[4], выражая позицию комиссий по направлению законодательных предположений и бюджетной, озвучил предложение в видах торговых интересов и лучшей охраны эмигрантов из России учредить консульские представительства во внутренних областях Аргентины и Бразилии, а также увеличить их число в Канаде и Австралии, что было принято Думой без прений[5].

Между тем, на высшем государственном уровне попытка урегулировать эмиграцию была предпринята лишь накануне Первой мировой войны. 20 февраля 1914 г. Совет министров рассмотрел представление Отдела торгового мореплавания МТиП «об отходе на заработки за границу», признав при существующих масштабах эмиграции этот пробел в законодательстве «совершенно недопустимым». При этом особо подчеркивалось, что российская власть не собирается поощрять эмиграционное движение, а только упорядочить, выведя его из нелегального положения. Отмечая, что заграничная трудовая эмиграция расходится по двум основным направлениям — в заокеанские страны и на сезонные работы в Германию и Данию, Совет министров указывал на принципиальную разницу между ними. Если движение трудовых эмигрантов в страны Нового Света министры были готовы узаконить, то отход на заработки в европейские страны признавали явлением крайне нежелательным, которое следовало заменить внутренним отхожим промыслом. Мотивировалось это тем, что, во-первых, многие регионы империи испытывают нехватку рабочих рук, а, во-вторых, нахождение на территории Германии до полумиллиона сезонных рабочих в случае военного конфликта с ней позво-

[1] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1908. Ч. II. Стб. 2136.

[2] *Николаев А.Б.* Симонов Михаил Ильич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 558.

[3] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 1683.

[4] *Николаев А.Б.* Антонов Николай Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 24.

[5] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. СПб., 1913. Ч. III. Стб. 2234–2235.

лит использовать этот трудовой ресурс против России. В результате было принято решение выделить трудовую эмиграцию в заокеанские страны в отдельный законопроект и как можно скорее предоставить его на рассмотрение Государственной думы[1].

Обсуждение эмиграционного вопроса в Думе состоялось 7 мая 1914 г., вызвав оживленную дискуссию среди депутатов. В ходе этого заседания депутатом от польского коло Г.Ч. Госьцицким[2] (экономистом, позже ставшим министром сельского хозяйства в независимой Польше) были озвучены данные американской статистики, согласно которым только в Америку с 1900 по 1910 гг. из России прибыло 1,5 млн чел. (в среднем — 150 тыс. в год), а в последующие годы эмиграция стала заметно усиливаться (в 1911 г. — 158 тыс., в 1912 и начале 1913 г. — 291 тыс., в вторую половину 1913 г. — 183 тыс.). Из уехавших на долю евреев приходилось от 40 до 50 %; поляков — от 25 до 30 %; литовцев — 9–10 % (т. е. на 85–90 % эмиграция была инородческой)[3]. Что же касается «коренных русских», которые, как было отмечено, в начале столетия принимали очень слабое участие в этой эмиграции, то их число в эмиграционной волне после 1910–1911 гг. также стало расти, достигнув к 1913 г. 35 тыс. чел. А поскольку эмиграция в США не покрывала всей эмиграции (хотя и достигала в 1901–1910 гг. 87,7 % от общего числа эмигрирующих[4]), часть которой направлялась в Южную Америку, Канаду и государства Западной Европы, то приблизительное число ежегодно покидающих Россию было оценено в 700 тыс. чел. в год[5]. При этом подчеркивалось, что почти все эмигранты, отбывающие в Западную Европу, возвращаются обратно в течение зимних месяцев, равно как и экономические эмигранты, уехавшие в США, «после более или менее продолжительного пребывания в Америке возвращаются на родину» (за исключением евреев, которые, как правило, уезжают навсегда). Кроме того, отмечался и такой немаловажный аспект, как присылка и привоз трудовыми эмигрантами на родину значительных денежных сумм (депутат оценивал их в совокупности до 100 млн руб. в год), что «имеет уже несомненно влияние на расчетный баланс государства». (На это же обстоятельство обращали в своих отчетах губернаторы западных губерний, отмечавшие, что в большинстве

[1] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917. 1914 год. М., 2006. С. 95–98.

[2] *Николаев А.Б., Постников Н.Д.* Госьцицкий Георгий (Ежи) Чеславович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 142.

[3] Эти цифры, в целом, совпадают с данными иммиграционной службы США за 1899–1910 гг.: 43,8 % эмигрантов из России составляли евреи, 27 % — поляки, 9,6 % — литовцы, 8,5 % — финны, 5,8 % — немцы, 4,4 % русские (*Эйдинтас А.* Литовская эмиграция в страны Северной и Южной Америки в 1868–1940 гг. Вильнюс, 1989. С. 41).

[4] *Куприн Д.О.* Эмиграция из России в конце XIX — начале XX в.: Дис. ... к. ист. н. М., 2000. С. 172.

[5] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты.. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. IV. Стб. 86.

своем трудовые эмигранты через несколько лет возвращаются на родину, привозят с собой довольно крупные суммы, что благотворно сказывается на их хозяйствах[1].) При этом положение трудовых эмигрантов напоминало докладчику «темные времена рабства и торговли людьми», поскольку их «обижает и эксплуатирует всякий, кому это угодно», а русское правительство остается при этом «совершенно равнодушным к тяжелому положению наших рабочих и не делает ничего для того, чтобы облегчить их положение»[2]. В своем обстоятельном выступлении польский депутат наглядно показал, как в силу самоустранения российской власти на трудовой эмиграции из России наживаются нелегальные агенты и иностранные компании, призвав в заключение своей речи полностью искоренить это зло и позволить отбывающим за границу на заработки бесплатно получать заграничные паспорта, чтобы удержать их от поиска нелегальных путей выезда из страны. (Одной из причин нелегального характера эмиграции была сложная процедура получения заграничного паспорта и его высокая цена[3].)

Закончилось думское заседание принятием формулы, предложенной бюджетной комиссией: признать необходимым, «чтобы правительством были приняты меры к скорейшему внесению в законодательные учреждения законопроекта об эмиграции, причем была бы принята во внимание охрана интересов русских рабочих как во время пути, так и на местах их труда в иностранных государствах со стороны представителей России в этих государствах»[4]. Однако, несмотря на стремление Думы поставить вопрос об эмиграции «во всю государственную ширь»[5], упорядочить трудовую эмиграцию за рубеж на законодательном уровне так и не удалось. Начавшаяся вскоре Первая мировая война естественным образом приостановила эмиграционные потоки, шедшие через западную границу, и поставила перед Думой другие задачи. Вместе с тем, думские дебаты по этому вопросу свидетельствовали о достаточном внимании депутатов к эмиграционной проблеме, показав вместе с тем, что отношение к экономической эмиграции из страны, равно как и «оптика», через которую на эту проблему смотрели народные избранники, во многом зависели от их национального происхождения, местожительства и партийной принадлежности.

---

[1] РГИА. Ф. 95. Оп. 6. Д. 1241. Л. 3–3 об., 120 об.–122 об., 126 об.–127, 144, 149 об. и др.

[2] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. IV. Стб. 87–88.

[3] Главную же роль играло российское запретительное законодательство в вопросах эмиграции, что, по мнению современного исследователя, «привело к тому, что это общественное явление носило полулегальный характер, вынуждало население пренебрегать законами, пользоваться услугами сомнительных личностей. С другой стороны, содействие эмиграции в начале XX в. превратилось в очень доходный бизнес, чаще всего носивший криминальный характер». (*Куприн Д.О.* Эмиграция из России в конце XIX — начале XX в. С. 172).

[4] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. IV. Стб. 102–103.

[5] Там же. Стб. 100.

БОРЬБА ПРАВЫХ ПРОТИВ ПРИНЯТОГО ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМОЙ ЗАКОНОПРОЕКТА О СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ОБЩИНАХ (1909 г.)

СТОГОВ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории государства и права
Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета
«ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: bel-grigorij@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается позиция правых организаций по отношению к принятию Государственной думой законопроекта о старообрядческих общинах. Отстаивая идею о господствующем положении Православной церкви, монархисты препятствовали усилению положения старообрядческих общин. Несмотря на сопротивление правых, законопроект 15 мая 1909 г. был принят Думой в первом постатейном чтении, однако Государственный совет отклонил думские поправки. В статье делается вывод о том, что бескомпромиссная позиция черносотенцев способствовала отклонению Госсоветом думского варианта законопроекта. Особую роль сыграла черносотенная пресса, целенаправленно формировавшая негативное общественное мнение о думском варианте старообрядческого законопроекта.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, правые, депутаты, черносотенцы, монархисты, старообрядчество, октябристы.

В условиях поликонфессионального общества становятся актуальными вопросы, связанные со взаимоотношением между властями и представителями различных религиозных конфессий. На протяжении веков взаимодействие царской власти со старообрядческими общинами оставалось крайне сложным. Введение в России в 1905–1906 гг. широкой религиозной свободы открывало возможности для трансформации взаимоотношений конфессий в конструктивное русло.

Рассмотрим отношение правых к законопроекту о старообрядческих общинах, который обсуждался Государственной думой и Государственным советом в 1909 г. В научной литературе под правыми понимают «консервативные партии, отстаивавшие и отстаивающие традиционные — политический, социальный, экономический, религиозный, бытовой — уклады жизни, стоящие за сохранение основ существующего или существовавшего строя»[1]. К правым организациям с некоторой долей условности можно отнести националистов[2]. Судьба старообрядче-

[1] Правые партии. Документы и материалы. 1905–1917 гг. Т. 1–2 / Публ. Ю.И. Кирьянова. М., 1998. Т. 1. С. 5.

[2] См. подробн.: *Иванов А.А.* «Россия для русских»: pro et contra. Правые и националисты конца XIX — начала XX века о лозунге «русского Возрождения» // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 92–101.

ского законопроекта подробно рассмотрена нижегородским историком Ф.А. Селезневым[1]. Однако исследователь не ставил задачу детально изучить позицию правых, ограничившись цитированием отдельных речей думских монархистов[2].

В годы Первой русской революции в России были заложены правовые основы существования старообрядческих общин. 17 апреля 1905 г. был подписан царский указ «Об укреплении начал веротерпимости», 17 октября того же года — манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», 17 октября 1906 г. — указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин». Они фактически снимали ограничения деятельности старообрядцев.

5 ноября 1907 г. председатель Совета министров П.А. Столыпин представил только что начавшей работу Государственной думе третьего созыва законопроекты о свободе совести, которые ранее выносились на рассмотрение второй Государственной думы.

Нижняя палата российского парламента сформировала комиссию по старообрядческим вопросам в количестве 15 человек под председательством кадета В.А. Караулова[3]. МВД представило в комиссию три законопроекта, которые касались правового положения старообрядцев.

12 мая 1909 г. Дума начала рассматривать законопроект «О старообрядческих и сектантских общинах». Думская комиссия по старообрядческим вопросам предложила в данный законопроект три поправки. Они касались свободы проповеди (а не только свободы исповедания веры, как было в правительственном законопроекте), особого наименования старообрядческого духовенства («священнослужители по старообрядчеству», а не «духовные лица», как они именовались в правительственном законопроекте), возможности для старообрядческих общин открываться явочным порядком (а не губернскими или областными правлениями, как в правительственном законопроекте)[4]. Большинство октябристов во главе с А.И. Гучковым выступило за указанные думские поправки. Гучков, ссылаясь на царский указ 17 апреля 1905 г. о веротерпимости, требовал «доканчивать и совершенствовать начатую работу», считая неправильным отказывать «старообрядцам в их справедливых требованиях», оставляя «в душе старообрядцев ядовитую занозу, которая долго будет бередить их больную душу»[5]. В поддержку карауловских поправок помимо самого Гучкова выступили в Думе П.В. Каменский (октябрист), А.А. Уваров (октябрист), В.А. Маклаков (кадет), А.Г. Мягкий

[1] *Селезнев Ф.А.* Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 1. С. 130–140.

[2] Там же. С. 136–137.

[3] *Демин В.А.* Комиссия по старообрядческим вопросам // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 278.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1006–1010.

[5] Там же. Стб. 1386.

(трудовик)[1/2]. Критикуя думские поправки, умеренно-правый П.Н. Крупенский[3], тем не менее, предлагал поддержать «явочный порядок», так как, по его мнению, «этот порядок облегчает возможность их религиозных собраний и является для них насущной необходимостью». При этом парламентарий поддерживал сохранение ограничений для организаций, занимающихся «политиканством», высказывая мнение, что старообрядцы, «собравшись в своей среде, ничем другим, как религиозными вопросами, заниматься не будут»[4]. Безоговорочно против думских поправок выступило правительство в лице товарища министра внутренних дел С.Е. Крыжановского[5], а также Святейший синод. Позицию правительства и Синода поддержали черносотенцы. Так, А.С. Вязигин заявлял: «Очень многое из того, что вы предоставляете старообрядцам, не имеем мы (т.е. представители официальной Церкви. — *Д.С.*)»[6]. Большинство православного думского духовенства также выступило против думской редакции законопроекта. Впрочем, отдельные представители духовенства (например, священник П.И. Исполатов) утверждали, что запрещение старообрядческих проповедей в правительственном законопроекте не согласовывается ни с учением Православной церкви, ни с манифестом 17 октября 1905 г.[7].

Позиция в поддержку карауловских поправок, недвусмысленно выраженная значительной частью октябристов, кадетами, трудовиками, решила судьбу законопроекта. 15 мая 1909 г. он был поддержан в первом постатейном чтении в карауловской редакции большинством думцев.

22 мая 1909 г. в органе черносотенного «Союза русского народа», газете «Русское знамя» (редактор-издатель А.И. Дубровин), вышла анонимная заметка под названием «Неужели это правда?», в которой отмечалось: «В Думе распространился слух, что многие октябристы потому так упорно отстаивали карауловские поправки к старообрядческому законопроекту, что Рогожское кладбище тряхнуло миллионами... В связи с этим ставят и отказ одного октябриста от видного поста, который он занимал во фракции. Разгадайте, читатели, загадку: первая — это Панама[8]

[1] Каменский Петр Валериевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 230; *Карнишин В.Ю.* Уваров Алексей Алексеевич // Там же. С. 634; *Дедков Н.И.* Маклаков Василий Алексеевич // Там же. С. 342; Мягкий Алексей Григорьевич // Там же. С. 389.

[2] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1041–1049, 1060–1065, 1072–1079, 1086–1098.

[3] *Ромов Р.Б.* Крупенский (Крупенский 1-й) Павел Николаевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 300.

[4] Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1909. Ч. IV. Стб. 1360.

[5] Там же. Стб. 1006–1010, 1023–1029.

[6] Там же. Стб. 1377.

[7] Там же. Стб. 1269–1270, 1353–1360, 1398.

[8] Автор заметки проводит аналогии с грандиозной «панамской аферой», грандиозными финансовыми махинациями при организации французами в конце XIX в. строительства Панамского канала.

в русском „парламенте", или не первая? А что не последняя, в этом вряд ли кто сомневается»[1]. Фактически газета утверждала, что октябристы якобы получили взятку от московских купцов-старообрядцев, членов Рогожской общины.

В том же номере газеты была опубликована статья, подписанная псевдонимом «Бодрый», под названием «Сеятели зла на Руси святой»[2]. В публикации указывается, что принятый в карауловской редакции законопроект о старообрядческих общинах «обрадовал все злонамеренные и недальновидные элементы русского интеллигентного общества». Автор статьи обращает внимание на то, что его поддержали не только либеральные газеты («Речь», «Новая Русь», «Слово» и др.), но и считавшаяся консервативной газета «Новое время», которое, по мысли «Бодрого», «как всегда, предпочитает балансировать».

Далее автор статьи довольно неуклюже попытался связать старообрядческий законопроект с еврейским вопросом. Обращая внимание на еврейское происхождение некоторых сторонников думской редакции законопроекта (А.И. Гучков — еврей по матери, многие редакторы упомянутых либеральных газет являлись евреями и т.д.), он делает вывод о том, что ликование «жидовской прессы» вполне понятно: «ликуя и радуясь, они всего менее думают о старообрядцах, ибо, если они равнодушно и даже враждебно относятся к православию и его обрядам, тем более относятся с презрительной насмешкой к старообрядчеству, где форма и обрядность имели и имеют первенствующее значение». Гучков же, как пишет «Бодрый», «имел дерзость приравнять положение в России старообрядцев к положению евреев и старообрядческого вопроса к вопросу еврейскому». «Отсюда видно, что́ именно в решении старообрядческого вопроса важно и радует антирусскую коллегию левых членов русской Думы. Для них важен прецедент, на основании которого они питают надежду разрешить в будущем самый для них существенный и важный вопрос — еврейский», — делает весьма парадоксальный вывод автор публикации[3].

«Для нас, правых, — продолжает „Бодрый", — старообрядцы — наши братья по плоти и духу, и мы глубоко возмущены дерзостью г. Гучкова приравнять старообрядчество к ненавистному нам еврейству, одинаково ненавидимому и всем старообрядчеством»[4].

Далее автор статьи высказывает мнение о том, что карауловский законопроект с его дарованием свободы проповеди и пропаганды для старообрядчества «поведет немедленно к возникновению массы сект, массы толков, к возникновению вражды, ненависти, раздоров между сектантами, с одной стороны, и сектантами и православием»[5].

---

[1] Неужели это правда? // Русское знамя. 1909. 22 мая. № 111. С. 5.
[2] *Бодрый.* Сеятели зла на Руси святой // Там же. С. 2.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

«Бодрый» полагает, что авторам думских поправок «важно разъединить, елико возможно, русских людей, посеяв в их среде семена раздора и разделения». Он считает, что старообрядческие «секты, преисполненные суеверия, обрядности, на почве мистицизма, пойдут и пройдут именно в народ. А это всего более опасно, ибо народ фанатичен не только в своих верованиях, но особенно в изуверстве. Понятно поэтому ликование сеятелей в России зла, ненависти и раздоров, и понятно, **почему** (выделено в тексте источника. — *Д.С.*) закон о старообрядцах прошел в Думе голосами кадет, поляков, магометан, анархистов и прочих антинациональных элементов»[1].

В заключение статьи ее автор утверждает, что инициаторы карауловских поправок своими действиями не только пытались посеять семена религиозной вражды в обществе, но и преследовали цель дискредитировать в дальнейшем в глазах общества императора: «Государь даровал своему народу свободу на благо его. Нашлись русские (к стыду их) люди, которые стремятся извратить милость царя и предначертания его ко благу народа направить ко вреду его, к достижению путем извращенных законов — не общей любви, мира и согласия, но только — вражды, взаимной ненависти и междоусобицы, дабы впоследствии, когда правительству придется исправлять думские ошибки (а, может быть, и козни), вновь свалить вину на государя и его правительство, действующее будто бы против желаний и законов, одобренных русским парламентом»[2].

Также отметим, что «Бодрый» выражал надежду «на мудрость Государственного совета», в коем, по его мнению, «заседают более спокойные, разумные и сведущие люди, которые, конечно, вникнут в глубину и сущность вопроса». Публицист утверждал, что в верхней палате «преобладают люди государственного дела и здорового патриотизма, которые сумеют разобраться и разграничить законы свободы, совести, свободы совращения и свободы пропаганды антигосударственных учений»[3].

21 мая 1909 г. думская редакция законопроекта была передана в Государственный совет. Исследователь В.А. Демин отмечает, что, в целом отрицательно относясь к реформам в области вероисповедания, которые осуществлялись в России с 1905 г., большинство Госсовета «в согласии с правительством отклонило предложения нижней палаты»[4]. В итоге верхняя палата российского парламента приняла старообрядческий законопроект в своей редакции, отклонив карауловские поправки.

Дума, в свою очередь, выразила неприятие редакции Госсовета. В итоге была создана согласительная комиссия для поиска компромисса, куда на паритетных началах вошли представители обеих палат. Однако компромисс так и не был найден. Выходом из сложившейся коллизии явилось продление Думой изданных в порядке ст. 87 Правил о старооб-

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] *Демин В.А.* Верхняя палата Российской империи. 1906–1917. М., 2006. С. 99.

рядческих и сектантских общинах в качестве «меньшего из двух зол», так как они давали гораздо большие права старообрядцам, чем законопроект в редакции Госсовета.

Тем временем, дальнейшие публикации «Русского знамени» продолжили развивать версию о получении взятки А.И. Гучковым от богатых московских старообрядцев. Так, 18 июня 1909 г. черносотенец М.Я. Говорухо-Отрок опубликовал в газете короткую заметку под названием «Письмо в редакцию „Голоса Москвы“», в которой отмечалось: «Действительно, если я вправе, например, терпеливо ожидать судебного разрешения своих сомнений в том, верно ли сообщение доктора Дубровина, будто бы А.И. Гучков взял взятку с Рогожского кладбища в миллион рублей за проведение старообрядческого закона, то все же я считал бы явной, по своей нелепости, ложью сообщение о том, что г. Гучков украл 25 рублей в благотворительном обществе или подделал вексель в сто целковых»[1]. Поводом к написанию этого письма явилась, как утверждал Говорухо-Отрок, клеветническая статья автора, скрывшегося под псевдонимом «Ро», в октябристском «Голосе Москвы» под названием «Сказки и факты»[2], в которой говорилось о якобы существующих «печальных явлениях в среде провинциальных отделов Союза русского народа» (воровство, мошенничество, пьянство, разврат и пр.). В частности, в статье «Голоса Москвы» утверждалось, что «в реакционной цитадели, на родине Маркова 2-го и гр. Доррера, в Курске, после избрания первого в Г[осударственную] думу наступила полная разруха. Делами союза заправляет Говоруха-Отрок (так в тексте. — *Д.С.*) при помощи члена управы Студзинского и столяра Подцуева. Как сия лихая тройка ведет дело, никому из союзников неизвестно и любопытных просят не вмешиваться»[3].

Реакция октябристов на статьи в газете «Русское знамя» не заставили себя ждать. Вскоре после выхода двух упомянутых публикаций в № 111 «Русского знамени» А.И. Гучков обратился к прокурору Петроградского окружного суда с жалобой, в которой отмечалось, что, хотя в статье из редактируемой А.И. Дубровиным газеты «Русское знамя» за № 111 от 22 мая 1909 г. под названием «Неужели это правда» и не упомянуто имя истца, тем не менее, он посчитал вправе выступить с обвинением «согласно разъяснению Уголовного кассационного департамента по делу князя [В.П.] Мещерского 1893 г. № 14 (апелляционный приговор), где обвинение в постыдном деянии целой группы дает право возбудить дело каждому из членов той группы»[4]. Этот момент дал основание Гучкову просить власти «возбудить преследование и привлечь к суду за клевету редактора-издателя газеты „Русское знамя“ А.И. Дубровина»[5].

---

[1] *Говорухо-Отрок М.Я.* Письмо в редакцию «Голоса Москвы» // Русское знамя. 1909. 18 июня. № 134. С. 3.

[2] *Ро.* Сказки и факты // Голос Москвы. 1909. 29 мая. № 121. С. 2.

[3] Там же.

[4] ЦГИА СПб. Ф. 225. Оп. 8. Д. 27. Л. 1 об.

[5] Там же.

Несмотря на возбуждение по этому делу судопроизводства, его расследование по ряду причин затянулось на несколько лет. В итоге копия с жалобой А.И. Гучкова была препровождена А.И. Дубровину только 9 декабря 1911 г., она же была им получена 12 декабря 1911 г.[1].

Заседание Санкт-Петербургского окружного суда состоялось 1 февраля 1912 г.[2]. Защитник подсудимого ходатайствовал о его оправдании, основываясь на представленных во время судебного следствия обвинениях. Поскольку в распоряжении суда отсутствовали какие-либо доказательства получения А.И. Гучковым взятки от Рогожской общины, суд расценил публикации «Русского знамени» как клевету и приговорил А.И. Дубровина к «аресту при тюрьме на две недели»[3].

Бескомпромиссная позиция черносотенцев по вопросу о принятии думского варианта старообрядческого законопроекта вне сомнения способствовала его отклонению Государственным советом. Особую роль сыграла черносотенная пресса, целенаправленно формировавшая негативное общественное мнение о карауловских поправках.

Дискуссионным остается вопрос о причинах такой позиции правых. Судя по публикациям в черносотенной прессе, одна из них состоит в том, что, разделяя антисемитские идеи, правые опасались, что в случае увеличения прав старообрядцев будет создан опасный для правых прецедент, и аналогичных прав могут потребовать иудеи, ратовавшие за снятие «черты оседлости» и других ограничений по религиозному принципу. Для черносотенцев подобного рода «поблажки» по отношению к иудеям были категорически немыслимы, и они всеми силами пытались помешать принятию весьма либерального думского варианта старообрядческого законопроекта, содержавшего предложения старообрядческой комиссии.

[1] Там же. Л. 8.
[2] Там же. Л. 2.
[3] Там же. ЛЛ. 4 об.–5.

РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА И ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ПАРЛАМЕНТСКОГО СТАТУСА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ

КИРЬЯНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ,
доктор исторических наук,
профессор кафедры
междисциплинарных исторических исследований
Пермского государственного национального
исследовательского университета,
Пермь, Россия;
e-mail: ikiryanov@yandex.ru

Аннотация: Рабочая гипотеза настоящего исследования формулировалась следующим образом: возобновление парламентского статуса членами Государственной думы и Государственного совета по выборам было связано с их до/внепарламентской общественной активностью. В отношении депутатов со статусом переизбрания выяснялась степень их вовлеченности в сети социальной активности (сословные корпорации, земские и городские органы местного самоуправления, партийные и общественные организации), а на основе занятия выборных должностей в указанных объединениях оценивалась другая составляющая социального капитала — общественное доверие. Полученные результаты подтвердили гипотезу о том, что в позднеимперской России сформировались практики конвертации социального капитала в политический капитал.

Ключевые слова: позднеимперская Россия, Государственная дума, возобновляющийся парламентский статус, социальный капитал, политический капитал.

Политику можно воспринимать как театр: «Весь мир — театр, а люди в нем...» — политические акторы (знаменитая шекспировская метафора созвучна словам королевы Елизаветы I, обращенным к парламенту: «Мы, властители, выходим на подмостки этого мира, чтобы сыграть нашу роль на глазах всего человечества»)[1]. Политику можно воспринимать и как поле битвы, а можно и как рынок, на котором идет бойкая торговля. Так, итало-американский политолог Дж. Сартори полагал, что политика реализуется либо в виде «войны», в которой акторы, не считаясь ни с чем, ведут «неограниченную политическую борьбу» на уничтожение, либо в виде «торга» («ограниченного политического состязания»)[2], в ходе которого взаимодействующие стороны стремятся укрепить свои позиции, заключая сделки и договоры, используя для этого в качестве ресурсов различные формы капитала (экономического, культурного, социального, политического).

[1] Цит. по: *Нестеров А.В.* Колесо Фортуны. Репрезентация человека и мира в английской культуре начала Нового времени. М., 2015. С. 534.

[2] *Sartori G.* The Theory of Democracy Revisited. Vol. 1. The Contemporary Debate Chatman. New York, 1987. P. 224.

М.М. Новиков, вспоминая историю избрания депутатом Государственной Думы четвертого созыва, отмечал неожиданность для него самого этого события: «без меня меня женили». Несмотря на его предварительный отказ, городской комитет кадетской партии включил отсутствовавшего «по забывчивости» на заседании доктора зоологии в список четырех партийных кандидатов от Москвы: «Мои сущевские друзья выставили мою кандидатуру, мотивировав ее моим знакомством с заграничной жизнью, политической твердостью и решимостью, нашедшей свое выражение в уходе из Московского университета, а также успешностью работы в качестве гласного». Не приняв участия ни в одном из предвыборных мероприятий, Новиков стал депутатом[1]. Для этого оказалось достаточным доверия коллег по партии и репутации активного общественного деятеля — гласного городской думы, члена попечительского совета московского городского сиротского приюта, председателя московского общества попечения об учащихся детях Бутырского района, участника других благотворительных организаций[2].

Характеризуя особенности думской избирательной кампании в 1912 г., аналитики из министерства внутренних дел указывали на то, что в ее ходе «беспартийность, действительная и мнимая, получила особое развитие» и «сложился лозунг: „Надо выбирать не по партиям, а просто честных, хороших местных людей“»[3]. Кстати, аналогичная ситуация наблюдалась в том же году и на земских выборах, где «соревновались между собою отдельные группы избирателей, объединенные видными местными деятелями на почве земских интересов. <...> Избиратели одинаково охотно подавали на выборах свой голос за земских деятелей самых противоположных политических убеждений, если можно было ожидать, что последние принесут пользу земскому хозяйству на местах»[4].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в ходе четвертой думской кампании, в условиях ослабления после 1907 г. в российских политических практиках партийного начала, решение выборщиков в пользу того или иного кандидата во многом связывалось с репутацией последнего, вследствие чего в процессе избрания происходила конвертация культурного и социального капитала кандидата в политический капитал депутата Государственной думы.

Вслед за П. Бурдье под культурным капиталом понимается накапливаемый посредством самосовершенствования ресурс в форме «определенной культурной квалификации», практического знания, шире — жизненного опыта, тогда как социальный капитал — это «совокупность реальных или потенциальных ресурсов, связанных с обладанием устой-

[1] *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка. Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952. С. 163–166.

[2] *Николаев А.Б.* Новиков Михаил Михайлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 417.

[3] Характерные черты выборов в IV Думу // РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 25.

[4] Свод сведений о ходе выборов земских гласных на трехлетие с 1912 г. по 13 губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. 1909 г. Д. 46. Л. 23–23(об.).

чивой сетью (durable networks) более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания — иными словами, с членством в группе. Последняя дает своим членам опору в виде коллективного капитала (collectively-owned capital), „репутации" (credential), позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова...»[1]. Политический капитал, в свою очередь, как полагал П. Бурдье, является «формой символического капитала, кредитом, основанным на вере и признании, точнее, на бесчисленных кредитных операциях, с помощью которых агенты наделяют человека (или предмет) той самой властью, которую они за ним признают»[2].

Несмотря на то, что понятия культурного, социального и политического капиталов были сформулированы намного позднее, многие российские политики начала XX в. понимали эффективность эксплуатации этих ресурсов, о чем свидетельствуют выдержки из их писем, относящиеся к 1912 г.

Культурный (человеческий) капитал: А.И. Гучков в письме брату Ф.И. Гучкову от 23 сентября 1912 г.: «Мне пришло в голову, что не мешало бы составить curriculum vitae кандидатов по Москве. Все же моя биография богаче и внушительнее, чем житие Челнокова или Третьякова. Надо бы собрать сведения о моих конкурентах. О себе я сухую схему набросаю. Можно было бы напечатать в „Новом времени" и потом перепечатать в „Голосе Москвы"»[3].

Социальный капитал: Н.А. Хомяков в письме Л.Н. Кишенской от 23 октября 1912 г.: «Спасибо Вам за поздравления по поводу избрания меня в члены 4-й Государственной думы. По долгу человека, всю жизнь проведшего на работе общественной, я вынужден был принять избрание, вполне сознавая всю его тяготу»[4].

Политический капитал: А.И. Савенко в письме Н.К. Савенко от 2 декабря 1912 г.: «Вообще мои фонды в партии стоят очень высоко, что со мной очень считаются»[5].

Рабочая гипотеза настоящего исследования формулировалась следующим образом: возобновление парламентского статуса членами Государственной думы и Государственного совета по выборам было связано с их до/внепарламентской общественной активностью. На предыдущих стадиях исследования когорты отечественных парламентариев с повторяющимся статусом в начале XX в. в результате ранговой корреляции

[1] *Бурдье П.* Формы капитала // Экономическая социология (электронный журнал). 2002. Т. 3. № 5. С. 61, 66 [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf

[2] *Бурдье П.* Политическое представление: Элементы теории политического поля // *Бурдье П.* Социология политики. М., 1993. С. 208.

[3] Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции. М., 2014. С. 284.

[4] Там же. С. 298.

[5] Там же. С. 321.

была установлена высокая достоверность связи между уровнем образования (ресурс культурного капитала) и переизбранием в Государственную думу. Так, в Думе четвертого созыва доля лиц с высшим образованием составляла 65 % среди переизбранных парламентариев и только 40,4 % среди депутатов-новичков, тогда как низший уровень образования был свойственен только для 3,5 % представителей исследуемой группы и для 21,6 % остальных депутатов[1].

Когорта отечественных парламентариев начала XX в., отвечающих критерию переизбрания (либо в рамках думской, либо советской, либо смешанной траекторий), насчитывает 293 человека. В отношении членов данной группы выяснялась степень их вовлеченности в сети социальной активности (сословные корпорации, земские и городские органы местного самоуправления, партийные и общественные организации), а на основе занятия выборных должностей в указанных объединениях оценивалась другая составляющая социального капитала — общественное доверие.

Результаты исследования свидетельствуют о значимости накопленного социального капитала для обретения повторяющегося парламентского статуса в позднеимперской России, высокой степени конвертируемости социального капитала в политический, см. табл. 1.

Таблица 1. **Вовлеченность парламентариев с повторяющимся статусом в сети социальной активности**[2]

Общественная активность / Траектории	**Все (293)**	**Думская (184)**	**Советская (79)**	**Смешанная (30)**
Выборные сословные должности / дворянские	116 / 107 39,6 % / 36,5 %	53 / 46 28,8 % / 25,0 %	48 / 46 60,8 % / 58,2 %	15 / 15 50,0 % / 50,0 %
Почетные мировые судьи	142 48,5 %	77 41,9 %	51 64,6 %	14 46,7 %
Гласные местного самоуправления	177 60,4 %	116 63,0 %	42 53,2 %	19 63,3 %
Членство в политических партиях	196 66,9 %	128 69,6 %	44 55,7 %	21 70,0 %
Выборные партийные должности	116 39,6%	71 38,6%	30 38,0%	15 50,0%
Иные общественные организации	173 59,0 %	92 50,0 %	63 79,7 %	19 63,3 %
Иные выборные общественные должности	135 46,1 %	70 38,0 %	49 62,0 %	18 60,0 %

[1] *Кирьянов И.К., Корниенко С.И., Гагарина Д.А., Сотник А.В.* Депутаты с повторяющимся парламентским статусом в позднеимперской России: кейс Государственной Думы четвертого созыва, 1912–1917 годы // Вестник Пермского университета. История. 2017. № 1 (36). С. 183.

[2] Источник расчета: Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008.

Обращает на себя внимание то, что для представителей думской и смешанной траекторий более характерна вовлеченность в относительно открытые и связанные с модерностью социальные сети партий и местного самоуправления, тогда как тех, кто возобновлял свой парламентский статус посредством выборов исключительно в Государственный совет, отличала активность в более традиционалистских и замкнутых социальных сетях. Кстати, именно представителям советской траектории в значительно большей степени по сравнению с переизбиравшимися думцами была свойственна такая сфера традиционной социальной активности, как благотворительность: соответственно 37 из 79 (46,8 %) против 33 из 184 (17,9 %) (при этом следует указать на очевидную неполноту сведений источников по данному сюжету).

Без формального (невыявленного?) членства в рассматриваемых социальных сетях зафиксировано 8 парламентариев с думской траекторией возобновления парламентского статуса: Евлогий (В.С. Георгиевский), первый епископ самостоятельной с 1905 г. Холмской и Люблинской епархии, избиравшийся в Думу второго и третьего созывов от православного населения Люблинской и Седлецкой губерний; А.И. Новиков, земский врач из Самарской губернии; А.Л. Трегубов, сельский священник из Киевской губернии; Т.Э. Эльдарханов, «народный учитель», представлявший интересы невойскового (чеченского) населения Терской области; Х.Г-Б-о. Хас-Мамедов, представитель азербайджанской аристократии; Ф.О. Кейнис, Г.Ф. Федоров, М.Е. Циунелис, прошедшие в Думу в качестве обязательных крестьянских депутатов, соответственно, от Ковенской, Смоленской и Виленской губерний[1].

Среди указанных крестьянских депутатов особо выделяется Г.Ф. Федоров — участник Русско-японской войны, полный Георгиевский кавалер. О том, почему он был переизбран депутатом, красноречивое свидетельство оставил консервативный общественный деятель С.Ф. Шарапов. Излагая свои впечатления от избирательной кампании в Государственную Думу третьего созыва в Смоленской губернии, он следующим образом охарактеризовал Федорова: «К счастию, Господь послал мужика на редкость. Григорий Федоров, зауряд-прапорщик с четырьмя Георгиями, член второй Думы, правый. Держал себя так, что не поддался ни на какие соблазны эсеров, эсдеков и трудовиков; стал человек на почву чистого патриотизма и никуда! Что он делал в Думе положительного, история умалчивает, но выбирать, разумеется, надо его»[2].

[1] *Ромов Р.Б.* Евлогий (в миру Георгиевский Василий Семенович) // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 179–180; *Николаев А.Б.* Новиков (Новиков 1-й) Александр Иванович // Там же. С. 416; *его же.* Трегубов Александр Лаврентьевич // Там же. С. 618; *Усманова Д.М.* Эльдарханов Таштемир Эльжуркаевич // Там же. С. 715; *ее же.* Хас-Мамедов Халил-бек Гаджи-Баба-оглы // Там же. 657; *Николаев А.Б.* Кейнис Франц Осипович // Там же. С. 244–245; Федоров Григорий Федорович // Там же. С. 644; *Николаев А.Б.* Циунелис Матвей Егорович // Там же. С. 668–669.

[2] *Шарапов С.Ф.* «Матрикулированные» октябристы, или как я не попал в Государственную думу // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи. (Воспоминания современников. Материалы и документы.) / Под ред. А.В. Иванченко. М., 2008. С. 618.

Как показало исследование, в составе депутатов с повторяющимся статусом была весьма значительной доля лиц, имевших додумский опыт общественной деятельности по выборам пяти категорий: выборные должности в сословных корпорациях, почетные мировые судьи, гласные земских и городских органов местного самоуправления, выборные должности в руководстве партийных и общественных организаций. Так, среди представителей думской траектории таковых было 163 человека, или 88,6 %, из них 42 депутата (25,8 %) имели подобный опыт в рамках одной из указанных категорий общественных объединений, 53 депутата (32,5 %) — по двум категориям, 44 депутата (27 %) — по трем, 16 (9,8 %) — по четырем, 8 (4,9 %) — по всем пяти указанным категориям (Э.П. Беннигсен, В.М. Волконский, А.С. Гижицкий, В.М. Пуришкевич, Ф.И. Родичев, А.А. Савельев, А.П. Урусов, Н.И. Шетохин)[1].

Ресурсы социального капитала — репутация и доверие — конвертировались в политический капитал не только через возобновление парламентского статуса, но и посредством приобретения статусных позиций в Государственной думе — выборных должностей в президиуме и / или комиссиях. Так, в когорте депутатов, имевших опыт выборной общественной деятельности, 85 человек, или 52,2 %, обзавелись выборными думскими должностями, при этом 5 из 8 депутатов (62,5 %), имевших опыт выборной деятельности во всех рассматриваемых категориях общественных объединений, добились статусных позиций в Думе, тогда как подобное соотношение для депутатов без опыта выборной общественной деятельности составляло 8 из 21 или 38,1 %.

Вместе с тем полученный кредит необходимо было возвращать, с чем было связано в Думе отстаивание, по выражению заведующего министерским павильоном Л.К. Куманина, «специальных интересов»[2], иными словами, депутатские лоббистские практики. В этой связи следует обратить внимание на создание в Думе четвертого созыва сети внепартийных парламентских групп, таких, к примеру, как городская группа, видевшая своей задачей «теоретическое обоснование и достижение межпартийных соглашений по вопросам городского самоуправления» или «земская группа», в состав которой входили только те депутаты, которые были связаны с земской деятельностью и которые могли профессионально «разрабатывать земские, экономические и хозяйственные вопросы», предпринявшая попытку объединиться с земцами из состава членов Государственного совета.

[1] *Николаев А.Б.* Беннигсен Эммануил Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 49; *его же.* Волконский (Волконский 2-й) Владимир Михайлович // Там же. С. 99; *его же.* Гижицкий Александр Степанович // Там же. С. 130; *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Пуришкевич Владимир Митрофанович // Там же. С. 508–511; *Анохина Е.А., Каницев Н.И., Николаев А.Б.* Родичев Федор Измайлович // Там же. С. 526–528; *Селезнев Ф.А.* Савельев Александр Александрович // Там же. 542–543; *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Урусов Александр Петрович // Там же. С. 638; *Николаев А.Б.* Шетохин Николай Иоасафович // Там же. С. 696–697.

[2] См., напр.: Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 21; № 7. С. 16.

ПРЕДЫСТОРИЯ «СВЯЩЕННОГО ЕДИНЕНИЯ»: ОТНОШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ЛЕТО 1913 — ЛЕТО 1914 гг.)

ГАЙДА ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ,
доктор исторических наук, доцент,
доцент исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова;
Москва, Россия;
профессор-консультант БФУ имени И. Канта,
Калининград, Россия;
e-mail.ru: fyodorgayda@gmail.com

Аннотация: В докладе рассматриваются отношения Совета министров и Государственной думы накануне Первой мировой войны, которые показывают состояние и возможности эволюционного развития Третьеиюньской системы. В правительстве к лету 1914 г. сложилось несколько взглядов на Государственную думу, ее работоспособность, перспективы и характер дальнейшего сотрудничества. Вопрос стал ключевым в деле взаимодействия министров друг с другом. В конечном счете, доминирование получила та позиция, благодаря которой в начале войны было провозглашено «священное единение». В докладе проанализированы различные линии поведения министров, обозначена их адекватность сложившимся политическим обстоятельствам, возможность сочетания различных подходов в формировании единого правительственного курса.

Ключевые слова: Государственная дума, Совет министров российской империи, А.В. Кривошеин, Н.А. Маклаков, И.Л. Горемыкин

«Священное единение», установленное в начале Первой мировой войны между властью и общественностью, стало следствием не только международного конфликта, но и определенных внутриполитических тенденций. В первую очередь, речь идет о «Новом курсе», объявленном в начале 1914 г. в связи со сменой премьера. «Новый курс» не планировался и не был сдвигом правительственной политики вправо, как нередко считается в историографии[1].

Напряженные отношения В.Н. Коковцова с Государственной думой в мае 1913 г. увенчались «министерской забастовкой». После личного оскорбления, нанесенного премьеру правым депутатом Н.Е. Марковым, и отказа извиниться как с его стороны, так и со стороны председателя палаты М.В. Родзянко Коковцов и члены Совета министров отказались являться в Думу. В дальнейшем это могло привести либо к отставке премьера,

[1] *Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Л., 1988. С. 162–165.

либо к роспуску палаты. Незадолго до этого свое крайнее недовольство Думой проявил сам Николай II. 2 мая 1913 г. он написал Коковцову письмо: «Владимир Николаевич, несвоевременное рассмотрение бюджета Государственной думою ставит меня лично в весьма неудобное положение в смысле почти полной невозможности оказывать людям денежную помощь. В нынешнем 1913 году это положение стало совсем критическим. В редких случаях приходится выдавать крупные суммы, чтобы выручать людей из беды. Между тем мои свободные остатки у Танеева и у бар. Будберга иссякают. Поэтому прошу вас прислать мне в субботу триста тысяч рублей из фонда на предусмотренные сметами надобности, показав их поступившими на известное мне употребление. Уважающий вас Николай»[1].

Перед началом новой думской сессии (15 октября) министр внутренних дел Н.А. Маклаков написал письмо царю. Считая Думу центром нараставшего политического кризиса, министр предложил ее роспуск, введение в Петербурге повышенной чрезвычайной охраны и подавление беспорядков[2]. Царь ответил Маклакову, что «приятно поражен» его предложением, поскольку сам хотел выступить с такой же инициативой. Николай II добавлял: «Также считаю необходимым и благовременным немедленно обсудить в Совете министров мою давнишнюю мысль об *изменении* статьи учреждения Госуд[ударственной] думы, в силу которой если Дума не согласится с изменениями Госуд[арственного] совета и не утвердит проекта, то законопроект уничтожается. Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица! Представление на выбор и утверждение государя мнений и большинства, и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе» [курсив авт. — *Ф.Г.*][3]. Однако накануне написания царского письма правительство (в отсутствие Коковцова и главноуправляющего земледелием и землеустройством А.В. Кривошеина) 17 октября обсудило вопрос и приняло решение о возможном роспуске, но с обязательным указанием срока созыва нового состава[4]. 22 октября Маклаков вновь написал монарху, фактически предложив ему самому инициировать реформу законодательного порядка[5]. 23 октября монарх начертал на журнале Совета министров: «Согласен. Срок созыва новой Г[осударственной] думы должен быть значительно отдален»[6]. План реализован не был.

---

[1] РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 11. ЛЛ. 10–11.

[2] Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 185–187; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. ЛЛ. 1–2. 14 октября 1913 г.

[3] Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 183–184.

[4] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411–412.

[5] Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. С. 187–188; ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1288. ЛЛ. 3–4. 22 октября 1913 г.

[6] Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. / 1913 год. М., 2005. С. 411.

Одновременно в правительстве развивалась альтернативная линия поведения в отношении парламента. В июле во время Киевской сельскохозяйственной выставки Кривошеин произнес речь, в которой заявил: «Россия сможет достигнуть благоденствия только тогда, когда мы забудем пагубное „мы“ и „они“, разумея под этим правительство и общество, как бы представляющие собой две самостоятельные силы, и будем говорить просто „мы“, разумея под этим все население и ведомство»[1]. После этой речи в либеральных кругах Кривошеина уверенно стали называть преемником Коковцова[2]. Кадетская «Речь» отметила, что слова Кривошеина превзошли знаменитый доклад гр. С.Ю. Витте от октября 1905 г.[3]. Октябристский «Голос Москвы» полагал, что теперь отставки Коковцова желали все — от либералов до правых[4].

Назначение И.Л. Горемыкина в январе 1914 г. стало победой линии Кривошеина. Новый старый премьер был известен и умеренно-либеральными инициативами конца прошлого века, и роспуском I Думы, и инициированием назначения П.А. Столыпина[5]. Правые восприняли приход Горемыкина с воодушевлением[6]. Черносотенная газета «Земщина» отмечала: «Более счастливой комбинации нельзя найти»[7]. «Прямой путь» В.М. Пуришкевича считал Горемыкина *«человеком нашего духа»* [курсив авт. — *Ф.Г.*]. Газета выступила с призывом к правительству не идти в Думу «на поклон»[8]. «Мы не закрываем глаза на будущее. Мы предвидим тяжелые минуты, которые еще придется пережить России, но твердо верим в непреложность исторического закона. Ни неопределенность г. Коковцова, ни определенность г. Горемыкина не могут повернуть обратно колесо истории», — писал «Голос Москвы»[9]. «Речь» отмечала, что Горемыкин будет опираться на правых: «И катастрофа надвинется все ближе»[10]. Однако после первого визита Горемыкина к Родзянко председатель Думы «вынес убеждение о вполне искреннем доброжелательном отношении» нового премьера по отношению к палате[11].

31 января в рескрипте при назначении нового министра финансов П.Л. Барка говорилось о «коренных преобразованиях»: народном кредите и утверждении трезвости. Сам по себе рескрипт при назначении молодого министра был вещью необычайной[12]. «Земщина» даже срав-

---

[1] Новое время. 1913. 16 июля.

[2] Голос Москвы 1913. 5, 12 сентября.

[3] Речь. 1913. 10 июля.

[4] Голос Москвы. 1913. 5, 12 сентября.

[5] Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 204.

[6] Голос Москвы. 1914. 31 января.

[7] Земщина. 1914. 31 января.

[8] *Ухтубужский П.* Внутреннее обозрение // Прямой путь. 1914. № 2. С. 255.

[9] Смена // Голос Москвы. 1914. 31 января.

[10] Речь. 1914. 31 января.

[11] Новое время. 1914. 11 февраля.

[12] *Барк П.Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 157. С. 64.

нивала рескрипт с отменой крепостного права[1]. Витте в интервью «Le Temps» признался, что он о Барке «самого лучшего мнения»[2]. «Новое время» сообщало, что французская печать изначально восприняла перестановки в русском правительстве как наступление реакции, но затем поменяла точку зрения; особенно позитивно был воспринят рескрипт Барку[3]. «Голос Москвы» отметил, что рескрипт был написан Кривошеиным и отличался наличием вполне определенной программы[4]. Согласно прогрессистской газете «Утро России» рескрипт был воспринят как «серьезнейшая программа преобразований в хозяйственной жизни страны» и наиболее важный высочайший акт с 17 октября 1905 г.[5]. Лишь «Речь» отмечала, что перед Барком стояла «нелегкая задача» смены всей финансовой системы, с чем он вряд ли смог бы справиться[6]. Таким образом, кадеты со своей резко пессимистической реакцией в отношении нового правительства оказывались в одиночестве.

Барк действительно был креатурой Кривошеина. Кроме того, именно в это время Кривошеин сблизился с Витте, с ноября 1913 г. между ними возникла доверительная переписка[7]. Как вспоминал сам Барк, он всегда был сторонником политики Витте[8]. Витте таким образом становился «обер-министром финансов»[9]. В Комитет финансов был введен земец-октябрист М.М. Алексеенко — главный думский специалист по бюджету, что воспринималось либеральной прессой как сближение правительства и Думы[10]. Вскоре Горемыкина поочередно посетили лидер группы центра П.Н. Крупенский и один из руководителей правых А.Н. Хвостов[11]. Родзянко с женой навестили супругу премьера, что якобы было вызвано давнишним знакомством семей Горемыкиных и Родзянко[12]. В начале февраля по вопросу об отношении к новому премьеру состоялось совещание думского левого центра (левых октябристов, прогрессистов, кадетов), но оно не дало никаких результатов[13]. В ответ «Утро России» посчитало, что Горемыкин мог бы стать «консерватором на манер английскихториев»[14]. Правые, наоборот, были разочарованы[15].

[1] *Володимеров С.* Звон святой // Земщина. 1914. 1 февраля.
[2] Голос Москвы. 1914. 6 февраля.
[3] Новое время. 1914. 5 февраля.
[4] Голос Москвы. 1914. 1 февраля.
[5] Утро России. 1914. 1 февраля.
[6] Речь. 1914. 1 февраля.
[7] РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 262. ЛЛ. 1–8.
[8] *Барк П.Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1965. № 159. С. 82.
[9] Русские ведомости. 1914. 12 февраля.
[10] *Debater.* Шаги к объединению // Русские ведомости. 1914. 14 февраля; Голос Москвы. 1914. 9 февраля.
[11] Новое время. 1914. 20 февраля.
[12] Там же. 1914. 20, 21 февраля.
[13] Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002. С. 325.
[14] Идущие за веком // Утро России. 1914. 14 февраля.
[15] *Ухтубужский П.* Внутреннее обозрение // Прямой путь. 1914. № 3. С. 246–251.

В составе Совета министров присутствовал ряд членов, которые не считались участниками сконцентрированного вокруг Горемыкина и Кривошеина большинства: министры юстиции И.Г. Щегловитов, народного просвещения Л.А. Кассо, внутренних дел Н.А. Маклаков[1]. Тем не менее, они не образовывали какой-то сплоченной группы. Министр юстиции не находился в оппозиции к Горемыкину и имел определенную поддержку в Думе. 18 февраля Щегловитов произнес в палате речь о принципах планируемой реформы Сената, отстаивая его неотделимость от администрации. Министр был поддержан правыми и правым центром[2]. 18 апреля докладчик гр. Э.П. Беннигсен открыто поддержал министра по законопроекту о должностных преступлениях, несмотря на протесты кадета В.А. Маклакова[3].

11 марта меньшевик Н.С. Чхеидзе с думской трибуны призвал к установлению республики и не был остановлен председательствовавшим прогрессистом А.И. Коноваловым[4]. 20 марта Совет министров обсудил дело Чхеидзе. «Новое время» сообщало о желании Н.А. Маклакова привлечь к ответственности и Коновалова, причем он был поддержан Щегловитовым[5]. Кадетские «Русские ведомости» писали: «Русскому обществу угрожает потеря одного из самых серьезных приобретений» — Думы и депутатской неприкосновенности[6]. Но правый центр был настроен гораздо более примирительно. Председатель комиссии по судебной реформе Н.П. Шубинский на ее заседании по разработке законопроекта о безответственности отметил, что необходимо разделять потребность депутата «осветить те или иные стороны жизни или действий людских» и «оскорбление Величества, глумление над религией, злостное осмеивание государственного строя и порядка, клеветнические выпады, оскорбление нравственности», и предложил создать особый дисциплинарный суд при Думе для рассмотрения этих вопросов, если только они не подпадали под общеуголовный кодекс. Комиссия избрала подкомиссию для решения этого вопроса в составе беспартийных Г.В. Скоропадского и Н.П. Шубинского[7], земцев-октябристов гр. Э.П. Беннигсена и Л.Г. Люца[8], кадетов В.А. Маклакова и К.К. Черносвитова, а также докладчика

---

[1] *Барк П.Л.* Глава из воспоминаний // Возрождение. 1965. № 159. С. 80.

[2] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. II. Стб. 808–818, 836–848.

[3] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 532–597.

[4] Там же. Ч. II. Стб. 1642.

[5] Новое время. 1914. 22 апреля.

[6] Русские ведомости. 1914. 17 апреля.

[7] *Николаев А.Б.* Скоропадский Георгий Васильевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 563; *его же.* Шубинский (Шубинской) Николай Петрович // Там же. С. 708.

[8] *Николаев А.Б.* Беннигсен Эммануил Павлович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 49; *его же.* Люц (Лютц) Людвиг Готлибович // Там же. С. 340.

прогрессиста М.И. Гроздицкого[1]. Состав подкомиссии не позволял решить вопрос быстро.

Дополнительный стимул для примирительной политики правительства и парламента был создан международной обстановкой. В самом разгаре была «газетная война» Германии и России. 22 февраля «Новое время» предрекало скорую войну с Австро-Венгрией за Галицию[2]. 1 марта в Таврическом дворце состоялось совещание министров и депутатов, на котором присутствовали Горемыкин, Барк, министры иностранных дел С.Д. Сазонов, военный В.А. Сухомлинов, морской И.К. Григорович, М.В. Родзянко, представители всех фракций, кроме социалистов. Обсуждался вопрос сверхсметных ассигнований. Думцы хотели поднять внутриполитические вопросы, но они были отклонены премьером[3]. Однако были даны ответы на все вопросы, касавшиеся обороны и международной обстановки. «Голос Москвы» посчитал совещание «чрезвычайно важным» и «первым шагом» «по сближению с Государственной думой»: «Это не совсем то, на что можно было рассчитывать, но, по нынешним временам, приходится довольствоваться тем, что есть. Могло не быть и этого»[4]. Сразу после совещания Родзянко был приглашен на обед и спектакль в Зимний дворец[5]. В Думе были уверены, что Горемыкин добивался отставок Маклакова, Щегловитова и Кассо. Потому вопросы государственной обороны увязывались с перестановками в правительстве[6].

Появление премьера на заседании Думы должно было произойти 22 апреля, с началом обсуждения бюджета. Накануне от прогрессистов и кадетов поступили заявления об отложении рассмотрения бюджета и первоочередном рассмотрении законодательного предположения о депутатской безответственности. При поименном голосовании инициатива была провалена[7]. На следующий день социалисты устроили премьеру обструкцию, на которую думское большинство ответило максимально жестко: исключением участников на 15 заседаний. Кадеты покинули зал. Прогрессисты воздержались от голосования[8]. «Новое время» передавало слова одного из левых депутатов: «Думали сделать трагедию, а вышел водевиль»[9]. Кадетское поведение осуждалось как слева, так и справа;

[1] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 7–8.

[2] *Меньшиков М.* Сроки близятся // Новое время. 1914. 22 февраля.

[3] Новое время. 1914. 2 марта.

[4] Голос Москвы. 1914. 2 марта; Первый шаг // Там же. 1914. 4 марта.

[5] Новое время. 1914. 4 марта.

[6] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 3; № 2. С. 22; Голос Москвы. 1914. 1, 2 марта; Цена примирения // Утро России. 1914. 3 июня; ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 983. Л. 298. Г.А. Алексеев — К.С. Алексееву, 2 марта 1914 г.; Там же. Д. 988. Л. 708. А.И. Савенко — Б.В. Плескому, 18 мая 1914 г.

[7] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 763–767, 784–807.

[8] Там же. Стб. 729–730, 743, 750–752.

[9] Новое время. 1914. 24 апреля.

правые считали, что кадеты своим прежним поведением спровоцировали скандал, а потом предали социалистов[1]. Оправдываясь, «Речь» писала, что прогрессисты фактически поддержали большинство[2]. «Утро России» было вынуждено признать, что у прогрессистов не хватило духа уйти из зала[3]. Коновалов собрал бюро фракций кадетов и прогрессистов, голосами которых был избран, и, «едва удерживая рыдания», заявил о желании в знак протеста против действий президиума сложить пост и звание депутата. Однако бюро категорически отказалось обсуждать вопрос[4].

С 24 апреля в Думе дебатировался вопрос военных кредитов. Решающее значение для принятия ассигнований имели совещания министров и думцев у Горемыкина по Большой военной программе[5]. 26 апреля Милюков предложил Думе отвергнуть бюджет, поскольку «правительство вступило в откровенный союз с партиями государственного переворота». Прогрессисты поддержали кадетов, но 166 голосами против 72 это предложение было отклонено[6]. 29 апреля при обсуждении сметы МВД в Думе 186 голосами против 95 была принята совместная формула 3 октябристских фракций о стеснении земства, провоцировании антигосударственных настроений, препятствовании к осуществлению верховной воли монарха в виде манифестов и законов. Однако параграф сметы, посвященный центральным учреждениям МВД, прошел 201 голосом против 84. Ассигнования на местные полицейские учреждения и на полицейские надобности прошли с минимальной урезкой[7]. Смета Министерства народного просвещения прошла без особых резкостей. Правые и националисты активно поддержали Кассо. Была принята критическая формула октябристов, однако даже смета центральных учреждений 144 голосами против 95 прошла без изменений[8].

13 мая после очередного думского скандала товарищ председателя прогрессист Коновалов покинул свой пост. 20 мая при голосовании за Коновалова было подано всего 98 голосов, еще 6 — за земца-октябриста А.Д. Протопопова, пустых бюллетеней оказалось 141. В результате при следующем голосовании Протопопов набрал 203 голоса против 11 и стал товарищем председателя[9]. Соглашение фракций о распределении мест в президиуме, таким образом, было разрушено. После избрания Протопопова лидеры прогрессистов А.И. Коновалов и И.Н. Ефремов дали интервью «Русским ведомостям», в которых заявили о конфликте

[1] Там же.

[2] Речь. 1914. 23, 24 апреля.

[3] Слово и дело // Утро России. 1914. 24 апреля.

[4] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 11.

[5] *Барк П.Л.* [Воспоминания] // Возрождение. 1966. № 169. С. 72.

[6] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. III. Стб. 1196–1224.

[7] Там же. Стб. 1803, 1826, 1881–1882.

[8] Там же. Ч. IV. Стб. 1231, 1282, 1334.

[9] Там же. Стб. 1169–1170, 1207–1210.

с Родзянко и полном разрыве с октябристами[1]. «Утро России» сообщало о возвращении Родзянко в правый лагерь[2]. Правоцентристское объединение было оформлено. 11 июня в Думе была оглашена монаршая телеграмма с выражением удовольствия за состоявшееся накануне принятие сверхсметных ассигнований для военного министерства[3]. Подобный шаг был необычен. Прогрессисты и кадеты даже восприняли это как антиконституционный акт, развивающий «сервилизм» и втягивающий монарха в «водоворот политических страстей»[4].

Однако в июле Н.А. Маклаков вторично инициировал план роспуска Думы[5]. 12 июля состоялось совещание министров под председательством царя, посвященное общему политическому положению. Обсуждались внешнеполитический кризис (накануне был объявлен австро-венгерский ультиматум Сербии), рост забастовок и трудности проведения бюджета через палаты[6]. В конце заседания монарх поставил вопрос о роспуске Думы и превращении ее в законосовещательный орган. Все министры, кроме Маклакова, резко возражали. Щегловитов, по собственному свидетельству, сказал императору, что считал бы себя изменником в случае поддержки этой меры. После таких слов Николай II произнес: «Этого совершенно достаточно. Очевидно, вопрос надо оставить»[7].

Таким образом, в начале 1914 г. в правительстве сложилось большинство, возглавляемое И.Л. Горемыкиным и А.В. Кривошеиным и выступавшее за установление деловых контактов с Государственной думой. К лету 1914 г. в палате также сформировалось правоцентристское большинство, стремившееся к соглашению с правительством. Планы Н.А. Маклакова по роспуску и изменению статуса Думы, несмотря на поддержку Николая II, не были реализованы из-за сопротивления остальных министров. В результате с началом войны власть инициировала курс «Священного единения», предполагавший опору на парламент и общественные организации, которые получили щедрое казенное финансирование.

---

[1] Русские ведомости. 1914. 22 мая.

[2] Возвращение блудного сына // Утро России. 1914. 22 мая.

[3] Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия вторая. СПб., 1914. Ч. V. Стб. 923.

[4] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 — февраль 1917 года // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 26.

[5] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 990. Л. 936. К.Н. Пасхалов — кн. Софье Александровне Голицыной, 16 июля 1914 г.; Там же. Л. 927. К.Н. Пасхалов — Б.В. Назаревскому, 14 июля 1914 г.

[6] *Барк П.Л.* Июльские дни 1914 г. Начало великой войны // Возрождение. 1959. № 91. С. 19–24.

[7] Падение царского режима. Стенографический отчет допросов Верховной следственной комиссии. В 7 т. Под ред. П.Е. Щеголева. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 438; Т. 3. С. 133–134.

«ВАШ ПЕРВЕЙШИЙ ДОЛГ НЕМЕДЛЕННО, НЕ ТЕРЯЯ МИНУТЫ, ПРОЯВИТЬ, НАКОНЕЦ, ВСЮ ПОЛНОТУ ЗАБОТ ОБ УСТРАНЕНИИ ПРЕПЯТСТВИЙ...»: М.В. РОДЗЯНКО И И.Л. ГОРЕМЫКИН В 1914–1916 гг.

ГАВРОЕВА ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА,
ассистент кафедры русской истории
Российского государственного педагогического университета
имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: gavroevae@herzen.spb.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу взаимоотношений председателя Государственной думы М.В. Родзянко и председателя Совета министров И.Л. Горемыкина в 1914–1916 гг. Важнейшими вопросами в этот период были следующие пункты: законодательная деятельность народного представительства и военная цензура в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: М.В. Родзянко, И.Л. Горемыкин, Государственная дума, Совет министров.

Взаимоотношения исполнительной и законодательной ветвей власти в дореволюционной России вызывают большой интерес в российской исторической науке. Но вплоть до сегодняшнего дня нет специальных работ, в которых бы рассматривались отношения председателя Государственной думы М.В. Родзянко[1] и председателя Совета министров И.Л. Горемыкина в 1914–1916 гг.[2].

Назначение И.Л. Горемыкина на пост председателя Совета министров изначально было воспринято думцами как возможность попытаться улучшить взаимоотношения между правительством и Государственной

[1] *Николаев А.Б.* Родзянко Михаил Владимирович // Государственная дума России: Энциклопедия: в 2-х т. М.; Челябинск, 2013. Т. 1. С. 602–604.

[2] Некоторые сведения о И.Л. Горемыкине и его деятельности на посту председателя Совета министров содержатся в ряде трудов отечественных историков. См., напр.: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* От Горемыкина к Б.В. Штюрмеру: верховная власть и совет министров (сентябрь 1915 — январь 1916 г.) // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН. 1999. С. 34–48; *Куликов С.В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004; *Соловьев К.А.* И.Л. Горемыкин во главе правительства // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 4 (33). Т. 1. С. 154–158; *его же.* «Я напоминаю старую енотовую шубу...»: Иван Горемыкин — премьер-министр России // Родина. 2012. № 2. С. 81–84; *Соловьева А.Г.* Горемыкин И.Л. и Коковцов В.Н. — российские премьеры: Дис. ... к. ист. н. Самара, 2005; *Флоринский М.Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны (Совет министров в 1914–1917 гг.). Л., 1989.

думой, но эти надежды народных представителей не оправдались. Сам Горемыкин так объяснял Коковцову свое назначение: «Я напоминаю старую енотовую шубу, которая давно уложена в сундук и засыпана камфарою, и совершенно недоумеваю, зачем я понадобился; впрочем, эту шубу так же неожиданно уложат снова в сундук, как вынули из него»[1]. А.Н. Наумов впоследствии вспоминал: «Горемыкин был скуп на слова. В Совете министров Иван Логгинович производил на меня впечатление человека, который готов внимательно слушать прения, но вместе с тем думает про себя свою собственную думушку. Думушкой этой он делился лишь с одним своим государем, настраивая его величество следовать его, Горемыкина, взглядам и советам»[2]. Ситуация ухудшилась с началом Первой мировой войны, которая нарушила устоявшиеся формы работы парламента, но М.В. Родзянко, будучи председателем Думы, имел широкие связи, что позволяло ему быть в центре событий и быть сведущим о происходящем как на военных фронтах, так и внутри страны. Родзянко не хотел, чтобы во время войны Дума уходила в тень, да и сам не собирался бездействовать. В 1915 г. М.В. Родзянко убедил императора созвать Государственную думу после перерыва, несмотря на сопротивление со стороны председателя Совета министров[3], в 1915 г. выступил инициатором создания Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, став его активным членом. Это совещание было создано для организации военной экономики. М.В. Родзянко был сторонником привлечения общественных деятелей к работе на нужды войны, несмотря на противодействие со стороны И.Л. Горемыкина. Председатель Думы желал видеть правительственный кабинет, который бы пользовался «доверием страны». И.Л. Горемыкин, по мнению М.В. Родзянко, не мог более возглавлять правительство, которое не соответствовало требованиям думской оппозиции. Председатель Государственной думы настаивал (в том числе и при личных встречах с императором) на необходимости сместить И.Л. Горемыкина с его поста. Как писал М.В. Родзянко, председателя Совета министров «считали главным виновником разрухи»[4]. В итоге в декабре 1915 г. председатель Государственной думы составил письмо на имя И.Л. Горемыкина, в котором призывал царское правительство к активным действиям по урегулированию внутриполитических проблем. Это письмо было зачитано думцам, которые одобрили его содержание. Также в своих мемуарах М.В. Родзянко указывал на тот факт, что кто-то из депутатов переписал письмо, которое вскоре стало ходить по рукам[5]. Вскоре после этого И.Л. Горемыкин был отстранен от своей должности, а на смену ему пришел Б.В. Штюрмер.

---

[1] *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг. В 2 кн. М., 1992. Кн. 1. С. 267.

[2] *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. В 2 кн. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 356.

[3] *Родзянко М.В.* Крушение империи. Харьков, 1990. С. 122.

[4] Там же. С. 138.

[5] Там же. С. 140.

Вопросы военной цензуры в годы Первой мировой войны уже долгое время привлекают внимание отечественных исследователей. Большинство работ так или иначе затрагивают проблемы взаимоотношений военно-цензурных учреждений и периодической печати, зачастую рассматривая трудности, с которыми сталкивались журналисты и редакторы газет и журналов[1]. Однако действия военной цензуры в отношении Государственной думы не становились предметом специального исследования. Историки пишут о том, что стенографические отчеты и речи депутатов подвергались военной цензуре[2], а попытки же председателя Думы М.В. Родзянко остановить вседозволенность цензурных учреждений и правительства остаются неизученными.

20 июля 1914 г., на следующий день после объявления Россией войны Германии, было принято «Временное положение о военной цензуре»[3], которое определяло принципы организации военной цензуры на территории империи как на театрах военных действий, так и вне их. Исходя из статьи 4 данного положения, речи депутатов Государственной думы не подлежали цензуре, так как они произносились «во исполнение долга службы или обязанностей звания»[4]. А отчеты об общих собраниях Государственной думы по статье 45 «Учреждения Государственной думы» допускались к печати после одобрения председателем[5]. Таким образом, даже несмотря на введение военной цензуры, информация о деятельности Думы не могла подвергаться цензурированию, так как основная часть газетного материала основывалась на стенографических отчетах.

После начала военных действий при Главном управлении Генерального штаба была создана Главная военно-цензурная комиссия. В ее состав вошли председатель (генерал Генштаба), члены — по одному представителю от Министерства иностранных дел, Военного, Морского, Министерства юстиции и трех от Министерства внутренних дел: один от Глав-

[1] См., напр.: *Алферова И.В., Блохин В.Ф.* Преданье административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX века — 1917 год) // Новый исторический журнал. 2016. № 3. С. 32–48; *Гужва Д.Г.* Военная цензура русской периодической печати в годы Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. Исследования и материалы. М., 2013. С. 524–537; *Жирков Г.В.* Журналистика двух России: 1917–1920 гг.: Учебное пособие. СПб., 1999; *его же.* История цензуры в России XIX–XX вв.: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 2001; *Патрушева Н.Г.* Первая мировая война и цензурные учреждения России // Век информации. 2015. № 2. С. 155–163; *Салтык Г.А., Строева А.А.* Первая мировая война: к истории военной цензуры // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3. С. 29–33.

[2] *Иванов А.А.* «Если газеты будут продолжать мутить народ... закройте все газеты до последней»: правые Государственной думы и Государственного совета о свободе слова (1914–1917) // Научный диалог. 2012. № 9. Серия «История. Социология». С. 17–27.

[3] Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Отдел I. 1914. № 192. Ст. 2057.

[4] Там же.

[5] Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. СПб., 1909. С. 950.

ного управления по делам печати, один от Главного управления почт и телеграфов и один от Департамента полиции[1]. В Петрограде осенью 1914 г. была учреждена военно-цензурная комиссия, а весной 1915 г. — в Москве[2]. Обязанности военных цензоров возлагались на членов местных комитетов по делам печати или на лиц, наблюдавших за печатью, а также на чинов почтово-телеграфных учреждений. В первую очередь, они должны были не допускать оглашение сведений, которые могли навредить военным интересам государства, т.е. следовать «Временному положению о военной цензуре» и «Перечню сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается»[3]. По этому поводу М.К. Лемке отмечал, что «точное соблюдение печатью, ораторами и докладчиками приведенного Перечня было бы равносильно совершенному замалчиванию всей войны, всех обстоятельств жизни страны, всей внутренней политики, всех нужд армии и государства, всех его сословий и классов — словом, всего, что выходило бы из области изящных искусств, балета, частью театра и подобных сторон жизни»[4].

Почти сразу после введения военной цензуры правительство начало оказывать давление на периодические издания, стараясь уменьшить количество материалов в печати о внутренней политике. Большую роль в этом процессе сыграл председатель Совета министров И.Л. Горемыкин, стараниями которого появилось распоряжение начальника Штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева № 103 от 7 января 1916 г., которое призывало военную цензуру «оценивать представляемый на просмотр газетный материал не с одной лишь узко военной точки зрения, а также и с общеполитической, дабы не допускать опубликования таких статей, сведений, слухов и рассуждений и сообщений, которые могли бы идти во вред доверия к правительству и сохранению общественного единения и воодушевления пред лицом вторгнувшихся в Россию вражеских полчищ, т.е. во вред военным интересам государства в самом широком смысле этого слова»[5]. Таким образом, этот документ предоставлял министерству внутренних дел право почти полностью контролировать материалы периодической печати, воспрещать появление тех или иных аспектов внутренней политики[6].

---

[1] *Патрушева Н.Г.* Указ. соч. С. 156.

[2] Там же. С. 157.

[3] Собрание узаконений и распоряжений Правительства. Отдел I. 1914 г. № 203. Ст. 2079. Этот перечень состоял из 18 пунктов, вскоре был дополнен и уже насчитывал 25 позиций, а 31 июля 1915 г. был издан еще более полный вариант «Перечня», который включал уже 30 пунктов.

[4] *Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 — 2 июля 1916 г.). Пг., 1920. С. 370.

[5] РГИА. Ф. 777. Оп. 23. 1916 г. Д. 3. Ч. 1. Л. 123 об.

[6] В своих показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства и.д. председателя Петроградской военной-цензурной комиссии М.А. Адабаш особо отмечал это сношение М.В. Алексеева с главнокомандующими армиями всех фронтов, так как это были руководящие указания для военных

Рассмотрим, какие действия предпринимались руководством военной цензуры в отношении Государственной думы. Ценным источником по этому вопросу являются журналы заседаний военных цензоров Петроградского комитета по делам печати, а также циркуляры председателя Петроградской военно-цензурной комиссии. Так, 20 января 1915 г. на заседании военных цензоров Петроградского комитета по делам печати генерал-майор Д.П. Струков[1] передал распоряжение председателя Главной военно-цензурной комиссии о недопущении появления в печати никаких сведений и комментариев по рассматриваемым в бюджетной комиссии Государственной думы сметам Военного и Морского министерств, предложив ограничиться краткими сообщениями о рассмотрении данных смет[2]. Следующим моментом стал созыв Государственной думы летом 1915 г. На заседании военных цензоров 14 июля 1915 г. Д.П. Струков сообщил о том, что отчеты о думских заседаниях следовало пропускать без каких-либо исключений, но в случае необходимости изъять какой-либо вопрос из обсуждения в печати сотрудники комитета заранее были бы об это предупреждены[3]. На этом же заседании один из членов комитета А.М. Андрияшев возбудил вопрос о желательности своевременно получать стенографические отчеты о заседаниях Думы, что могло бы служить в качестве руководства при цензурировании статей о думской работе[4]. 21 июля 1915 г. от имени председателя Петроградской военно-цензурной комиссии генерал-лейтенантом А.И. Звонниковым было сделано заявление о невозможности допускать какие-либо исключения в стенографических отчетах о заседаниях Государственной думы[5]. 28 июля 1915 г. на заседании общего собрания военных цензоров обсуждали вопрос о речах думских депутатов, в итоге было принято решение о том, что речи, произнесенные в общем собрании Государственной думы, не подлежат цензуре «не только в том случае, если они напечатаны по стенографическому отчету, утвержденному председателем Думы, но в и в том случае, если они приведены в изложении корреспондентов газет»[6].

Необходимо остановиться на том, какие действия предпринимал председатель Государственной думы в вопросе о цензуре думских речей. С 1915 г. на имя М.В. Родзянко стали поступать письма и телеграммы о вседозволенности военной цензуры, неточности публикации речей де-

цензоров, которые должны были обращать пристальное внимание на материалы по вопросам внутренней политики (ГА РФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 488. Л. 179).

[1] Председатель Петроградской военно-цензурной комиссии.

[2] РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

[3] Там же. Л. 96.

[4] Там же.

[5] Там же. Это заявление было сделано на основе проекта, выработанного для руководства военным цензорам гражданского ведомства при цензуровании статей и заметок периодической печати. Он был отправлен 20 июля 1915 г. начальнику Главного управления по делам печати (РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 26. ЛЛ. 93–94).

[6] РГИА. Ф. 778. Оп. 1. Д. 3. Л. 100. Стоит отметить, что на период обсуждения декларации правительства предполагались цензурные меры в отношении речей депутатов Думы, а отчеты предполагалось печать по телеграммам ПТА (РГИА. Ф. 776. Оп. 22. 1914 г. Д. 172 г. Л. 233).

путатов Петроградским телеграфным агентством (далее — ПТА)[1], о поддержке председателя Государственной думы в его стремлении защитить свободу слова[2]. Однако М.В. Родзянко получал письма и телеграммы со словами критики о допущении им к публикации «речей левых депутатов до октябристов включительно»[3]. В этот период председатель Государственной думы начал предпринимать активные действия с целью ограничить действия военно-цензурных учреждений по отношению к периодической печати. 15 июня 1915 г. М.В. Родзянко отправил Николаю II письмо, где упомянул о распоряжении начальника Штаба Киевского военного округа не допускать публикацию речей членов Думы левых партий в киевских газетах[4]. Он настаивал, что в условиях войны необходимо единение общества для борьбы с врагом, а не разграничение на правые и левые партии. По его мнению, запрет на публикацию выступлений в Думе можно рассматривать как крупную государственную ошибку[5].

Законодательная деятельность Государственной думы и вопросы военной цензуры в годы Первой мировой войны стали орудием борьбы правительства с народным представительством и его председателем. Совет министров всячески стремился уменьшить влияние депутатов на общественное мнение, что проявилось в достаточно жесткой цензуре периодической печати, которую зачастую запрещали и не давали возможность публиковать даже стенографические отчеты о заседаниях Думы, что нарушало законные права этого законодательного учреждения. М.В. Родзянко неоднократно обращался к императору Николаю II и председателю Совета министров, чтобы отстоять права Государственной думы и свободу слова, однако в итоге это приводило к еще большему ужесточению цензуры и росту оппозиционных настроений среди депутатов.

[1] Телеграммы ПТА как учреждения правительственного не подвергались военной цензуре, так как они были своеобразным проводником взглядов правительства. С началом Первой мировой войны телеграммы агентства давались с ведома и по прямому указанию правительственной власти (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 11. Л. 274). Отчеты же о заседаниях Государственной думы не должны были быть тенденциозными, им следовало отражать общую картину прений (РГИА. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 1078. Л. 134).

[2] Речь идет о письме А.А. Клопова (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1213. ЛЛ. 7–8).

[3] Телеграммы Н.Н. Тихановича-Савицкого, председателя астраханской монархической партии (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1213. ЛЛ. 11, 36). Также к М.В. Родзянко поступали предложения о необходимости составления кратких и точных отчетов о заседаниях Думы для того, чтобы газеты не искажали речи депутатов (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1213. Л. 18). В декабре 1916 г. на имя председателя Государственной думы поступила записка о реорганизации военной цензуры в стране от Н.Б. Емельянова, который выступил с критикой существующей политики Министерства внутренних дел в отношении прессы, требуя изменить существующее «Временное положение о военной цензуре» (РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1137. ЛЛ. 487–494). Любопытно отметить, что такая же записка была отправлена и на имя А.Ф. Керенского (ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 293. ЛЛ. 1–4 об).

[4] В июне 1915 г. к депутату Государственной думы А.Ф. Керенскому поступило письмо от редакции газеты «Киевская мысль» о недопущении к публикации речей представителей левых партий, что, по словам редактора, могло привести к стеснению печати вообще (ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 250. ЛЛ. 134–135).

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1134. ЛЛ. 14б–14б об.

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ЧЛЕНОВ ГОСДУМЫ И ГОССОВЕТА В ОБСУЖДЕНИИ В ОСОБОМ СОВЕЩАНИИ ПО УСТРОЙСТВУ БЕЖЕНЦЕВ ПРОЕКТА «РУКОВОДЯЩИХ ПОЛОЖЕНИЙ ПО УСТРОЙСТВУ БЕЖЕНЦЕВ» (ЯНВАРЬ 1916 г.)[1]

ЗЛАТИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
Российского государственного
педагогического университета имени А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: zlatinamariaal@herzen.spb.ru

Аннотация: В статье исследуется процесс рассмотрения, редактирования и утверждения на заседаниях Особого совещания по устройству беженцев проекта «Руководящих положений по устройству беженцев» как одной из мер, предпринятых правительством для взятия под свой контроль дела оказания помощи жертвам войны в центре и на местах.

Ключевые слова: беженцы, выселенцы, Особое совещание по устройству беженцев, Руководящие положения по устройству беженцев, Государственная дума, Государственный совет, Первая мировая война.

Не предполагая, насколько масштабной и затратной окажется работа по оказанию помощи беженцам и выселенцам, государство в первый год Первой мировой войны практически отдало бразды правления в разрешении этой проблемы общественным всероссийским и национальным организациям, специально для этого созданным или реорганизованным в первые месяцы войны. Государство занималось «беженским делом», но преимущественно ограничиваясь выдачей субсидий общественным благотворительным учреждениям или оказывая содействия государственно-общественным организациям наподобие Комитета великой княжны Татьяны Николаевны.

Власти в первую очередь обратили внимание на оказание содействия другим лицам из категории «жертв войны»: раненым воинам и семьям призванных на фронт. В сложившемся положении решение было абсолютно логичным: в начальный период войны подобных семейств и уже пострадавших в боях воинов было на порядок больше, чем беженцев

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00128 А «Становление и развитие государственных и общественных благотворительных организаций в Российской империи в период военных потрясений (XIX — нач. XX вв.)».

и выселенцев. Однако правительство пропустило момент, когда ситуация с делом предоставления помощи вынужденным мигрантам серьезно изменилась. К лету 1915 года значительно укрепились позиции таких организаций, как Всероссийский земский союз (далее — ВЗС) и Всероссийский союз городов (далее — ВСГ), а также различных национальных обществ помощи жертвам войны, создавших к тому времени разветвленную систему. К тому же остро встала необходимость перейти к крупнейшим денежным вливаниям средств в дело оказания содействия вынужденным мигрантам, чтобы предотвратить возможную социальную катастрофу. Все это заставило власти предержащие пересмотреть свою позицию по данному вопросу, опомниться и попытаться перехватить инициативу в организации беженского дела в центре и на местах.

С этой целью в июле 1915 года были учреждены должности главноуполномоченных по устройству беженцев на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах (ими стали С.И. Зубчанинов и кн. Н.П. Урусов)[1]. При МВД был образован Отдел по устройству беженцев, возглавляемый гр. А.И. Тышкевичем. Согласно утвержденному 30 августа 1915 года «Положению об обеспечении нужд беженцев»[2], создано новое учреждение — «Особое совещание по устройству беженцев как высшего государственного установления», «для обсуждения и объединения всех мер по обеспечению нужд беженцев, а равно для общего наблюдения за целесообразным применением означенных мер».

Особое совещание по устройству беженцев при МВД должно было, с одной стороны, демонстрировать союз государства и общественных сил в деле оказания помощи жертвам войны, а с другой — как учреждение, подчиненное министру внутренних дел, обеспечить контроль за распределением средств, да и всем беженским делом в центре.

Схожую процедуру пытались провести и на местном уровне, через передачу губернаторам права контролировать работу подразделений всероссийских и национальных общественных организаций помощи жертвам войны на местах. Первая попытка реализовать эту идею была предпринята еще в период рассмотрения законопроекта «Положение об обеспечении нужд беженцев» в Государственной думе и Государственном совете[3]. Однако, в тот момент осуществить задуманное не получилось.

---

[1] См.: Об утверждении Наказа главноуполномоченным по устройству беженцев Северо-Западного и Юго-Западного фронтов // Законы и распоряжения о беженцах. М., 1916. Вып. 1. С. 7–8.

[2] Положение об обеспечении нужд беженцев, 30 августа 1915 г. // Собрание узаконений и распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый. 1915. № 242. Ст. 1842. С. 2423–2426.

[3] См. подробн.: *Златина М.А.* Обсуждение законопроекта «О мерах по обеспечению участи беженцев» на закрытых заседаниях IV Государственной думы и Государственного совета: столкновение мнений и принятие итоговых решений // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы истории парламентаризма. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. Ч. 1. С. 212–221.

Речь идет о 21-й статье (в конечной редакции 22-я статья) в выработанном земским отделом МВД законопроекте «О мерах по обеспечению участи беженцев» (5 августа 1915, № 14004), переданном для утверждения в порядке спешности в Государственную думу и Государственный совет. В этой статье говорилось о руководстве и организации дела помощи беженцам на местном уровне. Однако Н.В. Плеве не удалось провести поправку о включении в 21/22-ю статью после текста «попечение о беженцах и об устройстве их судьбы возлагается <...>» фразы «на губернаторов, на градоначальников»[1]. Поправка была отклонена. Более того, земским учреждениям и городским общественным управлениям в рамках оказания помощи беженцам на местном уровне были даны дополнительные полномочия — право образовывать особые комитеты в тех местах, где указанные органы самоуправления признают нужным[2].

Окончательный вариант Положения о беженцах был утвержден Думой на одиннадцатом заседании 18 августа 1915 года[3], тогда же проект был передан на рассмотрение в комиссию законодательных предположений Государственного совета.

Комиссия Совета планировала внести существенные поправки в текст будущего закона, в том числе в 22-ю статью, вернув ей содержание, близкое по тексту проекту МВД[4]. Но поскольку принятие данных поправок привело бы к передаче законопроекта на рассмотрение согласительной комиссии, а министр внутренних дел настаивал на беззамедлительном принятии обсуждаемого Положения о беженцах, на закрытом восьмом заседании Государственного совета был полностью, без внесения изменений, утвержден законопроект об обеспечении нужд беженцев в редакции Думы[5].

Однако правительство не отказалось от своих планов, просто решило зайти с другой стороны. В январе 1916 года в Особое совещание по устройству беженцев был внесен на рассмотрение проект «Руководящих положений по устройству беженцев», составленный Отделом, ведающим беженским делом при МВД[6].

Отечественные специалисты по истории благотворительности и беженского дела в России в годы Первой мировой войны отнюдь не всегда пишут в своих научных работах о «Руководящих положениях по устройству беженцев»[7]. Если же ими и упоминаются статьи данных

---

[1] Государственная дума. Созыв четвертый. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. СПб., 1915. Стб. 825–826, 849, 853.

[2] Там же. Стб. 847–853.

[3] Там же. Стб. 861–862.

[4] Материалы к заседаниям общего собрания Государственного совета. 19 июля — 3 сентября 1915 // РГИА. Ф. 1148. Оп. 12. Д. 388. ЛК. 320, 321 об., 323 об.–324.

[5] Дело с протоколами заседаний Государственного совета. XI Сессия. 19 июля — 3 сентября 1915 // РГИА. Ф. 1148. Оп. 10. Д. 2. Л. 100 об.

[6] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 160.

[7] См., напр.: *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России (1914–1917) // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 98–111; *Туманова А.С.* Организацион-

«Положений»[1], то не затрагиваются ни процедура рассмотрения данных инструкций в различных инстанциях, ни те дискуссии, которые разворачивались при постатейном обсуждении вышеупомянутого проекта в соответствующих комитетах и комиссиях. Почти не сообщается в отечественной историографии, за исключением краткого упоминания в статье А.В. Ильина[2], и о том, какую роль в принятии «Руководящих положений» сыграло Особое совещание по устройству беженцев.

Зарубежный исследователь П. Гэтрелл, изучающий вопрос об оказания помощи беженцам как инструмент, используемый обществом и государством в период политического противостояния, обращается в данном контексте к анализу деятельности Особого совещания. Но о «Руководящих положениях» он не пишет[3].

Между тем проект «Руководящих положений по устройству беженцев» представлял собой наконец-то сформулированный набор инструкций, которые должны были единообразно организовать все беженское дело в Империи. И согласно ст. 8 «Положений» все это дело на местах отдавалось под контроль губернаторов и градоначальников. Планировалось следующее: «непосредственный надзор за правильным устройством беженцев в пределах губерний принадлежит губернатору или градоначальнику. Для объединения и планомерного направления деятельности всех призванных для обслуживания беженцев местных учреждений губернаторам представляется образовывать под своим председательством соединенные губернские совещания из представителей администрации, земских и городских самоуправлений, а также национальных и иных организаций, работающих в данной местности в пользу беженцев. Ассигнуемые на потребности беженского дела в губерниях кредиты переводятся Министерством внутренних дел соответствующим губернаторам и распределяются ими по назначению <...>»[4].

Таким образом, то, что когда-то исключили из проекта закона «Положения об обеспечении нужд беженцев» Государственная дума и Госу-

но-правовое обеспечение беженства в годы Первой мировой войны // Вестник московского городского педагогического университета. Серия: юридические науки. 2013. № 1 (11). С. 50–59; *Цовян Д.Г.* Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам в России в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Дис. ... к. ист. н. М., 2005.

[1] См., напр.: *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. (По материалам центральных губерний Европейской России): Дис. ... д. ист. н. Брянск, 2015.

[2] *Ильин А.В.* Об Особом совещании по устройству беженцев (1915 — февраль 1917 г.) // Известия высшей школы. Серия «Правоведение». 1991. № 5. С. 53.

[3] *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, Indiana, 1999.

[4] Проект «Руководящих положений по устройству беженцев» // *Щепкин М.М.* Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М.М. Щепкина. М., 1916. С. 73.

дарственный совет, воскресили в проекте «Руководящих положений». Отвергнутое в порядке законодательном искусно пытались восстановить в порядке инструкционном. Так как получалось, что для руководства всем беженским делом в губерниях создаются специальные губернские совещания под председательством губернатора, то есть те самые, которые ст. 22 отдавала на откуп земству и городскому самоуправлению.

Проект «Руководящих положений», изначально содержавший в себе 41 статью, был сначала передан на рассмотрение в одну из комиссий при Особом совещании по устройству беженцев: комиссию по распределению кредитов, отпускаемых на нужды беженцев. На заседании от 4 января 1916 года началось обсуждение проекта МВД. Главная дискуссия развернулась вокруг ст.ст. 8, 15 и 16, которые устанавливали порядок надзора за правильным устройством беженцев на местах, определяли виды помощи и задачи различных организаций и администрации в деле попечения о нуждах беженцев[1]. Против губернаторов в роли руководителей деятельности общественных всероссийских и национальных организаций на местах, как противоречащей ст. 22 Положения от 30 августа 1915 года, помимо представителей ВЗС и ВСГ выступили члены Государственной думы Я.С. Гарусевич и М.М. Ичас[2]. На стороне проекта МВД выступили помощник члена Госсовета, Главноуполномоченного по Ю-З фронту кн. Н.П. Урусова — В.Н. Щебеко и член Государственного совета, председатель Татьянинского комитета А.Б. Нейдгардт. Нейдгардт отметил, что это предложение не противоречит закону от 30 августа 1915 года, так как соответствует его ст. 2, согласно которой забота по обеспечению нужд беженцев возлагается, в том числе, на губернаторов и градоначальников. Также он предложил, учитывая сложность и спорность вопроса, перенести обсуждение проекта в специально созданную подкомиссию[3].

Комиссия одобрила это предложение и выбрала в состав подкомиссии 14 человек: 4 члена Государственного совета (С.И. Зубчанинов (правый центр)[4], А.И. Лыкошин (правый)[5], А.Б. Нейдгардт (правый центр)[6], Н.П. Урусов (правый)[7]), 4 члена Государственной думы (Я.С. Гарусевич (Польско коло)[8], Я.Ю. Гольдман (прогрессист)[9], М.М. Ичас (кадет)[10], Г.И.

---

[1] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 132 об.

[2] Там же. Л. 133.

[3] Там же. Л. 132 об.

[4] *Бородин А.П.* Зубчанинов Сергей Иванович // Государственный совет Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 101.

[5] *Куликов С.В.* Лыкошин Александр Иванович // Там же. С. 158.

[6] *Куликов С.В.* Нейдгарт (Нейдгардт) Алексей Борисович // Там же. С. 180.

[7] *Бородин А.П.* Урусов Николай Петрович // Там же. С. 293.

[8] *Николаев А.Б., Постников Н.Д.* Гарусевич Ян Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 122.

[9] *Николаев А.Б.* Гольдман (Гольдманис) Ян (Янис) Юрьевич // Там же. С. 136.

[10] *Николаев А.Б.* Ичас Мартин Мартинович // Там же. С. 224.

Свенцицкий (группа западных окраин)[1]), 2 члена ВЗС и ВСГ, 2 члена общественных организаций. Председателем стал Н.В. Плеве, также в состав вошел управляющий делами совещания Неверов[2].

Подкомиссия провела два заседания (14 и 21 января 1916 года)[3]. В ходе постатейного обсуждения проекта редакторские правки были внесены в ст.ст. 3, 4, 5, 12, 14, 21, преимущественно были приняты корректорские предложения Я.С. Гарусевича. Основные прения вызвала ст. 8, а также к дискуссионным темам добавилась ст. 24 по вопросу о выдаче казенного пайка плюс к беженскому для семей запасных, ставших беженцами. Против суммирования пайков выступил член Госсовета А.И. Лыкошин[4], за сохранение обоих видов помощи — член Госдумы Я.Ю. Гольдман и представитель ЕКОПО[5] М.И. Шефтель[6]. А также ст. 28 — об оказании беженцам медицинской помощи. В данном случае столкнулись интересы представителей Земского и Городского союзов (М.М. Щепкин и М.М. Федоров) и членов Госдумы, также являвшихся и членами национальных организаций (Г.И. Свенцицкий, Я.Ю. Гольдман и Я.С. Гарусевич). Первые выступали за то, чтобы передать всю санитарную и врачебную помощь беженцам в руки Земского и Городского союзов[7]. Вторые — за сохранение прав на оказание этого вида содействия и у национальных комитетов. Подкомиссия поддержала думцев[8].

По ст. 8 глава подкомиссии Н.В. Плеве, управляющий делами Особого совещания Неверов и два члена Госсовета — А.И. Лыкошин и А.Б. Нейдгардт выступили за сохранение статьи в редакции проекта[9]. То есть за то, чтобы губернские совещания по устройству беженцев созывали и председательствовали в них губернаторы, с добавлением круга обязанностей означенных совещаний. Члены Думы (Я.Ю. Гольдман, Г.И. Свенцицкий, Я.С. Гарусевич), представители союзов (М.М. Щепкин и М.М. Федоров) и национальных организаций (М.И. Шефтель) поддержали новую редакцию статьи, предложенную Свенцинцким и Гарусевичем[10]. Идея общественных деятелей заключалась в следующем: «Для объединения и планомерного направления деятельности всех призванных для обслуживания нужд беженцев местных учреждений, председателями губернских земских управ созываются губернские совещания из представителей всех организаций, работающих в данной местности на пользу беженцев, под председательством лица по избранию совещания. В местностях, где нет земств, упомянутые совещания созываются

[1] *Николаев А.Б.* Свенцицкий Генрих Ипполитович // Там же. С. 550.
[2] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 133.
[3] Там же. ЛЛ. 131–133.
[4] Там же. Л. 158.
[5] Центральный еврейский комитет помощи жертвам войны.
[6] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 158.
[7] Там же. Л. 158 об.
[8] Там же. ЛЛ. 158 об.–159.
[9] Там же. Л. 157.
[10] Там же. ЛЛ. 156 об.–157.

городским головой губернского города, председательствует на нем лицо, избранное совещанием»[1].

Таким образом, большинством голосов — 6 против 4 — победу одерживало предложение, в котором губернское совещание оказывалось в руках земства, а не губернаторов. Подобный результат не устраивал Н.В. Плеве. Сославшись на переданное ему по этому предмету министром внутренних дел указание, он объявил этот вопрос нерешенным и выносимым на обсуждение общего собрания Особого совещания[2]. Все остальные статьи проекта, но уже с внесенными в них подкомиссией редакционными правками, также передавались на рассмотрение общего собрания. Вполне вероятно, что А.Н. Хвостов, сам или по подсказке Плеве, предвидел подобный поворот событий, учитывая выбранный состав подкомиссии, поэтому МВД заранее подстраховалось. Поскольку семь человек из подкомиссии явно были изначально настроены против варианта с губернатором (4 члена Думы, 2 члена союзов и 1 представитель ЕКОПО), на заседании из них присутствовало шестеро (не было М.М. Ичаса). За вариант с губернатором точно были Плеве и Неверов, члены Госсовета, мнение второго представителя общественных учреждений А.А. Римского-Корсакова (правомонархических взглядов) тоже, что в дальнейшем подтвердится, было бы на стороне правительства. То есть тоже 7 человек. Паритет. Но Урусов и Зубчанинов редко посещали заседания комиссий Особого совещания, находясь в разъездах. Так что по ст. 8 стоило ждать либо патовой ситуации, либо перевеса в пользу общественных сил, что и произошло.

Текст проекта «Руководящих положений» с внесенными подкомиссией правками и дискуссионными вариантами ряда статей был вынесен на рассмотрение общего собрания Особого совещания. Постатейное обсуждение шло три заседания: 23[3], 26[4] и 28[5] января 1916 года. Активное участие в прениях принимали практически все члены Думы (особенно Г.И. Свенцицкий, Я.С. Гарусевич, М.М. Ичас, И.П. Залит (прогрессист)[6]) и часть членов Госсовета (прежде всего, А.Б. Нейдгардт, А.Ф. Кони (кружок внепартийного объединения)[7], А.И. Лыкошин, К.Г. Скирмунт (группа центра)[8], В.П. Энгельгардт (левая группа)[9], входившие в состав совещания.

---

[1] Там же. Л. 156 об.

[2] Там же. Л. 157.

[3] Там же. ЛЛ. 160–167.

[4] Там же. ЛЛ. 171–173.

[5] Там же. ЛЛ. 187–192.

[6] *Николаев А.Б.* Залит (Залтис) Иван (Янис) Петрович // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 201.

[7] *Куликов С.В.* Кони Анатолий Федорович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 132.

[8] *Бородин А.П.* Скирмунт Константин-Стефан-Феликс Генрихович // Там же. С. 249.

[9] *Бородин А.П.* Энгельгардт Вадим Платонович // Там же. С. 334.

Основные дискуссии вновь развернулись вокруг ст. 8, а также статьи, посвященной вопросу о медицинской помощи беженцам. По последнему вопросу к членам Госдумы и национальных организаций (Я.Ю. Гольдман, Г.И. Свенцицкий, Я.С. Гарусевич, И.П. Залит), выступавших против предложения представителей Земского и Городского союзов, добавился член Госсовета А.Ф. Кони[1]. В итоге им удалось отстоять права национальных комитетов[2]. По вопросу о получении казенного пайка семьями запасных, ставших беженцами, было принято решение сохранить за ними оба пайка[3].

К спорным статьям, дискуссии вокруг которых развернулись еще на стадии обсуждения в подкомиссии, добавились прения по поводу ст. 12. Суть спора, в котором сошлись члены Госдумы и Госсовета, также представлявшие разные национальные организации, заключалась в том, по какому принципу селить на новых местах жительства беженцев. Г.И. Свенцицкий и Я.С. Гарусевич[4] настаивали на том, чтобы группировали беженцев не только по принципу проживавших до беженства в одной гмине или сельском обществе, но и по национальностям и вероисповеданию. Против этого выступали депутат Государственной думы Н.Д. Крупенский (фракция центра)[5] и К.Г. Скирмунт[6], так как это создавало бы проблемы для общин смешанного типа. В итоге решено было оставить обе версии на усмотрение министра внутренних дел[7].

В дискуссиях по ст. 8 вновь сошлись с одной стороны А.И. Лыкошин и А.Б. Нейдгардт (мнение, что именно губернатор устранит все возможные трения между земствами, городами и национальными организациями). Любопытно, что текст их выступлений сохранился только в черновых записях протокола[8], в окончательном варианте журнала заседания есть лишь доводы с другой стороны, поддерживавшей вариант созыва губернского совещания представителями земства. К прежним защитникам этой идеи (Я.С. Гарусевич, Г.И. Свенцицкий) добавились М.М. Ичас и А.Ф. Кони[9]. К аргументам о несоответствии статьи закону от 30 августа 1915 года добавилась идея о том, что губернаторы так перегружены своими прямыми обязанностями, что возложение на них еще и руководства беженским делом было бы для них чрезвычайно отяготительно. Свенцицкий настоял на том, чтобы голосование было поименным. В итоге

[1] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 191–192.
[2] Там же. Л. 192.
[3] Там же. Л. 188 об.–189.
[4] Там же. Л. 172; Д. 3. ЛЛ. 213–213 об.
[5] *Николаев А.Б.* Крупенский (Крупенский 2-й) Николай Дмитриевич // Государственная дума Российской империи: 1906 — 1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 300.
[6] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 172; Д. 3. ЛЛ. 213–214 об.
[7] Там же. Д. 1. Л. 172 об.
[8] Там же. Д. 3. Л. 208.
[9] Там же. Д. 1. Л. 162; Д. 3. ЛЛ. 208, 208 об.

победу с перевесом в 8 голосов — 28 против 20 — одержал вариант правительства, при котором право созывать губернские совещания и председательствовать в них получал губернатор. Раскладка по голосам получилась следующая: за «земский вариант» были все члены национальных благотворительных комитетов, 10 членов Госдумы (кн. И.С. Васильчиков (земец-октябрист)[1], Я.С. Гарусевич, Я.Ю. Гольдман, М.Ю. Джафаров (мусульманская фракция)[2], И.П. Залит, М.М. Ичас, Н.Д. Крупенский, Ф.И. Лошкейт (беспартийный)[3], Г.И. Свенцицкий, Н.М. Фридман (кадет)[4]), 4 члена Госсовета (А.Ф. Кони, Н.А. Мясоедов (правый)[5], К.Г. Скирмунт, В.П. Энгельгардт). За «правительственный вариант» — 4 члена Госсовета (А.И. Лыкошин, А.Б. Нейдгардт, Я.Н. Офросимов (правый центр)[6], кн. А.М. Эристов (правый центр)[7] — 1 входил в группу правых, а 3 — в группу правого центра), 1 член Госдумы (Г.Г. Замысловский (правый)[8], он поддерживал эту идею, еще когда проходило в Госдуме утверждение проекта Положения об устройстве беженцев в 1915 году), представители ведомств и 11 главноуполномоченных по устройству беженцев в тылу[9]. Таким образом, даже если бы все члены Думы и Госсовета проголосовали за второй вариант (еще плюс 5 человек к 20 изначально выступавшим за «земскую версию»), перевес бы сохранился на стороне варианта властей. Преимущество в голосах, на которое в свое время и рассчитывал Н.В. Плеве, обеспечили главноуполномоченные по устройству беженцев в тылу. Но даже при том, что на этот раз в голосовании победил «правительственный вариант» статьи № 8, в текст проекта решено было включить обе версии, чтобы оставить окончательное решение за министром внутренних дел[10].

По завершении обсуждения проекта «Руководящих положений» текст с внесенными правками, сокращенный до 32 статей вместо 43, был отдан на утверждение министру внутренних дел. На заседании Особого совещания от 5 марта было объявлено, что текст с рядом корректировок одобрен МВД и Советом министров и утвержден 2 марта 1916 года. Что касается ст. 8, то был принят «правительственный вариант» с губернатором[11].

---

[1] *Николаев А.Б.* Васильчиков Илларион Сергеевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 82.

[2] *Николаев А.Б., Усманова Д.М.* Джафаров Мамед-Юсуф // Там же. С. 162.

[3] *Николаев А.Б.* Лошкейт Федор Иванович // Там же. С. 333.

[4] *Николаев А.Б.* Фридман Нафталь Маркович // Там же. С. 652.

[5] *Куликов С.В.* Мясоедов Николай Александрович // Государственный совет Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 172.

[6] Бородин А.П. Офросимов Яков Никандрович // Там же. С. 196.

[7] Бородин А.П. Эристов Андрей Михайлович // Там же. С. 335.

[8] Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Замысловский Георгий Георгиевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 202.

[9] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 162.

[10] Там же. ЛЛ. 196 об.–197.

[11] Там же. ЛЛ. 259–259 об.

Таким образом, правительству удалось на уровне инструкций сделать то, что не получилось провести законодательным путем: поставить во главе губернских особых совещаний по устройству беженцев местную администрацию в лице губернатора или градоначальника. Депутаты, сумевшие победить в этом противостоянии в Думе и Госсовете, при другом соотношении сил в общем собрании Особого совещания проиграли. Усугубляло ситуацию и наметившееся разногласие между ВЗС и ВСГ, с одной стороны, и национальными комитетами — с другой, что проявилось при обсуждении статьи об оказании медицинской помощи беженцам и выселенцам. Впоследствии М.М. Щепкин будет критиковать национальные организации за то, что они нередко шли на компромисс с правительством при рассмотрении тех или иных вопросов на заседаниях Особого совещания в ущерб интересам союзов[1].

Думцы и члены союзов могли продавить нужные сметы, кооперируясь при голосовании с членами других благотворительных обществ (с тем же А.Б. Нейдгардтом). Но при решении ряда крайне важных для правительства вопросов власти периодически удавалось на уровне общего собрания Особого совещания по устройству беженцев проводить необходимые им постановления, организуя необходимый перевес голосов при вотировании.

[1] См.: *Щепкин М.М.* Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания: доклад Главным комитетам уполномоченного, председателя отдела М.М. Щепкина. М., 1916. С. 55–56.

УЧАСТИЕ ПРОФЕССОРОВ КАК ЭКСПЕРТОВ В ОБЛАСТИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА НА ЗАСЕДАНИЯХ КОМИССИИ IV ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ДЕЛАМ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (МАРТ 1916 г.)

БОКАРЕВА ЛЮДМИЛА СЕРГЕЕВНА,
кандидат исторических наук,
директор по сервису
АО «Север телеком»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: arlika@yandex.ru

Аннотация: Во время обсуждения реформы православного прихода в комиссии по делам Православной церкви в марте 1916 г. представители Св. синода пригласили к участию в заседаниях профессоров как экспертов в области церковного права. Они надеялись заручиться их поддержкой в деле скорейшего прохождения проекта Устава православного прихода. Профессора не только стали активными участниками заседаний, но и вступали в жаркие споры с депутатами Государственной думы, что вместе с тем не привело к желаемому результату, но послужило причиной возбуждения вопроса о законности присутствия профессоров на заседаниях комиссии с целью их отстранения.

Ключевые слова: Православная российская церковь, комиссия по делам Православной церкви, IV Государственная дума, проект Устава православного прихода, М.А. Остроумов, Н.Н. Глубоковский, П.Н. Жукович, А.И. Алмазов.

На заседаниях комиссии IV Государственной думы по делам Православной церкви в марте 1916 г. обсуждалась одна из самых ожидаемых церковных реформ — реформа православного прихода. Помимо членов комиссии 10 марта на заседании присутствовали представители синодального ведомства товарищ обер-прокурора Св. синода Н.Ч. Зайончковский, директор канцелярии обер-прокурора Св. синода В.И. Яцкевич и приглашенные профессора как эксперты в области церковного права: член учебного комитета при Св. синоде профессор Харьковского университета по кафедре церковного права Михаил Андреевич Остроумов, профессора Петроградской духовной академии Николай Никанорович Глубоковский и Платон Николаевич Жукович[1]. 12 марта к ним присоединились профессор Московского университета и Московской духовной академии по кафедре церковного права Александр Иванович Алмазов и секретарь Св. синода В. Введенский.

Все профессора были родом из духовного сословия, закончили духовные академии (М.А. Остроумов и Н.Н. Глубоковский — Московскую,

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 147.

П.Н. Жукович — Санкт-Петербургскую, А.И. Алмазов — Казанскую), трое из них (М.А. Остроумов, Н.Н. Глубоковский, А.И. Алмазов) являлись членами Предсоборного присутствия; все они были не только преподавателями, но и занимались интенсивной научной деятельностью. Так, М.А. Остроумов получил докторскую степень в 1894 г. за работу «Введение в православное церковное право»; область его научных интересов — православное церковное право, много работ посвящено взаимоотношению образования и религии. Он был редактором «Церковных ведомостей»[1] и газеты «Приходский листок». Главным предметом области научных интересов Н.Н. Глубоковского была жизнь и деятельность апостола Павла; помимо фундаментальных работ по экзегетике и истории Церкви, принесших Н.Н. Глубоковскому известность и мировое признание, он много потрудился над разработкой концепции духовного образования, прежде всего высших учебных учреждений — духовных академий. В его работах соединились познания историка и опыт духовного педагога[2]. Н.Н. Глубоковский неоднократно привлекался высшей церковной властью к работе в различных комиссиях, создаваемых при Св. синоде. Он готовил материалы, посвященные вопросам поводов к разводу (1895), права евреев именоваться христианскими именами (1911) и др. Критикуя работу религиозных учреждений и отдельных лиц, он оставался защитником церковной иерархии как канонически незыблемого принципа церковной власти. Глубоковский занимал положение независимого эксперта, не примыкал ни к каким группировкам, являясь фигурой меж- и надкорпоративной[3]. Так, например, в переписке с В.В. Розановым Глубоковский нелестно отзывался об иерархах: «Да избавит Господь от патриаршества и всяких образов и подобий его. И теперь житья нет от монашеской братии, которая для организма церковного — в нынешнем состоянии — хуже чумы...» (6.06.1905)[4]. Есть еще одно небезынтересное замечание: «Оно меня настолько не терпит, что митр. Антоний настоящею осенью (в конце сентября 1908 г[ода]) поднял через Сергия Финляндского формальное дело в Синоде о моем неправославии... и добился чего-то в этом смысле... Кстати и слухи об уходе высокоблагородного и корректного П[етра] П[етровича] Извольского и о замене его Саблером... Ну, тогда будет беда, ибо начнется мракобесная монашеская вакханалия...» (31.12.1908)[5]. У П.Н. Жуковича была степень доктора цер-

[1] Остроумов Михаил Андреевич // Полный православный богословский словарь. СПб., 1912. Т. 2. Стб. 1717.

[2] *Богданова Т.А.* «У Троицы в Академии...»: Н.Н. Глубоковский — историк Московской духовной академии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2016. Вып. 2 (14). С. 65–66.

[3] *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Глубоковский Николай Никанорович // Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 11. С. 606.

[4] *Богданова Т.А., Клементьев А.К.* Из переписки Н.Н. Глубоковского с В.В. Розановым // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 327.

[5] Там же. С. 333.

ковной истории, а у А.И. Алмазова степень доктора церковного права. Приглашенные профессора должны были предоставлять разъяснения с точки зрения канонов Церкви, существовавшей и существующей церковной практики на заседаниях комиссии.

Профессора приняли активное обсуждение в постатейном рассмотрении проекта Устава православного прихода. Первая его статья содержала в себе определение прихода. Профессор М.А. Остроумов выступал за определение прихода в трактовке общего собрания Предсоборного присутствия, это же мнение высказывал и докладчик по законопроекту В.Н. Львов[1], разделял данный подход и профессор Н.Н. Глубоковский, полагая, что приход есть «малая церковь», лишь предлагал добавить следующие слова из законопроекта ведомства, которые предали бы приходу цель не только религиозно-нравственную, но и цель самой Церкви, а именно: «для достижения членами оного вечного спасения посредством общей молитвы, благодатных таинств, церковного назидания и для христианского благотворения»[2]. Предложение было отклонено. Предложение от. А.С. Будиловича (земец-октябрист)[3] заменить «учреждение» на «общину» не нашло поддержки ни у В.Н. Львова (член фракции центра)[4], ни у профессоров. М.А. Остроумов ссылался, что община — понятие не церковное, заимствовано из немецких учебников, вместе с тем предлагал безболезненно заменить слово «учреждение» на «установление»[5]. Н.Н. Глубоковский также дал разъяснение, что выражение «община» в Священном Писании не встречается и связано с протестантскими ассоциациями[6]. В ходе обсуждений данная статья законопроекта ведомства была отклонена в пользу статьи в формулировке IV отдела Предсоборного присутствия. В синодальном проекте приходом именуется «союз православных христиан»[7], в принятом тексте статьи приход есть «церковное учреждение, состоящее в ведении епископа»[8], «под пастырским руководством священника и при назначенном для того церковною властью храме»[9].

Снова возникли споры вокруг включения в законопроект указания на приход, как на «общину», как «общества верующих». М.А. Остроумов дал разъяснения по данному поводу: «Церковь развивалась „сверху“ от Пастереначальника — Христа, передавшего право пастырства и руководительства ученикам своим, которые возглавляли собою собрание верующих — церковь. Поэтому слово община неприменимо к приходу

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 148.

[2] Там же. Л. 148 об.

[3] *Николаев А.Б.* Будилович (Будзиллович) Александр Семенович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 69.

[4] *Николаев А.Б.* Львов (Львов 2-й) Владимир Николаевич // Там же. С. 337.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Д. 149.

[6] Там же.

[7] Там же. Оп. 7. Д. 1179. Л. 24.

[8] Там же. Оп. 5. Д. 595. Л. 155.

[9] Там же.

как учреждению строго церковному»[1]. Об Апостольской церкви высказался и профессор Н.Н. Глубоковский. Обсуждения были прерваны после выступления члена комиссии В.А. Харламова (кадет)[2], сказавшего, что «исторические данные о возникновении элементов прихода могут быть весьма интересны для науки, но не имеют существенного значения для законопроекта»[3].

Статья об определении прихожанина была отклонена и принята в редакции IV отдела Предсоборного присутствия. Помимо, естественно, обязательного условия исповедовать православную веру вводилось дополнительное ограничение в принятой статье комиссией по делам Православной церкви: прихожанами именовались «занесенные в приходскую книгу»[4]. Профессор Н.Н. Глубоковский более приемлемой считал статью проекта ведомства, полагая занесение в приходскую книгу весьма формальным признаком для определения прихожанина, потому что в книгу-то могут быть занесены и те, на кого была наложена пастырская епитимья, что не дает права участия в жизни прихода[5]. Профессору возразил от. А.Г. Альбицкий (прогрессивный националист)[6]. Поддержать коллегу решил М.А. Остроумов, который начал пояснять разницу прав священника и консистории. Прения снова была прерваны по инициативе В.А. Харламова.

Статья проекта устава об открытии приходов была оставлена без изменений и принята по инициативе профессора Н.Н. Глубоковского, прежде чем переходить к определению границ приходов. При обсуждении статьи об изменении границ приходов вновь симпатии склонились в сторону нормального устава IV отдела Предсоборного присутствия, и с небольшими поправками статья была принята. Профессор М.А. Остроумов при обсуждении статьи заметил, что «пределы приходов не имеют такого значения, которое им приписывается, ибо по существу Церковь пределов не имеет»[7], гораздо важнее количество прихожан в приходе.

Н.Н. Глубоковский пытался вернуть обсуждение в комиссии, когда речь зашла о закрытии приходов, не следованию проекту IV отдела Предсоборного присутствия, а внесенному на обсуждение проекту устава, в котором были аналогичные статьи, но в другой главе. С ним был согласен и профессор П.Н. Жукович, так как вопрос с закрытием прихода затрагивал и церковно-приходское имущество, и его следовало рассматривать позднее. Обсуждение указанных статей было отложено.

Далее докладчик В.Н. Львов указал, что ряд статей, присутствующих в проекте IV отдела Предсоборного присутствия, не имеют соответству-

[1] Там же. Л. 150.

[2] *Николаев А.Б.* Харламов Василий Акимович // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 655.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 150 об.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 151 об.

[6] *Николаев А.Б.* Альбицкий Александр Геннадьевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 19.

[7] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 160 об.

ющих в проекте ведомства: об установлении числа членов причта, о назначении настоятеля прихода, о назначении и увольнении членов клира. Профессор П.Н. Жукович возражал, что вышеуказанные вопросы «относятся к внутреннему церковно-иерархическому распорядку, к тому же так как установление числа причта должно стоять в тесной связи с материальным обеспечением духовенства из государственной казны, а этого не предполагается сделать в приходском уставе, то эта статья является в нем ненужной»[1].

На эти возражения председатель комиссии В.Н. Львов парировал: «На основании каких законов Государственная дума не может касаться вопросов, затрагиваемых в предлагаемых статьях?»[2] Не возымели успокоительного действия и слова профессора М.А. Остроумова: «Как бы ни была велика компетенция Государственной думы, но в законе нет титула, по которому она могла бы рассматривать и решать чисто церковные вопросы»[3]. Ответ В.Н. Львова был очевиден: «Говорят, что затрагиваемые вопросы относятся к области церковного законодательства, но такового, к сожалению, у нас нет»[4].

Данные статьи были исключены из устава на основании Особого журнала Совета министров от 4 сентября 1913 г., который на тот момент так и не был распубликован. И стоит отметить, что профессора единодушно разделяли правомерность исключения этих вопросов из ведения депутатов, относя их к каноническим правам Церкви, которые даны ей Божественной властью. Высказался даже профессор А.И. Алмазов, ранее не выступавший: «Государственная дума вообще не может определять обязанности причта и касаться внутреннего церковного порядка, ибо правообразование во внутренней церковной сфере к компетенции законодательных учреждений не относится»[5], к тому же он считал, как и профессор М.А. Остроумов, что церковные каноны в утверждении Государственной думой не нуждаются. И снова прения было предложено прекратить.

Несмотря на возражения со стороны представителей Св. синода и профессоров, в законопроект были включены статьи об установлении штатов причта, о назначении священника в приход.

По поводу назначения клириков в приход профессором А.И. Алмазовым была представлена целая расширенная записка с приведением справок из истории Церкви, которая свидетельствовала о «недопустимости избрания в священство сборищем народа»[6]; он высказал сомнения, что сельская паства способна оценить нравственные качества кандидата, и дал характеристику предложенной связи между выборным началом в приходе и материальным обеспечением духовенства следующим

[1] Там же. Л. 162.
[2] Там же. Л. 163.
[3] Там же.
[4] Там же. Л. 163 об.
[5] Там же. Л. 165.
[6] Там же. Л. 186.

образом: «Раз не будет принято выборное начало, может быть отказано в содержании государством. Это выходит так, как если бы какой-нибудь строгий Тит Титович говорит своей дочери, желающей выйти замуж: Я тебя заморю, иди. Это выходит, мы вас купим деньгами, если вы не хотите идти добровольно»[1].

Жаркие споры и разъяснения со стороны профессоров привели к тому, что на следующем заседании депутат А.А. Назаров (кадет)[2] заявил, что приглашенные ведомством профессора не относятся к числу лиц, упомянутых в ст. 41 Учреждения Государственной думы, а потому присутствие их в заседании комиссии неправильно[3]. Наказ Государственной думы (1906 г. и 1909 г.) предоставил комиссии право приглашать на свои заседания экспертов (хотя закон запрещал присутствие на заседаниях комиссий «посторонних лиц»)[4]. Наказ 1914 г. не содержал параграфа о праве комиссий приглашать экспертов. Это решение было вынесено после длительной дискуссии, при этом предполагалось ввести это право в законодательном порядке. Однако, соответствующее законодательное предположение застряло в думской комиссии по Наказу в связи с фактическим прекращением ее работы во время войны[5]. Поэтому формально присутствие профессоров как сведущих лиц на заседании комиссии было незаконно.

Председатель комиссии по делам Православной церкви В.Н. Львов обратился 15 марта 1916 г. к председателю Государственной думы за разъяснением, могут ли профессора присутствовать на заседании комиссии[6]. Однако В.Н. Львов пытался использовать произошедшее отклонение от действующих законов как прецедент и, более того, добиться гораздо большего: «Принимая во внимание, что присутствие в заседаниях сведущих лиц не предусмотрено ни законом, ни „Наказом“ Государственной думы, прошу Ваше Превосходительство вынести на обсуждение совещания вопрос о допущении сведущих лиц в заседания комиссии и в случае разрешения сего вопроса в положительном смысле сообщить мне, имеет ли комиссия право требовать, чтобы ведомство приглашало лиц, могущих осветить обсуждаемые комиссией предметы не только с точки зрения самого ведомства, а беспристрастно и всесторонним образом»[7]. Таким образом, можно прочитать недовольство В.Н. Львова присутствием данных профессоров, которые отстаивали единый взгляд на реформу. На следующем состоявшемся заседании 16 марта 1916 г. А.А. Назаров повторно сделал заявление по вопросу о присутствии профессоров,

[1] Там же. Л. 277.

[2] *Николаев А.Б.* Назаров Аристарх Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 392.

[3] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 180.

[4] *Демин В.А.* Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 101.

[5] Там же. С. 102

[6] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 599. Л. 97.

[7] Там же. Л. 97 об.

на что председатель комиссии В.Н. Львов сообщил, что в связи с этим уже отправлено отношение председателю Государственной думы[1].

В ходе дальнейших заседаний комиссии были рассмотрены статьи об учете прихожан при храме: «приходские списки» были заменены на «приходские книги»[2], были внесены коррективы в состав приходского собрания. Статья о тех, кто был лишен права участия в приходских собраниях, дополнилась одним пунктом, распространявшим запрет на участие для тех, кто был изобличен «в тайном винокурении или в тайной торговле спиртными напитками»[3], по предложению профессора А.И. Алмазова и члена комиссии Н.А. Мирошниченко (беспартийный)[4]. Внеочередное приходское собрание согласно принятой депутатами статье устава православного прихода могло быть созвано по ходатайству «не менее 1/10 из числа имеющих право участвовать в собрании»[5], в противовес предложению профессора А.И. Алмазова на увеличение данного количества, признав 15 прихожан за минимальную норму, до 1/3 всех прихожан.

Разгорелись споры вокруг статьи 20 синодального законопроекта, в которой постановлялось, что «на приходском собрании председательствует священник-настоятель»[6]. Докладчик В.Н. Львов высказывался против допущения мирян до председательствования в приходском собрании, ввиду церковного характера последнего, профессор А.И. Алмазов высказывался так же. По результатам голосования все же было закреплено, что «на приходском собрании председательствует священник-настоятель». Это была последняя статья проекта приходской реформы, рассмотренная комиссией по делам Православной церкви. Обсуждение было прервано и более не возобновилось.

Профессор А.И. Алмазов выразил оценку производимых изменений депутатами Государственной думы следующим образом: «Предполагается, что по данному законопроекту вы заботитесь о прихожанах, вместе с тем о духовенстве. Но из текста самого законопроекта явно, что здесь является забота исключительно о мирянах. Духовенство забыто со всеми его правами. На него возлагаются только обязанности»[7].

Одной из важных задач, которая стояла перед экспертами, было избежать включения в законопроект вопросов так называемого церковного законодательства и обосновать исключение этих статей из проекта устава православного прихода, и профессора с этой задачей не справились. На заседаниях комиссии фактически создавался новый проект устава.

---

[1] Там же. Д. 595. Л. 191.

[2] Там же. Л. 220.

[3] Там же. Л. 220 об.

[4] *Николаев А.Б.* Мирошниченко Николай Андреевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1907: Энциклопедия. М., 2008. С. 377.

[5] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 595. Л. 221.

[6] Там же.

[7] Там же. Д. 596. Л. 281.

Таврические чтения 2019

Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность

Международная научная конференция

Часть первая

Дизайн обложки и иллюстраций *Г.В. Метеличенко*
Компьютерная верстка ЦНИТ «Астерион»
Корректор *Е.С. Русанова*

ЦНИТ «Астерион».
Подписано к печати 01.10.20. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Усл. печ. л. 20,9. Тираж 200 экз. Заказ № 114.
Санкт-Петербург, 191015, а/я 83,
тел. /факс (812) 685-73-00, 663-53-92, 970-35-70
e-mail: asterion@asterion.ru http://www.asterion.ru
https://vk.com/asterion_izdatelstvo